

Koinon

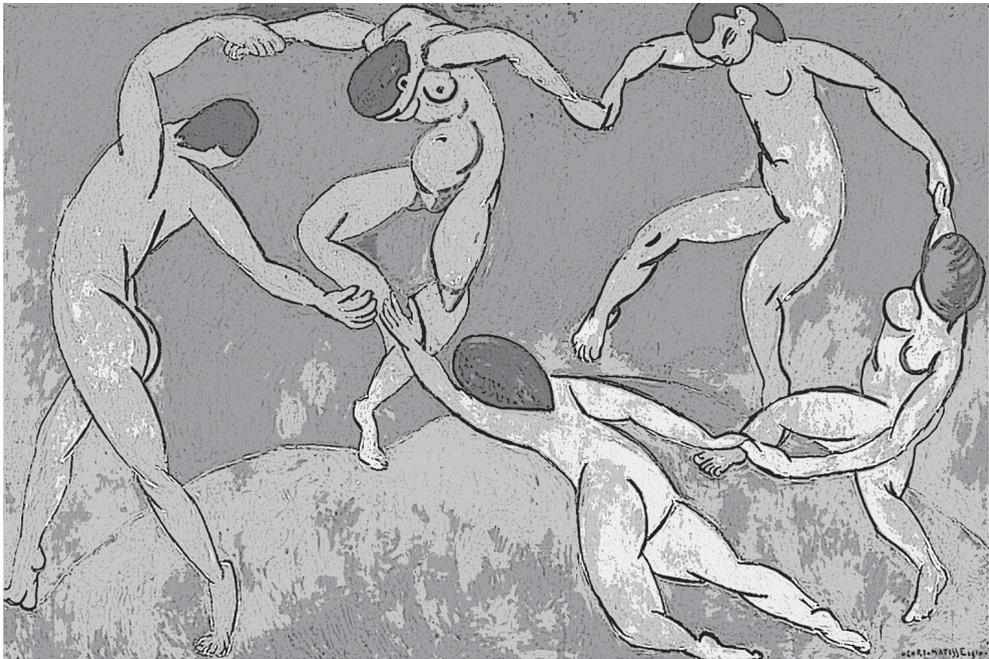
Vol. 1 | No. 1-2 | 2020

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 1 | No. 1-2 | 2020

Henri Émile Benoît Matisse **La Danse**

κοινόν

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Адрес редакции: Россия, 620000, Екате-
ринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2020

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Ural Federal University, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)

Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, докт. ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Члены редколлегии

Н. Л. Антонова, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Я. В. Дидковская, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. А. Керимов, докт. полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Х. Керимов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. А. Комлева, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)

Ю. Г. Коргунок, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)

Т. А. Круглова, докт. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Ладьянец, докт. филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Е. В. Лисанюк, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

С. Лисица, докт. социологии, проф. (Израиль, Ариэль, Ариэльский университет)

П. Нелье, докт. политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)

Э. А. Паин, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

А. В. Перцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Шувакович, докт. философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Г. Асмолов, академик Российской академии образования, докт. психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Борисов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Д. В. Зайцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Р. Кампа, докт. социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)

М. Липовецкий, докт. филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

И. Б. Микиртумов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

О. В. Попова, докт. полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

А. М. Руткевич, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Г. Саймонс, докт. политологии, проф. (Швеция, Упсала, Уппсальский университет)

С. Ушакин, докт. философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)

С. А. Шаронова, докт. социолог. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

М. Ямпольский, докт. искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief, science editor in sociology —
A. V. Merenkov, D. Sci. (Philosophy), Professor
(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief, science editor in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, University for Humanities, Yekaterinburg, Russia)

Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**, D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

The editorial board members

N. L. Antonova, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

Ya. V. Didkovskaya, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

A. A. Kerimov, D. Sci. (Political Sciences), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

T. Kh. Kerimov, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

A. G. Kislov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

N. A. Komleva, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Geopolitical Analysis Centre of the Academy of Geopolitical Sciences, Yekaterinburg, Russia)

Yu. G. Korgunyuk, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Institute of Social Sciences Information, Moscow, Russia)

T. A. Kruglova, D. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

N. S. Ladyzhets, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

E. V. Lisanyuk, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)

S. Lissitsa, D. Sci. (Sociology), Professor (University of Ariel, Israel)

P. Neglie, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Trieste, Italy)

E. A. Pain, D. Sci. (Political Sciences), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

A. V. Pertsev, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

M. Šuvaković, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Belgrade, Serbia)

THE EDITORIAL COUNCIL

A. G. Asmolov, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D. Sci. (Psychology), prof. (Moscow State University, Moscow, Russia)

E. V. Borisov, D. Sci. (Philosophy), Professor (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

D. V. Zaitsev, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)

R. Kampa, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiellonian University, Krakow, Poland)

M. Lipovetsky, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Columbia, New York, the USA)

I. B. Mikirtumov, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)

O. V. Popova, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)

A. M. Rutkevich, D. Sci. (Philosophy), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

G. Simons, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Uppsala, Sweden)

S. Ushakin, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton University, the USA)

S. A. Sharonova, D. Sci. (Sociology), Associate Professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia)

M. Yampolsky, D. Sci. (History of Art), Professor (the University of New York, the USA)

СОДЕРЖАНИЕ

Два вопроса коллегам о совместности

<i>Соболева М. Е., Смирнов И. П., Григорьева Н. Я., Носенко-Штейн Е. Э., Чалый В. А., Паин Э. А., Эпштейн М. Н., Кемеров В. Е., Соколов С. В., Зотова О. Ю.</i>	7
---	---

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Совместность как философско-научная проблема: аспекты и позиции

<i>Керимов Т. Х., Перцев А. В.</i> Koion: совместность, гетерология, постфундаментализм	46
<i>Ямпольский М. Б.</i> Несколько слов о совместности.....	62
<i>Паин Н. А.</i> Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности.....	71
<i>Кислов Александр Г., Щербина Е. Ю.</i> К концептуализации эксплозии занятий и профессий	88
<i>Гомес К.-Д., Круглова Т. А.</i> Концепт «ресентимент» как перспективный теоретический ресурс анализа протестов против оскорбительного искусства.....	104
<i>Перцев А. В.</i> Koion: коэксистенция гениев или полет идей в воздухе?.....	125

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Ретромания как парадигма миротношения наших дней

<i>Копосов Н. Е.</i> Ретрополитика, или Историческая память, демократия и популизм.....	144
<i>Сандомирская И. И.</i> Ретротопия: пост-память и «реакционный выбор прошлого»	164
<i>Эпштейн М. Н.</i> Двухликий Хронос. Словарь времени, обращенного вспять	180

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ, МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Культуроцентризм в современном научном и художественном сознании

<i>Яркова Е. Н.</i> Культуроцентризм как стратегия бытия и познания	199
<i>Закс Л. А.</i> Макропарадигмы художественного сознания как основа «большой границы» в искусстве современности.....	216

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

<i>Никитина А. С.</i> Факторы, влияющие на формирование позитивного цифрового имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве.....	230
<i>Сивкова Н. И., Мурашко Е. И.</i> Криминализация молодежной культуры: контент-анализ музыкальных клипов кумиров молодежи	244

СТРАНЫ МИРА МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И СУВЕРЕНИТЕТОМ

Совместность как проблема внешней и внутренней политики стран мира

<i>Валиахметова Г. Н., Герман М. А.</i> Пандемический вызов для ближневосточного вектора «Пояса и пути»: взгляд из Пекина	256
<i>Комлева Н. А.</i> Специфика циркумполярной экспансии современного Китая.....	269
<i>Мухаметов Р. С.</i> Внешняя политика Белоруссии: малое государство в поисках убежища	281

TABLE OF CONTENTS

To Colleagues: Two Questions About Being-In-Common (Jointness)

<i>Soboleva M. E., Smirnov I. P., Grigorieva N. Ya., Nosenko-Stein E. E., Chaly V. A., Pain E. A., Epstein M. N., Kemerov V. E., Sokolov S. V., Zotova O. Yu.</i>	7
---	---

PROBLEMS OF PHILOSOPHY AND SOCIAL AND HUMAN SCIENCES IN THE CONTEXT OF TODAY'S CHALLENGES

Being-In-Common as a Philosophical and Scholarly Problem: Aspects And Stances

<i>Kerimov T. Kh., Pertsev A. V.</i> Koinon: Being-in-common, Heterology, Post-fundamentalism.....	46
<i>Yampolsky M. B.</i> A Few Words about Being-in-common	62
<i>Pain E. A.</i> Interethnic Relations: the Essence and the Core Varieties.....	71
<i>Kislov A. G., Shcherbina E. Yu.</i> Towards the Conceptualization of Occupations and Professions' Explosion.....	88
<i>Gomes K.-D., Kruglova T. A.</i> The Concept of "Ressentiment" as a Promising Theoretical Resource for the Analysis of Protests against Offensive Art.....	104
<i>Pertsev A. V.</i> Koinon: the Coexistence of Geniuses or Flight of Ideas in the Air?	125

IDEAS OF TIME AND THE TIME FORMS

Retromania as a Paradigm of Today's World Attitude

<i>Koposov N. E.</i> Retropolitics, Or: Historical Memory, Democracy and Populism.....	144
<i>Sandomirskaya I. I.</i> Retrotopia: Post-memory and a "Reactionary Choice of the Past"	164
<i>Epstein M. N.</i> Two-face Chronos. Glossary of the Reversed Time	180

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES, MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

Cultural Centrism in Present-Day Scholarly and Artistic Consciousness

<i>Yarkova E. N.</i> Cultural Centrism as a Strategy for Being and Cognition	199
<i>Zaks L. A.</i> Macroparadigms of the Artistic Consciousness as a Basis of "Great Border" in Present-day Art	216

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

<i>Nikitina A. S.</i> Factors Influencing the Formation of a Favourable Digital Image of Municipal Employees in Today's Internet Spacer	230
<i>Sivkova N. I., Murashko E. I.</i> Criminalization of Youth Culture: Content Analysis of Music Videos of Youth Idols	244

THE COUNTRIES OF THE WORLD IN BETWEEN GLOBALIZATION AND SOVEREIGNTY

Being-In-Common as a Problem of Foreign and Home Policy of Countries of the World

<i>Valiakhmetova G. N., German M. A.</i> The Pandemic Challenge for the Middle East Vector of "One Belt-One Road": A View from Beijing.....	256
<i>Komleva N. A.</i> Specifics of the Circumpolar Expansion of Modern China	269
<i>Mukhametov R. S.</i> Belarus Foreign Policy: a Small State in Search for a Shelter.....	281

ДВА ВОПРОСА КОЛЛЕГАМ О СОВМЕСТНОСТИ

Готовя первый номер журнала «Койнон», мы, его редколлегия, обратились к авторитетным для нас исследователям в области социогуманитарных наук с двумя вопросами о ситуации с «совместностью» в современном мире и в наших науках. Не будет большим секретом признание, что, выбирая в качестве центральной темы и общего предметно-смыслового горизонта нового журнала человеческую совместность, или социальность (во всех ее проявлениях и масштабах), мы исходили не только из фундаментального места и роли последней в жизни человеческих сообществ, всего рода человеческого и каждого человека (что отразил еще Аристотель в формуле-определении *zoon politikon*), но и, соответственно, из центрального, принципиально концептуального значения совместности для всех социогуманитарных наук (или, по Г. Риккерту, «наук о культуре»).

Именно поэтому нам казались важными (в том числе в качестве своего рода «подсказок»-ориентиров для будущей деятельности «Койнона») мнения представителей разных отраслей и мировоззренческо-методологических оснований социогуманитарного знания. И наш замысел в полной мере оправдался. Читатели увидят большое разнообразие восприятий, подходов, интерпретаций проблемы совместности (в том числе и несогласие с читаемым в вопросах отождествлением совместности и социальности).

Различия в «оптиках» ответов (не только дисциплинарные и мировоззренческие, но и вполне личностные, индивидуальные) начинаются уже с формы. Мы и не предполагали формальной точности (буквального соответствия вопросу) и унифицированности ответов. Различия в форме: выбор «жанра»/способа ответов, их пространность или лаконизм, строгое следование нашему вопросу (вопросам) или импровизационная свобода, вплоть до высказывания почти без оглядки на вопрос — в жанре авторского эссе, их лексика и стилистика, мысленные собеседники-авторитеты и многое другое — всё это дает,

по нашему мнению, весьма репрезентативную и яркую картину идейного состояния умов в современных социогуманитарных науках и работающих в них — что ни говори, в совместности с другими — человеческих индивидуальностей.

Получив эту пеструю мозаичную картину (а она могла бы быть еще более разнообразной, но не все коллеги ответили на наши вопросы), мы и не думали ее «подчищать», приводить к какому-то формально-логическому общему знаменателю. Нам нравится творческая свобода наших авторов, и мы и впредь, даже в условиях жестких оформительских требований современных международных баз данных, будем приветствовать и защищать разнообразие дисциплинарных, мировоззренческих и методологических позиций, ценностно-смысловых систем, познавательных интересов и стилей.

Но, конечно, не меньший интерес представляет заочный (и, как сегодня говорят, виртуальный) междисциплинарный диалог. А на страницах журнала он становится вполне актуальным, совершаемым здесь и сейчас — в реальных интертекстуальных отношениях в рамках большого гипертекста «Койнон». Мы полагаем, что часто повторяемая ныне (почти как заклинание) идея междисциплинарности была и будет для науки вполне практической проблемой, не имеющей априорного или апостериорного ответа в виде простого алгоритма («делай так!»), а решаемой каждый раз заново в конкретных контекстах конкретного же сопоставления и диалога разных исследовательских позиций. Наука, как и большой, глобальный современный мир, переживает интереснейший период преодоления своих внутренних и внешних границ как пределов-ограничителей бытия и творчества, переопределения пределов и выхода за них, иногда на ощупь, но в убежденности в правомерности, необходимости и плодотворности такого выхода. Период *трансграничности* и, не побоимся этого слова, *безграничности*. Полифонический диалог наук не менее необходим человечеству, чем полифонический диалог государств, этносов, культур и конкретных людей. А современная наука ведь не только территория собственного, профессионального междисциплинарного, мировоззренческого и методологического диалога, но и место, репрезентант и эффективная основа диалогического общения названных и иных человеческих общностей: можно ли, не понимая сущности и специфики, сходств и различий государств, этносов, культур и людей, всерьез рассчитывать на достижение их продуктивного общения — взаимопонимания?!

В полученных журналом ответах на вопросы в заочном диалоге встречаются такие науки, как философия (в том числе история философии, социальная философия и философская антропология), социология, культурология, политология, этнология, история, психология. Встречаются разные мировоззренческие и методологические традиции. Но и дух и душа нашего времени, новизна его творческого потенциала и познавательных устремлений в этой

встрече субъектов разных наук и идейных позиций также предстают в своем многообразии, со- и противопоставлении, взаимодополнительности.

Соглашаться или не соглашаться с представленными в ответах мнениями, делать из них те или иные выводы, вплоть до противоположных, — дело читателей. А мы считали полезным познакомить читателей с этими ответами и пригласить их к соразмышлениям и участию в работе «Койнона».

Ниже, после обращения к уважаемым участникам интервью, следуют заданные нашим журналом вопросы.

Дорогой коллега! Нас очень интересует Ваше авторитетное мнение по двум вопросам, относящимся к базовому концепту и ведущей теме нашего начинающего свою жизнь журнала философских и социогуманитарных исследований «Κοινων». Эти концепт и тема — совместность человеческого существования. Для нас совместность — одна из главных специфических основ существования человечества и, соответственно, всех постигающих это существование социогуманитарных наук. Пожалуйста, ответьте на два наших вопроса.

1. Как Вы оцениваете состояние (уровень развития и качество) совместности современного человечества в целом и, в частности, той сферы его жизни и культуры, которую исследуете Вы? Какие проблемы сегодня, в XXI в., наиболее всего осложняют интеграцию людей и групп, стран, регионов и культур, мешают их объединению, единству, солидарности и сплоченности?

2. Какую роль в Вашей науке и конкретной исследовательской сфере играют и должны играть реальность и идея совместности людей и обществ, их практик и сознаний? Насколько осознанно и последовательно идея совместности (в ее различных поворотах и модусах) интегрирована в мировидение и методологию Вашей науки и конкретной научной темы?

Dear colleague,

We are greatly interested in Your credible opinion about two issues relating to the basic concept and a leitmotif of our start-up journal of philosophical and socio-humanitarian research “Koinon”. This concept and theme is the jointness of human existence. We see jointness as one of the principal specific foundations of humankind being, and, consequently, all social and human sciences that conceive this existence. We would appreciate it if you could answer these two questions.

1. How do You assess the state (level and quality) of the jointness of the present-day mankind on a whole, and, in particular, the sphere of its life and culture You focus on? What problems today, in the XXI-st century, complicate the integration of people, groups, countries, regions, and cultures, and impede their cohesion, unity, solidarity?

2. What role in Your science and Your particular research field do reality and the idea of jointness of people and societies, their practices and consciousness play (or should play)? To what extent sustainably and consciously has the idea of jointness (in its various turns and modi) been integrated into the worldview and methodology of Your science and the specific scientific topic?

Далее предлагаем Вашему вниманию полученные редакцией ответы.

Ответы на вопросы «Койнона»

М. Е. Соболева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия;
Университет им. Филиппа
Марбург, Германия

M. E. Soboleva

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia;
Philipps University
Marburg, Germany

1. Я начну со второй части Вашего вопроса. В XXI в., как и во все времена, людей разделяют, если прибегать к обобщениям и схемам, раса, или, другими словами, — национальность; класс, т. е. социальное положение, зависящее от материального; и пол, т. е. биологическое различие. Эти три фактора охватывают, по моему мнению, все возможные формы различий между людьми и задают все возможные формы неравенства между ними, а следовательно, и возможные виды конфликтов. Разумеется, это максимально обобщенная схема, которую можно бесконечно уточнять. Людей отличает и, в определенной степени, разделяет и возраст, и образовательный уровень, и многое другое, включая спонтанно возникающие признаки. Например, вследствие пандемии коронавируса одна моя знакомая итальянка вдруг оказалась «неприкасаемой», несмотря на то что она давно не живет в Италии и уже несколько месяцев в этой стране не находилась. То же самое касается и всех поголовно китайцев, как Вы хорошо знаете.

С учетом вышесказанного, идея «совместности современного человечества», если ее понимать как нечто идущее из сознания нашего сущностного

единства, например того, что все мы принадлежим к роду *homo sapiens*, оказывается не в меньшей степени иллюзией, чем в любое другое время. Мне кажется, что наиболее точную характеристику человека в его отношении к представителям его вида дал Кант: человеку свойственна «*ungesellige Geselligkeit*». Это выражение довольно трудно дословно перевести на русский язык, но означает оно, что человеку одновременно свойственно как стремление общаться с людьми, так и стремление к самоизоляции. Это свойство можно проинтерпретировать как антропологическую характеристику человека, но оно имеет импликации как для политики, так и для культуры в целом.

То, что мы часто коммуницируем поневоле, — хорошо известный факт. Но то, что мы вынуждены и **должны** общаться друг с другом (разновидность категорического императива!), хотим мы этого или не хотим, — это, пожалуй, то новое в отношениях между людьми, что появилось в последнее время. За этим стоит, скорее всего, инстинкт самосохранения, сопровождающийся пониманием того, что отдельный человек сегодня может выжить только вместе со всем человечеством. Другими словами, то, что нас объединяет, — это общие проблемы, требующие решения, — угроза всемирной войны на уничтожение, экологические катастрофы, включая всемирное потепление, пандемии и т. д. Наивно, например, думать, что можно отсидеться в бункере во время глобальной ядерной войны.

Таким образом, идея совместности или, как я ее понимаю, сосуществования — очень важная идея, которая сопряжена, прежде всего, с идеей ответственности. В этом смысле я могу только приветствовать Ваше начинание по изданию специального журнала, посвященного данной проблематике.

2. Как Вы знаете, я — философ. Наша наука очень индивидуалистичная по своему характеру, несмотря на то что время от времени в философии формируются определенные школы и направления, такие как феноменология, герменевтика, аналитическая философия, структурализм и т. д. Однако, как правило, философы — мыслящие люди, задумывающиеся иногда о *conditio humana* и, в связи с этим, об интерсубъективности, а значит, и совместности, как принципиальном условии бытия человека. При этом политическая философия от Гоббса и Руссо до Карла Шмитта предлагает свои идеи, часто понимающие «совместность» рестриктивно, т. е. ограничивая ее рамками интересов лишь одного государства или одного класса. Есть в философии и ряд глобальных освободительных проектов от ранних социальных утопий до марксизма и феминистической философии, которые представляют идею всеобщего равенства, т. е. понимают «совместность» как равенство возможностей для существования.

Еще одна форма размышлений о «совместности», наряду с политической философией, — это этика. Часто люди полагают, что объединяющей силой обладает религия — в этой связи можно вспомнить любимую русскими

религиозными философами идею соборности, правда, понимаемую ими по-разному. Идея соборности, однако, предполагает единомыслие относительно базовых убеждений и поэтому, в конечном счете, идеалистична. Ее светскими аналогами можно считать идею коммуникативной рациональности, выдвинутую Юргеном Хабермасом, или идею неограниченного коммуникативного сообщества, отстаиваемую Карлом-Отто Апелем. Обе они исходят из допущения об универсальности человеческого разума. Как видите, на эту тему можно долго говорить, обращаясь к истории философии, что вышло бы за рамки данного интервью.

Можно сказать, обобщая, что вся история философии свидетельствует о том, что идея «совместности» так или иначе присутствует в ней и постоянно разрабатывается. Хочу подчеркнуть в заключение, что эта идея относится к области практической, а не теоретической философии. То есть она предполагает не только раздумье, но и действие. Надеюсь, что деятельность Вашего нового журнала «Koιnon» окажется продуктивной на этом поприще. Благодарю Вас за то, что Вы обратились ко мне с этими вопросами.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.03.2020

Информация об авторе

Соболева Майя Евгеньевна
доктор философских наук, ведущий
научный сотрудник Лаборатории
сравнительных исследований
толерантности и признания
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
экстраординарный профессор
Университет им. Филиппа
35032 Германия, Марбург, ул. Вильгельма
Репке, 6 Б
E-mail: sobolme63@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5904-8701

Information about the author

Soboleva, Maja Evgenjevna
D. Sci. (Philosophy),
Senior Research Fellow
the Center for Comparative Studies
of Tolerance and Recognition
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
Extraordinary Professor
Philipps University
6B Wilhelm-Roepke-Strasse, Marburg
35032 Germany
E-mail: sobolme63@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5904-8701

ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ, ВЫБОРОЧНАЯ И НАСИЛЬСТВЕННАЯ

И. П. Смирнов

Констанцский университет
Констанц, Германия

I. P. Smirnov

University Konstanz
Konstanz, Germany

1. По Платону («Пир»), индивиды совместимы друг с другом в той мере, в какой стремятся восстановить утраченное двуединство человека. В начале XX в. примерно такого же мнения придерживался кембриджский философ, учитель Бертрانا Рассела, Джон Эллис МакТаггарт. Он считал, что любовно-дружеские связи заданы людям их «пресуществованием» в иных телах, когда-то уже испытавших взаимопротяжение. При всей, казалось бы, фантастичности этих идей они, пусть проективно, отражают в себе социальную практику. Человеческое общество возникает, будучи скрепленным культом предков, память о которых равно сберегают все члены коллектива. Складывающиеся позднее этнические образования продолжают быть, как и клановые группы, сплоченностью людей, имеющих одних и тех же родоначальников. Социальность глубоко реакционна. Она формирует национальные элиты по наследственному признаку, вручая власть над собой аристократии и монархам. Социальность делает ставку на прошлое. Может ли она нормально функционировать без упования на него? История первой половины XX в. показывает, что уход с социокультурной сцены династических элит и перешагивание хозяйствованием (заклейменным как «империалистическое») рубежей национальных государств ввергли человечество в до того небывалый хаос мировых войн и кумулятивной революции, перебрасывавшейся из одной страны в следующую и принимавшей разные формы (включая сюда антиколониальные движения и сопряженный с ними распад британской, французской и бельгийской империй). Холодная война приостановила катастрофическое развитие мирового общественного порядка, переведя эксцессивно-множественное напряжение, в каком находилось население планеты, в биполярное, в конфронтацию двух экономических сверхсистем, состязавшихся друг с другом не на поле брани, а в промышленной области. Вторая половина прошлого столетия была периодом законсервированной войны — не кончившейся, но и не начавшейся вновь, составлявшей реминисцентный фон настоящего и таким образом подобной

тому царству мертвых, отношение к которому всегда солидаризовало живых. Эта хрупко-провизорная стабильность глобального социума была нарушена крахом приказной экономики, положившим конец биполярному миру. Мы пребываем сейчас в состоянии неопределенности и растерянности, выход из которого многие страны усмотрели в простой реставрации национального суверенитета, в возвращении к жизни по заветам предков. Соблазн такого попятного движения тем более велик, что новое переселение народов наполняет Европу и Северную Америку людскими массами, отрекшимися от своего происхождения, подрывающими повернутый к прошлому социостаз в ареалах, куда они вливаются. Нынешние шовинизм и изоляционизм не оригинальны, они не более чем имитируют общественный строй, пришедший в негодность по ходу истории. Долгосрочным проектом они быть не могут. Реставрации — перверсия необратимой истории, выдающая минувшее за грядущее.

Спрашивается, почему в социальной действительности мы совместимы друг с другом только как тела, у которых есть единая родословная линия? Ответ на этот вопрос следует искать в нашей психической организации. Она гарантирует нам индивидуальность, обуславливая в конечном счете исключительное положение человека в природной среде, его противостояние всему, что он застает в своем естественном окружении. Будучи продуктом свойственного только человеку самосознания, психизм — одновременно и общее для всех людей качество, и сила, уединяющая каждого из них в себе. Несовместимость у животных проистекает из их соперничества в борьбе за продолжение рода, победителем в которой выходит сильнейшая особь. Человеческая несовместимость, напротив того, имеет личностный характер, не зависящий от того, как инкорпорирована самость. Конечно же, человек заботится о потомстве, но, в отличие от животных, он создает общество, власть над которым имеет начало рода, а не его продолжение. Психическую обособленность людей преодолевает *corps social*, плотский союз по уходу за «дорогими могилами», отдающий души своих членов умершим, которые становятся вечно живыми. Это пожертвование психизмом в пользу тех, кого уже нет, требует компенсации. Она попирает танатологичность социореальности эросом, восстанавливающим психизм в своих правах, восстающим против рода (и в его начинательности, и в его будущности) в любви («одиночестве вдвоем», как говорилось в эпоху *Fin de Siècle*) и дружбе, на которой зиждутся неформальные коллективы. Психически мы добиваемся *coincidentia oppositorum* по избирательному принципу. Постмодернизм вынашивал мечту об обществе, в котором будет господствовать интимная связь лиц. Социальность, основанная на психизме, мерещилась и Юргену Хабермасу («Структурное изменение публичной сферы», 1962), и Жан-Люку Нанси («Непроизводимое сообщество», 1986), и Жаку Деррида («Политика дружбы», 1994), и Джорджо Агамбену («Грядущее сообщество», 2001). Мало того, что сотрудничество тел никогда не превратится в душевный

альянс, что уничтожило бы и то и другое, постмодернистская химерическая программа к тому же противоречит сама себе, явно пытаясь продвинуть общество вперед, но украдкой возрождая модель общины («Gemeinschaft»), разработанную Фердинандом Тённисом в 1887 г. Социальность с обязательной для нее оглядкой на прародителей тайно руководила мыслью о том, во что она могла бы превратиться по ту сторону своего предела.

Если общество в своей привязке к генезису тел, из которых оно слагается, инертно, то что же тогда делает его историческим, эволюционирующим в качестве социокультуры? Надо полагать, что его приводят в движение идеологии. Они рождаются из переворота, которому подвергается культ предков. Вразрез с ним, они проспективны, обещая воздаяние за жизнь здесь и сейчас в будущем — неважно, какой образ оно обретает, небесного ли Иерусалима, равенства и братства всех людей, свободного труда, воцаряющегося с наступлением коммунизма, или расовой утопии. Пока идеологии гнездятся в малых коллективах, оппозирующих косному социуму, — в первохристианских общинах, дискуссионных клубах, масонских ложах, диссидентских кружках и т. п., т. е. пока Дух находит себе вместилище в людских душах, история благотворна. Но стоит идеологии опрокинуться из сферы психизма на *corps social*, как она тут же становится орудием насилия. Идеологизированное общество разнится с естественным (с «natural society» Эдмунда Бёрка) тем, что оно принуждает людей к совместимости, будь то империи, возникающие вместе с вызреванием истории, или тоталитарные режимы, преследующие цель массовой мобилизации подданных. Рабство является на свет по мере перехода от архаического общества к историческому, искусственному. Нынешнее возрождение национальных государств после их упадка привносит в естественную, неидеологизированную социальность искусственность. Остается еще сказать, что и малые коллективы бывают рассадниками террора тогда, когда у идеологий, разрабатываемых в этих лабораториях визионерства, мало шансов завоевать публичное признание.

Итак, интеграция в человеческом мире неоднородна: она выступает как явление и социально телесное, и полюбовно душевное, и насильственно идеологическое, если угодно, духовное.

2. Мне кажется, что я уже предвосхитил ответ на второй из поставленных вопросов. Философия, которая приковывает к себе мой интерес, одержима — от Плотина до Карла Ясперса — идеей всеединства. Если оно не навязывается человечеству, то постулируется философией применительно к бытию. Представление о всеединстве продиктовано, однако, не реальным положением дел, сложность которых я попытался показать в самом первом приближении, а требованием дискурса, ценящего общезначимое несравненно выше, нежели значимое в частных случаях. И всё же было бы несправедливо винить

философию, не сделав никаких оговорок. За фантомным образом всеединства проступает то трезвое соображение, что ни социальное, ни персональное в нас не постижимы сколько-нибудь адекватно без примата антропологического взгляда на ту вторую вселенную, которую создал род homo и к которой можно подойти, только отделив ее от бытия в полном его объеме.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 5.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.03.2020

Информация об авторе

Смирнов Игорь Павлович
кандидат филологических наук,
профессор в отставке
Констанцский университет
78465, Германия, Констанц,
ул. Университетская, 10
E-mail: ipsmirnov@yahoo.com
Авторский ORCID: 0000-0002-3819-8142

Information about the author

Smirnov, Igor Pavlovich
Cand. Sci. (Philology),
Professor Emeritus
University Konstanz
10 Universitaets Str., Konstanz, 78465
Germany
E-mail: ipsmirnov@yahoo.com
Author's ORCID: 0000-0002-3819-8142

Н. Я. Григорьева

Тюбингенский университет
Тюбинген, Германия

N. Ja. Grigorieva

University of Tübingen
Tübingen, Germany

1. Взаимодействия отдельных людей и человеческих сообществ выходят на новый уровень в культуре XXI в., где главным стало явление «сети», которая объединила все человечество в мировой информационной паутине, лишенной пространственных координат. Сеть расширяет возможности интеграции, но в то же время выхолащивает принцип «совместности», зиждущейся на реальном контакте индивидуумов, могущих войти в непосредственное, живое взаимодействие друг с другом здесь и сейчас. Социальные сети типа «Facebook» и «ВКонтакте» солидаризируют своих пользователей, но реальное местонахождение тех, кто общается между собой виртуально, перестает быть важным. Их «совместность» теряет пространственную соотнесенность, а в центр онлайн-общения выдвигается принцип со-временности как синхронности, одномоментности, что сказывается, в том числе, и на отношениях между художественным производением и его потребителем. Из-за того, что архивированная современность быстро вымывается из стремительно обновляющегося сетевого мира, в центр интернет-культуры выдвигается проблема мгновенного контакта реципиента с объектом консультирования, о чем объявляется, например, в комментариях к видеороликам («а кто здесь из 2020? Ставь лайк!») и что фиксируется в количестве просмотров. При этом «просматривающий» зачастую игнорирует семантический аспект и эстетическую ценность просматриваемого «произведения».

В пространстве мировой паутины homo novus XXI в. создает своего двойника, так называемый «аватар», используя при этом стратегии интертекстуальности, слияния персонажей мировой культуры в образах, созданных на основе компьютерных технологий. Кажется, что электронный двойник обладает определенным телом, однако его телесность представляет собой лишь иллюзию материальности. Возникает впечатление, что новый интернет-человек komponуется по принципу, предвосхищенному русским философом-космистом Валерианом Муравьевым в середине 1920-х гг.: «Идеалом должно быть полное устранение материального состава, принимаемого электронами, и сохранение их в виде электромагнитных агломератов. Тогда живое существо будет подобно электронному центру или очагу электрических сил» [Муравьев 2011, с. 384]. Антропоморфный «очаг электрических сил» становится мыслимым в параллельной реальности электронных гаджетов: видеоконтакты по Skype и WhatsApp, перевод собственной жизни

в YouTube и Instagram наследуют грёзам о вселенской мистерии. Можно сказать, что современное человечество солидаризировалось в цифровой мистерии, при этом интернет-подполье устремило количество «посвященных» к бесконечности и к тому же разрушило границы между просматривающими «контент» и загружающими его. В этот виртуальный универсум ежедневно «заходят» миллионы посетителей, многие из которых курируют собственные «каналы» и «страницы». Соучастие в бесконечном электронном действе дает ощущение причастности к общему делу, контуры которого остаются, однако, неясны, поскольку в нем отсутствует идея спасения — бессмертия.

2. Долгое время я занималась таким периодом социокультуры, когда феномен сплоченности людей выказал свою негативную сторону: в 1920–1940-х гг. тоталитарная модель общества дискредитировала чаяния русских символистов, ожидавших всемирной «сизигии». Люди эпохи, которая пришла на смену символистской, ставили политическую власть выше священного единения и были готовы раствориться в тесном тоталитарном коллективе, преследующем те цели, которые диктовало ему государство. Однако священное было вывернуто тоталитарными режимами наизнанку.

Сакральное — то, что, с одной стороны, объединяет людей, а с другой — приводит их в трепет, ужасая. В 1930-х гг. к понятию сакрального обращаются философы, чтобы постигнуть современных им диктаторов, которые вели себя как палачи, всякую минуту готовые к человеческим жертвоприношениям. В 1937 г. группа парижских интеллектуалов во главе с Жоржем Батаем, Роже Кайуа и Мишелем Лейрисом основала «Коллеж социологии», предназначенный для исследования сакрального на разных уровнях человеческого существования: от повседневной жизни до экстремальных ситуаций типа праздника, казни, войны. Философами руководила тоска по «тотальному существованию» (*l'existence totale*), которое, как они полагали, было утрачено людьми с тех пор, как сакральное фактически исчезло из повседневной жизни, оставив в ней лишь свои рудименты. Участники Коллежа полагали, что тоталитаризм, основанный на социальном регрессе к архаическим состояниям человека, реанимирует «правое» сакральное, связанное с духом армии и воплощенное в фигуре палача, между тем как сами мыслители относили себя к «левому» сакральному, жидущемуся на трагедии и воплощенному в фигуре казнимого. Подобных теоретиков сакрального нельзя было мобилизовать на службу власти, ибо они видели в сакральном то, в чем не отдавали себе отчета официальные идеологи: гетерогенное, бессознательное, исключенное.

Ностальгия по священной сплоченности людей была не повсеместной среди мыслителей той поры. Такие философы, как Хельмут Плеснер и Гюнтер Андерс, разрабатывали в те же годы разные версии антропологии отчуждения, которые оспаривали, в частности, апологию общины Фердинанда Тённиса.

В своей книге «Границы общины» (1924) Плеснер одним из первых начал критиковать «экстремистские настроения» современности как попытку возвращения в доисторическую «общину», построенную на кровной близости между людьми, и противоречащую, согласно Плеснеру, сущности человека, который «искусственен» по своей натуре. Только общество, по Плеснеру, отражает фундаментальную потребность «эксцентричного» человека соблюдать дистанцию по отношению к себе подобным.

На первый взгляд, плесснеровская «эксцентричность» была сродни «внеаходимости» автора в концепции Михаила Бахтина, разрабатывавшего свою антропологию в рамках эстетической теории. Однако «внеаходимость» автора зиждется не на отчуждении, а на «любовании» автора своим героем: как утверждал Бахтин, в основе творческой активности лежит «сродная любви симпатия», вчувствование, или *Einfühlung*. В бахтинском изображении работы писателя по «изваянию» человека сквозит семантика чувственного касания, которая сокращает дистанцию между субъектом (автором) и объектом (героем), придавая их отношениям интимность, напоминающую о священных таинствах.

Наше время смешивает рассмотренные выше две линии в трактовке совместности человеческого существования: прославление сакрального единения, отвечающее мистериальной сущности хождения в интернет, сочетается в наши дни со страхом перед утратой дистанции по отношению к другим людям, выражающимся в ограждении себя электронными гаджетами.

Список литературы

Муравьев 2011 — *Муравьев В. Н.* Сочинения : в 2 кн. Кн. 1. / сост., подгот. текста, коммент., предисл. А. Г. Гачевой. М. : Институт мировой литературы РАН, 2011. 702 с.

References

Murav'ev, V. N. (2011), *Sochineniya, v 2 knigakh. Kniga 1* [Collected Papers, in 2 vols, Vol. 1], Institut mirovoi literatury RAN, Moscow, 702 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 13.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.03.2020

Информация об авторе

Григорьева Надежда Яковлевна
доктор философских наук, кандидат
филологических наук, преподаватель
Тюбингенский университет
D-72074, Германия, Тюбинген,
Вильгельмштрассе, 50
E-mail: nadja.grigorieva@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-8905-837X

Information about the author

Grigorieva, Nadezhda Jakovlevna
D.Sci. (Philosophy),
Cand. Sci. (Philology), Lecturer
University of Tübingen
50 Wilhelmstraße, Tübingen,
D-72074 Germany
E-mail: nadja.grigorieva@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-8905-837X

Е. Э. Носенко-Штейн

Институт востоковедения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия

E. E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

1. Если говорить о человечестве в целом, то ответ неоднозначен. Несмотря на процесс глобализации, космополитизм, развитие всевозможных связей, мы видим то «взрывы этничности», то религиозные конфликты, то попытки самоизоляции и многое другое. Видимо, эти две тенденции будут существовать неопределенно долго, что соответствует тенденциям интеграции и распада в общемировом аспекте.

Что же касается моих тем. Если говорить о евреях, то они уже давно перестали представлять конфессиональную общность, объединенную не только общей религией, но и основанной на ней культурой (включая обряды, поведенческие иные паттерны). Более того, в каждой стране, и Россия тут не исключение, существует несколько типов еврейской самоидентификации, причем довольно сильно различающихся. Объединяет же евреев несколько символов и ценностей, точнее, вера в них: вера в общее происхождение («кровь», «гены»), проявления антисемитизма, иногда существование Государства Израиль и некоторые другие моменты, еще поддерживающие внутригрупповую солидарность.

Если говорить о людях с инвалидностью, то, как ни странно, а может быть, и не странно (ибо изучение инвалидности многое заимствовало из этнических и расовых штудий), то они представляют собой огромное разнообразие (оно зависит от времени наступления инвалидности — врожденная или приобретенная и когда именно, в результате чего; от характера и тяжести инвалидизации; от возраста наступления этого «счастья» и др.). Объединяет же инвалидов (как, кстати, и евреев) стигматизация, т. е. дискриминация в разных сферах жизни, недоброжелательное отношение (в странах «глобального Севера» это внешне изжито, у нас — нет).

Какие проблемы сегодня, в XXI в., более всего осложняют интеграцию людей и групп, стран, регионов и культур, мешают их объединению, единству, солидарности и сплоченности?

Полагаю, что помимо интересов властвующих элит, желающих контролировать распределение ресурсов, финансовые потоки и пр., это опять же

контролируемое элитами (хотя это ставшее заезженным слово к ним не вполне подходит) стремление контролировать поведение различных групп населения, в том числе с помощью стигматизации некоторых, особенно обладающих низкими статусами. Мешают также негативные стереотипы и клише, которые могут корениться как в биологической «составляющей» человека как вида (а иногда и в области психиатрии), так и в культурно обусловленных условиях, традициях и пр.

2. Я этнолог, а одна из задач этнологии и — шире — социокультурной антропологии — это не просто описание разных народов и их культуры, но и иллюстрация того, что при всем огромном разнообразии они, люди, принадлежат к одному виду, что все культуры уникальны и имеют свою ценность. Иными словами, этнолог не может быть нацистом и расистом (хотя, чего уж там, бывают...).

Исследования в области этнологии и социокультурной антропологии в принципе призваны показать различия и объединяющие факторы в культурах людей. Если говорить о евреях, то они призваны разрушить многие мифы и стереотипы, как, кстати, и исследования в области инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 18.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 28.09.2020

Информация об авторе

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка,
12
E-mail: nosenko1@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-9952-8582

Information about the author

Nosenko-Stein, Elena Eduardovna
Senior Researcher
Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
12 ul. Rozhdestvenka, Moscow
107031 Russia
E-mail: nosenko1@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-9952-8582

В. А. ЧальйБалтийский федеральный университет
Калининград, Россия**V. A. Chaly**Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

1. Специально не занимаясь темой совместности, предположу, что она составляет пару пресловутой современности — пару, обделенную вниманием. Будучи соотнесенными во времени, мы также связаны и разделены пространством, а растущая скорость изменений глубоко соединена со сжимающимися расстояниями. Наверняка следует вспомнить и о дуализме телесного и ментального: совместность сознаний развивается параллельно совместности тел — конкретнее, цифровизация жизни сознаний параллельна медиализации жизни тел.

Я вовсе не уверен, что единство, солидарность и сплоченность являются целями самими по себе, и нам потребуются сразу оговорить, чему они служат средствами, чтобы исключить сплоченность тел в концентрационном лагере и солидарность сознаний через тотальный контроль и премодерацию всякой мысли. Если принять ставшую после Канта общим местом (и порядком затертую) формулу о человечности в человеке как цели, то нам придется признать, что многие современные практики совместности оказываются человеку и человечности несоразмерными. Совместность сознаний в цифровой сети порождает избыток сигналов и шумов и отвлекает от рефлексии, присутствия; совместность тел в мегаполисах нервирует и становится причиной санитарных проблем, требующих принуждения к искусственному дистанцированию. Не только проблемы осложняют интеграцию, но и интеграция, как минимум, создает проблемы, а возможно, и вовсе является сегодня чрезмерной.

Вопрос о мере как оптимуме между избытком и недостатком совместности выходит, таким образом, на первый план. Однако в мире современности, которая мне, как и многим, представляется «текучей», универсальная мера человеческой совместности, скорее всего, невозможна. Стратегии поиска счастья, на который люди абсолютно уполномочены, разнятся до полной несовместимости. Та старинная совместность, что влечет меня, адресата вопроса, — семья, дом со двором, родня, редкие соседи, расходящиеся и тающие в окружающей глуши круги привязанности, — покажется тюрьмой другому. Или мне же в другой фазе моей жизни.

Существует, на мой взгляд, единственное, но генеральное исключение, в котором нам, очевидно, не хватает интеграции и сплоченности. Это

совместность в стремлении к добродетели, единство в доброй воле, которая есть иное, чем стремление к счастью. Тут можно вспомнить другую, менее расхожую идею Канта — этическое сообщество, в которое человек сознательным решением вступает из этического «естественного состояния» («Религия в пределах только разума»). Сохранение и расширение такого сообщества зависит от конкретных объединений людей, находящихся в состоянии «этического общежития». Идея такого общежития как формы совместности, способствующей развитию нравственности и потому соразмерной человеческому в человеке, кажется мне важной.

2. Мне сложно ответить на этот вопрос, особенно в его части, касающейся должного. История философии, которой я занимаюсь, консервативна, и базовой формой совместности здесь мне кажется совместность нужных текстов на рабочем столе. И она, без преувеличения, достигнута. Цифровые возможности научного общения, помимо чтения и написания текстов, на мой взгляд, также достигли требуемого уровня, а отчасти и превысили его: например, как показал вызванный пандемией переход научно-образовательной работы на дистант, существует порог, сверх которого онлайн-совместность сознаний быстро теряет в полезности. Поэтому и здесь вопрос о мере, осознанности и последовательности является ключевым, но ответ, предположу, также будет носить индивидуальный характер.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 14.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 28.09.2020

Информация об авторе

Чалый Вадим Александрович
доктор философских наук, профессор
Балтийский федеральный университет
236041 Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14
E-mail: vchaly@kantiana.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-7570-3382

Information about the author

Chaly, Vadim Aleksandrovich
D. Sci. (Philosophy),
Professor
Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad
236041 Russia
E-mail: vchaly@kantiana.ru
Author's ORCID: 0000-0001-7570-3382

О МОДЕЛЯХ ЕДИНСТВА СОВМЕСТИМОСТИ И СЕПАРАТНОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ

Э. А. Паин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

E. A. Pain

Higher School of Economics National Research University
Moscow, Russia

Я не берусь ответить на оба вопроса, поставленных редакцией журнала, и, тем более, не смогу соблюдать заданную их последовательность.

Начну с того, что нам приходится размышлять о совместности в условиях пандемии Covid-19, когда в общественном дискурсе параллельно проявляются как возмущения политиков по поводу избыточной совместности людей и стран в глобальном мире («пандемия — это расплата за глобализацию, за избыточную совместность»), так и прямо противоположные нарекания на разрывы совместности — излишнюю сепаратность («если бы было больше солидарности между странами в ЕС, то не пострадали бы так сильно Италия и Испания»). При этом внутри обеих указанных стран, особенно в Испании, точнее, в ее автономии Каталония, ныне слышатся совсем другие упреки: «Почему это центр взял себе слишком много власти, когда нужна большая сепаратность, автономность, поскольку в регионах, на местах виднее, что нужно делать?»

Экстремальная ситуация с пандемией обнажила вечную проблему **неразрывного и противоречивого единства совместности и раздельности (сепаратности)**. И, на мой взгляд, **современной науке как раз и не хватает осознания и понимания этого единства, а также многообразия его проявлений**. Это центральная проблема моей научной дисциплины этнополитологии, и прежде всего такого его раздела, как изучение и прогнозирование политики Управления Культурным Разнообразием (Cultural Diversity Management — CDM)

Уже появление первых государств на Земле обнажило вечное противоречие, проявляющееся и ныне, между необходимостью соблюдения универсальных норм совместной жизни людей в одном государстве и сохранением своеобразия (следовательно, и сепаратности) культур разных этнических групп. Проблема эта решалась по-разному в различные исторические эпохи, однако

вариаций соотношения совместности и сепаратности было не так уж много, поэтому я позволил себе, весьма огрубленно, свести их к пяти моделям.

1. Этническая совместность в древнейших государствах. Модель: «насильственная ассимиляция»

Так происходило в древнейшей шумеро-аккадской цивилизации в Месопотамии: в одном из первых крупных государств Аккада (примерно XXV в. до н. э.) эта проблема решалась за счет **устранения разнообразия и ассимиляции (поглощения) завоевателями автохтонных культур**. Пришлые семитоязычные племена аккадцев покорили, ассимилировали и частично вытеснили автохтонное шумерское сообщество (его этническая основа неизвестна), позаимствовав у него клинопись и элементы языка для культовых нужд. Однако культурное разнообразие редко удавалось полностью подавить, и оно, как правило, воспроизводилось и нарастало.

2. Этническая совместность в сложносоставных государствах (империи и федерации)

2.1. Иерархическая сегрегация в империях Древнего мира. Уже наследники аккадцев, Вавилонская и Ассирийская империи (с их семитоязычной элитой), а также соседние империи: Египетская (афразийская по языку элита) и, особенно, более поздние империи — Персидская и Римская (индоевропейские элиты) — все они *соединяли совместность и сепаратность на основе вертикальной иерархии народов*. Империи Древнего мира не уничтожали покоренных народов, угоня лишь часть из них в рабство, и не стремились к их культурной ассимиляции. Они устанавливали их правовую сегрегацию — принудительно неравные правовые статусы народов и этнических территорий. При этом многовековая история Персидской и Римской империй указала на необходимость сохранения у покоренных народов элементов культурной (этнической и религиозной) автономии в виде наследственных правителей, выходцев из местных племен, представителей местных религий — этнархов в Римской империи и сатрапов в Персидской.

2.2. Иерархическая организация народов в империях Нового времени обходилась без рабства, но принцип иерархической сегрегации соблюдался, хотя не всегда так, как в древнейшие времена. О Британской империи говорили: парламентское государство для себя и империя для своих колоний, однако после деколонизации выяснилось, что часть покоренных сообществ в империи характеризовалась более высоким уровнем жизни и обеспечивала бóльшую персональную защищенность людей в сфере здравоохранения и безопасности, чем впоследствии, в условиях их независимости. В Российскую империю более века (с 1809-го по 1917 г.) входила такая завоеванная провинция, как Финляндия, в которой на протяжении всего этого времени уровень жизни населения

и объем их политических прав (наличие конституции, сената, муниципалитета и др.) превосходили показатели остальной части страны. Однако в империях все полномочия сосредоточены в руках правителей, которые по своему усмотрению могут изменять правила взаимоотношений между метрополией и национальными провинциями. Вот и Финляндия испытала это на себе, поскольку один монарх (Александр I) «даровал» Финляндии свободы, а другой (Александр III) отобрал эти свободы.

2.3. Горизонтальное взаимодействие народов в федерациях. Главным признаком федерации, отличающим ее от империй, является распределение прав и полномочий между центральной властью и властями локальными, в том числе и в этнически особых регионах. Федерация — это такая форма устройства государства, при которой составные части государства (субъекты федерации) не являются независимыми государствами, но обладают широкой самостоятельностью и полномочиями в рамках разграничения предметов ведения между всей федерацией и ее субъектами¹.

Одна из разновидностей федераций возникла на основе преобразования территорий распавшихся империй. Например, Советский Союз возник на развалинах Российской империи. Однако в этом случае элиты зачастую сохраняют имперский синдром, прежде всего стремление вернуть прежнее иерархическое соподчинение этнических общностей во главе со «старшим братом» или «государствообразующим народом» и устранить автономность субъектов федерации, делая автономию сугубо формальной, декоративной.

3. Сословно-иерархический сепаратизм Средневековья

После распада имперской совместности (прежде всего, я имею в виду Римскую империю) основной моделью взаимодействия этнических общностей в Европе стала политическая и, одновременно, этническая раздробленность. Десятки германских княжеств и королевств в Западной и Северной Европе; итальянские города-государства в Южной Европе, а также более крупные политические сообщества на территории нынешней Великобритании, Франции и Испании, покоренные в IV–VI вв. германскими племенами (англосаксами, франками, вандалами, вестготами и др.), — все они объединялись

¹ Одной из первых этнических (этнолингвистических) федераций является Швейцария. Швейцарский союз возник еще в XIII в., однако до XVIII в. он еще не был единым государством, представляя собой временное, преимущественно оборонительное, объединение кантонов как самостоятельных феодальных сообществ. Такого рода объединения не раз возникали в Средние века. Впервые прообраз нынешней федеративной республики с этническими кантонами (немецко-, французско- и италийскими) появился лишь в конце XVIII в., после провозглашения 12 апреля 1798 г. Гельветической республики, принявшей единую Конституцию страны. Несколько раньше (в 1776 г.) появилась такая федерация, как Соединенные Штаты Америки, но она была и остается сугубо территориальным объединением штатов. Этнические же федерации почти не встречались до середины XX в.

лишь общностью религии. Политическая раздробленность и связанная с ней раздробленность единых этнических массивов были разными, и их масштаб определял собой длительность и болезненность последующего формирования этнических и политических наций. Позднее других, лишь в 1870-х гг., произошло объединение Италии и Германии, и это надолго затормозило формирование немецкой и итальянской наций и, в немалой мере, провоцировало радикальный характер фашистского и, особенно, нацистского национализма.

4. «Мягкая» ассимиляция в национальных государствах

«*Одно государство — одна нация*». На протяжении XVIII–XIX вв. в наиболее развитых государствах Европы и США шло национальное строительство (nation-building) за счет «мягкой ассимиляции». Я называю эту политику мягкой ассимиляцией в противоположность жестким и даже жестоким формам подавления «чужой» культуры, проявившимся в Средние века, например, в действиях инквизиции по насаждению католицизма в Испании или физическом уничтожении гугенотов во Франции, а также других подобных репрессиях. «Мягкая» ассимиляция в Новое время проявлялась, прежде всего, в принятии в национальных государствах законов о едином государственном языке и в ограничении сфер использования в стране других языков. Во Франции, со времен Наполеона, проводилась политика запрета на использование местных диалектов и языков меньшинств, и до сих пор в конституции этой страны остается: «Французский язык — единственный, употребляемый в школе». Франция одна из немногих стран — членов Совета Европы, отказавшихся от ратификации Европейской хартии СЕ о региональных языках, поскольку французский Конституционный совет счел, что присоединение к хартии нарушило бы конституционные положения о статусе французского языка. Разумеется, самые жесткие и репрессивные формы культурной ассимиляции сложились в нацистской Германии с ее лозунгом «*Один народ, один рейх, один фюрер*» (*Ein Volk, ein Reich, ein Führer*).

«*Плавильный котел*». Этот термин появился в XX в., но отразил двухвековую политику США, направленную на гражданское смешение, «переплавку» разных народов в единую американскую нацию. Такую политику в одни времена превозносили как главный символ американского образа жизни, а в другие демонизировали в публикациях сторонников идеи «мультикультурализма», определяя ее как ассимиляционную и даже расистскую. Лишь в последние годы стали появляться взвешенные исследования и публикации на эту тему [Heike 2014]. На наш взгляд, политика «плавильного котла» была скорее интеграционной, чем ассимиляционной. В США не существует государственного языка и лишь в некоторых штатах действуют юридические нормы, побуждающие к изучению английского языка, который является официальным лишь де-факто. В стране действуют преимущественно косвенные

факторы, стимулирующие освоение единых культурных норм в публичной сфере. Эти факторы никогда не приводили не только к полному подавлению, но и к уменьшению культурного разнообразия в стране, в том числе и этнического. Достаточно сказать, что, по данным Бюро переписей США, в этой стране к ноябрю 2019 г. использовали более 350 языков народов мира [Census Bureau Reports 2019]. Проблема политики «плавильного котла» состояла в том, что в США она долгое время уживалась с расовой дискриминацией, которая все же не была ее следствием. Во всяком случае, менее известный вариант этой политики, проводимой в странах Латинской Америки (например, в Бразилии), связью с расизмом не отмечен и ныне характеризуется наименьшим по мировым меркам уровнем межэтнической и межрасовой конфликтности [List of ongoing Conflicts 2017].

5. Мультикультурные модели современности

Мультикультурализм. Это одно из тех широко используемых понятий, которые едва ли поддаются однозначному определению. Скорее, речь идет о многозначном термине или «зонтичной» концепции, предлагающей множество интерпретаций как самого факта культурного разнообразия в постколониальную эпоху, так и способов его восприятия и публичного обращения с ним. Уже в своих наиболее ранних версиях «мультикультурализм» понимался как политика аккомодации, или интеграции, культурных меньшинств. В октябре 1971 г. мультикультурализм стал одним из опознавательных знаков политики канадского правительства, возглавлявшегося Пьером Трюдо, проводившейся под лозунгом «*Одна нация, два языка, много народов и культур*». В Канаде сформировались и важнейшие принципы «мультикультурализма», а именно:

- признание государством культурного плюрализма в качестве нормы современного демократического общества;
- гарантии для индивидов и групп на сохранение своей культурной идентичности и специфичности;
- гарантии недопущения дискриминации по культурным различиям;
- государственное и общественное противодействие ксенофобии.

Эта часть мультикультурализма и ныне преимущественно позитивно оценивается экспертами, однако с конца 1990-х гг. в ряде западных стран стала нарастать критика политики мультикультурализма. Она велась с различных позиций. С одной стороны, ее решительно отвергали национал-популисты, вроде лепеновского Национального фронта во Франции, защищающие утопию культурного единообразия современных государств (такая критика не имеет существенной поддержки в мировой академической науке). С другой стороны, академические ученые, а также политики респектабельных направлений, не оспаривая идеи защиты культурного разнообразия, выступали против побочных политических следствий мультикультурализма, и прежде всего

коммунитаризма — государственной политики, которая де-факто не столько поддерживает самобытные культуры, сколько спонсирует деятельность разрозненных общин (а зачастую лишь их лидеров), поощряет параллельное существование этнических или конфессиональных обществ и усиливает замкнутость культурных групп. Как отметила канцлер Германии А. Меркель (16 октября 2010 г.), «национальные общины живут бок о бок в одной стране, но не взаимодействуют» [Меркель 2010]. Именно это она назвала крахом политики мультикультурализма.

Постепенно эта критика становилась всё более глубокой и разнообразной и уже не осуществлялась только правыми, консервативными силами. Дело в том, что сама концепция мультикультурализма вписывалась в более общую парадигму «пост национального мира». В ней мультикультурализм рассматривался в качестве одного из важнейших инструментов вытеснения национальных государств [Деланнуа 2018]. После атак 9 сентября 2001 г. в США и череды террористических актов в крупнейших европейских городах, на Западе наблюдается разворот общественно-политических дискуссий в сторону обсуждения мер, нацеленных на «укрепление национального единства». Модель «мультикультурного общества» подвергается жесткой критике в разных политических кругах, а западные правительства одно за другим вводят дополнительные программы по интеграции мигрантов (обязательный тест на знание государственного языка, экзамены на проверку знаний об истории и культуре принимающей страны, ужесточение критериев миграционной политики и т. д.) (см.: [Interculturalism 2011]).

Безотносительно политической и идеологической критики мультикультурализма, стоит признать, что основной фокус данной концепции направлен на этнические и религиозные меньшинства. Свойственное данной концепции невнимание к месту этнического большинства в вопросах идентичности и публичного употребления культурных различий стало одной из причин небывалого роста национал-популистских движений, выступающих от имени этого большинства. Подъем популизма как многообразных проявлений анти-элитарных движений во многом был связан с критикой политики мультикультурализма. Популисты уличали элитарную мораль в лицемерии, показывая, что представители высших слоев общества твердят о достоинствах притока мигрантов и мультикультурализма, но сами в своей повседневной жизни не желают опробовать это «благо». Элита не конкурирует с мигрантами на рынке труда, она не встречается с мигрантами в своих привилегированных зонах обитания, разве что как с прислугой. Элита может расхваливать достоинства «открытого общества», но зачастую только на словах. В реальности же элитарные слои общества закрыты для значительной части мигрантов, которые на протяжении нескольких поколений оседают на низших ступенях социально-имущественной лестницы. Мультикультурализм, точнее, одно из его

следствий — коммунитаризм обуславливает раскол обществ на замкнутые общины, зачастую возникающие стихийно. Беднейшая часть мигрантов концентрируется в беднейших же кварталах, с наихудшим медицинским обслуживанием и, что страшнее всего, с наихудшим образованием, надолго закрепляющим их социальное отставание. Неравенство, отмечает французский социогеограф Кристоф Гийюи, получает территориальное закрепление и оборачивается, в сущности, сегрегацией [Guilluy 2016].

Нараставшее неприятие «мультикультурализма» в начале нынешнего столетия способствовало поиску альтернативных концепций, которые могли бы прийти ему на смену. Одна из наиболее популярных концепций среди альтернатив «мультикультурализма» получила название «интеркультурализм».

Интеркультурализм. Эта концепция позитивно оценивает культурное разнообразие и признает его неизбежным в публичном пространстве современного государства. Однако если для мультикультурализма центральным является вопрос поддержки властями культурного разнообразия в публичном пространстве, то в центре внимания интеркультурализма — идея и практика *межкультурного диалога и взаимодействия*. Базовые положения интеркультурализма заключаются в следующем:

- в поиске контактов и объединяющих элементов между культурными сообществами в большей мере, чем в защите или поощрении их обособленности;
- в сочетании политики поддержки прав меньшинств и борьбы с дискриминацией с признанием культуры большинства в качестве *общенационального, основного вектора интеграции* (см.: [Bouchard 2011]);
- в поиске *«третьего пути» между ассимиляцией и сегрегацией*.

Хотя позитивные определения интеркультурализма, встречающиеся в литературе, разнятся, большинство авторов рассматривает данную модель как своеобразный «третий путь» между ассимиляцией культурных меньшинств и сегрегационным мультикультурализмом (если понимать последний как подчеркивание культурных различий и поощрение изоляции различных групп меньшинств от культуры большинства). Ч. Тэйлор и Ж. Бушар определяют интеркультурализм как «политику, или модель, поощряющую гармоничные отношения между культурами на основе **интенсивных обменов**»; при этом данная модель предполагает «интеграционный процесс, который, не будучи нацелен на устранение различий, стимулирует развитие общей идентичности» [Bouchard, Taylor 2008]. Показательно, что вновь, как и во времена политики «плавильного котла», правительственные эксперты заговорили о необходимости поддержания общенациональной идентичности применительно к государству-нации.

* * *

Итак, ныне в мировой практике Cultural Diversity Management (CDM) на смену политике относительной культурной сепаратности «мультикультурализма» постепенно приходит политика поощрения совместности внутри национальных государств. Хочу подчеркнуть, что эти перемены происходят в период очередного роста значения и влияния национальных государств, после эпохи, которую ведущие международные эксперты поспешили объявить «постнациональной». Следовательно, рост сепаратности на глобальном уровне компенсирует и, на мой взгляд, стимулирует консолидацию внутри национальных государств. Так уже было и на заре эпохи модерна, когда распад империй предшествовал или сопровождался этнической, социальной и политической консолидацией внутри государств. Весь мировой опыт указывает на сложный и циклический характер изменений в соотношении совместности и сепаратности в межкультурных отношениях. Научное знание ныне, как тысячелетия назад, способно лишь постфактум фиксировать эти перемены, а сама точка равновесия в современном мире, как и в далеком прошлом, устанавливается стихийно вследствие многочисленных проб и ошибок, совершаемых политиками и обществом. Правда, скорость смены моделей CDM исторически возрастает, в том числе и под влиянием экспертных оценок. Однако современная наука пока не имеет инструмента для измерения эффективности соотношения совместности и сепаратности как на национальном, так и на глобальном уровне. Нет пока у науки надежных инструментов и методологии для прогнозирования дальнейших циклических колебаний в указанной сфере человеческой жизни.

Список литературы

- Деланнуа 2018 — Деланнуа Ж. Элитарная нациофобия: почему распространенное в элитах неприятие нации несостоятельно [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Федюнина // Неприкосновенный запас. 2018. № 6 (122). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennuu_zapas/122_nz_6_2018/article/20546/ (дата обращения: 15.01.2020).
- Меркель 2010 — Меркель А. Мультикультурализм провалился [Электронный ресурс] : выступление перед молодежным крылом Христианско-демократического союза (Потсдам, 16 октября 2010 г.) // Newstube. 2010. 4 ноября. URL: <http://www.newstube.ru/media/angela-merkel-multikul-turalizm-provalilsya> (дата обращения: 14.10.2019).
- Bouchard 2011 — Bouchard G. What is Interculturalism? // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56, no. 2, P. 435–468.
- Bouchard, Taylor 2008 — Bouchard G., Taylor Ch. Building the Future: A Time for Reconciliation (Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences). Quebec : Government of Quebec, 2008. P. 286.
- Census Bureau Reports 2019 — Census Bureau Reports [Electronic resource]. United States Census Bureau, 2019. URL: <http://www.census.gov/> (access date: 10.01.2020).
- Guilluy 2016 — Guilluy Ch. Le crépuscule de la France d'en haut. Paris : Flammarion, 2016. 256 p.
- Heike 2014 — Heike P. The myth that made America: An Introduction to American Studies. Transcript Verlag, 2014. 456 p.

- Interculturalism 2011 — Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models / ed. by M. Emerson. Brussels : Centre for European Policy Studies, 2011. 190 p.
- List of ongoing Conflicts 2017 — List of ongoing Conflicts [Electronic resource] // Wars in the World. 2017. 17 September. URL: <https://www.warsintheworld.com/?page=static1258254223> (access date: 25.07.2019).

References

- Bezuntea, P., Carrera, S., Choudhury, T., Hieronymus, A., Koutroubas, Th., Van Der Maas, T. et al. (2011), *Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models*, Centre for European Policy Studies, Brussels, 190 p.
- Bouchard, G. (2011), "What is Interculturalism?", *McGill Law Journal*, vol. 56, no. 2, pp. 435–468.
- Bouchard, G. and Taylor, Ch. (2008), *Building the Future: A Time for Reconciliation (Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences)*, Government of Quebec, Quebec, p. 286.
- Delannoi, G. (2018), "La nation contre le nationalisme, ou la résistance des nations", translated by Fedyunin, S., *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (122), available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/122_nz_6_2018/article/20546/ (accessed 15 January 2020) (in Russian).
- Guilluy, Ch. (2016), *Le crépuscule de la France d'en haut*, Flammarion, Paris, 256 p.
- Heike, P. (2014), *The myth that made America: An Introduction to American Studies*, Transcript Verlag, 456 p.
- "List of ongoing Conflicts" (2017), *Wars in the World*, 17 September, available at: <https://www.warsintheworld.com/?page=static1258254223> (accessed 25 July 2019).
- Merkel, A. (2010), "Multiculturalism has failed: Address to the Youth Wing of Christian Democratic Union (Potsdam, 16 October 2010)", *Newstube*, 4 November, available at: <http://www.newstube.ru/media/angela-merkel-mul-tikul-turalizm-provalilsya> (accessed 14 October 2019) (in Russian).
- United States Census Bureau (2019), *Census Bureau Reports*, available at: <http://www.census.gov/> (accessed 10 January 2020).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 14.04.2020

Принята к публикации / Accepted: 27.04.2020

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович
доктор политических наук, профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: epain@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8796-187X

Information about the author

Pain, Emil Abramovich
D. Sci. (Political Sciences), Professor,
Professor-Researcher
Higher School of Economics National
Research University
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: epain@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8796-187X

ТВОРЧЕСТВО-ЧЕРЕЗ-ОБЩЕНИЕ. О КОЛЛЕКТИВНОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

М. Н. Эпштейн

Университет Эмори
Атланта, США

M. N. Epstein

Emory University
Atlanta, USA

«Коллективная импровизация» — эвристическая модель, которую автор и его друзья и коллеги разработали в России в 1982–1988 гг. Начну с личных воспоминаний. Социальное пространство тогда, в начале 1980-х гг., на исходе тоталитарной эпохи, было закрытым, непроницаемым, и огромную роль играло неформальное, дружеское общение. Среди моих друзей были представители различных интеллектуальных и творческих профессий: художник, социолог, физик, математик, поэт, филолог... Всё началось с неудовлетворенности опытом нетворческого общения творческих людей. Встречаясь, мы обсуждали политические новости, обменивались анекдотами, острили по поводу обыденных происшествий и демонстрировали свое ироническое отношение к советской жизни... Своего рода коллективная психотерапия — но я подозреваю, что каждый из нас был разочарован банальностью бесед, в которых нам почти нечего было сказать.

Этот парадокс меня озадачил: люди, блистательные в своем индивидуальном творчестве и в разговорах один на один, оказывались намного менее интересными или даже скучноватыми, общаясь в компании. Я воображал, что, пригласив художника А, писателя Б, критика В и физика Г и представив их друг другу, я стану свидетелем пиршества богов, каковыми они казались в своих мастерских, редакциях и институтах. Однако, собравшись вместе, они теряли свой блеск и чувствовали некоторую неловкость в атмосфере посредственности, навязанной им общепринятым форматом застольного общения. Простое правило умножения — четыре талантливых человека и, следовательно, шестнадцать возможных способов вдохновенной беседы — в данном случае не срабатывало.

Здесь мы столкнулись с проблемой амбивалентных связей между творчеством и общением, между «вертикальной» и «горизонтальной» осями символической деятельности. Творчество вырастает из уникальности индивида, в то время как в коллективе наибольший успех, как правило, достается тем, кому

лучше всех удастся быть «средним», «типовым», всяким и никаким. Как же решить эту проблему? Есть ли какой-нибудь способ совместить эти ценности творчества и общения так, чтобы присутствие других, вместо того чтобы парализовать уникальные способности каждого, наоборот, мобилизовало бы их, порождая новые виды творчества?

В попытках найти ответы на эти вопросы и родилась идея коллективной импровизации. Вначале нас было трое: художник Илья Кабаков, социолог Иосиф Бакштейн и я. С мая 1982-го по апрель 1983 г. мы провели тринадцать импровизаций, посвященных таким разным темам, как «роль мусора в цивилизации», «истерика как национальная черта характера» и «почему в России играют в хоккей лучше, чем в футбол?». Чередование устной и письменной коммуникации сродни диалектике «самости» и «инаковости», которая нарушается как при кабинетном затворничестве, так и в легкой застольной беседе. После того как наши эссе были написаны и прочитаны вслух, мы писали комментарии к текстам друг друга, — и это оказалось новым витком творчества, перешедшим в новый виток общения. Теперь наши размышления переплелись и стали неразделимы: например, текст Кабакова можно было полностью понять и оценить только в сочетании с комментариями Бакштейна, и наоборот.

Впоследствии состав нашего импровизационного сообщества изменился и расширился. Постоянными участниками наших встреч стали литературовед Ольга Вайнштейн, физик Борис Цейтлин, математик и поэт Владимир Аристов, домохозяйка Людмила Польшакова и филолог Мария Умнова, лингвисты Алексей Михеев и Галина Кустова, математик Людмила Маргулис, культуролог Игорь Яковенко. Изредка участвовали в них также филолог Ольга Асписова, театральный критик Ирина Вергасова, поэт Ольга Седакова, художник Владимир Сулягин. Время от времени наши импровизационные сессии посещались и десятками других гостей (писатель Виктор Ерофеев, философ Валерий Подорога и др.).

Первое публичное выступление, прошедшее 11 мая 1983 г. в Центральном доме работников искусств, явилось, возможно, решающим испытанием для самой идеи коллективной импровизации. Сможем ли мы работать на глазах у публики, связно писать на незнакомую тему? Из 15 тем, предложенных слушателями, нам по жребию выпал «венок» — понятие, идеально соответствующее самой структуре коллективной импровизации. Перед каждым из нас листы чистой бумаги, мы наедине со своими мыслями — и внезапно возникает какой-то порыв, который не только позволяет, но и побуждает писать и думать в присутствии других.

Главное — то воодушевление, которое мы вдруг испытываем, столкнувшись с совершенно неожиданной темой, и то удовольствие, которое получают участники, находя так много различного в общем и общего в различном. Это удивительное взаимное воспламенение умов я наблюдал неоднократно в тех

импровизациях, которые мне довелось проводить в Москве, а впоследствии в США, Англии и Испании [Epstein 2020].

Коллективная импровизация — это творчество-через-общение, но вместе с тем и общение-через-творчество. Собираются несколько человек, обычно от пяти до десяти, и каждый предлагает свою тему. Общим голосованием (возможно, тайным) выбирается одна — и все участники начинают здесь же импровизировать на эту тему примерно в течение часа. Потом написанное читается вслух и обсуждается. Все тексты складываются в одну подборку — получается маленькая вольная энциклопедия одной темы.

Цель коллективной импровизации состоит в том, чтобы способствовать взаимодействию между различными дисциплинами, жизненными опытами и мировоззрениями. Мысль всегда не только интенциональна, она *интерперсональна*, это не только мысль *о чем-то*, но и мысль *с кем-то*. Коллективная импровизация выявляет взаимосвязь мыслительного *обобщения* и межличностного *общения*.

Творчество и коммуникация

Слово «импровизация» восходит к латинскому «*providere*» (предвидеть) и буквально означает «непредвиденное». Импровизировать — значит творить непредвиденно, непредсказуемо для самого создателя. Но ведь таково любое творчество, и если оно утрачивает свою непредвиденность, то подменяется ученостью, знанием, эрудицией. Что же отличает импровизацию от собственно творчества, которое до известной степени тоже импровизационно?

Как правило, в творчестве непредвиденное возникает в уме самого создателя. Уединение и погружение в себя — необходимые условия для творческого самовыражения: человек размышляет и разговаривает сам с собой, поэтому беседы с другими его отвлекают. Совершенно иной представляется ситуация, при которой непредвиденное возникает в сознании другого человека, вне компетенции и горизонта творца. Тема импровизации предложена мне кем-то другим или дана в обмен на другую тему. Импровизация — такой тип творческой деятельности, который развивается между полюсами известного и неизвестного, заключенными в *разных сознаниях*. Именно поэтому импровизация, в отличие от сосредоточенного на самом себе творчества, должна включать процесс коммуникации. Из встречи двух сознаний рождаются две непредсказуемости. Но импровизация отличается не только от творчества, но и от общения. Обычные модели коммуникации предполагают, что один собеседник сообщает другому нечто такое, что говорящему уже известно. Как правило, в общении воспроизводятся лишь те факты и идеи, которые существовали до процесса коммуникации и независимо от него. Хотя импровизация немислима вне общения, она преследует иные цели. Здесь нечто неизвестное порождает нечто еще

более неизвестное. Новая для импровизатора тема и необходимость быстрого ее развития в присутствии других запускает неожиданные для него творческие импульсы и ассоциации.

Таким образом, импровизация отличается от творчества в привычном понимании тем, что включает в себя общение с другим сознанием, а от обычного общения — тем, что в ней присутствует творческий акт и создается что-то неизвестное и непредсказуемое. В большинстве случаев общение отвлекает от творчества — и наоборот, творческая деятельность является помехой процессу общения. Однако в процессе импровизации творчество и коммуникация скорее усиливают, чем нейтрализуют друг друга. Специфика импровизации в том, что это *творчество через общение*. словно бы я смотрю на себя глазами других, ощущаю их ожидание и удивление; и тот «незнакомец», каким они меня воспринимают, побуждает меня найти в себе, точнее, создать эту «инаковость», составляющую цель импровизации. Встреча с сознанием другого и открытие инаковости в собственном сознании — два взаимно стимулирующих процесса в импровизации.

Импровизационные сообщества

Коллективная импровизация, о которой здесь идет речь, отличается от профессиональной импровизации, проводимой на поэтических чтениях или музыкальных концертах и конкурсах. Профессиональный импровизатор выступает перед публикой, играющей лишь пассивную роль, и противопоставляет ей как активный творец (вспомним «Египетские ночи» А. Пушкина). Публика участвует только в начальный момент, предлагая тему. Коммуникативный акт здесь неполон, так как одному из участников достается привилегированная роль и его от аудитории отделяет сцена.

При коллективной импровизации, напротив, каждый участник входит в диалогические отношения со всеми остальными. Здесь нет отдельно исполнителя и аудитории, есть только соучастники, со-мысленники (не едино-мысленники: они мыслят не одинаково, но в ответ друг другу). К этому типу относится и то, что можно назвать философской импровизацией, как, например, диалоги Сократа — творчество в процессе коммуникации. В диалогах Платона импровизирует не только Сократ, но и его собеседники. Это и есть прототип импровизационного сообщества, избегающего деления на исполнителя и слушателей.

Коллективная импровизация отличается от фольклорной, поскольку каждый участник по-своему варьирует общую тему и скрепляет свой текст своим именем. В фольклоре одна и та же устная традиция разделяется всеми исполнителями и единичное творение словесного искусства, безличное и анонимное, принадлежит всем и никому. Сегодня эти фольклорные ритуалы не могут быть

воспроизведены в их первоначальной форме; коллективные импровизации включают в себя индивидуальное творчество. В ходе такой импровизации складывается «постиндивидуальное» сообщество умов, предполагающее глубоко индивидуальный вклад всех участников. В отличие от фольклора коллективная импровизация — не предындивидуальная форма творчества; в то же время она не является и чисто индивидуальным творчеством, подобно концертному исполнению. Скорее это творчество *трансиндивидуальное*, включающее в себя многообразие индивидуальных подходов и интерпретаций.

Импровизатор похож на солдата, который должен исполнять свой долг, где бы он ни находился. Он лишен привилегии генерала, выбирающего место и время сражения. Он должен быть готов иметь дело с любой темой, по первому зову вступить в бой за осмысление любого аспекта человеческого опыта.

Но у коллективной импровизации, при всей ее «стрессовости», есть ряд преимуществ перед размышлением в одиночестве. Те же самые мысли никогда не пришли бы в голову участникам, если бы они работали в тиши своих кабинетов, пользуясь книгами, словарями, Интернетом, предварительными заметками и планами. Многие позже признавались, что импровизация позволила им преодолеть застой в собственном мышлении, выбраться из писательских тупиков («графоспазмов») и посеять семена будущих, более основательных научных или литературных трудов.

Разумеется, импровизация не может заменить профессиональную работу писателя или ученого. С другой стороны, никакая другая интеллектуальная деятельность, какой бы плодотворной она ни была, не может заменить импровизацию. Импровизация относится к другим видам творческого мышления, как целое относится к своим частям. Она объединяет не только творчество и коммуникацию, но и теоретические и художественные жанры творчества, частные и публичные формы коммуникации.

Практика импровизации ставит социоэпистемологический вопрос о том, как из множественности индивидуальных голосов может спонтанно, без обращения к некоей управляющей внешней воле, возникать связанная целостность. Это индуктивное «единство из множества» отличается от более распространенной дедуктивной модели, в которой автор «разделяет» себя на разные голоса, характеры и идеологические позиции. Как Платон в своих философских диалогах, так и Достоевский в своих полифонических романах являлись едиными авторами, создававшими многоголосие из одного творческого сознания. Но могут ли голоса разных личностей быть объединены без вмешательства предвидящей и диктующей воли «трансцендентального» автора? Это вопрос о возможности новой, *пост-авторской* культуры, которая так же будет отличаться от культуры индивидуалистически-авторской, как последняя — от культуры фольклорной, доавторской. Коллективная импровизация — это интеграция личности в интеллектуальное сообщество, но не в той синкретической, элементарной

форме, которая предшествовала рождению авторства и индивидуальности, а во вполне сознательной, синтетической форме, когда мыслящая личность преодолевает границы самой себя.

Коллективная импровизация — это миниатюрная лаборатория такой *проблематичной интеграции*, которая одновременно является дезинтеграцией примитивных, фольклорных единств и прототипом открытых сообществ будущего.

Список литературы

Epstein 2020 — *Epstein M. Emory Improvisations. IMPRONET (Improvisational Network)* [Electronic resource]. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/impro_home.htm (access date: 12.03.2020).

References

Epstein, M. (2020), *Emory Improvisations. IMPRONET (Improvisational Network)*, available at: http://www.emory.edu/INTELNET/impro_home.htm (accessed 12 March 2020).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 14.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 23.03.2020

Информация об авторе

Эпштейн Михаил Наумович
профессор культуральной теории
и русской литературы
Университет Эмори
30322 США, Джорджия, Атланта, ул.
Доуман Драйв, 201
E-mail: russmne@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-1544-837X

Information about the author

Epstein, Mikhail Naumovich
Professor of Cultural Theory and Russian
Literature
Emory University
201 Dowman Drive, Atlanta, Georgia 30322
USA
E-mail: russmne@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0003-1544-837X

В. Е. Кемеров

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

V. E. Kemerov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Социальность и совместность

Для большинства людей социальность и совместность — это синонимы. Так дело обстоит в обыденном языке, в политической и журналистской практике. Понятие социальности подкрепляется понятиями массовости, классовой общности, группообразования. Этот житейский стереотип закрепился и в общественных науках: он привлекает кажущейся очевидностью и простотой.

Однако за этой простотой таится серьезная историческая и познавательная проблема.

Дело в том, что совместность в разные периоды истории и, соответственно, в разных познавательных формах обнаруживала различные основы.

Простая и сложная кооперация

Схематизируя эту проблему, дело можно представить так. В архаических сообществах совместность была условием выживания и простого воспроизводства. Затем, когда эти сообщества вступили в контакт, совместность становится ресурсом в достижении результата, как в обменах, так и в конфликтах. Намечается парадокс совместности.

В совместности определяется роль различий в занятиях между людьми: обмен становится выгоден при наличии разной предметности человеческой деятельности. Различия становятся условием роста разнообразных контактов. Совместность постепенно попадает в зависимость от разделения деятельности. Эта зависимость проявляется на уровне регионов, империй, провинций и отдельных племен. Умение воспользоваться этой зависимостью становится важным ресурсом в военных, политических и торговых предприятиях. Успеха часто добиваются не те, кто собрал много людей, а те, кто сумел скооперировать людей и группы с разными возможностями, инструментами и умениями.

В Новое время разделение деятельности между людьми становится еще более важным условием развития форм совместности и на практике, и в науке. Проводится разграничение между коллективными и индивидуальными связями. На этой основе социология и психология становятся оппонирующими

дисциплинами. Далее это приводит к разделению социальных и гуманитарных наук, наук о природе и наук о духе и т. д.

Совместность, индивидуальность и предметность деятельности

В двадцатом столетии на первый план выходит проблема качества деятельности. А это качество зависит уже не от совместности, а от характера развития самореализации индивидов, от их сил и способностей. Местность отходит на второй план, на первом оказывается координация действий людей во времени, где воссоединяются разные результаты.

Эта тенденция была намечена А. Бергсоном, Н. Гартманом, М. Хайдеггером.

Но она мало освоена современным обществознанием. Мешает традиционное разделение труда и сложившиеся стереотипы трактовки социальности и совместности (см. подробнее: [Кемеров 2012, гл. 5]).

Список литературы

Кемеров 2012 — Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М. : Фонд «Мир» : Академический Проект, 2012. 251 с.

References

Kemerov, V. E. (2012), *Obshchestvo, sotsial'nost', polisub'ektnost'* [Society, Sociality, Poly-subjectivity], Fond «Mir», Akademicheskii Proekt, Moscow, 251 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 17.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 28.09.2020

Информация об авторе

Кемеров Вячеслав Евгеньевич
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: kemerov1444@yandex.ru

Information about the author

Kemerov, Vyacheslav Evgenievich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: kemerov1444@yandex.ru

С. В. СоколовУральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия**S. V. Sokolov**Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

1. Современный мир, на мой взгляд, одновременно до некоторой степени разлагает совместность, а с другой стороны, — усиливает ее. Процесс атомизации общества, активно происходящий в течение последнего столетия, вызван ростом материальной независимости малых групп и индивидов, что нашло отражение в культуре западных обществ. Как показали последние события (карантины и т. п.), большинству работников больше даже не нужно собираться в одном месте, чтобы производить продукт. Производство во многих сферах может быть налажено по рассредоточенному типу. В то же время все элементы производственной цепочки ныне тесно связаны между собой. Это проявляется и в гуманитарных науках, в том числе в истории. Если раньше типичный исследователь-историк был, скорее, одиночкой, то теперь для производства нового знания, а тем более для визуализации полученных результатов необходима работа мультидисциплинарных команд.

2. Совместность, как мне кажется, изначально детерминирована социальной природой человека. Безусловно, социальные и гуманитарные науки, изучая общественные структуры, не могут пройти мимо проблемы совместности, которая может рассматриваться на различных уровнях взаимодействия индивидов в социуме, различных общественных групп и крупных коллективных сущностей между собой. Как для историка, для меня принципиально показать историческое развитие совместности и взаимодействия. Идеи единства, солидарности и сплоченности давно проложили себе дорогу в общественной мысли. Концепция согласия как необходимого элемента общественной жизни была выдвинута еще христианскими теологами. В рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (руководитель — с. н. с. Лаборатории эдиционной археографии УГИ УрФУ Дж. Уайт), мы с коллегами в течение трех лет занимались изучением концепций конфликта и согласия в российской общественной мысли XVIII–XX вв. Один из главных результатов исследования заключается в том, что нам удалось показать, как концептуализируется согласие различными общественными группами: в церковно-религиозной среде, в политической, в среде общественных мыслителей. Мы рассмотрели концепции согласия как

диахронно (в последовательности их эволюции), так и синхронно (различные концепции различных общественных групп). Мы показали, что затруднения в солидарности и сплоченности часто являются результатом разной концептуализации согласия разными группами. У многих групп в обществе есть свои концепции согласия, построенные на своих основаниях и принципах, конфликт между этими принципами, в конечном итоге, и приводит к конфликтам между группами (в том числе к глобальным конфликтам). Мы видим, что и в современном мире, несмотря на все попытки, предпринимаемые на международном уровне как в институциональном (международные организации), так и в концептуальном (например, либеральная концепция толерантности) плане, человечество оказывается не способным выработать единые принципы достижения согласия, а значит, и прийти к реальной солидарности как в целом, так и на уровне отдельных стран и сообществ.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 30.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторе

Соколов Сергей Васильевич
кандидат исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
ул. Тургенева, 4
E-mail: srg.sokolov@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0002-2647-7355

Information about the author

Sokolov, Sergei Vasil'evich
Cand. Sci. (History),
Associate Professor
Ural Federal University
4 Turgeneva St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: srg.sokolov@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0002-2647-7355

О. Ю. Зотова

Гуманитарный университет
Екатеринбург, Россия

O. Yu. Zotova

Liberal Arts University — University for the Humanities
Yekaterinburg, Russia

1. Совместность современного человечества — это важная конструкция, для которой не существует единого универсального определения или набора инструментов и методов, с помощью которых ее можно было бы измерить и оценить.

Разные общества имеют разное географическое положение, культурные и политические представления, экономику, проблемы, и содействие социальной сплоченности означает создание обществ, в которых люди имеют возможность жить вместе со всеми их различиями и сохранять их.

Поэтому уровню развития и качеству совместности современного человечества невозможно дать однозначную оценку: мир представлен множеством групп, сообществ, которые мобильны, поляризованы, дихотомичны, сложны, разнообразны, многомерны и нелинейны. И рассматривать их совместность, сплоченность и коллективную эффективность возможно только через призму разных оптик, прорываясь через барьеры традиционного мышления в стремлении познать стремительно меняющийся мир, многообразие и сложность человеческих отношений. И именно эти аспекты являются предметом изучения психологической науки, границы поля которой постоянно расширяются.

2. Трансформации современного российского общества сопряжены с разного рода рисками и угрозами, которые стали исследовательской задачей для всего научного сообщества, и особенно для социальной психологии. Идея совместности в психологии включает в себя множество аспектов, из которых наиболее востребованные в современном мире — проблема социальной сплоченности, групповая эффективность, психологическая совместимость, проблемы толерантности, доверия, психология безопасности и т. д. Реализация совместности современного человечества предполагает создание условий для безопасности, идентичности и счастья как отдельного человека, так и всего общества.

В современных условиях при невиданном по масштабу, глубине и интенсивности роста мер, средств и потенциала угроз различного характера, развитие идеи совместности современного человечества становится исследовательской

задачей для понимания влияния этих угроз на индивида, их значимости для изменения мотивационно-ценностных установок социальных групп, изменения социальных взаимосвязей. Концепция совместности изменяет свой статус с академической теории на функционально детерминированное научно-практическое системное представление.

Исследование перспективности стабильных агрегаций и структур в условиях изменения социальных реальностей и постановки вопроса о множестве современностей подводит нас к необходимости изучения потоков, имеющих всеобщий характер. Среди них — потоки рисков, идей, психологической безопасности, человеческого капитала. Такие потоки идут по межнациональным и межгосударственным траекториям, а соответствующие их масштабу и культурной значимости регуляторы не могут достигать синхронности. Происходит усиление функционального значения совместности, преодоление ее абстрактно-гуманистической ориентированности, появляются новые акценты в дифференцированности познавательных, деятельностных, коммуникативных и ценностных компонентов в социальном взаимодействии, что актуализирует идею культуры совместности современного человечества.

Изучение совместности современного человечества станет эффективным инструментом для углубленного понимания основ межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Эти исследования могут составить основу прогностического понимания действий социальных групп и их вероятных последствий.

Я надеюсь, что начинающий свою жизнь журнал откроет миру новые имена мастеров познания сложности современности, а многие темы и идеи начнут связываться в общую интеллектуальную сеть.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторе

Зотова Ольга Юрьевна
доктор психологических наук, член-
корреспондент Российской академии
образования
Гуманитарный университет
620144, Россия, Екатеринбург,
ул. Сурикова, 24а
E-mail: oiambusheva@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5607-6317

Information about the author

Zotova, Olga Yurievna
D. Sci. (Psychology),
Corresponding Member of the Russian
Academy of Education
Liberal Arts University —
University for the Humanities
24a Surikova St., Yekaterinburg,
620144 Russia
E-mail: oiambusheva@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5607-6317

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Совместность как философско-научная проблема: аспекты и позиции

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1-2.001

УДК 316.42 + 172.4 + 165.7

KOINON: СОВМЕШНОСТЬ, ГЕТЕРОЛОГИЯ, ПОСТФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Т. Х. Керимов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Проблема совместного существования остается фундаментальной проблемой философии и социально-гуманитарных наук. Целью данной статьи является анализ изменений характера этой проблемы, стимулов и перспектив ее постановки и решения в конце XX — начале XXI в. Совместность всё более сдвигается в средоточие человеческого бытия, приобретает решающее экзистенциальное значение, выступает и как общественное мнение, и как политическая мотивация, и как парадигма для социально-гуманитарных наук. В статье утверждается, что полное осознание роли философии в описании и объяснении форм совместного существования предполагает необходимость радикальной переориентации как традиционных философских построений, так и методологии социально-гуманитарного познания. Выделены три измерения этой переориентации. Во-первых, это «новая социальность», неразрешимость между «глобализацией» и «мондиализацией», а также необходимость деконструкции самой возможности принятия глобального или феноменального мира. Во-вторых, это онтогетерология, намечающая пути преодоления

© Керимов Т. Х., Перцев А. В., 2020

онтологического фундаментализма, построения «онтологии после онтоотеологии» и обнажающая понимание совместности, исходной социальности как бесосновной, анархичной, которое возникает как непосредственный коррелят опыта бесосновности существования, не укорененного в какой-либо субстанции или общей сущности. В-третьих, это постфундаментализм как определенная парадигма, стилистика мышления, постулирующая трансформацию практик и техник мышления в ответ на необходимость репозиционирования множественного реального как имманентного самой мысли. В статье делается вывод о том, что трехмерное «пространство» осмысления совместности существования задает определенную направленность философских и социально-гуманитарных исследований, скрытые за ними общеметодологические тенденции, взаимосвязи этих тенденций с характером социальной практики.

Ключевые слова: koinon, совместность, глобализация, мондиализация, деконструкция, онтоотеология, гетерология, постфундаментализм.

Для цитирования: Керимов Т. Х., Перцев А. В. Koinon: совместность, гетерология, постфундаментализм // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 46–61. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.001

KOINON: BEING-IN-COMMON, HETEROLOGY, POST-FUNDAMENTALISM

T. Kh. Kerimov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

A. V. Pertzev

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Abstract: The problem of being-in-common remains a fundamental problem of philosophy, social sciences and humanities. The purpose of this article is to analyze the changes in the nature of this problem, the incentives and prospects for its formulation and solution in the late XX — early XXI centuries. Being-in-common is increasingly shifting to the focus of human existence, acquires a decisive existential significance, acts as public opinion, and as a political motivation, and as a paradigm for the social sciences and humanities. The article argues that full awareness of the role of philosophy in describing and explaining the forms of being-in-common presupposes the need for a radical reorientation of both traditional philosophical constructions and the methodology of social and humanitarian cognition. Three dimensions of this reorientation are highlighted. Firstly, this is the “new sociality”, the undecidability between “globalization” and “mondialization”, as well as the need to deconstruct the very possibility of accepting a global or

phenomenal world. Secondly, it is ontoheterology, which outlines the ways of overcoming ontological fundamentalism, building an “ontology after ontotheology”. It exposes the understanding of being-in-common, the original sociality as groundless, anarchic, which arises as a direct correlate of the experience of groundlessness of existence, unrooted in any substance or common essence. Thirdly, this is post-fundamentalism as a particular paradigm, style of thinking, postulating the transformation of the practices and techniques of thinking in response to the need to reposition the multiple real as immanent in thought itself. The article concludes that the three-dimensional “space” of comprehending being-in-common sets a certain direction of philosophical and socio-humanitarian research, hidden behind them general methodological tendencies, and the relationship of these tendencies with the nature of social practice.

Keywords: koinon, being-in-common, globalization, mondialization, deconstruction, ontotheology, heterology, post-fundamentalism

For citation: Kerimov, T. Kh. and Pertzev, A. V. (2020), “Koinon: Being-in-common, Heterology, Post-fundamentalism”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 46–61 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.001

Когда сегодня во многих странах дают научным журналам по гуманитарным и общественным дисциплинам «древнегреческие» названия, это имеет несколько объяснений. Во-первых, в этом видится призыв к единству и международному сотрудничеству: ни одна культура не может существовать только как национальная, но не может существовать и как глобализованная. В первом случае она замкнулась бы в себе и не отвечала бы на «подачи», «вызовы» и «сигналы» других культур, не подхватывала бы, импровизируя на свой собственный, уникальный лад, удачно найденные ими темы. Во втором случае она превратилась бы в массовую, стандартизированную культуру. Ее удобно выпускать огромными тиражами в продажу по всему миру-глобусу, но эта стандартизация исключала бы творчество. Во-вторых, в выборе «античного» названия журнала выражается признание того, что культура Античности легла в основу всей Европы. Она с восхищением воспринималась в России. Она заслужила высокое звание «классики», т. е. ориентира, который признается всеми современными учеными и художниками. Классике не обязательно следовать в современности, но непременно нужно сохранять ее уровень мастерства, обращаясь к темам современности. Одним словом, античный мир может и должен быть признан общей колыбелью высокой, немассовой и неупрощенной науки и культуры. И журнал с «античным» названием — это опора и защита высоких требований, заданных в античном мире. Они не должны размываться ради привлечения широкой клиентуры, ради превращения науки и культуры в сферу услуг. Равенства, а тем более — предпочтения кому-то в науке и в культуре быть не может. Но туда открыт доступ всем, и упорный творческий труд — в дополнение к таланту — обеспечит честное соревнование и высоту достижений.

Слово *κοινόν*, ставшее названием нашего журнала, использовалось за многие века существования культуры и науки во многих значениях. Мы не противопоставляем эти значения друг другу. Наоборот, они дополняют друг друга, придавая названию нашего журнала смысловую глубину. Слово *κοινόν* означало в истории — «общность». Для нас сегодня оно означает содружество наук (вместо их соперничества и самовосхваления). Когда науки возникали, они отделялись друг от друга, и при этом редко обходилось без скандала, как оно и бывает во время развода. Огюст Конт, придумавший социологию, считал отсталыми теологию и метафизику. Историки превозносили точность и объективность своей дисциплины, противопоставляя ее всем другим, «чересчур субъективным». А эстетика (вместе со всеми видами и жанрами искусства) вообще выносилась за рамки научного поля.

Мы исходим из того, что к настоящему времени гуманитарные и общественные науки — «науки о культуре» — уже вполне определились со своим предметом и границами своих владений. Они обрели зрелость, а вместе с нею — и мудрость, которая подсказывает, что даже плохой мир лучше хорошей войны.

Поэтому слово *κοινόν* — это для нас призыв к сотрудничеству представителей самых различных отраслей науки и культуры. Пусть они протянут друг другу руки — и откроют друг другу то, что было обретено порознь. Это вовсе не означает, что мы будем принимать к публикации только статьи по так называемым «междисциплинарным» проблемам. Но мы будем рады материалам из области всех гуманитарных и общественных наук при одном условии: авторы их должны обращаться не только к «собратьям по цеху», но и к широкому сообществу представителей «наук о культуре». Пусть это будет социология — но социология для метафизиков. Пусть это будет история — но история, адресованная теологам.

Расскажем друг другу о себе — о том, что мы делаем на различных факультетах университетов, — о том, что называется культурой и отличает посвященных от профанов. Есть, наконец, такие мировые проблемы, с которыми можно справиться, как это говорится на русском языке, только «всем миром». Именно это и означает также слово *κοινόν*. «Всем миром» — т. е. «сообща», «соединив усилия», «объединив средства».

Вышедшая более полувека назад и получившая огромную популярность в свое время книга «Физики шутят» начиналась цитатой, в которой физика остроумно сравнивалась с... собором: «Разовьем нашу аналогию с собором. Средневековые соборы никогда не бывали закончены строительством. Это же можно сказать и про физические теории. То деньги кончались, то архитектурная мода менялась. В последнем случае старая часть собора иногда разрушалась, а иногда к ней просто пристраивалась новая. Можно найти строгие и массивные римские хоры в мирном соседстве с парящей готической аркой,

которая близка к границе опасной неустойчивости. Римские хоры — это классическая физика, а готическая арка — квантовая механика. Я напому вам, что арка собора в Бовэ обрушивалась дважды (или даже трижды), прежде чем архитекторы пересмотрели свои планы и построили нечто, способное не упасть. Собор состоит обычно из нескольких часовен. Часовня физики твердого тела имеет лишь самое отдаленное отношение к часовне теории относительности, а часовня акустики вообще никак не связана с часовней физики элементарных частиц. Люди, молящиеся в одной из часовен, вполне могут обходиться без остальной части собора; их часовня может устоять, даже если всё остальное здание рухнет. Сам собор может казаться величественным даже тем, кто не верит в бога, да и тем, кто построил бы совсем другое здание, будь он в состоянии начать всё сначала» [Физики шутят 1966, с. 24]. Общую картину того «собора», который представляют собой сегодня общественные и гуманитарные науки — а также изображение безответственных попыток поджечь и разрушить этот «собор» — вот что должен, по нашему замыслу, журнал «Κοινόν». Кстати, на русском языке «собор» соответствует одному из значений слова «κοινόν» — собрание всех, но по очень достойному поводу.

Новая социальность

В настоящее время совместность стала не просто фактом человеческого существования, но еще и острейшей проблемой. Совместность во всех его модальностях всё более сдвигается в средоточие человеческого бытия, пронизывает все решающие события жизни и сознания людей, порождает новые формы субъективации, способствует образованию одних стилей и практик жизни и маргинализации других. Сама идея совместности (существования, смыслов, истин) приобретает решающее экзистенциальное значение. Происходит смена социокультурной парадигмы: четко выстроенная вокруг властного центра иерархия общества, традиционно понимаемая истина как критерий и средство коммуникации, линейная структура общества утрачивают свою очевидность. Совместность выступает и как общественное мнение, и как политическая мотивация, и как парадигма для социально-гуманитарных наук.

Теоретическая и практическая работа по выявлению и освоению этих тенденций требует от философии и социально-гуманитарных наук переосмысления своего теоретико-методологического аппарата, преодоления прежних установок, стереотипов и устоявшихся схем. Нужны соответствующие методологии и стратегии для выявления логики и направленности этих процессов. Они имеют решающее значение не только для научного сознания, но прежде всего для социальной практики. Можно выделить несколько измерений необходимости этого переосмысления, которые задают определенную направленность философским и социогуманитарным исследованиям. В статье мы

ограничимся тремя измерениями — новой социальностью, онтогетерологией, постфундаментализмом.

В философской и социально-гуманитарной литературе существует множество терминов для обозначения изменений социальности на рубеже XX–XXI вв.: «глобализация», «глокализация», «глобалаитинизация», «мондиализация», «виртуализация», «гибридизация», «сетевое общество», «информационное общество» и т. п. Каждое из этих обозначений указывает на свой собственный уникальный модус и сохраняет в себе огромный потенциал для создания путаницы в них. Тем не менее в этих терминах есть что-то общее. «Новая социальность» несет одновременно пространственно-временное расширение и сужение социальных связей: с одной стороны — расширение, поскольку феномен мира, совместного существования выходит далеко за пределы отдельного региона, страны или части света, с другой — сужение, поскольку мир становится обыденностью, глобальное (или сетевое, или виртуальное) сосуществование в буквальном смысле относится к самым банальным и очевидным аспектам нашего присутствия, полиморфного и гибридного опространствования существования.

«Новая социальность» изменила не только мир, но и наше отношение к миру, к нашему существованию в этом мире и на еще более фундаментальном уровне — к нашему бытию как таковому. «Как таковая, глобализация представляет собой новое опространствование исторической темпоральности: отражение планетарной целостности как “земного шара” в ни к чему не сводимом феноменологическом понятии “мира”, возникшем в ходе европейского колониализма, чтобы создать географическое пространство понятия истории. Эта концепция мира находит свое основополагающее философское выражение у Канта: “Все трансцендентальные идеи, поскольку они касаются абсолютной полноты в синтезе явлений, я называю космологическими понятиями отчасти ввиду именно этой безусловной полноты, на которой основывается также понятие мироздания”. В этом смысле глобализация представляет собой трансцендентальную идею. Свою экзистенциально-онтологическую экспозицию она получает у Хайдеггера в его знаменитом неблагозвучном выражении “мир мирует” (*die Weltweltet*)» [Osborne 2018, p. 28]. Пределы экзистенциального, феноменологического мира совпадают с границами всей планеты. Это, конечно, результат исторического процесса. На протяжении веков мы открывали мир. Наш мир или наш способ бытия стал одним из этих открытий, и для этой цели мы «подчинили» все другие «миры» — другие материки, другие культуры и религии, наконец, превратили весь мир в наш «мир» в феноменологическом смысле слова. С глобализацией проект открытия мира завершен. «Мир, ставший “mondialis”, “mundus”, ставший “mondiale”, подрывает классическое разделение между внешним и внутренним и нарушает все линии демаркации между “мирами”, которые в свое время считались определяющими для мира...

Нарушение границы между внутренним и внешним, возможности отношений с “другими” (с другими “мирами”, с другими формами жизни или измерениями мира) означает, что мир больше не имеет смысла, он является смыслом. “Мир” — это не просто коррелят смысла, он структурирован так же, как смысл, и, наоборот, смысл структурирован как мир» [Magnum 2012, p. 27].

Мы больше не можем считать себя стоящими вне мира в качестве субъектов, которым мир репрезентируется как объект. Когда мир редуцирован к «картине мира», которой соответствовало новое положение человека в качестве субъекта, человек и мир лишаются внутренней онтологической корреляции, они становятся внешними друг другу. Именно эта нарушенная корреляция давала человеку неограниченную власть над миром, обеспечиваемую единством метафизики, науки и техники. Именно ре-презентация объединяет классическую науку, технику и метафизику, выступает общим основанием эпохи субъектности картезианско-гегелевского типа.

С глобализацией мира его открытость к другому, внешнему становится бессмысленной. Мир утрачивает свое внешнее основание, обнажает собственную конечность, мирность: существует только этот мир, и он не имеет никаких потусторонних оснований. Отсюда разнообразие, множественность мира: нечто имеет место в его локализации. Мир всегда структурирован как отношение — во всех возможных значениях слова. Мир является лишь со-бытием существований, локальным местом со-существования.

Несмотря на всё то, что их разделяет, глобализация и феноменальный мир соотносятся друг с другом как два неразделимых по существу момента современности, имеющей двойную форму абсолютизации бесконечности и абсолютизации феноменального мира. Мир без основания, в котором всё стало возможным, тем не менее грозит потеряться в своей безграничности: с одной стороны, безграничный, безразличный, бесконечный мир всеобщей взаимозависимости; с другой — мир в феноменологическом смысле слова. «В самом понятии глобализации имеется фундаментальная, конститутивная двусмысленность между “объективным” планетарным аспектом (интеграция отдельных географически локализованных социальных мест в разного рода глобальные сети) и тем, что мы можем назвать ее (коллективным) “субъективным” мирным аспектом, благодаря которому эти практики и процессы “интеграции” проживаются как часть трансформации “мира”, экзистенциально манифестируются в неизбежной множественности взаимосвязанных “миров”, каждый из которых говорит как бы от лица всех. То, что в семантике “глобализации” представляется в виде “двусмысленности”, в социальном плане проявляется как напряжение и антагонизм, в логическом — как имманентное или диалектическое противоречие между двумя ее основными сторонами: функциональным социальным процессом и его мирным присвоением» [Osborne 2018, p. 27]. Ж.-Л. Нанси обозначает эту «двойную связь» как противоречие между дурной

и актуальной бесконечностью глобализации: «...с одной стороны, бесконечное, которое Гегель называл “дурным”: бесконечный рост накопления, круга инвестиций, эксплуатации и реинвестирования (можно сказать, что это круг бесконечного богатства, когда докапиталистический мир вышел из порядка, в котором богатство накапливалось ради роскоши, а не ради его воспроизводства), с другой стороны, актуальное бесконечное, благодаря которому конечное существование связывается с бесконечностью значения или ценности, которое является его собственным значением и ценностью» [Nancy 2007, p. 46].

Глобализация ставит нас перед выбором между дурной бесконечностью и конечной бесконечностью мира. Кажется, у нас есть выбор между двумя альтернативами, если, конечно, не существует третьей альтернативы, заключающейся в том, чтобы выбрать обе альтернативы. Возможно, два противоположных способа присвоения бесконечности одинаково подлинны, и, возможно, именно в той мере, в какой «один противоположен другому». Это не более чем гипотетическая возможность. «Двойная связь» «дурной бесконечности» глобализации и актуальной бесконечности, безосновности мира предписывает «двойную связь» выбора между этими альтернативами. Следовательно, то, с чем мы сталкиваемся сегодня, состоит не столько в «переходе» от одной бесконечности к другой, сколько в их переплетении в «двойной связи». Не диалектическая логика отрицания и отрицания отрицания, а логика дополнительности или «автоиммунности» [Derrida 2005].

Несмотря на нередуцируемость различия между глобализацией и миром, каждый из них функционирует за счет другого, заимствует ресурсы другого для поддержания собственной жизнеспособности. Феноменальный мир всегда уже предполагает мир глобальный, и наоборот. Тогда в отношении этой «двойной связи» отпадает вопрос о подлинности, о подлинном мире, поскольку «двойная связь» лишает онтологического статуса как глобальный мир, так и феноменальный мир. Единственный императив в этом случае — деконструировать саму возможность принятия «глобального», «феноменального» мира. Здесь никакая логика подлинности невозможна. Мы постоянно должны деконструировать логику «двойной связи», скрытую в дискурсе глобализации, но мы не можем считать операцию этой деконструкции окончательной и подлинной. Более того, деконструкция логики «двойной связи» подразумевает деконструкцию онтологического статуса подлинности, фундаментализма. Наш мир — это деконструкция, т. е. переход от одного к другому, от глобализации к «миру» и наоборот. «Мирование мира» остается в рамках перехода к миру. Оно остается в акте «бесконечного творения мира» [Nancy 2007]. Но с деконструкцией «двойной связи» глобализации и мира остается ряд нерешенных неотложных вопросов. По-прежнему требуется тщательный анализ вопроса о совместности. И мы должны поставить его в первую очередь как онтологический вопрос.

Динамика социальности на рубеже XX–XXI вв. требует другой онтологии бытия, обновления онтологии, обусловленного необходимостью преодоления онтологии как онтотеологии. Для обновленной онтологии принципиально важной оказывается идея различия, множественности, имманентности смысла, горизонтальности отношений.

Онтология как гетерология

Начало XX в. отмечено так называемым «онтологическим поворотом» в философии. Чаще всего этот поворот связывается с хайдеггеровской деструкцией метафизики и ее онтотеологического строения. «Можно сказать, что в философии наше время было отмечено, было озаменовано возвращением вопроса о Бытии. Поэтому в нем господствует Хайдеггер», — пишет Бадью [Бадью 2004, с. 29]. Действительно, уже на первых страницах «Бытия и времени» Хайдеггер заявляет о возрождении или открытии онтологии [Хайдеггер 1997, с. 1].

Но возрождение онтологии происходит лишь ценой глубокой трансформации самого ее смысла, по крайней мере в ее традиционной версии. Онтология оказывается исследованием не «сущего как сущего», а сущего в его отношении к Dasein или к человеческому существу. С одной стороны, «онтологический поворот» преодолевает всеобщие схемы и субстанциональные определения бытия, когда бытие начинает трактоваться как социальное или человеческое бытие. Но, с другой стороны, «онтологический поворот» приводит к тому, что субстантивируется собственно человеческая реальность. Онтология редуцируется к человеческой онтологии. В разных философских контекстах это «человеческое» трактуется как сознание, тело, язык, знаки, власть, социальные структуры и т. д. Несмотря на множество вариантов, ключевым моментом является то, что бытие мыслится только в перспективе нашего, человеческого, отношения к нему. В результате этой трансформации «онтологический поворот» оказывается онтоантропологическим, или онтосоциальным, или онтолингвистическим. Отсюда следует, что существует определенный внутрионтологический запрет на постановку вопроса о бытии как таковом, более того, вопрос о бытии как таковом вне нашего доступа становится бессмысленным вопросом.

Во второй половине XX в. ситуация еще больше усугубляется. В 60–80-х гг. прошлого столетия онтологический поворот оказался замаскирован разного рода направлениями — герменевтическим, лингвистическим, коммуникативным и т. д. Идея опосредованности бытия всевозможными дискурсивными образованиями имела серьезные последствия для построения онтологии. Считалось, что поскольку наше понимание бытия опосредовано языком, текстом, письмом, коммуникацией или даже социальными формами, у нас

нет непосредственного доступа к бытию, так как оно искажено этими посредниками. Парадоксальным образом «онтологический поворот» сделал невозможной онтологию. По этой причине бытие, а также необходимость построения онтологии становятся острейшей проблемой в современной философии и социально-гуманитарных науках.

С учетом обозначенных причин очевидно, что обновление онтологии связано, прежде всего, с необходимостью преодоления (онто)теологического проекта онтологии, т. е. онтологии как онтотеологии. Понимание онтологии как онтотеологии заключается в принятии в качестве главного принципа ее интерпретации положения об основании (причине, абсолюте) сущего. Именно эта сила основания определяет онтологию как теологию и обнажает ее теологическую природу. Она выражена в принципе достаточного основания, который утверждает, что всё существующее должно иметь основание, или причину, своего существования. Естественным продолжением этого принципа является другой принцип — принцип редукционизма, благодаря которому всё многообразие сущего оказывается редуцированным к этому единому основанию. Именно редукционизм обеспечивает сведение множества к единому, различия к тождеству. Именно редукционизм обеспечивает онтологию теологическими рамками. Всякая онтология в той мере, в какой объясняет мир путем его редукции к какому-либо основанию, каким бы оно ни было — элементарной частицей, Большим взрывом, языком или социальной формой, остается принципиально теологической в своей ориентации. Даже если она самоопределяется как светская или атеистическая, ее способ объяснения теологичен. Она приписывает объяснительную силу скрытым механизмам и причинам, предполагает изначальное единство, или фундаментальную совместимость, и снимает локальные различия в движении глобальной системы. Это происходит всякий раз, когда «сложное, уникальное, специфичное, вариативное, множественное и оригинальное выражение подменяется простым, расхожим, гомогенным, многоцелевым термином под предлогом того, что последний может служить объяснением первому» [Латур 2014, с. 141]. Этот предлог традиционно является метафизическим предлогом. Но редукционизм, в свою очередь, становится возможным благодаря деонтологизации сущих, лишения их сингулярности, неповторимости, трансформации их в «гладких объектов» [Latour 2004, p. 123].

Следовательно, если онтология как онтотеология предписывала понимание бытия в качестве сверхсущего основания-причины сущего, тогда стратегия обновления онтологии будет стремиться постоянно уклоняться от наличия какого-либо абсолютного основания, руководящего принципа и центра, от гипостазирования сверхсущего, запредельного сущему. Однако обоснование и построение гетерологии вовсе не означает, что онтология должна быть отброшена и упразднена. Скорее, подвергаются сомнению такие допущения,

которые служили гарантией ее онтологического использования и применения. Это подозрительное отношение к самому статусу онтологии возникает в процессе разработки и открытия альтернативного пространства, внутри которого само бытие и практика его использования не только становятся его главной проблемой, но и выступают в качестве его границы. В связи с этим преодоление онтологического фундаментализма связано не с подменой его какой-либо постметафизикой, постонтологическими методами или альтернативным множеством понятий, а с переосмыслением самой природы онтологии-как-онтологии.

Отказ от основания во всех его формах абсолюта, причины, сущности, идеи и т. п. влечет за собой аксиоматический постулат о множественности сущего, т. е. аксиоматизацию множественности. Даже если подобный отказ всегда будут преследовать упреки в релятивизме, тем не менее онтологическое обесценивание основания, которое содержит гетерология, не вызывает сомнения. Допущение единства сущего означало бы запрет на мышление множественности и разнородности: если сущие были бы тождественны, бытие было бы едино и неподвижно.

В то время как онтология имеет иерархическую структуру, гетерология постулирует существование сущих, одинаковых по своему онтологическому статусу, но отличающихся по своему пространственно-временному масштабу. Если онтология маскирует множественность и различие, будучи озабочена поисками причины, основания (по своему определению самотождественного) сущего (по своему определению различного и множественного), то онтогетерология утверждает различие (бытия), благодаря которому сущее утверждается в своем бытии. «В такой онтологии, которая не является “онтологией общества” в смысле “региональной онтологии”, но онтологией как “социальностью” или как “социацией”, более изначальной, чем любое общество, чем любая “индивидуальность” и чем любая “сущность бытия”, в этой онтологии бытие есть вместе, оно есть в качестве со- самого бытия (со-бытие бытия), хотя бытие и не идентифицируется как таковое (как бытие бытия), но ставит себя, дается или происходит, дис-позиционирует себя — делает событие, историю, мир — как свое собственное единичное множественное вместе» [Нанси 2004, с. 68].

Мысль об исходной социальности бытия становится не только возможной, но и неизбежной из-за того, что приостанавливается принцип достаточного основания: социальность оказывается выставленной к отсутствию собственного основания. Тот факт, что классические средства формирования социальных связей, такие как (религиозная) вера, моральные или идеологические убеждения, больше не играют важной роли в описании и объяснении социальности, только демонстрирует, что провалилась именно четко определенная концепция общего, единства, а не совместности или социальной связности в целом. То, с чем мы остаемся, — это совместность, множество «некто», исключаящее

какую-либо общую идею об сущности, субстанции или природе человека или социальности. Кроме того, не только человеческое, постчеловеческое, транс-, сверх- или античеловеческое, но и никакая другая форма репрезентации не в состоянии исчерпать это бесосновное множество сингулярностей. Более того, эта исходная совместность, или социальность, не ограничена только человеческим, она включает в себя любую сингулярность вне зависимости от того, воспринимается она как человеческая или нечеловеческая, органическая или неорганическая, живая или неживая.

Очевидно, что в данном случае мы не можем довольствоваться онтологическим различием «фундаментального» и «регионального». Если в онтоологии совместность, или социальность, всегда определяется исходя из некоего «трансцендентального означаемого» как инварианта бытия, который организует, стабилизирует, гарантирует тотальность социального, сам в то же время оставаясь вне структурируемого и организуемого социального пространства, то онтогетерология указывает на переоценку отношения между «общей» онтологией и тем, что считается, в форме регионального (исторического, социального, экономического, политического), простой внеположностью, с которой соотносится и к которой применяется система общих категорий в простой позиции первопричины, сущности, допускающей «региональное» в качестве феноменального производного. Последствия предполагаемой переоценки, по видимости, просто «региональные» (в этой перспективе философия оказывается такой же региональной дисциплиной без властвующей, господствующей роли, которую ей традиционно приписывали), открывают перспективу, выходящую далеко за пределы простой внеположности или даже противоположности «общего» и «регионального».

Обновление онтологии задает несколько мотивов и серий философем, определяющих перспективы современной философии и гуманитаристики, техники мышления в целом. Прежде всего, это мотив постфундаментализма и целая серия философем бесосновности, случайности, хаоса или даже гиперхаоса. Некоторым образом эти мотивы постфундаментализма вводятся рядом с тематикой антиэссенциализма, антисубстантивизма, когда ни одна субстанция не может рассматриваться в качестве сущности совместности.

Постфундаментализм как парадигма мышления

Постфундаментализм — это не фундаментализм и не антифундаментализм. Речь идет не о присутствии или отсутствии основания, а об условии возможности основания, о его онтологическом статусе. То есть речь идет не о простом переходе от фундаментализма к антифундаментализму, а о деконструкции области функционирования фундаментализма и фундаменталистских предпосылок. На самом деле, если невозможно просто выйти за пределы

фундаментализма, то, значит, нефундаментализм продолжает в определенной степени деконструктивную работу в области фундаментализма и использует его ресурсы. Принципиальным в этом отношении является не отказ от понятия основания, а его переформулирование. В конечном счете под вопросом оказывается не существование основания, а его онтологический статус, т. е. его неизбежно случайный статус. Этот аналитический сдвиг от существующих оснований к их статусу или условию возможности можно охарактеризовать как спекулятивное движение, поскольку в вопросе об основании речь идет не об эмпирических условиях возможности, а о статусе основания: исходное онтологическое отсутствие окончательного основания выступает условием возможности онтических оснований.

В условиях, когда развитие общества осуществляется в стилистике социальных изменений, философия и гуманитарные науки вносят существенный вклад в интерпретации социального бытия. Но опасность этой стилистики заключается в том, что социальности возвращают до поры скрываемые социальным реализмом идеологические, мифологические, религиозные измерения. В связи с этим современный стиль теоретизирования неотделим от деконструкции всего, что прежде считалось естественным и само собой разумеющимся. Деконструкция проблематизирует традиционный философский проект, называемый фундаменталистским. И здесь важно именно позитивное в своей основополагающей негативности требование — требование переоценки категориального и, в целом, мыслительного аппарата философии, техники мышления, традиционных представлений об онтологии, феноменологии, религии, психоанализе и т. д.

Постфундаментализм — это попытка возрождения или возвращения масштабов, претензий и амбиций философии после эссенциализма и конструктивизма (постмодернизма). Постфундаментализм стремится заново изобрести специфические стили, практики или техники мышления для обновления или трансформации философии. Особенность данных инноваций может рассматриваться как ответ на ограничения, налагаемые спецификой множественного реального. На этом основании можно утверждать, что трансформация практики мышления возникла в ответ на необходимость репозиционирования множественного реального как имманентного самой мысли. Это обновление, возможно, находит свое наиболее значительное выражение в перестройке философии вместе с технологическими и антропологическими, нейробиологическими, математическими и другими парадигмами научности.

Важным стимулом обоснования постфундаменталистских исследований в современной философии и социальных науках являются онтологические идеи конца XX — начала XXI в., преодолевающие онтологический проект философии и намечающие контуры «онтологии после онтологической» (Дж. Агамбен, А. Бадью, Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси). Существенным усилением этого стимула

оказываются концепции «спекулятивного реализма» (К. Мейясу), «нового реализма» (М. Феррарис), «объектно-ориентированной онтологии» (Г. Харман, Л. Брайант), аналитической и постаналитической онтологии (П. Инваген, Дж. Тернер, К. МакДэниел), «нового материализма» (К. Барад, Дж. Беннет, Р. Брайдотти, М. Деланда), «новой феноменологии» (М. Анри, Э. Левинас, Ж.-Л. Марион), «новой науки о сознании» (Э. Кларк, Д. Чалмерс, Д. Деннет).

Интеллектуальное влияние постфундаменталистской философии на актуальные исследования социально-гуманитарных наук весьма значительно. Она заранее обозначила объекты и отношения, ставшие актуальными в современности, предоставила понятийный аппарат и обобщенные описания явлений, изучаемые на конкретных примерах отдельными дисциплинами. В социологии под этим влиянием сформировалась теория сборки, акторно-сетевая теория, задавшие множественную методологию полевых исследований. При ее помощи активно развиваются урбанистика, социология науки, социология медицины и социология техники. Решающий поворот в культурологии и антропологии связан с противопоставлением и сопоставлением исследовательских программ «мультикультурализма» и «мультигенатурализма». В политологии сформировались теории биополитики и политических мобильностей, в терминах которых описываются, в частности, ситуации пандемии, мобильные восстания и противостоящие им отношения контроля. При помощи «объектно-ориентированной онтологии» и теорий «новой социальности» современное искусство активно осваивает средства технической коммуникации, демонстрируя постгуманистическую реальность, выходящую за пределы знакомого человеку окружения. «Новый материализм» и теории «новой социальности» разрабатывают методологию, осваиваемую на стыке информатики и социально-гуманитарных исследований (социология управления, digital humanities, big data). Важность этих подходов вызвана чрезвычайным разнообразием и неоднозначностью данных, используемых в информационных исследованиях, вследствие чего возникает необходимость в концептуальном определении получаемых корреляций.

Из этого неполного перечня очевидны два основных обстоятельства. Первое — все эти исследования носят постфундаменталистский характер. Исследуемые явления явно выходят за пределы традиционных научных дисциплин и деления фундаментальных и региональных наук. Второе — эти меж- и постдисциплинарные направления сформировались под непосредственным влиянием постфундаменталистских философских понятий и систем. Перечисленные позиции и проекты являются отдельными симптомами постфундаментализма в современной философии и социально-гуманитарных науках. Эти симптомы позволяют обнаружить определенную направленность теоретических исследований, скрытые за ними общеметодологические тенденции, взаимосвязи этих тенденций с характером социальной практики.

Список литературы

- Бадью 2004 — Бадью А. Делез. Шум бытия / пер. с фр. Д. Скопина. М. : Прагматика культуры ; Логос-Альтера / Esse homo, 2004. 184 с.
- Латур 2014 — Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.
- Нанси 2004 — Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. В. В. Фурс под ред. Т. В. Щитцовой. Минск : Логвинов, 2004. 272 с.
- Физики шутят 1966 — Физики шутят / под ред. В. Турчина. М. : Мир, 1966. 156 с.
- Хайдеггер 1997 — Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Derrida 2005 — *Derrida J. Rogues: Two Essays on Reason* / transl. from Fr. by P.-A. Brault, M. Naas. Stanford, CA : Stanford University Press, 2005. 200 p.
- Latour 2004 — *Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy* / transl. from Fr. by C. Porter. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2004. 320 p.
- Marramao 2012 — *Marramao G. The Passage West: Philosophy and Globalisation* / transl. from It. by M. Mandarini. London ; New York : Verso, 2012. 272 p.
- Nancy 2007 — *Nancy J.-L. The Creation of the World or Globalization* / transl. from Fr. by F. Raffoul, D. Pettigrew. New York : State University of New York Press, 2007. 138 p.
- Osborne 2018 — *Osborne P. The Postconceptual Condition: Critical Essays*. London ; New York : Verso, 2018. 223 p.

References

- Badiou, A. (2004), *Deleuze: «La clameur de l'Être»*, translated by Skopin, D., Pragmatika kul'tury, Logos-Al'tera, Esse homo, Moscow, 184 p. (in Russian).
- Derrida, J. (2005), *Rogues: Two Essays on Reason*, translated by Brault, P.-A. and Naas, M., Stanford University Press, Stanford, 200 p.
- Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, translated by Bibikhin, V. V., Ad Marginem, Moscow, 451 p. (in Russian).
- Latour, B. (2004), *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*, translated by Porter, C., Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 320 p.
- Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, translated by Polonskaya, I., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, 384 p. (in Russian).
- Marramao, G. (2012), *The Passage West: Philosophy and Globalisation*, translated by Mandarini, M., Verso, London, New York, 272 p.
- Nancy, J.-L. (2004), *Êtresingulierpluriel*, translated by Furs, V. V. and Shchittsova, T. V. (ed.), Logvinov, Minsk, 272 p. (in Russian).
- Nancy, J.-L. (2007), *The Creation of the World or Globalization*, translated by Raffoul, F. and Pettigrew, D., State University of New York Press, New York, 138 p.
- Osborne, P. (2018), *The Postconceptual Condition: Critical Essays*, Verso, London, New York, 223 p.
- Turchin, V. (ed.) (1966), *Fiziki shutyat* [Physicists joke], Mir, Moscow, 156 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 27.09.20

Принята к публикации / Accepted: 12.10.20

Информация об авторах

Керимов Тапдыг Хафизович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: kerimovt@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2286-8412

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the authors

Kerimov, Tapdyg Khafizovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: kerimovt@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2286-8412

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-7711-5098

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВМЕЩНОСТИ

М. Б. Ямпольский

Нью-Йоркский университет
Нью-Йорк, США

Аннотация: Статья посвящена выявлению разных аспектов феномена «совместность»: от лингвистического — традиционной связи «совместности» с сообществом и идентичностью до философского — посредством отсылки к понятиям «совместного бытия» (Хайдеггер), «множественности» (Нанси, Вирно, Бланшо). Однако рефлексия относительно «множественности» обнаруживает другую проблему, на которую обратил внимание Нанси, когда он утверждал, что *смысл* как таковой невозможен там, где нет различия. В статье рассматривается положение и позиция индивида в сообществе и предлагается гипотеза, по которой человек не обладает способностью формировать свою индивидуальность (систему различий) в рамках некоего лишнего единства множества. Индивид составляет свое Я и Я-идеал (З. Фрейд) из дискурсивных и ролевых блоков, предоставляемых ему различными группами, обладающими относительной идентичностью. При исследовании феномена совместности обнаруживается еще одна проблема: если сообщество возникает из стабилизированного, заторможенного антагонизма, цементирующего и одновременно подрывающего его единство (Лоро), то возникает вопрос: почему под действием разобщающего импульса сообщество не распадается, каковы необходимые и достаточные условия сохранения совместности? В статье такими условиями выступают внутреннее напряжение и уязвимость. Принцип нестабильности становится основой совместности и тем самым отличает ее от множественности. Традиция выделения функционирования власти в качестве цементирующего средства сохранения совместности (Жорж Баландье) не учитывает роль взаимных интересов, культурной и идейной близости. Сложившаяся в литературе «совместность» жива, пока есть динамика, движение, изменение (об этом свидетельствуют работы о тоталитарных режимах Ханны Арендт). Таким образом, режим совместности — это сбалансированная динамика и статика, которые должны находиться в состоянии хрупкого, неустойчивого равновесия. Идеальной моделью равновесия можно считать метастабильность, описанную Жильбером Симондоном в философии индивидуации.

Ключевые слова: совместность, «совместное бытие», множественность, власть, метастабильность.

Для цитирования: Ямпольский М. Б. Несколько слов о совместности // Koinon. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 62-70. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.002

A FEW WORDS ABOUT *BEING-IN-COMMON*

M. B. Yampolsky

New York University
New York, USA

Abstract: The paper deals with the identification of different aspects of being-in-common (jointness) varying from linguistic one — a traditional linkage between the jointness and a community and identity to a philosophical one — through a reference to the concept “Being with” (Heidegger), “multiplicity” (Nancy, Virno, Blanchot). Although the reflection on “multiplicity” detects another problem mentioned by Nancy when he argued that meaning as such is impossible where there is no difference. The article considers a status and position of the individual in a community and puts forward a hypothesis according to which a person does not possess an ability to shape his individuality (a system of distinctions) within the framework of a certain plurality that lacks unity. The person constructs his ego and the ego ideal (Z. Freud) using discursive and role-driven blocks presented to him by various groups with relative identity. When exploring the phenomenon of “Compatibility” one can reveal one more problem: if a community evolves from a stabilized, slowed-down antagonism that cements, and at the same time, undermines its unity (Loraux), then the question arises why the community does not disintegrate under the impact of a divisive impulse, and what necessary and sufficient conditions for the preservation of jointness are. Inner tension and vulnerability act as such conditions in the article. The principle of instability becomes a basis of jointness and thus distinguishes it from multiplicity. The tradition to identify the functioning of power as a cementing means of the preservation of jointness (Georges Balandier) does not take into account the role of mutual interests, cultural and intentional closeness. “Jointness” is alive as long as there is dynamics, movement, change (as evidenced by the research on totalitarian regimes by Hannah Arendt). Therefore, the regime of jointness is a well-balanced dynamics and statics that should be in a state of fragile unstable equilibrium. Meta stability described by Gilbert Simondon in his philosophy of individuation can be an ideal model of equilibrium.

Keywords: jointness, “being with”, multiplicity, power, meta stability.

For citation: Yampolsky, M. B. (2020), “A Few Words about Being-in-common”, *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 62-70 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.002

Тема *совместности* в современных гуманитарных науках чаще всего фигурирует под знаком *сообщества* — community — и часто связывается с модной в последние годы темой *идентичности* — identity.

Совместность для меня прежде всего связана с совместным бытием *Mitsein*, определяющим и существование индивидов, и характер сообщества. Хайдеггер видел в коллективности *Dasein* угрозу аутентичности и полноте Я (хотя он

и не использовал такие слова), всегда определяемого Другими. Ясперс считал, что конечный смысл дается человеку только в таких «пограничных ситуациях» (*Grenzsituation*), где он оказывается наедине со смертью и болью. Вопрос, в конечном счете, сводился к тому, как сохранить *совместность* и не привести к исчезновению индивида в массе, вроде тотального слияния индивидов в бесконфликтную совместность в нацизме или сталинизме.

Решение этого сложного вопроса привело, на мой взгляд, к своего рода философскому утопизму, получившему выражение в проблематике множества — *multitude, multiplicity*. Само понятие множества, восходящее к математике, было введено в философию Гуссерлем и Бергсоном, но приобрело фундаментальное значение у Делёза и Гваттари, где оно было последовательно противопоставлено тотальному и единому, но и дисперсному «многому». В «Анти-Эдипе» о множественности говорилось с отсылкой к Бланшо: «Морис Бланшо сумел поставить эту проблему во всей ее строгости на уровне литературной машины: как производить и мыслить фрагменты, которые имеют между собой отношения различия как такового, которые в качестве отношения друг с другом имеют свое чистое различие, не относящееся к исходной целостности, пусть даже потерянной, или же к итоговой целостности, пусть даже обещанной в будущем?» [Делёз, Гваттари 2007, с. 71]. Иными словами, множество — это некая совокупность элементов, которые не поглощаются тотальностью и, будучи включенными в отношения, сохраняют фундаментальное различие. Делёз и Гваттари поясняли: «Мы больше не верим в те фальшивые фрагменты, подобные обломкам античной статуи, которые ожидают, что их восполнят и склеят, чтобы сформировать единство, которое является также и изначальным единством. Мы больше не верим ни в изначальное единство, ни в конечное единство. Мы больше не верим в монотонные изображения блеклой диалектики постепенного развития, которая намеревается примирить осколки, поскольку она сглаживает их края. Мы верим лишь в такие целостности, которые существуют наравне с чем-то. Мы встречаем подобную целостность наравне с частями именно потому, что она является целым этих частей, но она не подводит их под это целое, она является единством именно этих частей, но она не объединяет их, она добавляется к ним в качестве новой, отдельно сформированной части» [Там же, с. 72].

Покуда это понятие использовалось в «Анти-Эдипе» или «Тысяче плато», оно, на мой взгляд, не вызывало вопросов, так как действительно позволяло преодолеть императив смысловой тотализации феноменов. Но, когда оно стало переноситься на сообщество и идею совместности, оно, как мне кажется, приобрело оттенок утопизма. Современные теоретики сообщества, пытаясь уйти от слипания индивидов в тотальности массы стали противопоставлять массе множество. Паоло Вирно в своей влиятельной книге «Грамматика множества» пишет о жестком противоборстве, начиная с XVII в., понятий «множество»

и «народ», в противоборстве которых народ выиграл благодаря заинтересованности в этом термине обретавшего силу Государства. Философии Гоббса теории множества противопоставили философию Спинозы. Вирно писал: «Для Спинозы термин *multitudo* указывает на множественность, которая существует как таковая на общественной сцене, в коллективном действии, по отношению к общим делам, не соединяясь в Едином и не растворяясь в центростремительном движении. Множество — форма общественного и политического существования многих в качестве многих. Это постоянная, не эпизодическая и не промежуточная форма. Для Спинозы *multitudo* является краеугольным камнем гражданских свобод...» [Вирно 2013, с. 10]. От Спинозы (и Делёза) ведет генеалогию своего *множества* другой влиятельный итальянский философ, Антонио Негри.

А вот как определяет множество мыслящий в том же направлении Жан-Люк Нанси: «“Со”, “вместе” или “совместно” очевидно не означает ни “друг в друге” ни “друг вместо друга”. Оно содержит в себе внеположенность. (Даже в любви мы бываем “в” другом только при условии внеположенности другого. Младенец “в” утробе своей матери, хотя и совсем по-другому, тоже внеположен в этой внутрисложенности. И даже в наиболее тесной толпе мы не занимаем места другого.) Одновременно это не значит просто “рядом” или “соположенно”. Логика “со” — со-бытия, *Mitsein*, которая у Хайдеггера современна и коррелятивна *Dasein* — это сингулярная логика внутренне внешнего. Может быть — это сама логика сингулярности в целом. Это логика не принадлежащего ни чисто внутреннему, ни чисто внешнему. (Поистине, они смешиваются: быть чисто вовне, вне всего (аб-солют), значит быть чисто в себе, исключая себя, в себе самом даже вне возможности различать “самого себя”.)» [Нанси 2011, с. 160]. Здесь всё подчинено императиву различия, несмешения множественного в едином. Даже ребенок не сливается с матерью, сохраняя свое различие, т. е. составляя с ней множество. Нанси утверждает, что *смысл*, как таковой, невозможен там, где нет различия, другого, где невозможно поделиться этим смыслом и передать его. Показательно и то, что для Нанси даже тесная толпа не лишает нас индивидуальности и способности отличаться от другого. Именно здесь и кроется, с моей точки зрения, неадекватность концепции множества применительно к сообществу. Не надо доказывать, что индивид с легкостью способен отказаться от своего Я в толпе и слиться с ней не в режиме множества, но тотальности. Множество — это желанный образ сообщества, который далеко не всегда, увы, соответствует реальности, а скорее идеальному образу демократии, где каждый гражданин наделен полнотой самосознания и автономностью субъекта.

Еще Фрейд отметил, что утрата субъектности в толпе связана с феноменом аффективной идентификации индивидов с вождем. Идентификация эта довольно сложна и укоренена, по мнению Фрейда, в специальной

инстанции — Я-идеале, которая отделяется от Я и способна превращать последнее в объект. Фрейд описывал индивидуальность людей как сложную совокупность таких Я-идеалов, складывающихся в разных массах (сообществах): «Каждый отдельный человек является составной частью многих масс, он многосторонне связан с ними посредством идентификации и создал свой Я-идеал по самым разным образцам. Таким образом, каждый человек присутствует во многих массовых душах — своей расы, сословия, религиозной общины, государства и т. д. — и, кроме того, он может подняться до частицы самостоятельности и оригинальности» [Фрейд 2008, с. 120].

Масса у Фрейда состоит из таких индивидов, каждый из которых лишь призрачно индивидуален, но складывается из различных инстанций Я-идеала, сформированного в различных «массах». Самостоятельность и оригинальность, характеризующие членов множества, — это редкий и счастливый продукт комбинирования Я-идеалов, но никак не присущая каждому черта. Перед нами нечто совсем иное, чем множество Делёза или Нанси, т. е. совсем не совокупность сингулярностей, не знающих предшествующей им тотальности. По мнению Фрейда, эти дисперсные продукты разных масс в какой-то момент могут соединиться в тоталитарную массу. Происходит чудо почти мгновенного омассовления, невозможного в множестве: «Мы поняли это чудо так, что индивид отказывается от своего Я-идеала и сменяет его на массовый идеал, воплощенный в вожде <...> То, что мы назвали индивидуальным образованием, бесследно, хотя и временно, исчезает» [Там же].

Взгляд Фрейда мне кажется ближе к реальности, чем утопия множества. И при этом я вовсе не придерживаюсь предложенной им модели, основанной на инстанции Я-идеала. Просто я считаю, что человек не обладает способностью формировать свою индивидуальность (систему различий) в рамках некоего лишнего единства множества. Мне представляется, что индивид составляет свое Я и Я-идеал из дискурсивных и ролевых блоков, представляемых ему различными группами, обладающими относительной идентичностью. Либерал присваивает себе либерализм группы, консерватор поступает точно так же. И это можно сказать обо всех социальных группах и их представителях. И Фрейд, конечно, прав, что все эти инстанции не однородны, а слеплены из разных блоков. Человек может соединять в себе фрагменты либерализма с фрагментами консерватизма и т. д. Дело, однако, не просто в формировании Я или Я-идеала. Я полагаю, что подлинная совместность возможна только тогда, когда общество внутренне разделено на непримиримые и радикально различающиеся между собой группы. Для того чтобы общество могло реализовать совместность, необходимо разнообразное дискурсивное поле, предлагающее людям многообразие часто антагонистических взглядов.

Когда-то Пьер Кластр пришел к выводу, что война лежит в основе «примитивного общества», является его «бытием», как он выразился. Он писал:

«Какова функция примитивной войны? Обеспечить постоянство дисперсии, фрагментации, атомизации групп. Примитивная война — это работа *центробежной логики*, логики разделения, выражающейся время от времени в вооруженном конфликте. Война служит поддержанию политической независимости каждого сообщества. До тех пор пока есть война, существует автономия: вот почему война не может прекратиться, почему она не должна прекращаться, вот почему она постоянна. Война — основной способ существования примитивного общества, состоящего из равных, свободных и независимых социополитических единиц...» [Clastres 2010, p. 274]. Война обеспечивает единство внутри племенного общества и вместе с тем отделяет его от других внешних сообществ, тем самым поддерживая его автономию.

По мере усложнения общества и исчезновения примитивного равенства его членов антагонизм переносится внутрь сообщества и часто заменяет прямое физическое насилие его символизацией. Что такое классический парламент, как не специализированный театр политического антагонизма, необходимый для того, чтобы не дать осуществиться слипанию совместности в нерасчленимость и недифференцированность тоталитарного типа?

Аристотель в «Афинской политике» рассказывает о парадоксальном законе Солона: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: “Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав”» [Аристотель 1937, с. 17]. Закон этот направлен против апатии граждан. Апатия, безразличие выводят гражданина за рамки полиса и лишают его гражданских прав. Странность этого закона в том, что вместо подавления и сглаживания различий он ведет к их радикализации. Николь Лоро, исследовавшая организацию греческого полиса, подчеркивала необходимость противостояния политических лагерей внутри него как необходимого условия жизнеспособности полиса, его спасения от «слипания» и недифференцированности. Она сосредоточилась на понятии *stasis* — *распря*, гражданская война и показала, что хотя *распря* в активной стадии — величайшее зло для всякой совместности, *stasis* как напряженное, интенсивное противостояние сторон — важнейшее условие жизни полиса. Она остановилась на этимологии самого слова *stasis*, происходившего от глагола *histemi*, чьим синонимом является слово *kinesis* — движение, беспокойство как бы вбираются в себя и останавливаются *stasis*'ом. «Очевидно, что *stasis* — это определение остановленности, стояния в неподвижности. <...> Тут между подвижностью и неподвижностью всё становится сложным» [Loraux 1997, p. 102]. Для определения состояния полиса Лоро обращается к найденному ею в «Законах» Платона понятию *kinesis stasimos*, *обездвиженного движения*. Иными словами, сообщество возникает из стабилизированного, заторможенного антагонизма, безостановочно

цементирующего и одновременно подрывающего его единство. Без такого антагонизма сообщество слипнется в неразличимую массу, не допускающую даже призрака множества¹. Возникает вопрос: почему же под действием такого разобщающего импульса сообщество не распадается? Каким образом *stasis* — в смысле остановки — блокирует *kinesis*? Некоторые теоретики приписывали такую стабилизирующую роль инстанции власти, всегда возникающей в любом относительно сложном сообществе. Один из создателей политической антропологии, Жорж Баландье, например, писал о том, что основная функция власти — это создание асимметрий и неравновесия в обществе, которые она же нейтрализует. Он же справедливо подчеркивал, что нестабильность и хрупкость — неотъемлемая черта всякого сообщества: «...всякое общество достигает только относительного равновесия; оно уязвимо. Те антропологи, которые избавились от предрассудка “стабильности”, признают эту потенциальную нестабильность, даже в “архаическом” окружении. Функция власти в таком разрезе заключается в защите общества от его собственной слабости, в сохранении, можно сказать, хорошего “порядка”. <...> Соответственно, политическая власть возникает как результат конкуренции и как средство ее сдерживания» [Balandier 1972, p. 35].

Я полагаю, что всякая совместность покоится на принципе нестабильности, и это отличает ее от утопического множества. Основой совместности является внутреннее напряжение и уязвимость. Я, конечно, не думаю, что сохранение совместности целиком покоится на функционировании власти. Совместность невозможна без взаимных интересов, культурной и идейной близости. Но хрупкость и уязвимость принципиальны для совместности; существенно, что именно в этом хрупком равновесии скрыт огромный потенциал развития и изменения, без которых совместности угрожает омертвление.

В некоторых случаях динамизм — *kinesis* — может не разрушать сообщество, а, наоборот, поддерживать его, хотя устойчивость такого сообщества крайне невелика. Ханна Арендт, анализируя разные формы тоталитаризма, пронизательно заметила, что тоталитарные системы всегда существуют в режиме «движения». Характерна даже сама фиксирующая это движение терминология — «нацистское движение», «коммунистическое движение». В каком-то смысле достижение таким движением власти или победы ставит его под угрозу: «В момент взятия власти движению угрожает, с одной стороны,

¹ Вот как в начале XIX в. описывал Европу Франсуа Гизо: «...тут сосуществуют все формы, все принципы социальной организации: духовная и земная власть, теократические, монархические, аристократические, демократические элементы, все возможные классы, все социальные ситуации смешиваются и давят друг на друга; бесконечны оттенки свободы, богатства, влияния. И все эти разнообразные силы находятся между собой в состоянии безостановочной борьбы, притом что ни одной из них не удается подавить другие и овладеть обществом» (цит. по: [Pavel 1996, p. 33–34]).

“окаменение” в форме самовластного правительства и установления контроля над государственной машиной, а с другой — стеснение его свободы территорией, имеющейся в данный момент. Для тоталитарного движения обе опасности равно смертельны: развитие в направлении абсолютизма заглушило бы его внутренний двигатель, а в направлении национализма — сорвало бы внешнюю экспансию, без которой движение не может существовать» [Арендт 1996, с. 509]. В тот момент, когда движение стабилизируется в структурах и институтах, оно начинает умирать и разваливаться. Отсюда идея Троцкого о «перманентной революции». Арендт пишет о необходимости «не позволить этому новому миру установиться как новой стабильности, поскольку стабилизация его законов и институтов с необходимостью уничтожила бы само движение...» [Там же, с. 512]². И действительно, как только тоталитарное «движение» гибнет, его идеи и связанные с ним сообщества почти магически исчезают³. С моей точки зрения, динамика и статика должны быть сбалансированы в режиме совместности, но сбалансированы так, чтобы равновесие между ними не «окаменело» (используя выражение Арендт), а находилось в состоянии хрупкого, неустойчивого равновесия.

Мне представляется, что лучшую модель такого равновесия предложил Жильбер Симондон в своей философии индивидуации. Симондон назвал такое состояние метастабильностью. Метастабильность не ведет к кристаллизации неподвижных структур и всегда поддерживается интенсивным энергетическим потенциалом системы, который, собственно, и не дает установиться полной стабильности. Метастабильность всегда несет в себе антагонизм, т. е. потенциал изменений и возможность возникновения нового сообщества, новой совместности. Я думаю, что симондоновская метастабильность — это лучшее описание человеческого сообщества, имеющего богатый политический и культурный потенциал. Но разговор о Симондоне — это иная, сложная и обширная тема.

Список литературы

- Арендт 1996 — *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма : пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Аристотель 1937 — *Аристотель.* Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер. и прим. С. И. Радцига. М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1937. 255 с.

² Арендт пишет о «внутренне присущем тоталитарной организации утверждению, что всё находящееся вне движения “умирает”» [Арендт 1996, с. 500].

³ «Лишенные поддержки движения его члены сразу же перестают верить в догмы, за которые еще вчера они готовы были принести в жертву свою жизнь. В тот момент движения, когда разрушается дающий им приют выдуманный мир, массы возвращаются к своему прежнему статусу изолированных индивидов, готовых с одинаковой радостью либо принять новые функции в изменившемся мире, либо возвратиться к своей прежней полной невостребованности» [Там же, с. 478].

- Вирно 2013 — *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
- Делёз, Гваттари 2007 — *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 670 с.
- Нанси 2011 — *Нанси Ж.-Л.* Непроизводимое сообщество / пер., сост., общ. ред. и вступ. ст. Ж. Горбылевой. М. : Водолей, 2011. 207 с.
- Фрейд 2008 — *Фрейд З.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 9 : Вопросы общества. Происхождение религии / пер. на рус. яз. А. М. Боковой. М. : Фирма СТД, 2008. 606 с.
- Balandier 1972 — *Balandier G.* Political Anthropology. Harmondsworth : Penguin books, 1972. 214 p.
- Clastres 2010 — *Clastres P.* Archeology of Violence. New York : Semiotext(e), 2010. 336 p.
- Loraux 1997 — *Loraux N.* La cité divisée. L'oubli dans la mémoire d'Athènes. Paris : Payot & Rivages, 1997. 294 p.
- Pavel 1996 — *Pavel Th.* L'art de l'éloignement. Essai sur l'imagination classique. Paris : Gallimard, 1996. 464 p.

References

- Arendt, H. (1996), *The Origins of Totalitarianism*, translated by Borisova, I. V., Kimelev, Yu. A., Kovalev, A. D., Mishkenene, Yu. B. and Sedov, L. A., CenterCom, Moscow, 672 p. (in Russian).
- Aristotle (1937), *Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustroistvo afinyan* [The Athens Polity. The State Structure of the Athenians], translated by Radtsig, S. I., Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, Moscow, 255 p. (in Russian).
- Balandier, G. (1972), *Political Anthropology*, Penguin books, Harmondsworth, 214 p.
- Clastres, P. (2010), *Archeology of Violence*, Semiotext(e), New York, 336 p.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007), *L'Anti-Œdipe. Capitalisme et schizophrénie*, translated by Kralechkin, D., U-Faktoriya, Yekaterinburg, 670 p. (in Russian).
- Freud, S. (2008), *Sobranie sochineniy, v 10 tomakh. Tom 9, Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii* [Collected Works, in 10 vols, Vol. 9, Issues of Society. The Origin of Religion], translated by Bokovikov, A. M., Firma STD, Moscow, 606 p. (in Russian).
- Loraux, N. (1997), *La cité divisée. L'oubli dans la mémoire d'Athènes*, Payot & Rivages, Paris, 294 p.
- Nancy, J.-L. (2011), *La communauté désœuvrée*, translated by Gorbyleva, Zh., Vodolei, Moscow, 207 p. (in Russian).
- Pavel, Th. (1996), *L'art de l'éloignement. Essai sur l'imagination classique*, Gallimard, Paris, 464 p.
- Virno, P. (2013), *Grammatica della moltitudine. Per un'analisi delle forme di vita contemporanee*, translated by Petrova, A., Ad Marginem Press, Moscow, 176 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 7.09.2020

Информация об авторе

Ямпольский Михаил Бениаминович
доктор искусствоведения, профессор
Нью-Йоркский университет
10003, США, Нью-Йорк, 3 Fl,
Университетская пл., 19
E-mail: mi1@nyu.edu

Information about the author

Iampolski, Mikhail Beniaminovich
D. Sci. (History of Art), Professor
New York University
19 University Place, 3 Fl, New York
10003 USA
E-mail: mi1@nyu.edu

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Э. А. Паин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: В статье анализируются российские научные источники и государственные документы, посвященные этническим и национальным отношениям, выявляются их эклектический характер и путаница в употреблении терминов. Предлагается авторское определение феномена «межэтнические отношения», в котором главным признаком становится осознание культурных различий. Автор отталкивается от разграничения понятий «нация» и «этнос» в научной традиции и государственном управлении, как они исторически сложились в разных моделях — французской и немецкой. В мировой науке закрепляются различия между двумя типами воображаемых сообществ: с одной стороны — нациями как политическими сообществами, связанными с идеей гражданства и народного суверенитета, а с другой стороны, с этнокультурными сообществами, определяемыми ныне с помощью таких терминов, как «этнос» или «этноя» (ethanee), «этническая группа» (ethnic group), «этничность» (ethnicity). Прослежены истоки и эволюция термина «нация» в России с конца XVIII в. по советское время включительно. Проведена типологизация этнических процессов относительно двух фундаментальных разновидностей: разделительных (вертикальные и горизонтальные конфликты) и объединительных (сближение, слияние, растворение). Исследование осуществлено на материале истории России последних двух веков, с опорой на данные переписей и статистики. Описаны основные этапы и особенности процессов ассимиляции в мире и в России, ее этапы и циклы (аккультурация, социализация, экономическая аккомодация, идентификация себя в качестве полноценного члена принимающего общества). Описаны проявления разделительных процессов на примере России, и исследованы истоки конфликтов. Выделены три основные проблемные сферы: социально-экономическое и социально-статусное неравенство; изменение этнодемографической ситуации; этноязыковые отношения и проблемы. Доказывается, что весь комплекс этносоциальных и этноязыковых проблем в России разворачивается на фоне значительного подъема интереса людей к этнической идентичности.

Ключевые слова: нация, этничность, аккультурация, социализация, экономическая аккомодация, культурная идентичность, межэтнические конфликты.

Для цитирования: Паин Э. А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.003

INTERETHNIC RELATIONS: THE ESSENCE AND THE CORE VARIETIES

E. A. Pain

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article analyzes Russian academic sources and government documents with the focus on ethnic and national relations reveals their eclectic nature and the confusion in the use of terms. The article provides the authorial definition of the phenomenon “inter-ethnic relations”, the main feature of which is the awareness of cross-cultural differences. The author proceeds from the differentiation of the concepts of “nation” and “ethnos” in the scientific tradition and public administration, as they have historically developed in different models — French and German. In world science, the differences between two types of imaginary communities are established: on the one hand — nations, as political communities that are associated with the idea of citizenship and popular sovereignty. And, on the other, ethnocultural communities that are defined nowadays with the help of such terms as “ethnos” or “ethanee”, “ethnic group”, “ethnicity”. The author traces the origins and evolution of the notion “nation” in Russia from the late 18-th to Soviet time inclusive. He also produces the typologization of ethnic processes concerning two fundamental varieties: dividing (vertical and horizontal conflicts) and unifying (convergence, merger, dissolution). The scholar carried out the research on the material embracing Russian history of the last two centuries based on the census and statistical data. The author describes key stages and specific features of assimilation processes in the world and Russia, its phases and cycles (acculturation, socialization, economic accommodation, self-identification of a full member of the host society). The paper illustrates the manifestations of dividing processes by the case of Russia and examines the sources of conflicts. The author identified three problem areas: socio-economic and socio-status inequality; changes in the ethno-demographic situation; ethno-language relations and problems. The author argues that the whole range of ethno-social and ethno-language issues in Russia is developing against the background of people’s growing interest in ethnic identity.

Keywords: nation, ethnicity, acculturation, socialization, economic accommodation, inter-ethnic conflicts, cultural identity.

For citation: Pain, E. A. (2020), “Interethnic Relations: the Essence and the Core Varieties”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 71–87 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.003

О сущности межэтнических отношений

Слова «нация» и «этнос» на разных языках, казалось бы, означают одно и то же явление: народ, различаясь лишь латинским и греческим происхождением этого термина. Однако суть понятий «нация» и «этнос» в научной традиции и государственном управлении исторически различалась. Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882) называл «глухим заблуждением» смешение «этнографии» и «нации». По его мнению, «этнографический фактор не играл никакой роли при образовании современных наций» [Ренан 2006], поскольку нация во Франции сформировалась из смешения разных этнических групп.

Французская модель политической нации была принята уже в XVIII в. в США и отразилась в американской Конституции. Такая же модель была воспроизведена и в Швейцарии — первой в мире полиэтнической федеративной республике. Согласно Конституции Гельветической республики 1798 г., единой нацией стали называть всех граждан федеративной республики, жителей всех кантонов федерации, несмотря на различия основного языка кантона (немецкого, французского или итальянского) и их вероисповедания (преимущественно протестантского в германских кантонах и католического — в остальных) [Federalism and Multiethnic States 2000].

Совершенно иная трактовка нации утверждалась на территории Германии. Единого немецкого государства не существовало до 1871 г., и уже поэтому в многочисленных германских княжествах использовалось *более древнее, этнокультурное понятие нации*. При такой трактовке нации у немцев не было нужды вводить, как во Франции, дополнительное понятие «этнос». В конце XVIII в. важнейшим признаком немецкого понимания нации стал мистический *народный дух (Volksgeist)*, якобы извечно присущий потомкам германских племен и обоснованный философом Иоганном Гердером [Vazsonyi 1999]. Его философия использовалась в качестве идейных предпосылок для развития этнического национализма — движения, добивавшегося объединения этнической немецкой нации в едином государстве Германия.

В начале XX в. Фридрихом Майнеке была предложена теоретическая классификация наций на основе анализа опыта разных стран и впервые сформулировано различие между «*культурными нациями*» (Kulturnationen), т. е. народами, связанными только общей этнической культурой (ныне такой феномен называли бы «этносом» или «этнической группой») и «*государственно-политическими нациями*» (Staatsnationen), народами, объединенными общим государством и его законами [Meinecke 1911, s. 2–3]. Обе модели нации — этническая (германская модель) и политическая (французская) — долгое время существовали параллельно. В России термин «нация» появился уже в конце XVIII в. в его политической, французской трактовке и в таком виде

использовался как царем Александром I, так и революционным дворянством, позднее названным «декабристами» [Паин 2015, с. 55]. Однако начиная с 1830-х гг. французская трактовка, с ее идеей народного суверенитета, стала целенаправленно изгоняться из политического обихода России. Вначале ее вытесняли с помощью понятия «народность», а в 1860-х гг. понятие нации вновь появилось, но уже в немецкой этнической трактовке, сохранявшейся и в советское время [Там же, с. 56–57].

Что касается термина «этнос», то он хоть и был предложен Широкогоровым в 1923 г. [Широкогоров 1923, с. 13], но в советской науке не использовался (хотя бы потому, что был изобретен «белоэмигрантом») вплоть до начала 1980-х гг., когда был переосмыслен и переозвучен академиком Бромлеем [Бромлей 1983, с. 58]. Его стараниями этот термин стал основным в этнографии и породил своеобразное потомство в виде комплекса производных терминов, таких как «этнические процессы», «межэтнические отношения», «межэтнические конфликты» и др. Все они стали вытеснять советские аналоги, типа «национальные отношения», однако, как вскоре выяснилось, ненадолго.

В мировой науке всё яснее закрепляются различия между двумя типами воображаемых сообществ: с одной стороны — нациями как политическими сообществами, связанными с идеей гражданства и народного суверенитета, а с другой стороны, с этнокультурными сообществами, определяемыми ныне с помощью таких терминов, как «этнос» или «этноя» (*ethanee*), «этническая группа» (*ethnic group*), «этничность» (*ethnicity*) [Паин 2004; Калхун 2006; Суни 2014, с. 19]. Но в России общественные науки такие же суверенные, как и «демократия», поэтому в главном официальном документе национальной политики, в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г., даются весьма своеобразные и не имеющие прецедентов в мировой практике определения, в которых термины «этносы» и «нации», «этничность» и «национальность» эклектически соединены в некий терминологический конгломерат. В этом документе дается, например, следующее определение: *«Межнациональные (межэтнические) отношения — взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, гражданское единство»* [Стратегия государственной национальной политики 2012]. Здесь, как писал поэт, «смешались в кучу кони, люди»

По отношению к этому определению выскажем два основных замечания. Во-первых, взаимодействие между людьми разной этнической принадлежности вовсе не всегда можно считать межэтническим. Взаимоотношения покупателя и продавца, соревнующихся спортсменов, солдат в армии будут социальными, даже если эти участники торговых транзакций, спортсмены

и солдаты, характеризуются разной этнической принадлежностью. Эти отношения могут стать межэтническими *только в случае «активизации этничности» — осознания участниками взаимодействия значимости этнических различий*. Например, пассажиры автобуса разной этнической принадлежности могут и не замечать своих этнических различий, и в этом случае их отношения не являются межэтническими, но они превратятся в межэтнические в случае проявления того, что Ф. Барт называл «социальной границей» — обстоятельств, противопоставляющих одних людей другим, по принципу «мы — они», «свои — чужие» [Этнические группы 2006]. Скажем, если кто-либо из пассажиров осознает обстоятельства поездки (тесноту, давку, взаимные оскорбления или просто незнакомый язык других пассажиров) как следствие этнических различий между пассажирами.

Мы предлагаем следующее определение: *межэтнические отношения — это форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они»*. Само это осознание составляет суть межэтнических отношений, будь то *конфронтация* или *диалог, партнерство и согласие*.

Во-вторых, советский термин «межнациональные отношения» и новый — «межэтнические отношения» вовсе не синонимы, они означают разные явления. Если в Стратегии в качестве нации обозначено понятие «российская нация», то межнациональными следует называть ее отношения с представителями других наций такого же таксономического уровня, например американской, французской или индийской. Внутри каждой нации проявляются межэтнические отношения. Внутри российской нации они могут охватывать не только более 190 народов, зафиксированных в переписи 2010 г., но и более тысячи этнических групп, имеющих свои этнонимы, но пока не обозначенных в переписи, а также множество людей разной этнической принадлежности, прибывающих в Россию в качестве мигрантов. В рамках такого понимания мы предлагаем классификацию межэтнических отношений.

В свое время Ю. Бромлей отнес все этнические процессы к двум фундаментальным разновидностям: (а) разделительные и (б) объединительные [Бромлей 1983, с. 235]. На наш взгляд, такая классификация применима и к межэтническим процессам (отношениям).

Объединительные (интегративные) процессы

Интеграция (от лат. *integratio* — соединение) — объединение частей в целое. Такое объединение в этнонациональной сфере может включать в себя весьма разнородные и, как правило, длительные, поэтапные процессы:

(1) *сближение* нескольких народов в рамках единого федеративного государства, с сохранением основных признаков этничности у каждого из них

(особый язык, самосознание, самоназвание) или включение мигрантов разной этничности в систему политических и социально-экономических отношений сложившейся политической нации, но также с охранением у мигрантов основных этнокультурных признаков. В Стратегии государственной национальной политики принята концепция «*гражданской интеграции*», при которой целостность нации рассматривается как «единство в разнообразии», сохранение возможностей для культурного разнообразия и недопущение дискриминации людей разной этнической принадлежности;

(2) *слияние* разных этнических общностей в новую этническую общность (например, объединение в единый древнерусский народ полян, древлян, дреговичей) и появление у возникшего этноса новых культурных качеств, в разной мере воспринятых создавшими его народами;

(3) *растворение* одного этноса в другом, как правило более многочисленном, с утратой этнического языка, самоназвания и самосознания — этот процесс называется ассимиляцией, которая также весьма разнородна по своим проявлениям. Остановимся на последней разновидности межэтнических отношений, получившей название «ассимиляция».

Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление, усвоение, растворение). По определению В. А. Тишкова, этническая ассимиляция — это «частичная или полная утрата культуры в пользу другой, обычно доминирующей культуры, включая и смену этнической идентичности. <...> Ассимиляции подвергаются прежде всего малочисленные группы с принижённым социальным и политическим статусом <...> В России ассимиляция происходит главным образом в пользу русской культуры и языка». Далее автор говорит о том, что преобладающей является ассимиляция добровольная, но реже она «может осуществляться и через структурное или прямое насилие, когда государство препятствует распространению языка и других форм культуры этнических меньшинств и даже отказывает им в признании и в предоставлении гражданских прав (например, курды в Турции и Ираке)» [Народы и религии 1998]. Отметим, что и ненасильственная ассимиляция, как правило, вынужденная, поскольку вытеснение из сознания человека этнической идентичности, усвоенной в детстве, всегда вызвана некой внешней необходимостью — экономической или социальной, поэтому ассимиляция характерна преимущественно для этнических меньшинств и особенно для мигрантов.

Для истории России последних двух веков не характерна полная ассимиляция этносов, завершающаяся утратой ими самоназваний (этнонимов). Даже такие этнические общности, как евреи, немцы, поляки, финны и греки, численность которых в России быстро сокращалась в XX в. в результате эмиграции многих тысяч людей указанных национальностей в страны, именуемые «исторической родиной», всё же сохранили свои небольшие российские диаспоры (этнические группы, проживающие за пределами территорий государств,

на которых исторически сформировались этносы). Меньше других подвержены ассимиляции представители малочисленных автохтонных народов, имеющих в России свою этническую территорию. Частичная ассимиляция таких общностей, например забвение родного языка значительной частью его носителей, встречается чаще. Тем не менее, по данным переписи населения России 2010 г., во всех ее республиках не менее двух третей представителей народа, давшего название республике, владеют родным этническим (национальным) языком, даже составляя меньшинство населения в своей республике. Наименьшая доля людей, владеющих языком своей национальности, отмечена среди коми — 65 % в Республике Коми; удмуртов — 67 % в Удмуртской Республике и мордвы — 71 % в Республике Мордовия [Сафин, Мухтасарова, Халиулина 2019]. Вместе с тем у представителей этих же народов, проживающих за пределами своих этнических территорий, степень утраты знания своего национального языка и этнического самосознания намного выше.

Мигранты (лица, сменившие место жительства), особенно те из них, которые ориентированы на постоянное проживание в новой этнокультурной среде, в наибольшей мере готовы к ассимиляции, по крайней мере к частичной утрате навыков традиционной этнической культуры и освоению новой культуры, прежде всего ее языка. Мигранты разных национальностей в новых условиях, приспосабливаясь к принимающему сообществу, демонстрируют неизмеримо большую готовность к вступлению в межэтнический брак, чем у себя на родине. В Эстонии не более 10 % эстонских мужчин вступают в межэтнические браки, а в России 94 % всех супружеских пар с участием эстонских мужчин — межэтнические; у литовцев и латышей этот показатель в России еще выше — 97 % [Сороко 2014, с. 100]. Вместе с тем доля межэтнических браков снижается по мере роста в стране численности мигрантов той или иной этничности, поскольку в этом случае увеличивается выбор невест и женихов среди этнически «своих». Такую тенденцию демонстрируют переселенцы из числа народов Средней Азии, составляющие в последние десятилетия наибольшую долю прироста мигрантов в Российской Федерации. За период между переписями 2002 и 2010 гг., по мере увеличения в России численности узбеков, таджиков и киргизов, доля межэтнических пар в их среде уменьшилась: у узбеков — с 78 до 53 %; у таджиков — с 70 до 56 %, а у киргизов — более чем вдвое, с 42 до 20 % [Там же]. Само же стремление к моноэтническим бракам обусловлено преимущественно рациональным выбором, прежде всего стремлением к сохранению привычного стиля жизни в семейной повседневности (родного языка в общении, этнических традиций, например пищевых), а также большим доверием к «своим» невестам и женихам. Ориентация на внутригрупповое общение у мигрантов возрастает, если они расселяются компактно в моноэтнических кварталах, типа китайских «чайнатаунов» в городах США. В таких кварталах процессы ассимиляции мигрантов в принимающем сообществе существенно

тормозятся. Еще один такой тормоз ассимиляции отметил Маркус Л. Хансен в 1937 г., описав широко распространенный феномен «третьего поколения». Суть его в том, что мигранты первой волны, прибывающие в Америку, обычно страстно стремятся влиться в новую среду и порой демонстрируют свой «американизм» и культуру «янки» больше, чем местные жители, а их внуки «хотят вспомнить то, что пытались забыть деды», — свою национальную родину [Hansen 1938, p. 9]. Ее образ, как правило сильно мифологизированный, служит компенсацией их неудовлетворенности своим прежним статусом в новых условиях, и такого рода образы затрудняют идентификацию мигрантов с новым национальным сообществом.

Так или иначе, ассимиляция мигрантов — сложный и противоречивый процесс. Согласно концепции «циклов расовых отношений» (Race Relations Cycle), разработанной Робертом Парком еще в начале прошлого века, ассимиляция включает четыре этапа: знакомство, соперничество, аккомодацию (приспособление) и, наконец, ассимиляцию мигрантов в принимающем сообществе¹. С тех пор признание ассимиляции как поэтапного процесса не подвергается сомнению, хотя существуют разные варианты классификации таких этапов или циклов. Наиболее обобщенно их можно сформулировать следующим образом:

- *аккультурация* (освоение языка принимающего сообщества и внешних атрибутов его поведения);
- *социализация* (принятие основных правил поведения и предлагаемых социальных ролей);
- *экономическая аккомодация* (приспособление к требованиям экономической системы);
- *идентификация* себя в качестве полноценного члена принимающего общества.

Ныне стало понятно, что завершенность ассимиляции не predetermined, поскольку существует множество факторов, препятствующих этому процессу и создающих немало «трений» на его пути.

Разделительные процессы (сепарации)

Под ними понимается совокупность социально-политических и этнических процессов, вызывающих в той или иной мере расколы социально-политических общностей, а также напряженности и конфликты в отношениях между этническими группами единого государства. Мы проиллюстрируем некоторые проявления разделительных процессов на примере России.

В 1990-х гг., в первые годы существования постсоветской России, центральной проблемой национальной политики был вопрос о политическом

¹ См. подробнее: [Костенко 2014, с. 63].

статусе этнических территорий. Именно он породил особый тип конфликтов в межэтнических отношениях.

«Вертикальные конфликты», или «конфликты суверенизации». Это межгрупповые отношения, в рамках которых широкие массы людей определенной этнической принадлежности могут объединяться в политические движения, обычно называемые «национальными движениями», консолидируясь вокруг идеи национального самоопределения. Идея суверенизации формируется этническими элитами, приобретая затем массовую популярность.

Большую часть межэтнических конфликтов, вспыхнувших в 1990-х гг., можно назвать «вертикальными», поскольку они были направлены как бы «снизу» (со стороны национальных движений) «вверх» — к центральным (федеральным) органам власти. Требования национальных движений преследовали своей целью изменение статуса территории проживания — от полного суверенитета до повышения уровня автономии республики, которая объявлялась «национальным достоянием» той или иной этнической общности. Все «вертикальные» конфликты, так или иначе, отражали процесс дезинтеграции Советского Союза, проявившейся в «параде суверенитетов» (1988–1991 гг.). Речь шла о конфликтах между союзным центром и союзными республиками, вызванных провозглашением верховенства республиканских законов над союзными. Одним из первых проявлений этого процесса стал карабахский конфликт, начавшийся в 1988 г.² Он открыл собой череду длительных вооруженных конфликтов (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, осетино-ингушский, приднестровский и чеченский), в которых участвовали регулярные армии и использовалось тяжелое вооружение. В процессе «парада суверенитетов» проявились вертикальные конфликты и внутри России. По уровню радикальности требований, предъявляемых российским властям национальными движениями, все конфликты суверенизации внутри России могут быть разделены на четыре типа:

- конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относился только чеченский конфликт, который породил две вооруженные кампании (1994–1996 и 1999–2000 гг.);
- конфликты, связанные с односторонним повышением статуса республик, объявлением их «субъектами международного права» или включением в республиканские конституции других норм, противоречащих федеральному

² Началом карабахского вооруженного конфликта считают 20 февраля 1988 г., когда сессия областного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) приняла обращения к Верховным советам СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении (см.: [Зверев 1996, с. 19]).

законодательству, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (республики Татарстан, Башкирия, Тува, Якутия и некоторые другие — 1991–1992 гг.);

- конфликты, ставшие следствием провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий. На такой основе развивались следующие конфликты: (а) между рядом национальных движений Дагестана и властями республики; (б) между балкарским национальным движением и властями Кабардино-Балкарской Республики; (в) между движением радикальной части этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать ранее провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и две казачьи (Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую) республики (1992–1994 гг.);

- конфликты между национальными движениями соседних республик, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями. Речь идет прежде всего о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района. Этот конфликт, безусловно, «горизонтальный» межэтнический, поскольку породил, по крайней мере на время, массовые взаимные претензии между ингушами и осетинами. В то же время его можно считать и «вертикальным», поскольку лидеры противостоящих сторон апеллировали к федеральной власти, требуя подтвердить их права на территорию (1992 г.).

Все «конфликты суверенизации» в России оказали значительное влияние на обострение «горизонтальных» межэтнических отношений (см. ниже), вызвав, например, потоки внутренних вынужденных миграций, пик которых пришелся как раз на время активизации указанных конфликтов. Так, в процессе осетино-ингушского конфликта (1992 г.) «практически всё ингушское население Северной Осетии — Алании и менее многочисленное осетинское население Ингушетии на многие годы покинули свои дома...» [Мкртчян 2002]. Чеченскую Республику накануне двух военных кампаний, а также в ходе вооруженных столкновений покинули 250 тыс. человек, по большей части русских, тогда как после второй кампании (1999–2000 гг.) основную долю вынужденных мигрантов составили чеченцы [Там же].

К началу 2000-х гг. отчетливо проявилась смена ведущей тенденции в этнополитических процессах, а вслед за ней изменился и характер межэтнических отношений. В это время противоречия между республиками и федеральным центром стали менее заметными по сравнению с новой проблематикой — конфликтностью взаимоотношений этнических мигрантов и принимающих сообществ, прежде всего в городах России.

«Горизонтальные конфликты» — этнически окрашенные межгрупповые конфликты. Это название весьма условное. Во-первых, речь не обязательно идет о конфликтах как наиболее острых социальных противоречиях, проявляющихся

в открытых действиях, зачастую это более мягкие противоречия, например взаимные подозрения, не доходящие до прямых столкновений. Во-вторых, слово «горизонтальные» подчеркивает, что эти противоречия не затрагивают непосредственно отношений общества и власти, а протекают внутри разных групп населения или между ними. Такие горизонтальные противоречия могут возникать при взаимодействии индивидов и групп, идентифицирующих себя с этническим большинством или с меньшинствами, с местным населением или с мигрантами, а также между разными группами внутри мигрантских сообществ и др.

К числу давних относятся следующие горизонтальные конфликты в России:

- *борьба за однотипные формы хозяйственного использования ограниченных земельных и водных ресурсов с включением в конфликт этнической мобилизации.* Классические примеры дают хозяйственно-земельные споры в равнинных сельскохозяйственных районах Дагестана, если в соседних селениях или кварталах крупных полиэтнических селений проживают представители разных этнических общностей: аварцы, чеченцы-акинцы, кумыки, лезгины и др.; подобные конфликты в Ставропольском крае и Ростовской области между русскими и этническими группами выходцев из Дагестана и Чеченской Республики; конфликты в Республике Крым между русским и крымско-татарским сельским населением;

- *борьба за разное хозяйственное использование одних и тех же территорий* в районах проживания народов с разными хозяйственно-культурными традициями (например, земледельческой и скотоводческой) и разными исторически сложившимися этническими специализациями. Одни группы хотят использовать территорию как пастбища, а другие для земледелия. Такие конфликты характерны для многих регионов Северного Кавказа. В районах проживания коренных малочисленных народов Севера подобные конфликты возникают в случае попыток промышленного освоения территорий традиционного хозяйствования коренных народов, например оленеводства.

В 2000–2020 гг. наибольший размах межэтнических конфликтов проявился не в республиках России, а в ее краях и областях и не столько в сельской местности, сколько в крупнейших городах, центрах притяжения мигрантов. В эти годы проявились две основные разновидности горизонтальных конфликтов с этнической мобилизацией:

- *погром — одностороннее идеологически подготовленное насильственное действие представителей националистических групп этнического большинства, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств, и прежде всего мигрантов.* Термин «погром», вошедший ныне в правовой язык во всем мире, возник в России в конце XIX в., когда в еврейских кварталах некоторых городов устраивались погромы, инспирированные властями по политическим и идеологическим соображениям. В настоящее время

погромы характерны для разных стран мира, и одним из основных объектов такой формы насилия все чаще становятся мигранты [Сапего 2006]. По данным аналитического центра «Сова», насильственные действия, мотивированные этническими предрассудками в отношении меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, в начале 2000-х гг. отмечались более чем в 40 регионах страны. Местом наибольшего притяжения мигрантов стали крупнейшие города страны. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42 % всех преступлений на этнической почве, на Санкт-Петербург и Ленинградскую область — 11–15 % [Альперович, Юдина 2012];

- *двусторонние, спонтанные межэтнические конфликты на основе изначально бытовых столкновений.* Классическим примером конфликта этого типа могут служить столкновения в Кондопоге (Карелия). В 2006 г. здесь в течение нескольких дней (29 августа — 3 сентября) разрастался межэтнический конфликт, первоначальным толчком для которого стал заурядный бытовой спор в ресторане. Сторонами этого спора были две группы людей, русской и чеченской национальности, и в какой-то момент обе они посчитали, что задеты их этнические чувства. В напряженной психологической обстановке этого оказалось достаточно для вспышки этнического конфликта, в который было вовлечено, в его кульминационной точке, около тысячи жителей города. По аналогичному сценарию развивались события в других населенных пунктах (Демьяново, Кировская область, 2012 г.; Пугачев, Саратовская область, 2013 г.; Бирюлево, Москва, 2013 г.; Нурлат, Татарстан, 2013 г.; Чемодановка, Пензенская область, 2019 г.; и др.), хотя этнический состав групп, вступавших в конфликт, был разным.

Преобладание в 2000-х гг. миграционных горизонтальных конфликтов над вертикальными указывает на сближение этнополитической ситуации в России со странами «глобального Севера», в межэтнической и межконфессиональной проблематике которых, несомненно, преобладают темы, связанные с миграционными процессами. На рубеже XX–XXI вв. Россия и Германия уступали только США, но лидировали в Европе среди стран с наибольшим притоком иммигрантов. При этом по уровню негативного отношения принимающего населения к иммигрантам Россия, судя по данным Европейского социального исследования (ESS), в трех его волнах (2006–2008; 2016 и 2019 гг.) устойчиво занимала срединное положение и входила в одну группу с Чехией и Эстонией; уступала Германии, Великобритании и Франции, но выглядела более толерантной в сравнении с Венгрией, Израилем и Португалией [Дробижева 2013, с. 256].

В числе проблем «горизонтальных» межэтнических отношений сохраняются, хотя и выглядят менее болезненными, чем миграционные, взаимоотношения между русским населением и титульными этническими общностями в республиках. В таких отношениях можно выделить три основные проблемные сферы:

- *социально-экономическое и социально-статусное неравенство*. Исследования Института социологии РАН показывают, что при всех нюансах таких различий, они имеют преимущественно психологическую природу. Как отмечает В. Коротеева, «люди склонны преувеличивать ущемленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии» (цит. по: [Дробижева 2013, с. 234]);

- *изменение этнодемографической ситуации*. В Российской империи и в СССР до 1959 г. численность русского населения в так называемых национальных окраинах росла, а затем стала сокращаться. И эта тенденция ныне характерна для большинства республик Российской Федерации. Сложившаяся этногеографическая ситуация сама по себе воспринимается как неблагоприятная немалой частью русского населения в республиках, но она порождает предпосылки для межэтнических конфликтов в ряде других сфер, например этноязыковой;

- *этноязыковые отношения и проблемы*. Они весьма характерны для взаимоотношений автохтонных этнических меньшинств и этнического большинства страны. В меньшей мере такие проблемы затрагивают отношения мигрантов и принимающего населения. Мигранты, как правило, осваивают язык принимающего сообщества, тогда как этнические меньшинства, исторически сложившиеся в той или иной стране, особенно те, которые сохранили свои этнические территории, обычно стремятся сохранить и родной язык. В Российской империи использование и преподавание языков меньшинств, даже если не ограничивались законом, то не поощрялись. В Советском Союзе в 1920–1930-х гг. проводилась политика коренизации: осуществлялся переход делопроизводства с русского языка на языки других народов России, не только во всех советских республиках, но даже в сельских национальных районах. К 1937 г. эта кампания была свернута и установилась норма, при которой меньшинствам необходимо было изучать и знать русский язык, а русским в большинстве республик СССР, не говоря уже об автономиях в составе РСФСР, необязательно было знать язык народа, именем которого названа республика. Конституция России 1993 г. закрепила изменение языковой политики: республики РФ получили право устанавливать свои государственные языки, а в некоторых из них они стали обязательными для изучения всеми гражданами вне зависимости от этнической принадлежности. В 2018 г. этноязыковое законодательство фактически вновь вернулось к советской модели. 25 июля 2018 г. Государственная дума приняла поправки к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», которые делают обязательным изучение государственных языков республик. Однако эти изменения в российской языковой политике вызвали протесты у части национальной интеллигенции и студенчества в Татарской, Башкирской, Чувашской республиках, а также в Республике Коми. Проблемы, связанные с языками титульных национальностей республик Российской Федерации, способны оживить

вертикальные конфликты суверенизации. Напомним, что в конце 1980-х гг. движение балтийских республик к независимости началось с их требований к руководству СССР о возрождении национальных языков.

Весь комплекс этносоциальных и этноязыковых проблем в России разворачивается на фоне значительного подъема интереса людей к этнической идентичности. Исследования Института социологии РАН свидетельствуют, что для второй декады XXI в. характерны наивысшие показатели этих ценностей за двадцать лет наблюдения. Этническая идентичность впервые оказалась значимой для 90 % граждан [Дробижева 2013, с. 264]. Почти всеобщий интерес граждан России к своей этнической идентичности не выглядит таким уж необычным для страны с почти 200 народами и одним из самых высоких в мире притоком мигрантов. Впрочем, во всем мире вырос интерес к этнической идентичности, хотя многие выдающиеся мыслители предрекали ее затухание и переход в эпоху постнационального мира. Вторая декада 2000-х гг. ознаменовалась взрывом национал-популизма, важную особенность которого подметил немецкий политолог Клаус Зегберс: «Во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют “политиками идентичности” — те видятся им более важными, чем экономическая политика. Политика идентичности — это то, что я чувствую себя обделенным, я чувствую себя маргинализированным, я чувствую себя утратившим политический голос, я чувствую себя разоренным. И единственный способ с этим справиться — чувство культурной идентичности» [Зегберс 2019]. Есть и другие важные причины роста общественного интереса к культурной (в том числе и этнической) идентичности. После террористических актов начала 2000-х гг. — в городах США, Париже, Лондоне и Стокгольме — значительно возросла потребность людей в национальном сплочении. И наконец, фактор глобализации вызывает не только усиление взаимосвязи стран мира, наций, людей, но и противоположный процесс роста интереса к своей стране, своей малой родине и своей этнонациональной идентичности. Возможно, существуют и другие факторы, вызывающие оживление этнической идентичности. Их анализ представляет немалый научный интерес, но в практическом отношении важнее то, что такая активизация и политизация этничности требуют внимания общества и государства и умелого регулирования межэтнических отношений.

Список литературы

- Альперович, Юдина 2012 — *Альперович В., Юдина Н.* Ультраправые на улицах, правоохранители в Интернете [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2012. 27 июня. URL: http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/ (дата обращения: 20.09.2020).
- Бромлей 1983 — *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
- Дробижева 2013 — *Дробижева Л. М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013. 332 с.

- Зверев 1996 — *Зверев А.* Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе: сб. ст. / под ред. Б. Коппитерса. М. : Весь Мир, 1996. С. 19.
- Зегберс 2019 — *Зегберс К.* Этика «базовых нужд» и современная Европа [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». 2019. 6 мая. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7361> (дата обращения: 20.09.2020).
- Калхун 2006 — *Калхун К.* Национализм / пер. с англ. А. Смирнова. М. : Территория будущего, 2006. 286 с.
- Костенко 2014 — *Костенко В. В.* Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 62–76.
- Мкртчян 2002 — *Мкртчян Н.* Десятилетие вынужденной миграции в России [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2002. 26 июня. URL: <https://polit.ru/article/2002/06/26/464308/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Народы и религии 1998 — Народы и религии мира / гл. ред. В. А. Тишков. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 926 с.
- Паин 2004 — *Паин Э. А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. : Новое издательство, 2004. 248 с.
- Паин 2015 — *Паин Э. А.* Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 54–71.
- Ренан 2006 — *Ренан Э.* Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 20.09.2020).
- Сапего 2006 — *Сапего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.
- Сафин, Мухтасарова, Халиулина 2019 — *Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И.* Этногеографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 2. С. 152–167. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
- Сороко 2014 — *Сороко Е.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
- Стратегия государственной национальной политики 2012 — Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс] // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Суни 2014 — *Суни Р. Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М. : РОССПЭН, 2014. С. 17–40.
- Широкогоров 1923 — *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. 134 с.
- Этнические группы 2006 — Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. М. : Новое изд-во, 2006. 198 с.
- Federalism and Multiethnic States 2000 — *Federalism and Multiethnic States: the Case of Switzerland* / ed. by L. R. Basta Fleiner, Th. Fleiner. 2nd rev. ed. Genève ; Munich : Helbing et Lichtenhahn, 2000. 231 p.
- Hansen 1938 — *Hansen M. L.* The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL : Augustana Historical Society, 1938. 24 p.
- Meinecke 1911 — *Meinecke Fr.* Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. München ; Berlin : R. Oldenbourg, 1911. 553 s.
- Vazsonyi 1999 — *Vazsonyi N.* Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the «National Spirit Debate» in Germany, 1765–1767 // German Studies Review. 1999. Vol. 22. No. 2. P. 225–246. DOI: 10.2307/1432074.

References

- Al'perovich, V. and Yudina, N. (2012), "The Extreme Rightists on the Streets, Law Enforcers in the Internet", *Polit.ru*, 27 June, available at: http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/ (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Barth, F. (ed.) (2006), *Ethnic Groups and Boundaries*, translated by Pil'shchikov, I., Novoe izdatel'stvo, Moscow, 198 p. (in Russian).
- Basta Fleiner, L. R. and Fleiner, Th. (eds) (2000), *Federalism and Multiethnic States: the Case of Switzerland*, 2nd rev. ed., Helbing et Lichtenhahn, Genève, Munich, 231 p.
- Bromlei, Yu. V. (1983), *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos], Nauka, Moscow, 412 p. (in Russian).
- Calhoun, C. (2006), *Nationalism*, translated by Smirnov, A., Territoriya budushchego, Moscow, 286 p. (in Russian).
- Drobizheva, L. M. (2013), *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in Socio-Political Space of the Russian Federation. The Lessons of the Past 20 years], Novyj Khronograf, Moscow, 332 p. (in Russian).
- Hansen, M. L. (1938), *The Problem of the Third Generation Immigrant*, Augustana Historical Society, Rock Island, IL, 24 p.
- Kostenko, V. V. (2014), "Theories of Migration: from Assimilation to Transnationalism", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no. 3, pp. 62–76 (in Russian).
- Meinecke, Fr. (1911), *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*, R. Oldenbourg, München, Berlin, 553 s.
- Mkrtychan, N. (2002), "A Decade of Forced Migration in Russia", *Polit.ru*, 26 June, available at: <https://polit.ru/article/2002/06/26/464308/> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Pain, E. A. (2004), *Mezhdru imperiei i natsiei. Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii* [In between the Empire and Nation. A Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russia's Policy on Nationalities], Novoe izdatel'stvo, Moscow, 248 p. (in Russian).
- Pain, E. A. (2015), "Imperial Nationalism: Emergence, Evolution and Political Prospects in Russia", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 54–71 (in Russian).
- Renan, E. (2006), *Chto takoe natsiya? Doklad, pročitanniy v Sorbonne 11 marta 1882 goda* [What is a Nation? A Report Delivered at Sorbonne on March, the 11-th, 1882], available at: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Safin, F. G., Mukhtasarova, E. A. and Khaliullina, A. I. (2019), "Ethno-Linguistic and Ethno-Demographic Development of Finno-Ugric Nations in the Ural-Volga Region", *Finno-Ugric World*, vol. 11, no. 2, pp. 152–167 (in Russian). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
- Sapego, G. (2006), "Immigrants in Western Europe", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 9, pp. 50–58 (in Russian).
- Shirokogorov, S. M. (1923), *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii* [Ethnos. A Study into Fundamental Principles for the Change of Ethnic and Ethnographic Phenomena], Shanghai, 134 p. (in Russian).
- Soroko, E. (2014), "Ethnically Mixed Families in the Russian Federation", *Demographic Review*, vol. 1, no. 4, pp. 96–123 (in Russian).
- Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666* [The Strategy for the State Policy on Nationalities for the Period until 2025 (Approved by the Decree of the RF President of 19 December 2012 No.1666)] (2012), Garant.ru, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Suni, R. G. (2014), "The Soviet and the National: the Unity of Contradictions", in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody, materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 goda* [Soviet Nations and the State Policy on Nationalities

- in 1920-1950s, Collected Papers of the 6-th International Scientific Conference. Kiev, 10-12 October, 2013], ROSSPEN, Moscow, pp. 17-40 (in Russian).
- Tishkov, V. A. (ed.) (1998), *Narody i religii mira* [Peoples and Religions of the World], Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Moscow, 926 p. (in Russian).
- Vazsonyi, N. (1999), "Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the 'National Spirit Debate' in Germany, 1765-1767", *German Studies Review*, vol. 22, no. 2, pp. 225-246. DOI: 10.2307/1432074.
- Zegbers, K. (2019), "Ethics of "Basic Needs" and Today's Europe", *Fond "Liberal'naya missiya"*, 6 May, available at: <http://www.liberal.ru/articles/7361> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Zverev, A. (1996), "Ethnic Conflicts in the Caucasus", in Koppiters, B. (ed.), *Spornye granitsy na Kavkaze, sbornik statei* [Disputed Borders in the Caucasus, collected papers], Ves' Mir, Moscow, p. 19 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторе

Паин Эмиль Абрамович
доктор политических наук, профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: epain@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8796-187X

Information about the author

Pain, Emil Abramovich
D. Sci. (Political Sciences), Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: epain@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8796-187X

К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭКСПЛОЗИИ ЗАНЯТИЙ И ПРОФЕССИЙ

Александр Г. Кислов

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия;

Е. Ю. Щербина

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Предлагается актуализация концептуального потенциала научно-философского наследия Ю. М. Лотмана (1922–1993) и М. К. Петрова (1923–1987) в направлении теории взрывного усложнения, роста многообразия и нестабильности, наблюдаемых в последнее время в сфере занятий человека, профессий и связанных с ними институций (профессиональных сообществ, профессионального образования, профориентологии и др.). Гетерогенная и гетерономная совместность (фр. *partage*) в свете работ Ж.-Л. Нанси (р. 1940) — важнейшая эвристическая интуиция предлагаемой актуализации. Она позволяет продумать единую, но подвижную, разнонаправленно трансформируемую и полисемантическую рамку будущей теории ускоренно обновляемого профессионального многообразия, его объяснения, прогноза вероятных сценариев развития и стратегий самоопределения в нем и управленческих стратегий в его отношении. Концептуальная развертка интуиции совместности представлена совместимой и с теоретическими положениями семиотики культуры Ю. М. Лотмана и социокультурной динамики М. К. Петрова. Профессиология до настоящего времени находится в поиске методологической платформы, которая позволила бы дополнить ее ретроспективные обобщения и междисциплинарную разорванность. Актуализация потенциала концепта совместности позволяет ей консолидировать мультидисциплинарные исследования и их результаты и направить по пути бережного в отношении сделанного и одновременно смелого в сообразовании с заявляющими о себе социальными процессами теоретического конструирования. Авторы наблюдают готовность современного мультидисциплинарного дискурса к объединению на такой методологической платформе, позволяющей не раствориться в ней под воздействием неизбежных для методологии приоритетов и презумпций и в то же время сфокусировать коллективные

усилия сообщества исследователей мира занятий и профессий на наиболее перспективных и практико-ориентированных аспектах предмета своего исследования.

Ключевые слова: многообразие, взрыв, эксплозия, неопределенность, совместность, мир занятий и профессий.

Для цитирования: Кислов Александр Г., Щербина Е. Ю. К концептуализации эксплозии занятий и профессий // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 88–103. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.004

TOWARDS THE CONCEPTUALIZATION OF OCCUPATIONS AND PROFESSIONS' EXPLOSION

A. G. Kislov

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

E. Yu. Shcherbina

Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The paper proposes the mainstreaming of the conceptual potential of Yu. M. Lotman (1922–1993) and M. K. Petrov (1923–1987) scientific and philosophical heritage relating to the theory of explosive complexity, increasing diversity and instability, which our society has recently been observing in occupational, vocational and professional spheres and the related social institutions (professional associations, professional education, professional guidance, etc.). Heterogeneous and heteronomic being-in-common (Fr. *partage*) in light of the works of J.-L. Nancy (b. 1940) is the most important heuristic intuition of the proposed updating. It allows one to think through a single, but flexible, multi-directionally transformable and polysemantic framework for the future theory of rapidly updated professional diversity, its explanation, forecast of likely development scenarios and strategies for self-determination within it and management strategies in relation to it. The authors present the conceptual unfolding of the intuition of being-in-common (*partage*) to be compatible with both the theoretical provisions of the semiotics of culture of Yu. M. Lotman and the socio-cultural dynamics of M. K. Petrov. Professionology is still searching for a methodological platform that would complement its retrospective generalizations and interdisciplinary discontinuity. The actualization of the potential of the concept of compatibility allows it to consolidate multidisciplinary research and its results and to guide them along the path of careful and, at the same time, bold theoretical construction in accordance with what social processes declare themselves to be. The authors observe the readiness of today's multidisciplinary discourse to unite

on such a methodological platform that allows for not to being lost in it under the influence of priorities and presumptions that are inevitable for the methodology, but, at the same time, focusing the collective efforts of occupational researchers on the most promising and practice-oriented aspects of the subject of their research.

Keywords: diversity, blast, explosion, uncertainty, compatibility, the world of occupations, vocational and professions.

For citation: Kislov, Alexandr G. and Shcherbina, E. Yu. (2020), "Towards the Conceptualization of Occupations and Professions' Explosion", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 88-103 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.004

Происходящее в мире занятий и профессий потребовало не только оценивающих их потенциал ретроспекций концептуальных подходов к этой сфере и реализующих их теоретических построений [Абрамов 2014; Абрамов 2016], но также и активного концептуального поиска тех интуиций, которые бы позволили от констатаций конца стабильности и определенности перейти к этапу их объяснения, прогнозирования возможных векторов их развития и предложения адаптационных и управленческих стратегий, позволяющих человеку, социуму обустроиться в неравновесном и турбулентном мире [Романов, Ярская-Смирнова 2015]. В этом поиске должна занять свое место интуиция совместности, активно разворачиваемая в концептуальных построениях Ж.-Л. Нанси и последовавших за ним авторов. Обращая на нее внимание тех, кто занимается осмыслением современного мира занятий и профессий, подчеркнем также важность наследия отечественных авторов, концептуально совместимых с Ж.-Л. Нанси и его последователями, что может оказаться весьма значимым в современной работе по построению новой теории занятий и профессий. Авторами настоящей публикации уже предпринимались некоторые попытки обратить на них внимание [Щербина, Кислов 2020а; Щербина, Кислов 2020b], в развитие которых предложена эта статья.

В 1992 г. только что вышедшая тогда работа Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» [Лотман 1992] если и произвела взрыв, то лишь в узком кругу ее читателей. Она не стала методологическим манифестом для русскоязычных гуманитариев, хотя имела все основания таковым стать. Их внимание тогда поглотил другой взрыв, названный потом В. В. Путиным «крупнейшей геополитической катастрофой прошлого века». Ю. М. Лотман в своей работе писал: «Взрыв как явление физики лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности. Но если бы в основе наших представлений сегодняшнего дня лежали такие ассоциации, как эпохи великих открытий, Ренессанс или вообще искусство, то понятие взрыва напоминало бы нам, скорее, такие явления, как рождение нового живого существа или любое другое творческое преобразование структуры жизни» [Лотман 1992, с. 22].

За прошедшие после выхода книги Ю. М. Лотмана почти три десятилетия «творческое преобразование структуры жизни» стало прочно коннотировать с турбулентностью, взрывом, более того — с эксплозией как его предельно экспоненциальной разновидностью. Как следствие — и распространившаяся в мироощущении значительного числа людей, сформированных в архаичных традициях стабильности и инерции, «стратегическая растерянность» [Лукша 2018] и многочисленные (тоже эксплозия!) встречаемые ей версии стратегий, призванных совладать с нею, обуздать ее — какой-нибудь определенностью. Определенности этих стратегических версий имеют, конечно же, семиотическую природу, что сохраняет актуальность обращения к названной работе Ю. М. Лотмана и в наши дни.

Обратим также внимание, что эксплозией вполне может быть названо и то, что происходит сегодня в мире профессий, шире — во всей сфере человеческих занятий, активностей. Они становятся всё менее стабильными, все более неопределенными: «В настоящее время руководители принимают кадровые стратегические решения в условиях неопределенности. В то же время никто не может гарантировать работнику, что его квалификация будет востребована в кратко- и среднесрочной перспективах» [Иштирякова, Галева 2019, с. 26]. Определенность теряет само понятие профессии. В ответ разворачивается поиск моделей содержания и организационных форм «преадаптации к неопределенности как стратегии навигации целенаправленных развивающихся систем» [Асмолов, Шехтер, Черноризов 2017, с. 8], в том числе преадаптации человека к нестабильному миру профессий и иных занятий, профессиональной ориентации и переориентации, непрерывного и опережающего профессионального образования. Поэтому и среди поставленных на государственном уровне задач национального проекта «Образование» — модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ; формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся [Национальный проект 2018].

Но профессии — это не только применяемые в профессиональной деятельности знания и умения, не только реализация способностей и талантов. Каждая профессия — это всегда особый дискурс (выраженный, прежде всего, в языке, а также в деятельности и взаимоотношениях с миром), а значит, и обособленная группа его (этого дискурса) носителей, т. е. профессиональное сообщество. Обособленность его не установлена искусственно. Здесь имеет место естественный и неизбежный эзотеризм, обусловленный спецификой определенной социокультурной ниши. Определенность же данной ниши не только подвижна,

как всё в современном мире, но еще и определяема изнутри, из самой ниши, т. е., говоря языком эзотериков, «посвященными», их авторитетом, традициями, инерцией. В связи с чем здесь пригодятся некоторые основополагающие для его концепции понятия известного не в самых широких кругах даже гуманитариев М. К. Петрова (1923–1987), размышлявшего о причинах появления и путях становления европейской науки и построенного на научных основаниях образования [Петров 1991; Петров 1996; Петров 1997; Петров 2004]. Они не им придуманы, но довольно основательно продуманы, и, как в гуманитаристике часто бывает, мало-помалу, но результаты его интеллектуальных усилий входят в признаваемый научным сообществом теоретический инструментарий¹.

Первое понятие — **фрагментация** (и соответствующая ей **упаковка**) **знаний** и всего значимого для определенной культуры содержания. Важны и способы фрагментирования, разбивки, сегментации этого содержания, и способы его упаковки и сохранения, и способы выражения (тут в дело вступают знаки, языки) и трансляции, а еще и (для тех культур, где она есть) способы трансмутации (обновления) знаний, культуры в целом. Надо заметить, что трансмутации совсем не для каждой культуры обязательны и совсем не фатальны: сотни тысяч лет человечество ими не было озабочено, а если и было, то разве что во имя пресечения таковых, и это обеспечивало стабильность, консервацию, воспроизводство наработанного определенной культурой, но ни в коем случае не его обновления. Табуирование обновлений, то глухое, то яростное сопротивление им, вязкая инерция старого, традиционного гораздо характернее для культуры, особенно если смотреть на нее ретроспективно. И до сих пор есть островки откровенного пресечения трансмутации знаний, развития культуры. До сих пор есть континенты (не совпадают с географическими) неоткровенного, то стыдливого, то невнятного, а при этом нередко и вдохновенного, но — пресечения обновления знаний, представлений о мире и человеке, всего культурного содержания.

Тем не менее в истории Европы, начиная с эллинов, случился прорыв (взрыв), «мерами затухающий и мерами возгорающийся», как огонь Гераклита: наряду и на остатках руинизируемой мифологии возникла наука, поначалу преимущественно как теоретическое (созерцательное, умозрительное, но рефлексивное и самокритичное) отношение людей к миру и самим себе, некоторое время лишь в форме отвлеченного от повседневности философствования, а потом и как подкрепленное опытным, а то и экспериментальным вторжением в действительность — как природную, так и социальную, в меж- и даже внутриличностную. Но вторжение это всё равно задавалось теоретическими предположениями. Теория стала новым (после мифа появившимся) способом

¹ См., например, публикации авторов, объединяемых журналом «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований» [Политическая концептология 2020].

упаковки и трансляции, а еще и трансмутации (чего нет в мифе) знания, а вслед за ним и всей культуры.

Теория позволила знанию стать компактным и емким, потому что предельно обобщенным, а потому мобильным и адаптивным, в том числе к практическим запросам. Отвлеченная теория смогла стать конвертируемой в самую обыденную практику, а ее преподавание новым поколениям оформилось в специальный социальный институт, именуемый университетом (высшей школой), распространившимся по всем странам мира поверх не только их религиозных, но и экономических, и политических различий. Всякое профессиональное сообщество в Европе благодаря упомянутому случившемуся у эллинов и распространившему свое воздействие социокультурному взрыву стало носителем не только и не столько корпуса герметических мифов, но и теории (теорий) — не только «легких на подъем» по части своего распространения (трансляции) среди владеющих навыками теоретического мышления представителей рода человеческого, но и располагающих к конструированию разнообразных, в том числе альтернативных, версий интерпретаций реальности и способов взаимодействия с ней. Альтернативность и пролиферация вступили в конкуренцию с традицией и сакрализацией.

Второе важное для концепции М. К. Петрова понятие — *пределы индивидуальной ментальной вместимости*: сколь бы ни был способ теоретической упаковки компактным, но возможности всякого индивида впитывать, удерживать в памяти, а еще и переосмысливать знания всё равно ограничены — и психически, и физиологически. Знания, культурную память приходится приспособлять под неизбежную ограниченность индивидов — во все времена, пока индивиды играют хоть какую-то роль в существовании социума. Неизбежным следствием такого приспособления к ограниченности индивидов и является сообразуемая с ней фрагментация знаний, памяти, культурного наследия. «Физиологические и ментальные ограничения человека, его “вместимость” как субъекта любых видов социально необходимой... деятельности вынуждают общества любых типов, если они несут через поколения массив знаний, превышающий возможности индивида, фрагментировать этот массив на части, посильные человеку. Поскольку объем фрагментов лимитирован лишь трудоемкостью и сложностью входящих в него программ деятельности, в состав фрагмента [эти] программы могут входить в самых причудливых сочетаниях. В долине Ганга, например, фрагмент “парикмахер”, прописанный по касте наи, в качестве одной из программ включает обязанность устраивать матримониальные дела семей клиентов» [Петров 1991, с. 118]. Эта «причудливость» фрагментирования несет в себе много случайного, о чем М. К. Петров говорит часто и с доброй иронией, имея в виду усилия ищущих в этих процессах что-то аподиктическое: иногда полезно успокоиться и на признании контингентности.

Третье понятие, важное для понимания феномена профессий в рамках концепции М. К. Петрова, — **интерьер** (наполнение в границах вместимости): профессиональная деятельность «репродуктивна, фрагмент знания как раз и возможен в силу ее репродуктивности, поэтому относящиеся к делу реалии — материалы, орудия, продукты — получают некоторую обобщенную характеристику, которую мы... будем называть “интерьер” — вычлененное из социального окружения вообще и прихватывающее реалии самой социальности “рабочее место” данного смертного индивида, как оно определено фрагментом знания. Границы и состав интерьера должны определяться тем минимумом, без которого зафиксированные во фрагменте виды деятельности становятся невыполнимыми... Мертон в близком значении употребляет термин “ролевой набор”, но в его определении отсутствует весьма существенная... черта — жизненно важная для индивида связь интерьера с фрагментом знания, а через фрагмент с социальным целым как долгоживущей, практически вечной сущностью... Связь интерьера деятельности с фрагментом знания, обязательное присутствие фрагмента в интерьере на правах весьма существенной его реалии важны... в том именно плане, что индивид способен внести какой-то вклад в социальную наследственность, модифицировать или... “трансмутировать” ее только через унаследованный им фрагмент знания» [Петров 1991, с. 15].

Одним лишь сообразованием с возможностями индивидов (их границами и потенциалом трансмутаций) дело не заканчивается. Культура вмещает в них себя, а не что-то другое. Транслирует через них — себя. И трансмутирует через индивидов, через их активность, в том числе творческую, тоже она — определенная культура. Потому способы фрагментации определяются еще и ею же, ее особенностями — и здесь уже много аподиктического. Согласно М. К. Петрову, — лежащим в основе определенного типа культуры **социокодом** (по аналогии с генетическим кодом в живом мире — четвертое понятие, играющее важную роль в его концепции). От социокода наряду с границами ментальной вместимости индивидов зависит не только то, как фрагментируется и реплицируется знание, всё содержательное богатство культуры. Он задает фрагментацию и репликацию не только знаний, но и типов деятельности, прежде всего профессиональной, которыми занимаются индивиды, принадлежащие данной культуре, и комплекса институтов коммуникаций между ними, в том числе и профессиональных и образовательных институтов (сообществ).

Социокультурная трансмутация напрямую касается индивидов, творится как социокодом, так и некоторыми из них, **вместе** с ними, вторгается в отношения почти **между** всеми ними (специально выделяем термины, актуализированные Ж.-Л. Нанси, безбрежно широко употребляемые, но глубоко им осмысленные в концепции совместности). Потому эллинский социокультурный взрыв неизбежно продолжается становлением общества индивидов (Н. Элиас), индивидуализированного общества (З. Бауман). А интенсивные трансмутации

проявляются не только установлением дополнительных возможностей выстраивания взаимосвязей (сегодня — мобильные телефоны, электронная почта, сети и т. д.), но и сопровождающими их порой значительными разрывами (множественностью, по Ж.-Л. Нанси) между людьми, особенно в коммуницировании между группами различных интересов, в том числе поколенческими и, конечно, профессиональными (эти группы получают возможность всё больше замыкаться на себя, игнорируя коммуникацию с представителями других групп). Эзотеричность и герметичность той ниши, в которой существуют сегодня отдельные профессиональные сообщества, порой столь велика (живой и «свежий» пример — адвокат Э. Пашаев, много правды продемонстрировавший о своей профессиональной группе), что некоторые современные «работодатели практически никогда не могут четко и операционально (т. е. на уровне алгоритма) выразить свои требования к кандидату. Однако в подавляющем большинстве случаев отбор и последующее продвижение происходит не по формальным критериям, а по «общности **языка**». Общность устанавливается в первые же минуты собеседования: по словам-маркерам, часто ничего не говорящим постороннему, и используемым оборотам речи, которые действуют как пароль («Мы с тобой одной крови, ты и я»). То, что традиционно именуется «личными качествами» претендента, порой не имеет никакого отношения к его личности — это качества **языка**, которым он овладел (и который овладел им)» [Вахштайн 2006, с. 28].

Метафора языка в осмыслении социокультурных реалий, процессов оказывается неизменно плодотворной. Метафора — не просто один из выразительных приемов, свойственных поэтическому и обыденному языку. Мышление метафорично, поскольку оно является не механическим повторением сказанного или написанного, а творческим смысловосозданием и смыслоосозиданием: «Метафора именно создает, а не выражает сходство» [Блэк 1990, с. 154]. Поэтому метафоричны языки науки, научное мышление, в том числе в науках, чьим объектом является сфера образования [Вахштайн 2011; Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013; Леонтьева 2011] — профессионального образования в частности. И метафоричность науки особенно возрастает, когда она ищет ответы на нетривиальные вызовы [Андрюхина 2013].

Нетривиален поиск ответа на вызов роста профессиональной мобильности, вполне реальной и часто вынужденной на протяжении всей жизни современного человека, что делает необходимой адаптацию к ней, готовность человека к смене своих профессиональных и иных занятий, ролей, статусов. Профессии обнаружили свою конечность во времени и текучесть (неопределенность) в пространстве, т. е. многие уходят в прошлое, большинство трансформируется, растет число новых. И поскольку мир профессий и видов занятий в современном обществе стремительно усложняется, постольку усложняются содержание, структура, формы профессионального образования.

Сравнение мира профессий и особенно освоения профессий (профессионального образования) с миром языков не случайно. «Нам нетрудно представить себе образование по аналогии с языком, когда мы говорим о развитии маленького ребенка. Собственно, для него освоение языка и есть образование. На первых этапах жизни “словарный запас” — естественный показатель образованности... коррелирует образования. Однако значит ли это, что “родовое сходство” образования и языка заканчивается с последним написанным в школе сочинением? Отнюдь нет. Профессиональное образование еще в большей степени требует обращения к лингвистической метафоре» [Вахштайн 2006, с. 28]. Потому полезно будет вернуться к семиотике Ю. М. Лотмана.

В самой первой, ориентирующей всё последующее внимание читателя, фразе упоминавшейся его работы отмечено: «Коренными вопросами всякой семиотической системы являются, во-первых, отношение к внесистеме, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться» [Лотман 1992, с. 7], т. е. второй вопрос — к внутри-, интрасистеме. Иначе говоря, первый вопрос — о ее гетерономии, второй — об автономии. Классическим примером поиска ответов на эти вопросы стали размышления И. Канта о гетеро- и автономии морали. Ю. М. Лотмана же интересует соотношение гетеро- и автономности семиотической системы, языка. Потому что «мы погружены в пространство языка. Мы даже в самых основных условных абстракциях не можем вырваться из этого пространства, которое нас просто обволакивает, но частью которого мы являемся и которое, одновременно, является нашей частью. И при этом наши отношения с языком далеки от идиллии: мы прилагаем гигантские усилия, чтобы вырваться за его пределы, именно ему мы приписываем ложь, отклонения от естественности, большую часть наших пороков и извращений. Попытки борьбы с языком так же древни, как и сам язык. История убеждает нас в их безнадежности, с одной стороны, и неисчерпаемости — с другой» [Лотман 1992, с. 177].

Внутри дихотомии гетеро- и автономности «язык создает свой мир» [Лотман 1992, с. 8]. О повороте «мысли и языка к внешнему того самого предела, которому они раскрыты в показе (и который они показывают сами)» писал и Ж.-Л. Нанси [Нанси 1994, с. 164]. И общность носителей профессии («цех», профессиональное сообщество), и работающая на нее образовательная инсти-туция создают свой мир, в который втянуты и социум, и индивиды, и даже природа, а теперь и техносреда. И работают все эти элементы мира (интерьер) подобно тому, как действует язык, — только «втянув» их в себя, сделав их своей частью, подчинив внутри себя себе — хотя бы семиотически. В противном случае они лишь имитируют взаимодействие с ними, например под влиянием требований государства или семьи, или религиозных инстанций, раздражая

то тех, то других, то всех их вместе, но сохраняя свою герметичность — и чем больше на них нажим извне, тем плотнее их теснимая герметичность, чреватая в таком случае опять же — эксплозией. Без герметичности будет нарушен их гомеостаз, и без него они просто погибнут — эксплозия может вести к гибели, поскольку она — форма катастрофической реакции. Поэтому внешние институты, бесконечно посягая на автономию системы образования ли, профессиональных сообществ ли, вторгаясь в их пространство, вынуждены сдерживать себя и друг друга от случающихся порывов готовности подменить их самими собой. Так, например, даже семейное образование, даже в безупречно справляющейся с этой задачей семье без сопровождения и поддержки формальным (так часто и заслуженно жестко критикуемым) образованием оказывается лишенным важнейших социализирующих результатов.

«Пространство, лежащее вне языка, попадает в область языка и превращается в (его, языка. — *Авторы*) “содержание” только как составной элемент дихотомии “содержания — выражения”. Говорить о невыраженном содержании — нонсенс» [Лотман 1992, с. 8], т. е. язык не видит и не слышит того, что им же не выражено. Но в примечании к этой фразе чуткий Ю. М. Лотман не может не уточнить: «Сказанное не исключает того, что выражение может быть реализовано значимым нулем, присутствовать как отсутствие» [Лотман 1992, с. 8]. А то, что уже в языке, в том числе и включенное в него молчание (в форме пауз или хотя бы невнятицы, сбивчивости, косноязычия), недосказанность, несказанность, молчание в любой форме, — что-то выражает. Потому что оно — внутри языка, который всегда и обязательно — и содержание, и его (содержания) выражение. И эти «фигуры умолчания», непроизносимой самоочевидности для носителей языка определенной профессии — характерное проявление единого «содержания — выражения».

«Отношение языка к внеязыковой реальности — одна из коренных проблем. План содержания... представляет собой конвенциональную реальность. Язык создает свой мир. Одновременно возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, и мира, существующего вне связи с языком, лежащего за его пределами... Таким образом, исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (т. е. объективного с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка» [Лотман 1992, с. 8–9]. Из сказанного следуют: «1. Необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности. 2. Неизбежность того, чтобы пространство реальности не охватывалось ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.

Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность

есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы. Их взаимная непереводаемость (или ограниченная переводаемость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков. Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [Лотман 1992, с. 9–10].

Мир профессий так же изначально множественен, как языки. Через профессии люди взаимодействуют с одной и той же окружающей их реальностью, пусть с разными ее аспектами, которые отнюдь не однозначно соотносены с различными профессиями. Предметы профессиональной деятельности, да и сама деятельность, ее виды сосуществуют «внахлест», содержательно и формально пересекаются, переводятся, подобно разным языкам, друг в друга. При этом зачастую остается и непереводаемый остаток, делающий каждую из профессий незаменимой, не заменяемой даже совокупностью других. И чем шире и многообразней вовлекаемая в жизнь людей реальность, тем больше поводов к умножению умений, занятий, профессий. Процесс этот катастрофически ускоряется, он уже не только обустроивает человека в усложняющемся мире, он одновременно и взрывает это обустройство. Всё меньше оснований надеяться на управление этой эксплозией, но осмыслить, концептуализировать ее пытаться нужно, что даст шанс адаптации и даже преадаптации человека к теряющему определенность миру занятий и профессий.

Греза идеального (и потому всеохватывающего — так, как будто идеальность и всеохватность — синонимы) языка, описывающего (выражающего) идеальный мир — построение из серии «гладко было на бумаге». Адекватней реальности язык как множество, совместность разных языков, несводимое к единому знаменателю, как принципиально неполная, открытая целостность (по К. Геделю). Наверное, потому адекватнее, что сама реальность — не столько сплошная, континуальная, плавная, сколько разорванная, дискретная, взрывная, в том числе эксплозивная. Напрашивается аналогия с родо-видовым многообразием жизни, которая им и держится. Разрывы и различия [Делёз 1998] — то, что нужно научиться принимать, осмысливать, существовать в них — вопреки восходящим к архаике привычкам упаковки всего и вся в единую и единственную общность-тотальность, против чего выступает и Ж.-Л. Нанси. Совершенно не случайно отсутствие самой возможности идеального и потому

единственного языка: «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего.

В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение (идентичность А и В) делает общение бессодержательным. Таким образом, допускается определенное пересечение этих пространств и одновременно пересечение двух противоборствующих тенденций: стремления к облегчению понимания, которое будет постоянно пытаться расширить область пересечения, и стремления к увеличению ценности сообщения, что связано с тенденцией максимально увеличить различие между А и В. Таким образом, в нормальное языковое общение необходимо ввести понятие напряжения, некоего силового сопротивления, которое пространства А и В оказывают друг другу. Пространство пересечения А и В становится естественной базой для общения. Между тем как непересекающиеся части этих пространств, казалось бы, из диалога исключены» [Лотман 1992, с. 14]. И мир профессий, занятий тоже не может не быть напряженным, парадоксальным, множественным и потому живым, т. е. не идеальным, тотальным, придуманным, надуманным, сплошным и монологичным, без разрывов и срывов. Причудливо сложившаяся в разных культурах совместность занятий и профессий позволяет производить объективно полезное (внутреннее) и соответствующее внешней объективности, что становится основой совместности и разных культур, а потому и сравнений поисков ими оснований сравнимости, а то и идентичности некоторых (многих) профессий.

Ж.-Л. Нанси пишет о современном обществе не как о единстве, а как о совместности разнящейся множественности. Только в ней и возможен смысл, который — не со-мыслие, тем более не единомыслие [Нанси 1991, с. 101] Совместность проживается через *соприкосновения*, тактильно, в них она живет сообществом тел: «Они соприкасаются и одновременно друг от друга отталкиваются. Тело — истина тела — всегда было про-межутком между» [Нанси 1999, с. 93], но отнюдь не гармоничным строем, стремящимся слиться в едино- и затем в однообразии. «Обмен информацией в пределах пересекающейся части смыслового пространства страдает... пороком тривиальности. А ценность диалога оказывается связанной не с... пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе — делает его невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод неперевода оказывается носителем информации высокой ценности» [Лотман 1992, с. 15].

Так что радикальный гетерогенный и гетерономный мультипрофессионализм, подобно радикальному гетерогенному и гетерономному мультилингвизму, подобно колоссальному многообразию форм жизни, обеспечивает совместный общечеловеческий прорыв к объективному, к за-языковой реальности. Поэтому сегодня много говорят о мульти- и транспрофессионализме: вхождение в очень разные профессии (их освоение) и круги (социальные группы) их носителей (в профессиональные сообщества), опыт приятия, адаптации и преадаптации к разнице, готовность к встрече с новой разницей, совладание в этой ситуации с собой и самой этой разницей — путь совместного адаптивного сосуществования в мире, картина которого парадоксальна и благодаря этому более адекватна миру. Поэтому профессиональное образование должно стать не просто мультипрофессиональным, а избыточно-, метапрофессиональным [Кислов 2006]. Избыточность («экономия непроизводительной траты», по Ж. Батаю [Батай 2003; Кропотов 1999]) — не просто черта, а условие развития. Концептуально развернутая интуиция совместности Ж.-Л. Нанси, подкрепленная теоретическими построениями Ю. М. Лотмана и М. К. Петрова, позволяет осмыслить, объяснить эту избыточность и спрогнозировать ее развитие и наше самоопределение в нем. Профессиональное самоопределение серьезно заботит современного человека, и он стремится получить методологически убедительные основания теоретически состоятельных ответов на эту озабоченность.

Список литературы

- Абрамов 2014 — *Абрамов Р. Н.* Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 : Социология. Реферативный журнал. 2014. № 3. С. 22–49.
- Абрамов 2016 — *Абрамов Р. Н.* Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области : монография. М. : Вариант, 2016. 452 с.
- Андрюхина 2013 — *Андрюхина Л. М.* Культурная топология креативности: возможности человека XXI века // Инновационные проекты и программы в образовании. 2013. Т. 1. № 1. С. 3–8.
- Асмолов, Шехтер, Черноризов 2017 — *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
- Батай 2003 — *Батай Ж.* Проклятая доля / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М. : Гнозис : Логос, 2003. 208 с.
- Блэк 1990 — *Блэк М.* Метафора / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Вахштайн 2006 — *Вахштайн В. С.* Код образования // Платное образование. 2006. № 10. С. 26–29.
- Вахштайн 2011 — *Вахштайн В. С.* Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор. 2011. № 3. С. 20–30.
- Делёз 1998 — *Делёз Ж.* Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.
- Иштирякова, Галеева 2019 — *Иштирякова Л. Х., Галеева Г. М.* Трансформация рынка труда в условиях цифровизации экономики // Электронный экономический вестник Татарстана. 2019. № 3. С. 26–37.

- Кислов 2006 — Кислов А. Г. О перспективах профессиоведения // Профессиональная педагогика: становление и пути развития : материалы науч.-практ. конф., 11–12 апреля 2006 г., Екатеринбург : в 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2006. С. 75–80.
- Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013 — Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 224 с.
- Кропотов 1999 — Кропотов С. Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1999. 405 с.
- Леонтьева 2011 — Леонтьева Т. В. Технологическая метафора в лексико-семантическом поле «Обучение и воспитание» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 23–27.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.
- Лукша 2018 — Лукша П. О. Самообразование — спасательный круг в эпоху стратегической растерянности // Office Life. 2018. 7 июля. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Foffice.life.media%2Farticle%2Fpeople%2Fpavel-luksha-self-a-lifeline-in-an-era-of-strategic-confusion-%2F> (дата обращения: 20.09.2020).
- Нанси 1991 — Нанси Ж.-Л. О со-бытии / пер. М. К. Рыклина // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М. : Наука, 1991. С. 91–101.
- Нанси 1994 — Нанси Ж.-Л. Сегодня / пер. с англ. Е. Петровской // Ad Marginem '93 : ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН / под ред. Е. В. Петровской. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
- Нанси 1999 — Нанси Ж.-Л. Corpus / пер. Е. Петровской, Е. Гальцовой. М. : Ad Marginem, 1999. 255 с.
- Национальный проект 2018 — Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России : официальный интернет-ресурс. 2018. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 20.09.2020).
- Петров 1991 — Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М. : Наука, 1991. 328 с.
- Петров 1996 — Петров М. К. Историко-философские исследования. М. : РОССПЭН, 1996. 512 с.
- Петров 1997 — Петров М. К. Античная культура. М. : РОССПЭН, 1997. 352 с.
- Петров 2004 — Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М. : РОССПЭН, 2004. 775 с.
- Политическая концептология 2020 — Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований / под ред. В. П. Макаренко. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Романов, Ярская-Смирнова 2015 — Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М. : Вариант, 2015. 234 с.
- Щербина, Кислов 2020a — Щербина Е. Ю., Кислов А. Г. К образованию эпохи «Культуры и взрыва» // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 1 (86). С. 10–21. DOI: 10.21510/1817-3292-2020-86-1-10-21.
- Щербина, Кислов 2020b — Щербина Е. Ю., Кислов А. Г. К педагогике эпохи цифрового разрыва // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 1. С. 49–59. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10105.

References

- Abramov, R. N. (2014), “Classification of Research Areas in the Study of Occupations and Professions (Analytical Review)”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 3, pp. 22–49 (in Russian).
- Abramov, R. N. (2016), *Sotsiologiya professii i zanyatii: ocherki istorii i klyuchevye kontseptsii distsiplinarnoi oblasti, monografiya* [Sociology of Professions and Occupations: Essays on History and Key Concepts of the Disciplinary Field, a Monograph], Variant, Moscow, 452 p. (in Russian).

- Andryukhina, L. M. (2013), “Cultural Topology of Creativity: Human Capabilities of the XXI Century”], *Innovative projects and programs in education*, vol. 1, no. 1, pp. 3–8 (in Russian).
- Asmolv, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M. (2017), “Preadaptation to Uncertainty as a Strategy for Developing Systems Navigation: the Ways of Evolution”, *Voprosy Psichologii*, no. 4, pp. 3–26 (in Russian).
- Bataille, G. (2003), *La part maudite*, translated by Skuratov, B. and Khitskii, P., Gnozis, Logos, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Black, M. (1990), “Metaphor”, translated by Dmitrovskaya, M. A., in Arutyunova, N. D. and Zhurinskaya, M. A. (eds), *Teoriya metafory, sbornik* [Metaphor Theory, a collection], Progress, Moscow, pp. 153–172 (in Russian).
- Deleuze, G. (1998), *Différence et Répétition*, translated by Man’kovskaya, N. B. and Yurovskaya, E. P., Petropolis, Saint Petersburg, 384 p. (in Russian).
- Ishtiryakova, L. Kh. and Galeeva, G. M. (2019), “Transformation of the Labor Market in the Conditions of Digitalization of the Economy”, *Electronic Economic Newsletter of the Republic of Tatarstan*, no. 3, pp. 26–37 (in Russian).
- Kislov, A. G. (2006), “About the Prospects of Professional Studies”, in *Professional’naya pedagogika: stanovlenie i puti razvitiya, materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 11–12 aprelya 2006 goda, Ekaterinburg, v 3 tomakh. Tom 1* [Vocational Pedagogy: Formation and Ways of Development, Materials of Scientific and Practical Conf., 11–12 April 2006, Yekaterinburg, in 3 vols, Vol. 3], Russian State Vocational Pedagogical University (RSVPU), Yekaterinburg, pp. 75–80 (in Russian).
- Konstantinovskii, D. L., Vakhshain, V. S. and Kurakin, D. Yu. (2013), *Real’nost’ obrazovaniya. Sotsiologicheskoe issledovanie: ot metaforyk interpretatsii* [The Reality of Education. Sociological Research: from Metaphor to Interpretation], Tsentr sotsial’nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, 224 p. (in Russian).
- Kropotov, S. L. (1999), *Ekonomika teksta v neklassicheskoi filosofii iskusstva Nitsche, Bataya, Fuko, Derrida* [Economy of Text in Non-classical Philosophy of Art: Nietzsche, Bataille, Foucault, Derrida], Liberal Arts University, Yekaterinburg, 405 p. (in Russian).
- Leont’eva, T. V. (2011), “Technological Metaphor in the Lexical and Semantic Field ‘Training and Education’”, *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, no. 1, pp. 23–27 (in Russian).
- Lotman, Y. M. (1992), *Kul’tura i vzryv* [Culture and Explosion], Gnozis, Progress, Moscow, 272 p. (in Russian).
- Luksha, P. O. (2018), “Self-education — a Lifeline in an Era of Strategic Confusion”, *Office Life*, 7 July, available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Foffice.life.media%2Farticle%2Fpeople%2Fpavel-luksha-self-a-lifeline-in-an-era-of-strategic-confusion-%2F> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Makarenko, V. P. (ed.) (2020), *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, available at: <http://politconcept.sfedu.ru/info.html> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Ministry of education of Russia (2018), *Natsional’nyi proekt «Obrazovanie»* [The National Project “Education”], Minprosveshcheniya Rossii, available at: <https://edu.gov.ru/national-project> (accessed 20 September 2020) (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1991), *On Being-In-Common*, translated by Ryklin, M. K., in Motroshilova, N. V. (ed.), *Filosofiya Martina Khaideggera i sovremennost’* [The Philosophy of Martin Heidegger and Modernity], Nauka, Moscow, pp. 91–101 (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1994), “Today”, translated by Petrovskaya, E. V., in Petrovskaya, E. V. (ed.), *Ad Marginem ’93, ezhegodnik laboratorii postklassicheskikh issledovaniy Instituta filosofii RAN* [Ad Marginem ’93. Yearbook of the Postclassical Research Laboratory of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences], Ad Marginem, Moscow, pp. 148–164 (in Russian).
- Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, translated by Petrovskaya, E. V. and Gal’tsova, E., Ad Marginem, Moscow, 255 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (1991), *Yazyk. Znak. Kul’tura* [Language. Sign. Culture], Nauka, Moscow, 328 p. (in Russian).

- Petrov, M. K. (1996), *Istoriko-filosofskie issledovaniya* [Historical and Philosophical Research], ROSSPEN, Moscow, 512 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (1997), *Antichnaya kul'tura* [Antique Culture], ROSSPEN, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Petrov, M. K. (2004), *Istoriya evropeiskoi kul'turnoi traditsii i ee problemy* [History of the European Cultural Tradition and its Problems], ROSSPEN, Moscow, 775 p. (in Russian).
- Romanov, P. V. and Yarskaya-Smirnova, E. R. (2015), *Sotsiologiya professii: analiticheskie perspektivy i metodologiya issledovaniia* [Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology], Variant, Moscow, 234 p. (in Russian).
- Shcherbina, E. Y. and Kislov, A. G. (2020a), "Education in the Era of 'Culture and Explosion'", *Pedagogical journal of Bashkortostan*, no. 1 (86), pp. 10–21 (in Russian). DOI: 10.21510/1817-3292-2020-86-1-10-21.
- Shcherbina, E. Y. and Kislov, A. G. (2020b), "To the Pedagogy of the Digital Divide", *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 2020, no. 1, pp. 49–59 (in Russian). DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10105.
- Vakhshstain, V. S. (2006), "Education Code", *Platnoe obrazovanie*, no. 10, pp. 26–29 (in Russian).
- Vakhshstain, V. S. (2011), "Metaphors and Metamorphoses of the University", *Kul'tivator*, no. 3, pp. 20–30 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторах

Кислов Александр Геннадьевич
доктор философских наук, профессор
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
620012, Россия, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 11
E-mail: akislov2005@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-0826-8709

Information about the authors

Kislov, Alexander Gennad'evich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Russian State Vocational Pedagogical
University
11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg,
620012 Russia
E-mail: akislov2005@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0003-0826-8709

Щербина Елена Юрьевна
кандидат экономических наук
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
620012, Россия, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, 11
E-mail: elena.sherbina@rsvpu
Авторский ORCID: 0000-0002-9755-2498

Shcherbina, Elena Yur'evna
Cand. Sci. (Economics)
Russian State Vocational Pedagogical
University
11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg,
620012 Russia
E-mail: elena.sherbina@rsvpu
Author's ORCID : 0000-0002-9755-2498

КОНЦЕПТ «РЕСЕНТИМЕНТ» КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РЕСУРС АНАЛИЗА ПРОТЕСТОВ ПРОТИВ ОСКОРБИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

К.-Д. Гомес

Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Россия

Т. А. Круглова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Исследование ресентимента авторами статьи мотивировано интересом к проблеме конфликтов вокруг искусства, которые стали постоянной и неотъемлемой характеристикой современной культуры. Доминирующий дискурс протестов против современного искусства — дискурс оскорбительности. В статье описывается ряд трудностей изучения феномена оскорбленности, находящихся в плоскости социальной психологии, этики и философии искусства. Выдвигается гипотеза о возможности общего основания конфликтов, включающих в себя дискурс оскорбительности: исток оскорбленности предлагается искать не в художественном произведении, а в состоянии реципиентов, их ценностных установках и вытекающих из них действиях. В качестве перспективного теоретического ресурса выдвигается концепт ресентимента, широко используемый в философии и социальных науках. В статье прослежена история философской рефлексии понятия ресентимента от Ф. Ницше и М. Шелера до начала XXI в. Показана сложность и семантическая неоднозначность концепта. Проведено разграничение морального и социально-политического негодования как позитивных ценностей от ресентимента как деструктивного состояния. Сравнительный анализ концепций ресентимента выявил его социально-бытийные основания («онтологический ресентимент»), его роль как активного и первичного мотиватора протестных действий субъекта, чувствующего себя оскорбленным. Онтологический ресентимент генерирует установку на художественное событие как источник оскорбления. Культурное поле, заряженное ресентиментом, ищет и находит для своего активного выхода различные объекты, и мир искусства становится привлекательной платформой для действенного проявления этой ценностной установки. Выявленные характеристики «онтологического ресентимента» позволяют объяснить реакции и действия публики,

аффективно протестующей против современного искусства. Намечены перспективы применения теории онтологического рессентимента к анализу кейсов в сфере искусства.

Ключевые слова: феномен рессентимента, теория морали Ф. Ницше, теория рессентимента М. Шелера, моральное негодование, дискурс оскорбительности, оскорбление искусством.

Для цитирования: Гомес К.-Д., Круглова Т. А. Концепт «рессентимент» как перспективный теоретический ресурс анализа протестов против оскорбительного искусства // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 104–124. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.005

THE CONCEPT OF “RESSENTIMENT” AS A PROMISING THEORETICAL RESOURCE FOR THE ANALYSIS OF PROTESTS AGAINST OFFENSIVE ART

K.-D. Gomes

Ural State Medical University
Yekaterinburg, Russia

T. A. Kruglova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The interest of the authors in the problem of conflicts around art, has become a constant and integral characteristic of present-day culture motivated their studying of resentment. The dominant discourse of protests against contemporary art is the discourse of offensiveness. The article describes several difficulties in studying the phenomenon of offence, which are in the sphere of social psychology, ethics, and philosophy of art. We suggest a hypothesis about the possibility of a common ground for conflicts that include the discourse of offensiveness: we propose to look for the source of an offence not in a work of art, but in the state of the recipients, their value attitudes, and the actions arising from them. As an auspicious theoretical resource, we put forward the concept of resentment widely used in philosophy and social sciences, is put. The article tracked the history of philosophical reflection on resentment from F. Nietzsche and M. Scheler to the beginning of the 21st century. We also highlighted the complexity and semantic ambiguity of the notion. A distinction between moral and socio-political resentment as positive values and resentment as a destructive state is made. A comparative analysis of the concepts of resentment disclosed its social and existential foundations (“ontological resentment”), its role as an active and primary motivator of protest actions of a subject who feels offended. Ontological resentment generates an attitude toward an artistic event as a source of offence. The cultural field,

charged with resentment, seeks and finds various objects for its active outlet, and the art world becomes an attractive platform for the effective manifestation of this value attitude. The characteristics of “ontological resentment” revealed enabled one to explain the reactions and actions of the public, effectively protesting against contemporary art. The article also outlines the prospects of applying the theory of ontological resentment to the analysis of cases in the field of art.

Keywords: the phenomenon of resentment, F. Nietzsche’s theory of morality, M. Scheler’s theory of resentment, moral resentment, the discourse of offensiveness, being offended by art.

For citation: Gomes, K.-D. and Kruglova, T. A. (2020), “The Concept of ‘Resentment’ as a Promising Theoretical Resource for the Analysis of Protests against Offensive Art”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 104–124 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.005

Исследование ресентимента мотивировано интересом к проблеме конфликтов вокруг искусства, которые стали постоянной и неотъемлемой характеристикой современной культуры. Изучение этого типа конфликтов открывает серьезные научные перспективы для понимания устройства современной цивилизации, источников ее динамики, движущих сил, целей и последствий. Поняв природу публичных протестов против художественных событий, объяснив истоки возмущения и агрессии по отношению к современному искусству, его агентам и институциям, мы получаем ключ к скрытым, часто искаженным, мотивам поведения не только индивидов, но и целых социальных групп; мы имеем возможность понять взаимосвязи между социальными процессами и художественным миром, что способствует продуктивности развития всех сфер культуры, и, соответственно, у нас появляется шанс повлиять на решение практических проблем.

Доминирующий дискурс протестов против современного искусства — дискурс оскорбительности. Именно концепт «оскорбления» частотно зафиксирован в риторике протестующих групп публики: заявлениях в медиасфере, исках в судебные инстанции и государственные органы, полемике в Интернете и т. д. Искусство вызывает негативную реакцию прежде всего потому, что «оскорбляет». Предметов, подвергнутых оскорбительному действию в искусстве, множество: религиозные чувства, традиционная семейная мораль, коллективная память, национальное достоинство, этническая и гендерная идентичность и т. п.; список поводов оскорбиться постоянно увеличивается. Очевидно, что дискурс оскорбительности оказывается наиболее сильным и эффективным способом публичного воздействия на сферу культуры, привлекая к активности не только отдельных людей, но и целые группы, организованные по разным основаниям (политическим, профессиональным, идеологическим). При этом нужно отметить, что концепт «оскорбления» развязывает агрессию

и коллективные аффекты (гнева, мести), допускает легитимность насилия над произведениями и их авторами, как символического, так и прямого физического характера.

Предмет нашего интереса — оскорбление искусством — новый для философско-культурологического и философско-антропологического анализа, так как чувства («оскорбление чувств верующих») традиционно изучаются социальной психологией, феномен оскорбления — этикой, а провокационное искусство — искусствознанием и эстетикой. Мы предполагаем, что произведения искусства редко оскорбляют или вызывают моральную панику сами по себе, возмущает то, что они символизируют [Mitchell 2005]. В пользу этого предположения можно привести в качестве аргумента наблюдение над исходными моментами протеста: люди часто реагируют не на само произведение или художественное мероприятие, а на его интерпретацию, с которой они сталкиваются до своего прямого контакта с арт-объектом и которая становится «суррогатом, заменой» [Рыклин 2006, с. 98] произведения. В свою очередь, риторика оскорбленной публики, сформулированная лидерами мнений, создает прецедент и соответствующий стереотипный образ того, чем публика оскорбляется, и в дальнейшем реакция на новые прецеденты повторяет уже апробированные дискурсивные обороты. Иногда риторика оскорбленной публики становится правовой нормой, например, закон о защите чувств верующих в РФ [УК РФ 2020, ст. 148].

Изучение дискурса оскорбленности связано с целым рядом трудностей. Первое — эмоциональная природа оскорбления. Оскорбить — значит нанести тяжелую обиду, унижить, поругать, запятнать. Но правовое определение оскорбления — «умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме», а также «содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» [КоАП РФ 2020, ст. 5.61], — отсылает не напрямую к чувству, так как честь и достоинство могут иметь объективно зафиксированные признаки. А на практике под дефиницию «оскорбления» подпадают не только ущемленные честь и достоинство, но и различные чувства, среди которых можно выделить шесть категорий: (1) «оскорбление чувств»; (2) «отвращение и ревульсия»; (3) «шокирование моральных, религиозных или патриотических чувств»; (4) «стыд, смущение и беспокойство»; (5) «раздражение, скука и разочарование»; и (6) «страх, обида, унижение, гнев» [Feinberg 1985, p. 10–13]. Такое разнообразие проявлений оскорбления вызывает полемику как в правоприменительной практике, так и в публичном дискурсе: существуют ли способы фиксации чувств и какие чувства следует защищать, а какие нет? Иначе говоря, чувства — не только сложный и новый предмет для правовых решений, но они также представляют проблему для верификации, что сильно затрудняет любые общественные дебаты. Оскорбленные чувства сложно поддаются идентификации,

и обращение к ним при судебных разбирательствах, возникающих в результате публичных конфликтов вокруг искусства, часто вызывают подозрения в фальсификации. Именно поэтому считается, что правовой статус при оскорблении в первую очередь должны иметь честь и достоинство, а не чувства. И. Микиртурмов предлагает следующим образом решать проблему: при правовой защите оскорбленных чувств, вызванных искусством, необходимо либо выработать социально приемлемый механизм разграничения чувств, подлежащих защите, либо вообще отказаться от защиты чувств и поставить в приоритет свободу выражения мнений [Микиртурмов 2016, с. 90].

Вторая трудность состоит в том, что оскорбление долгое время понималось как нечто очень личное, но протестная деятельность показывает, что оскорбление может становиться чем-то значимым для целой группы. Согласно исследователю публичной цензуры искусства Стивену Дубину, оскорбление имеет коллективную дефиницию, он описывал это как «социальное конструирование допустимости» (social construct of acceptability) [Dubin 1993, p. 258]. Его основной аргумент заключается в том, что «оскорбление» формируется коллективными усилиями и не является продуктом индивидуальных вкусов и предпочтений. Дубин доказывает связь оскорбления с социальным статусом, так как и ранее конфликты были связаны с оскорблением чести и достоинства, являющихся социальными категориями.

Третья трудность связана с квалификацией тех или иных предметов или действий как несомненно оскорбительных. На первый взгляд, вид некоторых предметов бывает оскорбительным сам по себе; например, У. Митчелл в своей работе, посвященной оскорбительным изображениям “What Do Pictures Want?” (Чего хотят изображения, 2005) причисляет к подобным предметам экскременты, мусор, гениталии — в общем, всё, что мы инстинктивно воспринимаем как отвратительное [Mitchell 2005, p. 125]. Попытки данной классификации ряда предметов и их репрезентации как отвратительных очень проблематичны. Во-первых, сама связь отвращения с оскорблением и моральной оценкой является спорной, несмотря на то что чувство отвращения часто связывают с аморальными поступками, трансгрессией и нарушением моральных норм. Отвращение является хорошим индикатором вещей, которые могут навредить нам или косвенно привести к вредным последствиям. На уровне общественного сознания мы знаем, что аморальный поступок может «вызвать отвращение». В попытках наложить положения эволюционной биологии о физическом или патогенном отвращении на область морального ряд исследований в области когнитивной психологии обращался к теме взаимосвязи отвращения и моральной оценки, даже предлагая такой феномен, как «моральное отвращение» [Charman, Anderson 2013; Haidt, McCauley, Rozin 1994]. Данным исследователям удалось обнаружить существование некоторой корреляции между чувством отвращения как индикатора опасности и моральной интуицией. Однако

наличие существенной разницы между физическим и моральным отвращением не вызывает сомнений, как и разница между опасностью, представляющей непосредственную угрозу жизни, здоровью и имуществу (такие преступления, как убийство, издевательства, грабеж и т. д.) и духовной опасностью, под которую подпадает оскорбление. С современной антропологической точки зрения даже самые спонтанные, бессознательные реакции имеют источник не в «природе» человека, а в культуре.

В разных культурах представления об отвратительном могут отличаться, несмотря на некоторые общие архетипичные реакции. А. Данто в своем эссе «Прекрасное и отвратительное» отмечает, что представления об отвратительном во многом закладываются в нас в процессе воспитания и социализации, т. е. культурно обусловлены [Danto 2001]. У Данто отвратительное — синоним безобразного, т. е. эстетический, а не этический феномен. Таким образом, термин «отвратительное» может использоваться в разных ценностных сферах. Всё это не говорит об отрицании возможности наличия аморального содержания в произведениях искусства, которые изображают нечто отвратительное, но ставит под вопрос то, может ли данная репрезентация нанести моральный вред воспринимающему субъекту.

Во-вторых, не стоит забывать, что для самого поля искусства безобразное и отвратительное являются эстетическими категориями, играющими важную роль в художественной коммуникации и работающие как средства художественного выражения. Шокирующий контент встречается в искусстве довольно часто, особенно это характерно для авангардного искусства. Эстетическая позиция авангарда заключается «в активном и агрессивном воздействии на публику. Производить шок, скандал, эпатаж — без этого авангардное искусство невозможно» [Руднев 1999, с. 12]. При этом, несмотря на частоту репрезентаций отвратительных и шокирующих предметов в искусстве, к оскорблению публики приводят далеко не все из них.

Трудности исследования дискурса оскорбления могут быть преодолены, если сосредоточить анализ не столько на содержании и форме художественных произведений, сколько на контексте происходящего конфликта и на характеристике его сторон (участников).

Дискурс оскорбления — это, очевидно, не просто личная проблема отдельно взятого индивида, а семантическая платформа для конфликтов различных культур и социальных групп. Если человек или группа людей считает, что статус оскорбленного может значительно пострадать, то пренебрежение должно быть немедленно компенсировано. И если другие культурные конфликты имеют шансы быть разрешенными относительно мирно, урегулированы ценой уступок, то в случае с оскорбительными кейсами компромисс часто становится невозможным. Как известно из истории искусства, не все типы конфликтов между художниками и публикой или художниками и властью

имеют агрессивное выражение, сопровождаются насилием, обретают криминальный характер. Но дискурс оскорбления гораздо с большей долей вероятности проявляет себя в самых нетерпимых формах по сравнению с другими квалификациями искусства как общественно неблагоприятного.

Основной семантический груз оскорбительности трактуется в этическом дискурсе, т. е. и сам источник оскорбления, и чувства, которые переживаются как реакция на него, рассматриваются в рамках моральной проблемы. Тем не менее весь исторический материал, относящийся к конфликтам вокруг искусства, доказывает, что поводы для подобной реакции могут быть и за пределами моральных суждений: часто речь идет о религиозных, политических, национальных ценностях. Возможно ли в этом случае найти общее теоретическое основание всех конфликтов, включающих в себя дискурс оскорбительности?

В поисках концептуальных рамок трактовки коллективной оскорбленности искусством имеет смысл обратиться к феномену ресентимента, так как ряд исследователей относит протестную деятельность оскорбленных групп к этому феномену (*ressentiment* — фр., чувство обиды, злопамятство). В пользу этого выбора есть ряд аргументов. Мы предлагаем поставить в центр исследования концепт ресентимента, так как в нем психологические и этические моменты преобразованы в антропологическом формате, он описывается в дискурсе многих социогуманитарных дисциплин: социологии, культурологии, политологии, широко теоретически представлен в философских концепциях, ставящих себе задачу объяснения трансформаций общества, культуры и человека в XXI в. Ресентимент как термин обладает привлекательностью для исследований в международном контексте, высоким уровнем философской проработки и операциональными преимуществами в анализе конкретных кейсов.

Кратко проследим историю философской рефлексии понятия ресентимента. Мы не ставим себе целью сделать полный обзор концепций ресентимента, в наши задачи входит вычленение смыслового ядра, которое позволит нам построить модель описания протестов против искусства в рамках типологического набора признаков: дискурс оскорбленности, активность протестных действий, переходящих в требование наказания, высокий уровень аффектации в процессе протестов, проявления насилия (символического и физического) по отношению к произведениям, авторам или институциям. Это нужно сделать для того, чтобы, во-первых, избежать слишком широкого содержания концепта ресентимента, так как он активно используется в политических и социологических науках для объяснения огромного количества современных социокультурных процессов. Во-вторых, необходимо отграничить ресентимент как феномен, лежащий в истоке подобных протестов, от других форм проявления социального и морального негодования, которые в научной литературе и общественном дискурсе тоже квалифицируются как ресентимент.

Прежде чем мы приступим к обзору концепций ресентимента в истории социогуманитарной мысли, обратим внимание на проблемы использования этого концепта: неоднозначность его семантики, терминологическое различие, ценностную нагруженность. Майкл Юр предпринимает анализ проблемы ресентимента в контексте разграничения негодования и ресентимента (*resentment and rresentiment*) [Ure 2015]. М. Юр выделяет три значения ресентимента, которые используются в современном дискурсе: *моральное негодование, социально-политическое негодование, онтологический ресентимент*. Первые два значения имеют положительные коннотации, так как моральное и социально-политическое негодование нуждается в защите как важная эмоция для выявления и устранения коллективной и систематической несправедливости: «Хотя негодование неизбежно ограничивает нашу добрую волю по отношению к тем, кто нас презирает, оно ни в коем случае не воспринимает их за пределами морали. Напротив, поскольку негодование признает, что обращение с другими имеет значение для нашей самооценки, и признает их свободными или ответственными агентами, то оно обязательно воспринимает свои объекты как “членов морального сообщества”» [Ibid., p. 600]. Таким образом, негодование по своей сути нормативно: это способ «моральной формы обращения» [Ibid.], направленный как на правонарушителя, так и на свидетелей, чтобы оправдать свое собственное недовольство жертвы и восстановить порядок, в котором произошло травмирующее событие. Это чувство негативно, но оно основывается на общепринятых моральных нормах, которые определяют какое-то действие как недопустимое. Другой важной характеристикой негодования является то, что оно носит временный характер: как правило, это быстрая реакция, которая находит выход сразу после травмирующего события или спустя непродолжительное время. Негодование далеко не всегда выражается насильственно и мстительно: «негодование не обязательно связано с возмездием или мстостью, но может быть адекватно рассмотрено и смягчено целым рядом других инструментов: извинениями, комиссиями по установлению истины, публичными показаниями, ориентированными на жертву, репарациями и так далее» [Ibid.].

Тем не менее Юр указывает на то, что социально-политическое негодование потенциально может вызвать или стимулировать онтологический ресентимент, с риском возникновения тоталитарных или перфекционистских политических практик, и предлагает демократической политической теории исследовать то, как не допустить, чтобы социально-политическое негодование перешло в онтологический ресентимент. Важным отличием онтологического ресентимента М. Юр считает постоянное, непрекращающееся страдание, вызванное физиологической неспособностью либо забыть причину страданий, либо превратить их в действие, помогающее их преодолеть. Ресентимент — чрезмерное, параноидальное чувство виктимизации, которое оправдывает

мстительные, злобные нападки на тех, кого субъект ошибочно считает виновными в своих страданиях. Ресентимент — это «оргия обвинений» [Ure 2015, p. 603]. Если моральное и социально-политическое негодование наделяется позитивными коннотациями (восстановление правосудия), то онтологический ресентимент трактуется как социально деструктивный, так как объект негодования подменяется.

Теоретическое различие негодования и ресентимента подкрепляется эмпирическим социологическим исследованием Бернарда Мельцера и Гила Мусольфа, в котором изучались 84 рассказа о личном опыте, когда студенты испытывали негодование или ресентимент по отношению к кому-либо или чему-либо. Как и рефлексивные эмоции стыда и смущения, негодование — это реакция, исходящая от дискредитации; однако, в отличие от стыда (когда ты сам себя дискредитируешь) и смущения (дискредитирование самопрезентации), которые связаны с неблагоприятными самооценками, негодование является следствием явных или подразумеваемых негативных суждений других [Meltzer, Musolf 2002, p. 241]. Ресентимент квалифицируется авторами как мстительная эмоция, часто личная, мелкая, непропорциональная реакция на незначительное, что и отличает его от негодования. Кроме того, ресентимент отличает его пролонгация. Под ресентиментом авторы статьи (вслед за Ницше и Шелером) обозначили хроническое чувство оскорбления, связанное с мстительными желаниями, которые не могут быть легко осуществлены [Ibid., p. 251].

Первым ресентимент как философский и психологический термин ввел датский философ XIX в. С. Кьеркегор. По словам С. Кьеркегора, ресентимент возникает в «рефлексивную, бесстрастную эпоху» [Kierkegaard 1962], в которой население душит творчество и страсть в активных и прогрессивных людях. Кьеркегор утверждал, что люди, которые не подчиняются массам, становятся объектами их насмешек и дают массам чувство собственного превосходства. Основания для феномена ресентимента были выделены и ранее (Д. Юм, А. Смит), Ф. Ницше оформил его в понятие и придал ему категориальный статус в работе «К генеалогии морали» (1887). Согласно Ницше, феномен ресентимента существует как самостоятельное явление, которое явно или неявно присутствует в любой этической системе. Главным здесь становится то, что ресентимент понимается не только как психологический феномен, он *активно создает мир, т. е. имеет свою онтологию, социальную и культурную*. Ресентимент «сам становится творческим и порождает ценности» [Ницше 2002, с. 38].

Особенности этого мира таковы: он никогда не первичен, не самостоятелен, а только реагирует на оригинальное и творческое конструктивное действие, поэтому он деструктивен. «Мораль рабов» вырабатывает свои жизненные принципы, отталкиваясь от ценностей «господ», превращая их в свою противоположность: «Вы угадали уже, с какой легкостью может жреческий

способ оценки ответиться от рыцарски-аристократического и вырасти затем в его противоположность» [Ницше 2002, с. 32]. Суть того состояния, которое производится «рабами», заключается вовсе не в трансляции негативного как такового — «рабы» не демонизируются как источники онтологического зла, — а в процедуре переворачивания отношения добра и зла.

Источником такого дефицитарного отношения является бессилие, которое трактуется Ницше очень разнообразно, наделяется богатой семантикой: это и неспособность к творчеству, это и реальное отсутствие возможностей, ресурсов, это и неумение увидеть вещи в их истинном свете. Так или иначе, сквозной дефицит блага во всех его разновидностях провоцирует *процедуру иллюзорной перемены диспозиции*: «Только одни отверженные являются хорошими; только бедные, бессильные, незнатные являются хорошими; только страждущие, терпящие лишения, больные, уродливые суть единственно благочестивые, единственно набожные, им только и принадлежит блаженство, — вы же, знатные и могущественные, вы, на веки вечные злые, жестокие, похотливые, ненасытные, безбожные, и вы до скончания времен будете злосчастливыми, проклятыми и осужденными!» [Там же, с. 34]. Бессилие как реальная нехватка возможностей, как слабая позиция переворачивается и обретает иллюзорный статус правого, хорошего, превосходящего: «слабость следует перелгать в заслугу» [Там же, с. 56]. *Конструирование мира человеком ресентимента негативно* в том смысле, что оно начинается с образа врага как основного понятия, «исходя из которого и как послеобраз и антипод которого он выдумывает и “доброе” — самого себя!» [Там же, с. 44].

Ресентимент тянет за собой генезис целого комплекса явлений: вины, памяти, боли, совести, ответственности, которые между собой тесно связаны. Боль — сильнейшее средство памяти, в случае с ресентиментом — злопамятства; память, не позволяющая забыть о вине и боли, задает режим совести («нечистой совести»), а постоянство испытывания вины влечет за собой привлечение к ответственности. Вся эта цепочка состояний порождает новый виток страданий: «сколько крови и ужаса заложено в основе всех “хороших вещей”!» [Там же, с. 79]. Ресентимент извращает основное требование, которое им движет, если верить его собственной риторике, — требование справедливости. Идея эквивалентности ущерба и боли является чем-то совсем иным, нежели установлением справедливости: «“faire”, наслаждение в насилии» [Там же, с. 84]. Посредством такого рода «наказания» происходит причащение к праву господ, к *получению компенсации*, которая состоит «в ордере и праве на жестокость» [Там же]. Важно отметить, что *справедливость здесь трактуется как компенсация через причинение страдания другому и получение от этого удовольствия*. Возгонка «злой памяти» способствует этому контрнаслаждению. Предполагается, что именно впадение в состояние аффекта и получение контрнаслаждения является для человека ресентимента основной целью.

Наибольшей коррозии подвергается инстинкт свободы, который «заперт», не имеет возможности проявляться вовне и поэтому разряжается «лишь в самом себе». Тема «самонасилия» имеет прямое отношение к художественной сфере и во многом может помочь понять природу ressentimentа в конфликтах вокруг искусства. Свобода провозглашается ключевой ценностью мира искусства. Начиная с Нового времени, она стала синонимом подлинности художественного акта, верности творца самому себе, адекватности природе творчества. Ницше, следуя своему методу разоблачения, обнаруживает в истоках «прекрасного», как оно утвердилось в европейской культуре, самонасилие художника, которое и есть форма «нечистой совести»: «эта жестокость художника, эта радость придавать себе форму как трудному, сопротивляющемуся, страдающему материалу, вжигать в себя волю, критику, противоречие, презрение, отказ, эта жуткая и ужасающе насладительная работа своевольно раздвоенной души, причиняющей себе страдания из удовольствия причинять страдания, вся эта активная “нечистая совесть”, будучи настоящим материнским лоном идеальных и воображаемых событий, произвела в конце концов на свет — читатель уже догадывается — некое изобилие новых и странных красот и утверждений и, быть может, вообще и саму красоту» [Ницше 2002, с. 126]. Здесь Ницше метит в сторону кантовского принципа незаинтересованности и бескорыстности, которые лежат в основе эстетического отношения, разоблачая в нем «удовольствие жестокости»: «только нечистая совесть, только воля к самоистязанию служит предпосылкой для ценности неэгоистического» [Там же].

Ресентимент, по Ницше, есть форма утверждения верховенства долга перед родом. Этот долг, питаемый страхом «перед родоначальником и его властью» постоянно возрастает и оплачивается исключительно жертвами. Логика возрастания страха, которую Ницше называет «неотесанной», такова: беды и признаки вырождения, распада не уменьшают власть прародителя, не сводят на нет «представление о его уме, предусмотрительности и наличной мощи», а всё происходит наоборот: прародитель «вырастает в чудовищных масштабах». Это суждение Ницше проливает свет на преобладание в людях, оскорбляющихся искусством и активно требующих наказания их авторов, традиционалистских взглядов и фундаменталистских принципов.

Отметим в этих рассуждениях связь между вектором упадка (бессилием, дефицитом возможностей, ущербом и прочими негативными проявлениями жизни, не способствующими чувствам уверенности, счастья, достоинства) и ростом уверенности в своем праве господствовать. Чем более слабая (в самых разных отношениях: культурных, экономических, политических, символических) позиция, тем активнее воля к низведению ценностей Другого (успешного, самодостаточного, процветающего, имеющего символический капитал).

Существующие в действительности и антропологические, и социальные проблемы человек ressentimentа решает чисто аффективно, «разряжение

аффекта для страдающего есть величайшая попытка облегчения», и Ницше сравнивает такое действие с наркотическим. Истинная причина «ressentiment, мести и их придатков, стало быть, в потребности заглушить боль путем аффекта, — вообще же причину эту весьма ошибочно, на мой взгляд, ищут в оборонительном контрударе, в простой защитной реакции» [Ницше 2002, с. 199]. Разница тут фундаментальная: в одном случае происходит целесообразная реакция, направленная на изменение реального положения дел, неважно, приспособительная или наступательная, но стремящаяся прекратить дальнейшие повреждения. В случае ресентимента реакция другая: «заглушить мучительную, подспудную, изводящую боль более резкой эмоцией какого угодно рода и хотя бы на мгновение вытеснить ее из сознания — для этого нужен аффект, как нельзя более дикий аффект, а для возбуждения его — первый повернувшийся под руку повод» [Там же, с. 200]. Обратим внимание на процедуру вытеснения истинной причины страдания, и это вытеснение происходит тем в большей степени, чем глубже она скрыта. Иллюзорное понимание причины страдания порождает неразделимый комплекс вины, страха и наказания и волю воспроизводить этот комплекс.

Еще она особенность ресентимента — и это будет важно для анализа обвинительного дискурса в отношении современного искусства и поводов апелляции к государственной власти — то, что «он не повинуется никакой власти, он верит, напротив, в свое преимущество над всякой властью, в свою безусловную ранговую дистанцию относительно всякой власти — он верит в то, что нет на земле такой власти, которая бы не из него стяжала смысл, право на существование, ценность...» [Там же, с. 235]. В риторике оскорбленных искусством протестантов частотно присутствует уверенность, что юридическое разбирательство не является для них последней инстанцией, что они *владеют некой высшей истиной*, которая возвышается над слишком рассудочным и приземленным земным судом, «бессознательный императив». Истина предстает предметом веры и не «смеет быть проблемой» и предметом критической проверки.

Представляются очень важными для целей нашего исследования рассуждения Ницше об альтернативах аскетическому идеалу (как ядру ресентимента), о сравнении в этом плане науки и искусства. Как следует из толкования ресентимента, все сферы культуры оказались затронуты им. Соответственно, и в искусстве можно обнаружить проявление ресентимента во всем его многообразии. Не обошло это и современную художественную культуру. Среди людей ресентимента есть и малообразованные потребители искусства, но есть и талантливые творцы, художники, «отравленные», пользуясь выражением Ницше, ядом «нечистой совести»: «наемничество художника на службе у аскетического идеала есть верх художнической коррупции, к сожалению, одной из наиболее распространенных: ибо нет ничего более охочего до коррупции,

чем художник» [Ницше 2002, с. 247]. Тем интереснее найти у Ницше примеры альтернативного искусства, его признаки: «И в высших сферах духовности у аскетического идеала есть все еще только одна разновидность действительных врагов и вредителей — комедианты этого идеала, — ибо они пробуждают недоверие» [Там же, с. 257].

Концепция ресентимента Ницше оказала огромное влияние на дальнейшее философское осмысление целого комплекса аналогичных феноменов. Обзор исследований концепции ресентимента Ницше осуществила И. Абдрашитова [Абдрашитова 2006], систематизировав основные их направления. К наиболее важным интерпретациям можно отнести работу «Ницше и философия» Ж. Делёза [Делёз 2003], где проведено тщательное исследование понятия ресентимента, обозначенного в русском переводе как «злопамятность»; произведение М. Хайдеггера «Кто такой Заратустра у Ницше?» [Хайдеггер 2000], где понятие «ресентимент» соотносится с мезтью. Также интересна работа А. Н. Мочкина «Фридрих Ницше» [Мочкин 2005] — современного исследователя жизни и философии Ницше, доказывающего, что ресентимент является объяснительным механизмом почти всего ницшеанского наследия, его центральным звеном.

Подведем краткие итоги концепции ресентимента Ницше и определим возможности объяснения ею дискурса оскорбления в отношениях публики и современного искусства.

1. Логика рассуждений Ницше о ресентименте исходит и отталкивается не от понятия «оскорбления», а от других концептов: страдание, вина, нечистая совесть, наказание, аскетический идеал. Из контекста его рассуждений о «морали господ», которая не затронута ресентиментом, можно сделать вывод о том, что оскорбление может входить в альтернативную ресентименту позицию, что в самом по себе оскорбительном дискурсе нет — исторически и логически — прямого отношения к ресентименту.

2. Признаки ресентимента, как их рассматривает Ницше, складываются в стройную систему, они тесно связаны друг с другом, взаимно усиливают друг друга. Именно в таком системном виде ресентимент, как показывает дискурс-анализ текстов, созданных протестными группами, инициаторами обвинительного дискурса и конфликтов вокруг искусства, обнаруживается в современной практике, где концепт «оскорбления» оказывается самым распространенным. Это позволяет предположить, что *концепт «оскорбительности» присвоил себе семантику ресентимента, так, что во многих случаях она оказалась растворенной в «оскорблении»*. Логика оскорбленности и логика ресентимента — в чем-то разные, однако родственные и тесно взаимодействующие в конфликтах рассматриваемого типа. Также это свидетельствует о том, что «оскорбление» в современной культуре обретает всё более расширяющуюся семантику, включает в себя всё новые и новые объекты и отношения.

3. Ресентимент образует ценностную установку, сконструированную в результате наделения образа Другого чертами врага. Группы, выступающие с требованием цензуры искусства, не действуют по принципу создания чего-то нового, что могло бы утвердить их ценности в противовес тем, которые были ими восприняты как оскорбительные в художественном произведении. Вместо этого они стремятся разрушить ценности другого, конструируя свои ценности через отрицание, в нашем случае, того, что входит в этико-эстетические ценности художественного поля.

4. Трактовка Ницше ресентимента совпадает с тем, что М. Юр назвал «онтологическим ресентиментом» в отличие от социального и морального негодования.

После Ницше М. Шелер придал феномену ресентимента методологически-концептуальный характер [Апресян 2001]. Он применил *феноменологический подход: ресентимент Шелер исследует как феноменальное единство переживаний и действия*. Такие эмоции, как месть, зависть, обычно приписываемые ресентименту, являются началами, но не определяют суть ресентимента, ибо они реактивны, тогда как *ресентимент активен и является не эмоцией, а ценностной установкой*. Шелер дает развернутое определение специфики: «Ресентимент... представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [Шелер 1999, с. 13–14]. Ресентимент, происходя из аффектов мести, гнева и зависти, ими не исчерпывается, он включает в себя еще важные элементы: «Мстительное чувство тем скорее переходит в ресентимент, чем более оно становится длящимся состоянием, непрерывно ощущаемым как неподвластное воле состояние “оскорбленности”; в чем большей мере *оскорбление воспринимается как судьба*» [Там же, с. 22]. «Судьба» здесь важна, поскольку она указывает не на конкретную реакцию индивида на конкретный объект (эмоцию), а на моральную диспозицию, укорененную в социально-историческом контексте: национальная гордость при политической беспомощности, формальное равноправие при фактическом подавлении, и тому подобное. Подчеркнем, что у Шелера месть — не просто эмоция или аффект. Месть реактивна, а *ресентимент как моральная установка активен*. Приведем еще один его аргумент в пользу того, что ресентимент нельзя свести к эмоциональной реакции на конкретный объект как источник оскорбления: «“Ресентиментную критику” отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не “желает” того, что выдает за желаемое; она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться» [Там же, с. 23].

Таким образом, Шелер постоянно настаивает на том, что ресентимент не есть вторичная, спровоцированная неким определенным посылом, реакция. Наоборот, он, благодаря длительности состояния, *ведет себя активно, задает первичный импульс конфликту*. В связи с конфликтами вокруг искусства эта трактовка дает очень много, так как позволяет видеть в нападках на искусство не точечные и каждый раз имеющие свои причины, события, а проявление определенного отношения к искусству в целом. Ресентимент формирует собственные предпочтения в искусстве (как и в морали), он *создает состояние оскорбленности, которое, по Шелеру, уже само выискивает, чем бы оскорбиться и на что напасть*.

Следующее важное свойство ресентимента, которое открывает Шелер, — это специфическая *ценностная иллюзия ресентимента*: «В первую очередь сознание собственной большей ценности или равноценности, к которому стремится “подлый человек” и которое снимает напряжение, достигается иллюзорным путем за счет принижения ценных качеств объекта сравнения или с помощью выработки особой “слепоты” по отношению к ним; но потом — и здесь мы впервые сталкиваемся с действием собственно ресентимента — оно достигается посредством иллюзорного восприятия и фальсификации самих ценностей, в свете которых возможные объекты сравнения вообще могут иметь хоть какую-то позитивную ценность» [Шелер 1999, с. 33–34].

Описанная аффективная реакция, уничтожающая или портящая объект, действительно, свидетельствует о бессилии и, очевидно, о замещении объекта мести или желания обладать, но этого недостаточно для ресентимента, считает Шелер: «Однако этот психологический закон снятия напряжения между стремлением и бессилием путем иллюзорной оценки объекта приобретает совершенно новый и чреватый разнообразными следствиями смысл, если мы имеем дело с душевной конституцией, определяемой ресентиментом» [Там же, с. 59]. Прогрессирующее развитие этого внутреннего процесса ведет к *фальсификации предметной картины мира* [Там же]. Настоящие ценности отвергаются и дискредитируются, хотя очевидно, что они предпочтительны и стремление к ним естественно.

Важную роль в социальном плане имеют аффекты, им Шелер уделяет много места. Аффекты являются существенным компонентом ненависти, чувства мести, гнева и прочих негативных состояний. Когда аффект идет рука об руку с чувством бессилия и сознанием собственной «правоты» и чрезвычайной ранимости, в силу вступает ресентимент. В итоге аффекты вытесняются, не осознаются, и переносятся на какую-то группу. Шелер так пишет о социальном фоне роста аффектов: «С социологической точки зрения, отсюда следует важный вывод: этого душевного динамита образуется тем больше, чем больше *разрыв между политическим и правовым* (конституционным или соответствующим «обычаю») положениями, а также *публичной значимостью*

групп — и их фактическим отношением к власти. Роль играет не какой-то один из этих факторов, а разрыв между ними» [Шелер 1999, с. 21]. В ситуации, где каждый *может* себя сравнивать с каждым, но *фактически* не может сравниться, длящееся, неподвластное воле состояние «оскорбленности» перерастает в ресентимент. В итоге группа считает, что нечто достойно отмщения уже в силу факта своего существования.

По Шелеру, ресентиментную критику отличает то, что она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог чтобы высказаться [Там же, с. 23]. Образ мысли, который наделяет отрицание, критику и зависть творческой силой, в принципе характерен для ресентимента. Интересно, что зависть ресентимента часто направлена на те блага, которые нельзя приобрести, и в своей крайности она может перерасти в *экзистенциальную зависть, направленную на индивидуальную сущность и бытие другого*: «В нем зарождается нечто такое, что пробуждает желание хулить, ниспровергать, унижать, и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так, оправдывая внутреннюю конституцию своего ценностного переживания, ресентиментный тип произвольно “обесценивает” бытие и мир» [Там же, с. 60].

Проблема современной системы конкуренции/соревнования заключается в том, что значимость вырабатывается на желании быть и значить больше через постоянное сравнение себя с другими. Таким образом, по Шелеру, ресентимент «достигается посредством иллюзорного восприятия и фальсификации самих ценностей, в свете которых возможные объекты сравнения вообще могут иметь хоть какую-нибудь позитивную ценность» [Там же, с. 33]. Дискредитации, таким образом, подвергается и сама процедура сравнения и соревнования. В результате принижения всех ценностей до собственного фактического состояния происходит дискредитация ценностей вообще [Там же, с. 35]. По концепции ресентимента Шелера можно выделить следующие выводы, применительно к дискурсу оскорбления:

Ресентимент — психическая установка, которая возникает в результате дефицита возможностей реагировать на непосредственные источники неудач, неприязни, обиды, становясь продолжительной, отложенной местью. Не имея возможности проявить известные и естественные аффекты своевременно, человек начинает активно создавать предметную картину мира, в которой господствует ресентимент. Ресентимент постоянен, так как отложенная месть, потеряв связь с изначальным объектом, перенаправляется (даже расширяется) и разряжается в виде аффектов, направленных на сущностное бытие Другого. Активность ресентимента проявляется в инициативности к конфликту, готовности оскорбиться.

Ресентимент социален, так как для его возникновения необходим другой, и он всегда проявляется вовне и фиксируется во взаимодействии.

Ресентимент приводит к дискредитации чужих позитивных ценностей, вызванной неосознанными ассоциациями с ситуацией, послужившей изначальным импульсом для мести. Отрицая ценности Другого, ресентиментный тип принижает все ценности до своего собственного текущего состояния, претендуя при этом на всеобщность данных ценностей.

Концепции ресентимента Ницше и Шелера преемственно связаны, но мы не будем останавливаться на различиях в их трактовках. Отметим общие моменты, которые совпадают с семантикой «онтологического ресентимента» у М. Юра и позволяют отличить этот вид ресентимента от социального и морального негодования: длительность и устойчивость ценностной установки на дискредитацию и наказание Другого; фальсификацию или подмену источника проблемы; доминанту негативных аффектов и насилия.

Сегодня многие исследователи пытаются пересмотреть самодискредитацию ресентимента, преодолевая его субъективную идентификацию с «бессилием как с тюрьмой», в которую человек идет добровольно [Tuinen 2018, p. 4]. Для того чтобы избежать подобного противоречия, можно сделать разграничение между ресентиментом (*ressentiment*) как чувством мести, потерявшим связь с объектом, и ресентиментом (*resentiment*) как чувством несправедливости. Первое означает легитимацию аффекта и символического насилия при помощи оскорбления, при этом реактивные действия не регулируются моральными принципами. Последнее означает моральное негодование как реакцию на враждебность и злонамеренность других.

Итак, можно подвести краткие итоги рассуждения о ресурсе теорий ресентимента для анализа протестов против оскорбительного искусства. На основе выявленной сущности «онтологического ресентимента» весьма продуктивным видится построение модели анализа конфликтов вокруг современного искусства, модели, которая объяснит скрытый исток или первичный импульс конфликта, ценностную избирательность реагирования на художественные события, выбор стратегии действия оскорбленным субъектом, дискурсивные особенности оформления возмущения в Сети, текстах судебных исков, и т. п. «Онтологическим» ресентимент можно считать потому, что он всеми авторами наделяется характеристиками первичности, а не реактивности; его содержательные и функциональные качества формируются не как реакция на конкретное событие (в нашем случае — художественное), а они сами генерируют установку на событие как источник оскорбления. Иначе говоря, в культуре возникает поле, заряженное ресентиментом, которое ищет и находит для своего активного выхода различные объекты. Ресентимент не ждет провокаций из мира искусства, он сам находит и создает источники оскорбительного дискурса.

Объекты из мира искусства становятся эффективной и привлекательной для носителей ресентиментного отношения к миру точкой приложения активности

в силу своих качеств: высокой символической нагруженности, допускающей чрезвычайно широкие трактовки социальных феноменов и культурных ценностей; публичного характера; неопределенности правил функционирования в социальном пространстве; отсутствия кодификации творческих профессий; размытости этического дискурса в отношении произведений искусства. И, на наш взгляд, самое существенное: художественный мир, как он сформировался в эпоху модерна, является главным репрезентантом ценностей свободы, сингулярности, новизны, а эти ценности находятся в постоянном состоянии напряженного контрапункта с другими важнейшими ценностями демократических режимов: гарантиями равенства и справедливости.

Напрашивается вывод, что истинная причина возмущения заключается в отвержении всего того, что *символизируют и произведение искусства, и его автор, и, самое главное, институция мира искусства, которая их представляет*. У. Митчелл приводит много примеров подобного возмущения в своей работе, посвященной современному иконоборчеству в пространствах культуры. Митчелл изучает протесты с точки зрения иконоборческих стратегий, которые «наказывают» изображения, хотя понятно, что выступают они не против самого объекта, а против того, что они символически репрезентируют. Примеры, которые он приводит, довольно известны: закрашивание белой краской картины «Дева Мария» (автор К. Офили) протестующим католиком [Mitchell 2005, p. 130]. Активист как бы прикрыл изображение, которое было расценено многими как оскорбительное, так как картина представляет собой изображение темнокожей Девы Марии, написанное слоновым пометом. Или более эмоциональная расправа над работой: закидывание тушью и яйцами портрета Майры Хиндли (автор М. Харви), серийной убийцы детей. Митчелл напрямую связывает сами акты вандализма с усвоенной человеком на антропологическом уровне фетишистской одержимостью символикой изображений.

Критика демократических идей через призму ресентимента в текстах Ницше и Шелера настораживает, так как выглядит реакционной по отношению к эгалитарным тенденциям современного им периода. Во избежание низведения всей протестной деятельности оскорбленной публики до онтологического ресентимента, мы не трактуем ресентимент как состояние добровольного и сознательного выбора, так как люди действуют в условиях, благоприятных для расцвета ресентимента. Нам интересна *символическая борьба, разыгрывающаяся в публичных пространствах, в которых ресентимент уже присутствует*.

Полемичность феномена подчеркивает двойственность диспозиции оскорбление — ресентимент. Ресентиментом пропитана сфера публичного, и он используется различными группами, выливается в аффекты и символическое насилие. Возникают группы, которые занимаются протестной деятельностью по отношению к современному искусству на постоянной основе, хотя границы их как сообществ очень размыты: «Появляется целый класс профессиональных

обиженных, которые под видом “гласа народа” транслируют волю “хозяев дискурса” и по сути своей являются эффективным инструментом репрессий, всепроникающей цензуры коллективного бессознательного» [Медведев 2014]. П. Слотердайк в эссе «Презрение масс» показывает, как на основе этого феномена развились целые культурные индустрии публичных спектаклей, в которых смешивается сентиментальность с жестокостью [Tuinen 2018, p. 4].

В современной культуре мир искусства, представляющие его институции, сами творцы (художники, режиссеры, хореографы, писатели), кураторы, издатели и продюсеры, арт-критики, — все они образуют в глазах групп, испытывающих травмы или находящихся в дефицитарном состоянии, сообщество, ускользающее от контроля. Символический капитал этого мира представляется несправедливо нажитым, а его источник — внутренние законы автономного поля искусства — недоступным для воздействия на него.

Список литературы

- Абдрашитова 2006 — *Абдрашитова И. В.* Феномен ресентимента в философии Фридриха Ницше : автореферат дис. ... канд. филос. наук. Саранск : Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. 21 с.
- Апресян 2001 — *Апресян Р. Г.* Ресентимент и историческая динамика морали // *Этическая мысль*. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М. : ИФ РАН, 2001. С. 27–40.
- Делез 2003 — *Делез Ж.* Ницше и философия / пер. с фр. О. Хомы под ред. Б. Скуратова. М. : Ад Маргинем, 2003. 382 с.
- КоАП РФ 2020 — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020). Ст. 5.61 : Оскорбление [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 23.09.2020).
- Медведев 2014 — *Медведев С.* Русский ресентимент [Электронный ресурс] // *Отечественные записки*. 2014. № 6 (63). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/06-2014/25544-russkiy-resentiment.html> (дата обращения: 23.09.2020).
- Микиртумов 2016 — *Микиртумов И. Б.* Риторика оскорбленных чувств // РАЦИО.ru. 2016. Т. 17. № 2. С. 80–101.
- Мочкин 2005 — *Мочкин А. Н.* Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М. : ИФ РАН, 2005. 246 с.
- Ницше 2002 — *Ницше Ф.* К генеалогии морали. М. : Директ-Медиа, 2002. 269 с.
- Руднев 1999 — *Руднев В.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999. 382 с.
- Рыклин 2006 — *Рыклин М.* Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. М. : Логос, 2006. 208 с.
- УК РФ 2020 — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 148 : Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (дата обращения: 23.09.2020).
- Хайдеггер 2000 — *Хайдеггер М.* Кто такой Заратустра у Ницше? / пер. с нем. и прим. И. В. Жук // *Топос*. 2000. № 1. С. 50–65.
- Шелер 1999 — *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина ; отв. ред. Л. Г. Ионин. СПб. : Наука ; Университетская книга, 1999. 232 с.

- Chapman, Anderson 2013 — *Chapman H., Anderson A.* Things Rank and Gross in Nature: A Review and Synthesis of Moral Disgust // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139 (2). P. 300–327.
- Danto 2001 — *Danto A. C.* Beauty and the Beastly // *Nation*. 2001. Vol. 272. No. 16. P. 25–28.
- Dubin 1993 — *Dubin S.* Arresting Images: Impolitic Art and Uncivil Actions // *The Journal of Arts Management, Law, and Society*. 1993. Vol. 23. No. 3. P. 255–262.
- Feinberg 1985 — *Feinberg J.* *Offense to Others*. Vol. 4. New York : Oxford University Press, 1985. 348 p.
- Haidt, McCauley, Rozin 1994 — *Haidt J., McCauley C., Rozin P.* Individual Differences in Sensitivity to Disgust: A Scale Sampling Seven Domains of Disgust Elicitors // *Personality and Individual Differences*. 1994. Vol. 16. P. 701–713. DOI: 10.1016/0191-8869(94)90212-7.
- Kierkegaard 1962 — *Kierkegaard S.* The Present Age (1846) [Electronic resource] // The History Guide. Lectures on Twentieth Century Europe. URL: http://www.historyguide.org/europe/present_age.html (access date: 23.09.2020)
- Meltzer, Musolf 2002 — *Meltzer B., Musolf G.* Resentment and Ressentiment // *Sociological Inquiry*. 2002. Vol. 72. No. 2. P. 240–255.
- Mitchell 2005 — *Mitchell W. J. T.* What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images. Chicago : University of Chicago Press, 2005. 408 p.
- Tuinen 2018 — *Tuinen van S.* Introduction [Electronic resource] // The Polemics of Ressentiment: Variations on Nietzsche / ed. by S. van Tuinen. London : Bloomsbury Academic, 2018. URL: https://www.academia.edu/40293125/The_Polemics_of_Ressentiment_-_Introduction_Bloomsbury_2018_ (access date: 23.09.2020).
- Ure 2015 — *Ure M.* Resentment/Ressentiment // *Constellations: an international journal of critical and democratic theory*. 2015. Vol. 22 (4). P. 599–613. DOI: 10.1111/1467-8675.12098.

References

- Abdrashitova, I. V. (2006), *Fenomen resentimenta v filosofii Fridriha Nicshe* [The Phenomenon of Ressentiment in the Philosophy of Friedrich Nietzsche], Abstract of Ph.D. dissertation, N. P. Ogarev's Mordovia State University, Saransk, 21 p. (in Russian).
- Apresyan, R. G. (2001), "Ressentiment and the Historical Dynamics of Morality", in Guseinov, A. A. (ed.), *Eticheskaya mysl'. Vypusk 2* [Ethical Thought. Iss. 2], IF RAN, Moscow, pp. 27–41 (in Russian).
- Chapman, H. and Anderson, A. (2013), "Things Rank and Gross in Nature: A Review and Synthesis of Moral Disgust", *Psychological Bulletin*, vol. 139, no. 2, pp. 300–327.
- Danto, A. C. (2001), "Beauty and the Beastly", *Nation*, vol. 272, no. 16, pp. 25–29.
- Deleuze, G. (2003), *Nietzsche et la Philosophie*, translated by Khom, O., Ad Marginem, Moscow, 382 p. (in Russian).
- Dubin, S. (1993), "Arresting Images: Impolitic Art and Uncivil Actions", *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, vol. 23, no 3, pp. 255–262.
- Feinberg, J. (1985), *Offense to Others*, Vol. 4, Oxford University Press, New York, 348 p.
- Haidt, J., McCauley, C. and Rozin, P. (1994), "Individual Differences in Sensitivity to Disgust: A Scale Sampling Seven Domains of Disgust Elicitors", *Personality and Individual Differences*, vol. 16, pp. 701–713.
- Heidegger, M. (2000), "Wer ist Nietzsches Zarathustra?", translated by Zhuk, I. V., *Topos*, no. 1. p. 50–65 (in Russian).
- Kierkegaard, S. (1962), "The Present Age (1846)", *The History Guide. Lectures on Twentieth Century Europe*, available at: http://www.historyguide.org/europe/present_age.html (accessed 23 September 2020).
- Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Stat'ya 5.61, Oskorblenie [Administrative Code of the Russian Federation. Article 5.61, Insult] (2020), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (accessed 23 September 2020) (in Russian).
- Medvedev, S. (2014), "Russian Ressentiment", *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (63), available at: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o6-2014/25544-russkiy-resentiment.html> (accessed 23 September 2020) (in Russian).

- Meltzer, B. and Musolf, G. (2002), "Resentment and Ressentiment", *Sociological Inquiry*, vol. 72, no. 2, pp. 240–255.
- Mikirtumov, I. B. (2016), "Rhetoric of Offended Feelings", *RACIO.ru*, vol. 17, no. 2, p. 80–101 (in Russian).
- Mitchell, W. J. T. (2005), *What Do Pictures Want?: The Lives and Loves of Images*, University of Chicago Press, Chicago, 408 p.
- Mochkin, A. N. (2005), *Fridrih Nicshe (intellektual'naja biografija)* [Friedrich Nietzsche (Intellectual Biography)], IF RAN, Moscow, 246 p. (in Russian).
- Nietzsche, F. (2002), *Zur Genealogie der Moral*, translated by Svasyan, K., Direkt-Media, Moscow, 269 p. (in Russian).
- Rudnev, V. (1999), *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture of the Twentieth Century: Key Concepts and Texts], Agraf, Moscow, 382 p. (in Russian).
- Ryklin, M. (2006), *Svastika, krest, zvezda. Proizvedenie iskusstva v jepohu upravljajemoj demokratii* [Swastika, Cross, Star. A Work of Art in an Era of Governed Democracy], Logos, Moscow, 208 p. (in Russian).
- Scheler, M. (1999), *Das Ressentiment im Aufbau der Moralen*, translated by Malinkin, A. N., Nauka, Saint Petersburg, 232 p. (in Russian).
- Tuinen van, S. (2018), "Introduction", in Tuinen van, S. (ed.), *The Polemics of Ressentiment: Variations on Nietzsche*, Bloomsbury Academic, London, available at: https://www.academia.edu/40293125/The_Polemics_of_Ressentiment_-_Introduction_Bloomsbury_2018_ (accessed 23 September 2020).
- Ugolovnyi kodeks Rossijskoi Federatsii. Stat'ya 148, Narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedanii* [Criminal Code of the Russian Federation. Article 148, Violation of the right to freedom of conscience and religion] (2020), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (accessed 23 September 2020) (in Russian).
- Ure, M. (2015), "Resentment/Ressentiment", *Constellations: an international journal of critical and democratic theory*, vol. 22, no. 4, pp. 599–613.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 23.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторах

Гомес Каролина-Джоанна
Уральский государственный медицинский
университет
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, 3
E-mail: gomeskjoanna@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0002-0706-6606

Круглова Татьяна Анатольевна
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4014-2877

Information about the authors

Gomes, Karolina-Dzhoanna
Ural State Medical University
3 Repina St., Yekaterinburg
620028 Russia
E-mail: gomeskjoanna@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0002-0706-6606

Kruglova, Tatyana Anatolyevna
D.Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: tkruglowa@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-4014-2877

KOINON: КОЭКЗИСТЕНЦИЯ ГЕНИЕВ ИЛИ ПОЛЕТ ИДЕЙ В ВОЗДУХЕ?

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье на примере жизни Веймара как «немецкой культурной столицы» времен И. В. Гёте (1749–1832) рассматривается специфика организации неформальных интеллектуальных сообществ, которые определяли ныне существующие формы культуры в Европе и в России. Такой гуманитарный koinon анализируется как возникшая в определенной исторической ситуации форма сосуществования и сотрудничества творческих людей, поддержку творчества которой обеспечивают «просвещенные власти». Рассматривается фигура носителя власти как «менеджера культуры» и формирование им «центров культуры» в соответствии с собственными представлениями о достойной человеческой жизни. Государственная культурная политика, как демонстрирует автор статьи, скроена так, что ее центральной фигурой начинает выступать сам «просветитель на троне» и подобранные им «руководящие кадры». Такая аристократическая культурная политика противостоит рыночно-демократической, которая ориентирована на «массовый спрос».

Ключевые слова: koinon как просветительская форма организации элитарной культуры, просветитель на троне, культурная политика, менеджер культуры, культурная столица, очаг культуры и культурный центр в Веймаре XVIII — начала XIX в.

Для цитирования: Перцев А. В. Koinon: коэкзистенция гениев или полет идей в воздухе? // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 125–143. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.006

KOINON: THE COEXISTENCE OF GENIUSES OR FLIGHT OF IDEAS IN THE AIR?

A. V. Pertzev

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Abstract: The article by A. V. Pertsev, professor of the Ural Federal University, on the example of Weimar’s life as a “German cultural capital” at the time of I. V. Goethe (1749–1832) discusses the specifics of the organization of informal

intellectual communities that defined the existing forms of culture in Europe and Russia. The paper analyzes such a humanitarian koinon as a form of coexistence and cooperation of creative people, which emerged in a particular historical situation and is supported by “enlightened authorities”. The figure of the bearer of power as a “cultural manager” and his formation of “cultural centres” following his ideas of a worthy human life are as well under consideration. As the author of the article demonstrates, the state cultural policy is concealed in such a way that its central figure is the “enlightener on the throne” himself and the “leading personnel” he has chosen. This aristocratic cultural policy is opposed to a market-democratic one with a focus on ‘mass demand’.

Keywords: koinon as an educational form of organization of elite culture, enlightener on the throne, cultural policy, manager of culture, cultural capital, hearth of culture and cultural center in Weimar 18 — early 19 centuries.

For citation: Pertzev, A. V. (2020), “Koinon: the Coexistence of Geniuses or Flight of Ideas in the Air?”, *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 125-143 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.006

Понятия философские — это понятия предельной степени общности. Их нельзя определять обычным образом — через указание на род и видовое отличие. («Стул — это мебель, предназначенная для сидения»). «Род» — это указание на более общее, а для философского понятия предельной степени общности нет ничего «более общего».

Поэтому понятия философские определяются только через противопоставление их другим предельно общим понятиям. Представляется, что понятие koinon представляет собой именно философское понятие — и понять его смысл можно только через понятие противоположное. Таковым выступает понятие «уединенность». Koinon — это преодоленность уединенности как разобщенного существования. Это — объединение интеллектуальных и материальных ресурсов, достигнутое в противоборстве с силами и обстоятельствами, которые способствуют существованию в разобщении и уединенности.

Разобщенность и уединенность могут быть вызваны объективными факторами — например, пандемией или глобальным экономическим кризисом, конкуренцией и конфликтами на международной арене. *Inter anna silent Musae* [Казаченок, Громько 1987, с. 281] — эта поговорка неверна: вся мощь таланта людей даровитых во времена, когда говорят пушки, мобилизуется для победы над противником. Таковую вынужденную разобщенность надо преодолевать — в том числе и средствами культуры. А вот уединение, скорее, подразумевает добровольный уход от мира — затворничество. И то и другое противостоит идее, описываемой как koinon — объединение сил, ресурсов, соединение интеллектуальных усилий, которые не воспринимаются как «усилия» — это уже парад умов и талантов, радость общения и честное состязание на радость всему сообществу. Фестивали и конференции, проводимые в реальном или

виртуальном мире, побуждают ценить достижения других народов, а также живо интересоваться выдающимися произведениями прошлых эпох. Трудно выразить это чувство интеллектуального и художественного единства всего человечества лучше, чем это сделал И. В. Гёте:

«Если рассматривать по отдельности прежде происходившие процессы формирования времен, районов, местностей, то из темного прошлого повсюду навстречу нам выступают прилежные и выдающиеся люди — храбрые, прекрасные, добродетельные и прекрасные внешне. Славословие человечества, к которому столь охотно прислушивается божество, никогда не смолкает, и мы сами чувствуем божественное счастье, если воспринимаем гармонично распределенное по всем временам и районам мира созвучие то отдельных голосов, отдельных хоров, то фугообразное развитие тем, то великолепное полнозвучие» [Von Goethe 2006, s. 46].

Современный «интеллектуальный» журнал — если использовать терминологию И. В. Гёте — может быть посвящен и собиранию «отдельных голосов» отшельников-мыслителей и художников, рассеянных по миру, и презентации «отдельных хоров», т. е. научных или художественных школ, и исполнение «фуг», в которых одна и та же тема звучит в исполнении разных инструментов или труб органа из разных регистров (а орган, по общеевропейскому мнению, есть Глас Божий). Но koionon как высокий идеал — это, конечно, «великолепное всеобщее песнопение». Главное в этой формулировке И. В. Гёте — не **всеобщее**, а **великолепное**, т. е. великолепно слепленное-исполненное. В отличие от социальных сетей, где слово предоставляется сегодня всем без разбора и без отбора, редколлегия интеллектуального журнала вовсе не считает, что каждый имеет право на свои пять минут славы. И великий И. В. Гёте прав: члены редколлегии чувствуют себя равными богам, которые отбирают-избирают избранное у избранных.

Интеллектуальные журналы — это сегодня пережиток. Свободные рыночные предприниматели отучили большинство публики читать всё, что длиннее рекламы. Лучшее сегодня — это *бестселлер*, т. е. то, что лучше всего продается. В смысле — наибольшему количеству покупателей. Интеллектуальные журналы, наоборот, ищут *изысканное*. То есть, вернее, они сами *изыскивают* — вопреки рыночным тенденциям — нечто такое, что выходит из рыночного ряда вон. Из ряда вон выходящее. Впрочем, на рынке все стремятся выйти вон из ряда — лезут вон из кожи и вопят, как оглашенные, расхваливая свой товар или свои услуги (экономисты ВШЭ уверяют нас, что третьего просто не дано). Чтобы изыскивать изысканное, должен быть человек с особо тонким вкусом (слухом, осязанием, обонянием, зрением). Только он найдет то, что не бросается в глаза.

В таком искусстве — изыскивать изысканное, а потом еще и собирать вместе! — нет равных женщинам. Всякий интеллектуальный журнал — как пережиток

пережитого ранее, но переживший это пережитое прямо наследует литературно-художественным салонам феодальных времен. Салон — это место, куда некогда собирались придворные поговорить *не о службе*. «Двор» — в первоначальном значении слова — это не какая-то огороженная площадка и даже не помещение, а «войско». А государь — это лучший воин своего двора. Так что в его присутствии первым делом остается служба. А вот в салонах, которые держали особо прекрасные и знатные дамы, общение было свободным и поощрялись как раз импровизации и таланты. Но таланты эти кто-то должен был пригласить, избрав достойный *koionon*.

Да, заслуга создания той атмосферы, которая отличает *koionon* как содружество талантливых людей, в равной мере принадлежит просветителям и «просвещенным государям». Первые сумели привить вторым мысль о том, что при дворе должно быть не только *воинственно*, но и *интересно*. Так что надо приглашать *ко двору* мастеров затейливого разговора, уже выказавших свою мудрость в сочинениях, а также мастеров искусств. А просвещенный государь мог бы и сам быть для них высоким примером.

Просто несравненным среди таких государей был, пожалуй, король Пруссии Фридрих Великий [Фрейзер 2003, с. 604]. Он стал королем после смерти отца, в 1740 г., в двадцать восемь лет¹. Отца звали «королем-солдатом», а сын тут же получил прозвище «король-философ», поскольку сразу же в год вступления на престол пригласил для того, чтобы советоваться, вначале Христиана Вольфа (систематизатора идей Г. Лейбница и учителя М. В. Ломоносова), а затем, десять лет спустя, — Вольтера. Фридрих Великий считал, что хорошо работающее правительство должно быть столь же связной системой, как система философских категорий: экономика и политика — внутренняя и военная — должны быть подчинены высшей цели, каковой выступает увеличение мощи государства. Сам государь, разумеется, философствовал. (Последним отголоском такого стремления посоветоваться с философами выступает, пожалуй, так называемая «вертушка» в кабинете декана философского факультета МГУ — телефон без диска для набора номеров прямой связи с ЦК КПСС; стремление согласовать государственную политику с философами, как видно, передалось правителям России через Х. Вольфа и М. В. Ломоносова. И это тоже был славный *koionon*.)

Но этим стремление формировать *koionon* у Фридриха Великого — как просветителя на троне — не ограничилось. Он отменил предварительную цензуру, велел без помех писать всё о столичных новостях. Он создал в 1744 г. Берлинскую академию наук, куда приглашает лучших ученых со всей Европы. Он открыл в Берлине в 1775 г. первую публичную библиотеку, учредил в 1742 г. Королевскую оперу и выстроил для нее здание, в 1747 г. пригласил к себе

¹ См. также: [Кротов 2020; Стерхов 2016; Шигарева 2019].

в резиденцию в Потсдам Иоганна Себастьяна Баха, а также сам был выдающимся флейтистом и композитором (его произведения исполняются до сих пор), написал около 100 сонат и 4 симфонии, закупал для придворной капеллы инструменты работы Амати и Страдивари.

И все же король был прежде всего воином и государственным деятелем — хотя и написал для своих генералов трактат «Анти-Макиавелли» [Фридрих Великий 2017, с. 160]. Берлинские философы легко доказывают это, проводя экскурсии к конному памятнику Фридриха Великого рядом с Университетом имени А. Гумбольдта. На передней части памятника — у подножья пьедестала — изображены его генералы, а вот философ Кант помещен прямо под хвостом королевского коня.

Спора нет: Фридрих Великий заслужил славу общенародного героя всех немцев. Но он создавал *государственные учреждения* для развития наук и искусств. Koïnon как сообщество гениев и талантов — с уникальной его атмосферой всечеловеческого дружества — ему создать не удалось. (И вообще дамы в его дворец не допускались, а без них атмосфера интеллектуального уюта никак не создается.)

Сравнимых успехов в создании сообществ интеллектуалов и творческих людей добилась племянница Фридриха Великого — Анна Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская, герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская (1739–1807). Именно она создала Веймар как культурную столицу всех немецких земель [Кадочников 2018, с. 172–179]². В 17 лет Анна Амалия вступила в брак с герцогом Эрнстом Августом Константином Саксен-Веймар-Эйзенахским, а через два года ее супруг умер, оставив ее вдовой с двумя детьми. Император объявил ее на следующий год совершеннолетней(!) и сделал правительницей герцогства вплоть до достижения совершеннолетия старшим из сыновей — наследным принцем Карлом Августом Саксен-Веймар-Айзенахтским (1757–1828).

Герцогиня прекрасно справилась с управлением: ей пришлось править своей небольшой державой до 1775 г., т. е. с 20 до 36 лет. А еще она прекрасно воспитала двоих сыновей, что для нее, как для хорошей матери, было ничуть не менее важно. И для решения обеих задач она пригласила к себе в Веймар всех гениев, каких только можно было отыскать в сотнях мелких немецких земель. Одним из этих гениев и стал И. В. Гёте.

Когда герцогиня Анна Амалия, путешествуя в намерении посетить Париж и Швейцарию с сыновьями, познакомилась с И. В. Гёте во Франкфурте в 1774 г., он был уже признанным драматургом — в 1773 г. во всей Священной Римской империи германской нации, как тогда назывались все немецкие земли, его сделала известным пьеса «Гец фон Берлихинген с железною рукою». Этому немало способствовало сочное выражение независимости в сочетании с призывом

² См. также: [Яценко 2013].

бодриться, которое И. В. Гёте вложил в уста этого мужественного рыцаря с протезом. А в сам год знакомства И. В. Гёте стал еще более популярен, когда описал красивую и достойную во всех отношениях любовь в «Страданиях юного Вертера», которую недавно пережил сам. Герой его испытывает страсть к чужой невесте и находит единственный выход для честного человека — накладывает на себя руки.

В момент встречи с Анной Амалией во Франкфурте литератору, находящемуся на пике славы, было 25 лет. Прекрасной герцогине, в которую литератор, по своему обыкновению, немедленно влюбился — 35 лет. Ее сыну — наследному принцу Карлу Августу Саксен-Веймар-Айзенахтскому — 17 лет. Он путешествовал вместе с матерью. Ему очень понравилось общество И. В. Гёте, и он призвал его ко двору — в следующем году ему предстояло вступить на престол. И. В. Гёте прибыл в Веймар 7 ноября 1775 г. — и прожил там, в сущности, всю жизнь. Дружба с новоиспеченным герцогом продолжалась более полувека. Гёте прожил 83 года, герцог — 71 год, покинув этот мир на 4 года раньше него. Похоронены они рядом.

Молодые люди управляли герцогством весело и задорно — в истинном духе *κοινων*. Они вместе играли в театре, который герцог построил (не без чуткого и заботливого участия матери) и для которого сочинял пьесы его первый министр И. В. Гёте. Однажды они прямо из дворца поскакали тушить какой-то пожар. Впрочем, всякого рода неприятности в герцогстве случались постоянно — как выразились бы на Руси, хозяйство в герцогстве было *совершенно сквозное*. Будущая культурная столица всех немецких земель представляла собой провинциальный, маленький и довольно запущенный городок. Уже в качестве министра И. В. Гёте делал распоряжения — хотя бы в церковные праздники не выливать помой прямо в канаву перед собственным домом. В городе был только один магазин с витриной — рядом с дворцом, для продажи предметов роскоши придворным. Мясом мясники торговали прямо из сеней своих жилищ — естественно, при полном отсутствии холодильников.

Но И. В. Гёте, который стал первым министром исключительно по дружбе и по любви, роль универсального «эффективного менеджера» ничуть не тяготила. Тем более что происходил он от практичного, весьма хозяйственного предка. Дед И. В. Гёте приехал во Франкфурт-на-Майне из Тюрингии и вначале работал здесь портным, а потом открыл трактир. Хотя он был удачливым дельцом и скопил капитал, на который жили не только дети, но и внуки, они при этом стыдились своего «низкого» происхождения и всячески старались обрести великосветские манеры. Этому способствовал сам дед-трактирщик, который отправил своего сына — отца И. В. Гёте — изучать право. У юристов были неплохие доходы, но деньги им давались нелегко: с одной стороны, они должны были быть «людьми дела», т. е. «вести дела»; с другой стороны, они вели их не реально, как специалисты и мастера своего дела, да еще и в нескольких

поколениях, а занимались чужими делами, причем на словах. То есть сама профессия заставляла их жить на два жизненных мира — быть деловитыми, как бизнесмены, и быть своими в высших кругах (как иначе оправдать обращение «Ваша честь»?). Хорошо заработать юрист может, только ведя дела знатных господ, но ведь вначале надо стать вхожим в их круг!

Поскольку отец И. В. Гёте считал самым важным именно получение диплома, а сын все время испытывал с этим проблемы, между ними возникли конфликтные отношения. Но ведь сам отец сформировал у сына нелюбовь к «регулярному» образованию, к «школе» и к «школярству»: в 1756–1758 гг., т. е. с семи до девяти лет, юный Ганс Гёте ходил в общественную школу, а затем был переведен вместе с сестрой на домашнее воспитание. Ему преподавал сам отец — готовил в юристы! — а также восемь репетиторов. И. В. Гёте изучал восемь европейских языков, а также: естественные науки; религию; рисование; музыку; верховую езду; фехтование; танцы, т. е. готовился, по сути, к великосветской жизни. Мать приобщила мальчика к литературе, а бабушка еще в 1753 г. — т. е. в четыре года — преподнесла ему кукольный театр, в котором юный Ганс ставил с друзьями спектакли. Остальное довершила судьба — грянула Семилетняя война и привела в дом семьи Гёте в качестве квартирантов французов, которые не только позволили мальчику поупражняться в языке, но и познакомили мальчика-драматурга с французской драмой.

Изобилие предметов для изучения всегда приводит к поверхностности знаний (тем более что репетиторы обыкновенно не согласуют друг с другом свои «учебные программы»). Но то, что вызывает презрение у специалистов, наоборот, вызывает уважение у «эффективных менеджеров». Они не боятся братья за что-то незнакомое, вести дела на свой лад, проводить реформы, не признавать «объективных данностей» и строить утопии. Таких многообещающих молодых, не отягощенных грузом прошлого и излишним опытом «эффективных менеджеров» очень охотно нанимают те, у кого дела сильно запущены. Они надеются на чудо. «Эффективные менеджеры» сулят им соединение научно-технического прогресса с собственной деловой энергией. Герцогство Анны Амалии было порядком запущено. Но она сама уповала только на молодость и деловитость, и пригласила — через сына, разумеется — И. В. Гёте в «управленцы».

Юный герцог по прибытии И. В. Гёте в Веймар подарил ему дом (в котором «универсальный гений» прожил 50 лет) и поручил ему организовать деятельность правительства. Вскоре выяснилось, что расходы на него — непомерны, а потому финансы герцога пребывают в расстройстве. Просветители обычно приходят тогда, когда казна пуста, а те, кто ее растащил, удалились на поиски новой добычи. (Пока деньги в казне есть, они никаких просветителей к казне и близко не допустят. Просветителя правитель приглашает тогда, когда ему

остается надеяться только на чудо — только вот чуда он ждет не от Бога, а от науки.)

Организатор деятельности правительства И. В. Гёте обнаружил, что огромных расходов требует войско герцога. Каждый из мелкодержавных немецких правителей норовил подражать французскому монарху. Строил дворец, как в Версале, заводил войско. Вот только французские короли возглавляли большое централизованное государство, а немецкие герцоги да князья — мелкие владения (их насчитывалось более 300, и средняя площадь одного княжества была 25 квадратных километров). Войско, впрочем, заводилось не просто для охраны своих карликовых владений. Феодалное мелкодержавие приводило к тому, что эти владения не то чтобы даже становились легкой добычей противника (поживиться там было особо нечем). Немецкие земли были превращены европейскими державами в какое-то всеобщее ристалище, в арену, на которой все соседи приходили биться между собой. Если между европейскими державами возникал конфликт, они приводили свои армии сражаться на немецкие земли. Следовательно, свое войско всё же надо было иметь, чтобы не превращать свои земли в проходной двор. Но вот сколько позволит выделить на это скудный бюджет? И насколько надо «оптимизировать» войско и государственный аппарат?

Герцог назначил И. В. Гёте военным комиссаром, поручив ему вести набором рекрутов, снабжением войска и денежным его довольствием, т. е. материальным обеспечением боеготовности. Всего войско герцогства насчитывало 570 солдат, но содержание его почему-то поглощало огромные суммы. И. В. Гёте сократил войско до 293 человек, а заодно и провел «оптимизацию» числа придворных. Вдохновленный успехами, юный герцог сделал его министром финансов.

И. В. Гёте как «прогрессор» решил разом покончить с финансовыми трудностями, уповав на чудо технических инноваций. С 1777 г. он взял на себя руководство комиссией по горному делу, чтобы реанимировать старый заброшенный рудник в Ильменау — чтобы завалить серебром [Конради 1987, с. 398]. Чтобы изыскать средства на возобновление работы рудника, он выпустил ценные бумаги, которые были обеспечены природными ископаемыми. Эти бумаги, как было сообщено населению княжества, принесут огромные доходы — как только серебро начнет добываться. Население герцогства принялось охотно скупать акции рудника. В ожидании будущих богатств некоторые принялись жить не по средствам, кутить, покупать обновки, спекулировать купленными бумагами. (В «Фаусте» — во многих местах! — И. В. Гёте часто иронизирует над собственными проектами времен «эффективного менеджества»; эти проекты придумывал Фауст, а осуществлял Мефистофель, который знал заранее, что они провалятся (конечно, оба этих персонажа были двумя ипостасями самого Гёте)). Там, в «Фаусте», рассказана похожая история о добыче золота,

но мысль о будущем легком обогащении внушается Мефистофелем — как дьявольское искушение.)

И. В. Гёте дневал и ночевал на руднике в Ильменау, побывав там 28 раз, но за эти десять лет рудник так ничего и не добыл. (Не зря его бросили «специалисты».) Всё это сильно напоминало алхимию — поиски философского камня, способного превращать всё в золото (в данном случае — в серебро). И. В. Гёте чувствовал себя алхимиком — и наделяет этим занятием свой прообраз в Фаусте.

С 1779 г. И. В. Гёте возглавил комиссию по вопросам войны и дирекцию по строительству дорог. Он по-прежнему занимается «оптимизацией» военных расходов, а с дорожным строительством связана новая надежда пополнить казну герцогства. «Проект», если использовать современное расхожее слово, состоит в том, чтобы сделать Веймар транспортным узлом и взимать пошлину за пользование дорогами, которые будут выводить напрямую на главные транспортные пути. До сих пор дороги были только грунтовые. Проехать по ним можно было только в сухую погоду летом. Каменная основа отсутствовала, в огромные ямы проваливались экипажи, травмировались и гибли люди и лошади.

Другими словами, стоило только И. В. Гёте (с юридическим неоконченным (?) и богословским незащищенным (?) — в общем, с непрофильным гуманитарным образованием) заняться одним неотложным делом в порядке помощи людям, которым он искренне симпатизировал, как ему пришлось с необходимостью вникать и в другие дела, связанные с этим делом, — т. е. выступать в роли «системного администратора» — в том смысле, что ему приходилось управлять всей системой, прослеживая со вздохом все ее взаимосвязи. (Точно в такой же ситуации оказывались командиры студенческих строительных и уборочных отрядов в советское время: из них сейчас всё еще состоит «командный» состав университетов, банков, производственных холдингов и т. п.) И. В. Гёте целые десять лет не писал ничего серьезного (или писал урывками), зато занимался — вынужденно, без всякого желания — набором в войско и его снабжением, горным делом (и лесным хозяйством для обеспечения крепежа), строительством дорог, государственными финансами, текстильной промышленностью (надо было одевать двор и обеспечивать реквизитом театр). Ко всему этому *совершенно не лежала душа*. (Хотя он и со всей ответственностью объехал все города герцогства — и не по разу, и удостоился за эту свою деятельность дворянства.)

Но вся эта досадная управленческая «суета сует» чаще всего заканчивалась неудачами. И. В. Гёте руководил дорожными работами с 1782-го по 1786 г., но до самого XIX в. почтовой станции даже в самом Веймаре построено так и не было. Рудник — который уже был заброшен ранее «экспертами», т. е. знатоками своего дела — так и не выдал «на гора» серебро, чтобы поправить

финансовые дела герцогства. Даже война против Наполеона, на которую И. В. Гёте дважды сопровождал своего друга-герцога, была ими проиграна, хотя и не окончательно. (Герцог, кстати говоря, вовсе не связывал никаких надежд с налаживанием хозяйственной жизни в своих владениях. Он — памятуя о том, что «герцог» означает «воевода», «водитель войск», — избрал военную стезю. С 1803 года стал *генерал-лейтенантом* русской службы с назначением шефом Киевского гренадерского полка и с зачислением в Свиту Императора Александра I, участвовал в сражении при Аустерлице, потом снова служил Пруссии, в битве при Иене был ранен и взят французами в плен, был отпущен в свое герцогство, которое Наполеон включил в состав Рейнского союза, потом снова находился при русской армии без зачисления в ее ряды, участвовал в нескольких битвах, за участие в сражении при Лейпциге снова был принят на русскую службу с производством в генералы от кавалерии — и оставался на русской службе до самой смерти. А Венский конгресс увеличил его владения и возвел в великогерцогское достоинство. Вернувшись со славой с Наполеоновских войн, герцог торжественно отпраздновал пятидесятилетие дружбы с И. В. Гёте.)

Таким образом, оба друга одинаково тяготились управленческими делами, предпочитая дела *героические* и будоражащие чувства. Но если герцог просто сражался в самых разных краях, то его друг не мог везде сопутствовать ему — во-первых, по слабости здоровья, потому что еще во время первой попытки «выучиться на юриста» по настоянию отца — в престижном Лейпцигском университете — он заболел туберкулезом и слег (дело дошло до кровохаркания, и отец забрал его домой), а во-вторых, на нем оставалось всё хозяйство герцогства. Но заниматься этим хозяйством он просто не мог рутинно. Он мог вместе с юным герцогом поскакать на тушение пожара, но ему было бы скучно устраивать в городе «регулярную» противопожарную службу, писать для нее инструкции и проверять их исполнение, а тем более — заниматься профилактикой пожаров. Точно так же он относился и ко всем прочим делам, предпочитая заниматься ими «наскоками». (В русском языке этот военный стиль руководства именуется «штурмовщиной» и не исключал, как у медведя на воеводстве у М. Е. Салтыкова-Щедрина [Салтыков-Щедрин 2016, с. 64], «кровопролитиев», тогда как всякого рода съедение чижиков руководством не поощрялось — как мелкотравчатость.)

Личностью И. В. Гёте был победительной и масштабной. Компенсацией за тщету суеты повседневного мира для него становился классицизм в искусстве — стремление писать о высоком и судьбоносном, неподвластном времени, далеком от крохоборства и педантизма. Заниматься наукой и культурой, по мнению И. В. Гёте, тоже надо было героически-титанически: Природа открывается не всякого рода скрупулезным педантам-эмпирикам, а гениям, которых она легко распознает — ведь это ее любимые дети.

Соответственно, и построена должна быть деятельность в науке и в культуре по героическому принципу — пришел, увидел, победил. Университетскому множеству обязательных диссертаций должна быть противопоставлена общедоступная библиотека, где можно взять и почитать всё что угодно, быстро вникнуть в проблему и получить от матери-Природы подобающее гению откровение. Изложить это откровение надо, соответственно, не в монографии, а в статье, а еще лучше — в тезисах на такой же общедоступной, как и библиотека, конференции. Чтобы затем быстро вернуться к своей основной деятельности — по местам осуществления «эффективного менеджмента», т. е. тайного руководства всем.

Вся наука должна быть только библиотечной и журнальной, но не *университетско-академической* и *монографичной*. В «Фаусте» всё это ненавистное «кабинетное» олицетворяет ученик доктора Фауста — Вагнер [Гёте 2018, с. 704]. В науке Вагнер ценит теорию, которая живет в книгах и придает основательность всем начинаниям. Ему интересно также прошлое науки, сочинения давно умерших философов, древние манускрипты. Фауст, напротив, интересуется только тем, что можно применить здесь и сейчас, — о прошлом он вспоминать не любит, потому что там от него — как и от любого «эффективного менеджера» — остаются, в основном, неудачи.

Фауст раздираем — как и его создатель И. В. Гёте — между Вагнером и Мефистофелем. Вагнер — это основательность науки. Мефистофель — это живость жизни, которая заставляет всякий раз браться за другое дело, еще не окончив толком прежнего. Вагнер — это методичность и педантичность, Мефистофель — это постоянная смена предметов и даже областей исследования. (Библиотека с открытым доступом — символ такой науки; там можно снять с полки любую книгу и, пробежав ее глазами, героически высказать свое мнение. Такое чтение — а сегодня просмотр научно-популярных фильмов и просто изучение новостей и «Википедии» — обеспечивает остроту и живость впечатлений.) Кабинетный ученый Вагнер потому и делает гомункулуса, что ему самому чужда живая жизнь. В ее практике постоянно приходится сталкиваться с недостатком информации при принятии решений — т. е., говоря проще, **рисковать**. Так называемая фундаментальность науки — всего лишь выражение трусости в ней. Не стоит тысячу раз проверять что-то на опыте — надо приходить, ставить твердой рукой героя единственный опыт — и побеждать. Это и есть жизнь великого ученого: просветитель — универсальный гений во всех науках, не задерживающийся ни в одной из них надолго, потому что у него есть универсальная методология — «наука побеждать».

О том же говорил и И. Кант в своей теории «прагматической веры» — врач, например, не всегда может поставить диагноз, но верит, что привычные действия и использование здравого смысла при отслеживании их результатов приведут к успеху лечения — верить надо в действие [Болдыгин 2016,

с. 58–68]. Нечто подобное заявлял и Наполеон Бонапарт, с которым И. В. Гёте встретился в 60 лет и который звал его переехать в Париж, чтобы описывать грандиозные практические деяния французского императора, перевернувшего в своих рискованных экспериментах половину мира. Наполеон Бонапарт говорил: «Надо ввязаться в серьезный бой, а там будет видно». Цезарь в письме к другу выразил это словами, превратившимися в принцип: «Пришел, увидел, победил». То есть: ничего не предусматривал теоретически, до того как увидел, ничего не планировал на солидной научной основе. На Руси говорили: «Война сама план покажет».

Нужна ли смелость в науке? Что в ней важнее — теория или эксперимент? Должны ли все эксперименты быть предварительно обоснованы теоретически? Не открывает ли дилетантизм — этот «научный авантюризм» — нечто новое даже для теоретиков? Если бы науки только накапливали свои теоретические богатства, откуда появлялись бы в них революции со сменами парадигм?

Сегодня у нас есть множество примеров из истории науки, которые доказывают, что в ней ценно всё — и случайные открытия, отчасти произошедшие просто по безалаберности, по причине нарушения правил техники безопасности, от излишнего любопытства, и регулярные серии опытов, которые представляют собой прояснение открытого «случайно», и теоретические обобщения их, сопровождающиеся математическими формулами, которые выражают закономерности. Но в науке, где важны и теория и практика, всегда существовали люди различного типа. Одни тяготели к постоянному открытию неведомого, другие — к теоретическому осмыслению вновь открытого, к связыванию его с тем, что уже известно из истории науки. Эти «партии» — «экспериментаторы» и «теоретики» — спорят друг с другом в любой науке. В «Фаусте» этот спор персонифицирован — его олицетворяют Вагнер и доктор Фауст. Вагнер — это символ науки книжной, *монографической*. Фауст — символ науки *журнальной*. Вагнер — это университет, поделенный на факультеты. Фауст — это конференция, саммит, живое общение ученых, собравшихся отовсюду, — из всех наук и со всего мира. А самое главное — это практик, который занят одновременно множеством разнообразных дел. Единственная приемлемая для него форма причастности к науке — это *κοινον*, собравшееся ненадолго ученое сообщество — собравшееся на совет, который по определению будет недолгим.

Это будет собрание, где все участники изложат в ограниченном общепринятом объеме «все новости, достойные опубликования». Дальше узкие специалисты могут отправляться в свои лаборатории для фундаментальных глубинных исследований. Но *κοινον* предполагает их умение, их способность выступать в качестве *экспертов*, т. е. ограничивать себя самым важным и ценным для действующих людей — эффективных менеджеров и политиков. Да и все ученые люди должны знать о положении в науке в целом — как говорится, «всё о немногом и понемногу обо всём».

Встречи именно в такой форме — не популярные лекции для профанов, а научные экспертные доклады для людей, посвященных в науку и применяющих ее на практике, — могут быть организованы только вне университетских стен. Это будут вольные встречи *научной общественности, которые не регламентируются никак и никем*. Они являются формой *научной самостоятельности* за пределами *собственной науки*. Но участие в такой научной самостоятельности должно быть *принято* в научных кругах. Кроме того, это должно быть просто приятным и престижным. Точно так же дело должно обстоять и в искусстве: одно дело — высокий актерский профессионализм, а другое — *художественная самостоятельность*, в которой участвуют все, включая первых лиц.

Культура Веймара была культурой аристократической по истокам своим. Она насаждалась и формировалась с активнейшим участием «просветительницы на троне» — герцогини Анны Амалии, достойной племянницы просвещенного монарха Фридриха Великого (и приходилась двоюродной сестрой самому неудачливому российскому государю Ивану VI Антоновичу). Выполняя свои опекунские обязанности в тридцать шесть лет, она была полна сил, которые всецело направила на создание форм организации художественного и научного сообщества — при всемерной поддержке И. В. Гёте. Однако следует отметить, что она занималась такой деятельностью и до его приглашения в Веймар. Культура распространялась по Веймару именно из дворца, а потому понятие «дворец культуры», столь популярное в советские времена, имело самое буквальное значение.

Дворец Виттум (он же Вдовый замок) был местом проживания Анны Амелии с детьми после смерти мужа. После прибытия И. В. Гёте здесь стали проходить «встречи по пятницам» — по сути, литературный салон. (И. В. Гёте просто придал им регулярность, но в таких встречах он участвовал еще во времена столь неудачной учебы в университете Лейпцига, который назывался в ту пору «немецким Парижем». Вот только проходили они не во дворцах, а в плохо отапливаемых и вечно сырых помещениях, где обитали небогатые студенты.) Но И. В. Гёте прибыл в Веймар 7 ноября 1775 г., а за три года до этого во Вдовьем замке уже приступил к своей воспитательской деятельности с сыновьями герцогини Кристоф Мартин Виланд, выпускник Тюбингенского университета, ставший одним из лучших немецких педагогов. (Музей К. М. Виланда расположен в нескольких помещениях Вдовьего дворца.) Этот незаурядный человек не только прекрасно справился с воспитанием принцев, он обосновал свою собственную воспитательную концепцию теоретически, начав издавать журнал «Немецкий Меркурий» («Der Deutsche Merkur»), который выходил с 1773-го по 1810 г. Суть педагогической доктрины заключалась в противостоянии модных тогда в немецких землях романтизма и аскетизма (юному Ф. Шиллеру всыпали несколько лет спустя 12 розог за лишнюю купленную булочку), в следовании требованиям здравого смысла. Придворный педагог

изображался К. М. Виландом одной из главных придворных фигур, способных влиять на воспитание по всей стране. Он написал первый в Германии просветительский «роман воспитания» — «Агатон» (1766). В двух его произведениях — «Абдеритяне» (1774) и «Музарион» — действие происходит в античной Греции. (Фридриху Гёльдерлину, который привил немцам мысль о том, что они должны возродить на немецких землях Древнюю Грецию, в год выхода «Абдеритян» было всего четыре года.)

Педагог был придворным, и городской театр тоже вырос из придворной в буквальном смысле труппы, созданной герцогиней Анной Амалией. Первоначально главными актерами в театре Веймара были герцог и его брат, а также сам И. В. Гёте. Последний также писал пьесы для него, был режиссером великосветской самодеятельной труппы, а главное, двадцать шесть лет — с 1791 г. — был интендантом театра, обеспечивая его всем необходимым. Нужно ли добавлять, что посещение спектаклей придворными было просто делом чести, а не только вопросом эстетической воспитанности? Игра на театральных подмостках с тех пор называется «служением», хотя уже давно не отличается такой самоотверженностью: Ф. Шиллер, больной туберкулезом, вернулся в Веймар в 1799 г. и, наконец, нашел общий язык с кумиром своей юности И. В. Гёте, а тот допустил его на роль драматурга в руководимый им театр — и Ф. Шиллер писал пьесы, которые ставились на его сцене раз в три дня! Это — вместе с изданием нескольких литературных журналов на деньги меценатов — окончательно подорвало его здоровье. Он умер в 45 лет, в 1805 г., за три года до этого неожиданно для себя удостоившись дворянского титула, но богатства изнурительным литературным трудом не снискал, а потому был похоронен в общем склепе для дворян, не имевших средств на склеп фамильный [Ланштейн 1984, с. 408]³.

Но не издавать литературные журналы Ф. Шиллер просто не мог. И. В. Гёте подчеркнуто не отвечал на его попытки обратить на себя внимание и познакомиться, а затем и завязать сотрудничество. Интеллектуальный *koínon* уже диктовал какой-то этикет. И. В. Гёте прислал первые свои материалы в шиллеровский журнал только тогда, когда ему предложили это сделать И. Кант и И. Г. Гердер. Великая дружба между классиками немецкой драматургии, запечатленная памятником, который известен всему миру, последовала уже за соблюдением этой церемонии [Гёте, Шиллер 1988, с. 540]. (До этого Ф. Шиллер признавался, что И. В. Гёте вызывает у него «любовь, полную ненависти», — впоследствии З. Фрейд назовет это «амбивалентными чувствами».) Другое неписаное правило, которое диктует этика интеллектуального *koínon*, побудило изобразить Ф. Шиллера и И. В. Гёте на памятнике **равновеликими** — хотя первый был выше второго ростом на 20 сантиметров.

³ Биографию Ф. Шиллера также см.: [Ватсон 2014].

Если выразаться современным языком, интеллектуальный koionon требовал для своего поддержания вполне определенной структуры, в которой не было ничего избыточного — ведь идеи сами по себе в воздухе не летают. Подобно капиталу, они не возникают в обращении, но и не возникают вне обращения. Они есть результат коэкзистенции творческих людей, которая протекает в определенных формах — как институционализированных, так и самоорганизующихся при поддержке извне. Эти формы — журнал, творческий союз, библиотека, научно-культурный центр, литературный салон, театр, филармония — представляют собой формы общежития творческих людей. Они предполагают друг друга, сосуществуя в единой системе, которая должна создаваться, сохраняться и развиваться в целостности. Разрушение какой-либо части этой системы или взаимосвязи между какими-то ее частями равносильно уничтожению данной формы культурного сосуществования.

Первоначальные формы искусства были неразрывно связаны с осуществлением религиозных ритуалов — вначале политеистических, затем — монотеистических. Но по мере развития культуры она стремились всё более и более размежеваться с отпавлением религиозного культа. «Общины» зрителей принимали выраженно светский характер — во всяком случае, зрители явственно отличали спектакль от богослужения, а дьявола на театральных подмостках — от сатаны, против искушений которого предостерегала церковь. Сатана на сцене не искушал зрителя — он искушал других театральных персонажей. Божества на сцене или в светских книгах становились квази-божествами, превращаясь в художественные образы. В них уже не требовалось верить. Непричастный к ним зритель мог с интересом наблюдать за их «приключениями», не испытывая ни страха за собственную участь, ни надежды, ни прочих чувств. Священные книги — в особенности, священные писания других народов — превращались в развернутые и затянутые информационные сообщения. Возникал сильный соблазн изложить их в концертном формате, более сжато и более интригующе. Что и позволяло создать экзотический спектакль или балладу для исполнения в литературном салоне. Разумеется, такие инновации и импровизации не нравились служителям культа, но они тоже принимали объяснение светских сочинителей, что речь идет всего лишь о литературных образах.

Библиотека не может состоять из одной книги (вспомним знаменитый анекдот о «разборе» Александрийской библиотеки халифом Умаром ибн Хаттабом в 642 г., который якобы повелел сжечь книги, в которых есть то, чего нет в Коране, как вредные, а затем сжечь те, в которых есть только то, что есть в Коране — как лишние (см. также: [Даль 2014, с. 34])). Библиотека должна состоять из множества самых разных книг. И репертуар театра должен состоять из множества различных пьес, в особенности если это — театр провинциальный и круг его зрителей ограничен. Не всегда найдется самоотверженный

сочинитель вроде Ф. Шиллера, который будет писать пьесу раз в три дня, беря материал для нее из своей фантазии или из своего опыта. Так возникает неудержимое побуждение пересказать на свой лад чужое Священное Писание или историю других народов.

В Веймаре было кому пересказывать собственную историю и христианское Священное Писание. Всем этим успешно занимался И. Г. Гердер [Жирмунский 1972, с. 209–276]⁴. Церковь XV в., в которой он служил, ныне называется его именем, в ней он и похоронен под органной галереей. В этом «доме Гердера» можно было познакомиться с его серьезными богословскими и философскими трудами, а также книгами, посвященными истории немецкой культуры.

Но библиотека — как иной центр культуры, отличный от церкви, — была предназначена не только для религиозной, но и для светской литературы. Под нее венценосные просветители отдали Зеленый замок — бывшую резиденцию брата герцога. И. В. Гёте, который, конечно, курировал и ее, называя ее «храмом облагораживания человечества». Результаты же чтения могли быть изложены на лекции для широкой аудитории: для такого лектория был специально приспособлен Городской дом (Stadthaus). В начале XV в. в нем была пивная в подвале, затем он стал торговым домом, а во времена И. В. Гёте был превращен в «дом культуры», где читались лекции, а также устраивались концерты и маскарады.

Безусловно, чтение и пересказывание священных писаний других народов могло приводить к вольнодумству. Но просветители мудро рассудили, что такая форма ознакомления с зарубежными мировоззрениями и верованиями могла представлять собой нечто вроде «прививки», которая, впрочем, еще не была открыта медициной. Познакомившись с иноземной экзотикой в вольном художественном пересказе, читатель или слушатель вряд ли подпадет под ее серьезное влияние — а переболев чем-то чуждым, выработает к нему иммунитет.

В Веймаре И. В. Гёте и его венценосные единомышленники строили именно систему живого, культурного общения. Она должна была находиться «в шаговой доступности», прямо «по месту жительства». Деловой человек, занятый государственными делами, мог провести свой досуг, приняв живое участие в культурной жизни — причем не в качестве зрителя, а в качестве участника. Тайный советник И. В. Гёте курировал и университет в Иене. Там он расширил естественно-научные факультеты, учредил первую кафедру химии, расширил коллекцию анатомических и минералогических экспонатов, создал кабинет ботаники, обсерваторию и ветеринарную школу. Это всё предназначалось для занятия серьезными делами. Но серьезных, фундаментальных занятий гуманитарными науками И. В. Гёте на дух не переносил, а потому намеренно формировал легкую, развлекательно-научную атмосферу

⁴ См. также: [Макаров, Тютюнник, Тютюнник 2018].

в Веймаре — «журнально-библиотечную», в отличие от «монографично-университетской».

И. В. Гёте полагал, что его жизнь — выбранная и выстроенная им самим — вполне может служить ориентиром для других. Он больше всего ценил в людях деловитость. Он занимался практическими делами бóльшую часть недели. А вот отдельные дни и всякие *выпавшие* свободные часы он вполне мог уделять писательству, игре на подмостках театра, чтению в библиотеке. Университетскую гуманитарную публику — «книжных людей» — он не уважал. Это были склонные к диктатуре «люди монографий». (Г. В. Ф. Гегель позднее как-то похвалил Пифагора за то, что он ввел для своих учеников пятилетний обет молчания — и добавил при этом, что свою систему он, Гегель, смог бы изложить, если его не будут перебивать, приблизительно за это время.)

В отличие от этого культура koionon предполагает, что *надо давать высказаться и другим*. Это — не *монографическая*, а *журнальная* атмосфера. Здесь нет никаких абсолютных авторитетов и менторов, которые *диктуют*. Эту атмосферу koionon — атмосферу компактной культурной столицы — трудно воссоздать в современном мегаполисе. Но ее вполне возможно создавать и культивировать с помощью современных средств коммуникации, превращая редколлегию журнала в современную форму творческого общения высоких профессионалов, умеющих говорить о своих штудиях кратко, внятно и увлекательно для широкой публики.

Список литературы

- Болдыгин 2016 — *Болдыгин Г. В.* И. Кант о знании и видах веры // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 58–68.
- Ватсон 2014 — *Ватсон М. В.* Фр. Шиллер. Его жизнь и литературная деятельность. М. : Директ-Медиа, 2014. 80 с.
- Гёте 2018 — *Гёте И. В.* Фауст / пер. с нем. Б. Л. Пастернака. СПб. : Речь, 2018. 704 с.
- Гёте, Шиллер 1988 — *Гёте И. В., Шиллер Ф.* Переписка : в 2 т. Т. 1. / пер. с нем. И. Е. Бабанова. М. : Искусство, 1988. 540 с. (Серия : История эстетики в памятниках и документах).
- Даль 2014 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
- Жирмунский 1972 — *Жирмунский В.* Жизнь и творчество Гердера // Жирмунский В. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л. : Художественная литература, 1972. 496 с.
- Кадочников 2018 — *Кадочников В. П.* 1756: новый титул Анны Амалии Прусской // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое и Новейшее время : сб. ст. участников XI Всерос. науч. семинара (12–13 октября 2018 г.) / отв. ред. А. Р. Панов. Вып. 13. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 172–179.
- Казаченок, Громыко 1987 — *Казаченок Т. Г., Громыко И. Н.* Античные афоризмы. Минск : Вышэйшая школа, 1987. 318 с.
- Конради 1987 — *Конради К. О.* Гёте. Жизнь и творчество. Т. I : Половина жизни / пер. с нем. А. Гугнина. М. : Радуга, 1987. 592 с.

- Кротов 2020 — Кротов А. А. Фридрих Великий и философия французского просвещения // Философия истории философии : сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Дудник и др. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 223–241.
- Ланштейн 1984 — Ланштейн П. Жизнь Шиллера / пер. с нем. В. Болотникова, К. Старцева, С. Тархановой. М. : Радуга, 1984. 408 с.
- Макаров, Тютюнник, Тютюнник 2018 — Макаров А. Н., Тютюнник И. А., Тютюнник С. И. Гёте и Гердер в Страсбурге: идеи о новом искусстве // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. Киров : Вятский государственный университет, 2018. С. 446–450.
- Салтыков-Щедрин 2016 — Салтыков-Щедрин М. Е. Медведь на воеводстве. М. : Нигма, 2016. 64 с.
- Стерхов 2016 — Стерхов Д. В. Абсолютизм или «сословный ренессанс»? Королевская власть и дворянство в Пруссии в XVIII веке // Actualscience. 2016. Т. 2. № 9. С. 23–30.
- Фрейзер 2003 — Фрейзер Д. Фридрих Великий / пер. с англ. А. Ю. Шманевского. М. : АСТ, 2003. 604 с.
- Фридрих Великий 2017 — Фридрих Великий. Анти-Макиавелли / пер. с нем. А. Нартова, Я. Хоршкович. М. : Эксмо-Пресс, 2017. 160 с.
- Шигарева 2019 — Шигарева А. Н. Исторические взгляды прусского короля Фридриха II // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия : материалы V Межрегиональной заочной науч.-практ. интернет-конференции с междунар. участием (Кострома, 16–19 октября 2019 г.) / науч. ред. Ж. А. Захарова. Кострома : Костромской государственный университет, 2019. С. 231–233.
- Яценко 2013 — Яценко Л. В. Культурный феномен Веймара — города немецкой классики // Городская культура и город в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 21–22 мая 2012 г.) / под ред. С. В. Соловьевой. Т. 2. Самара : Самарская государственная академия культуры и искусств, 2013. С. 181–186.
- Von Goethe 2006 — Von Goethe J. W. Maximen und Reflexionen. Köln : Anakonda Verlag, 2006. 256 p.

References

- Boldygin, G. V. (2016), “I. Kant on Knowledge and Types of Faith”, *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (15), pp. 58–68 (in Russian).
- Conrady, K. O. (1987), *Goethe. Leben und Werk, Vol. 1*, translated by Gugnin, A., Raduga, Moscow, 592 p. (in Russian).
- Dal', V. I. (2014), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], Direkt-Media, Moscow, 7602 p. (in Russian).
- Freizer, D. (2003), *Fridrikh Velikii* [Frederick the Great], translated by Shmanevskii, A. Yu., Izdatel'stvo AST, Moscow, 604 p. (in Russian).
- Friedrich der Große (2017), *Der Antimachiavell*, translated by Nartov, A. and Khoroshkovich, Ya., Eksmo-Press, Moscow, 160 p. (in Russian).
- Goethe, J. W. (2018), *Faust*, translated by Pasternak, B. L., Rech', Saint Petersburg, 704 p. (in Russian).
- Goethe, J. W. and Schiller, J. Ch. F. (1988), *Correspondence, in 2 vols, Vol. 1*, translated by Babanov, I. E., Iskustvo, Moscow, 540 p. (in Russian).
- Kadochnikov, V. P. (2018), “1756: a New Title of Anna Amalia of Prussia”, in Panov, A. R. (ed.), *Politicheskaya zhizn' Zapadnoi Evropy: Antichnost', Srednie veka, Novoe i Noveishee vremya, sbornik statei uchastnikov XI Vserossiiskogo nauchnogo seminar (12–13 oktyabrya 2018 goda). Vypusk 13* [Political Life of Western Europe: Antiquity, Middle ages, Modern and Contemporary Times, Collected Articles of the Participants of the 11-th All-Russia Scientific Seminar (12–13 October 2018). Iss. 13], Arzamasskii filial NNGU, Arzamas, pp. 172–179 (in Russian).
- Kazachenok, T. G. and Gromyko, I. N. (1987), *Antichnye aforizmy* [Ancient Aphorisms], Vysshishaya shkola, Minsk, 318 p. (in Russian).
- Krotov, A. A. (2020), “Frederick the Great and the Philosophy of French Enlightenment”, in Dudnik, S. I., Krotov, A. A., Mironov, V. V. and Osipov, I. D. (eds), *Filosofiya istorii filosofii, sbornik nauchnykh*

- statei* [The Philosophy of History of Philosophy, a Collection of Scholarly Articles], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, pp. 223–241 (in Russian).
- Lahnstein, P. (1984), *Schillers leben*, translated by Bolotnikov, V., Startsev, K. and Tarkhanova, S., Raduga, Moscow, 408 p. (in Russian).
- Makarov, A. N., Tyutyunnik, I. A. and Tyutyunnik, S. I. (2018), “Goethe and Herder in Strasbourg: Ideas for a New Art”, in *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2018), sbornik statei XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 3 tomakh. Tom 3* [Society. Science. Innovations. (SIC-2018), Proc. of 18-th All-Russia Scientific and Practical Conference, in 3 vols, Vol. 3], Vyatskii gosudarstvennyi universitet, Kirov, pp. 446–450 (in Russian).
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (2016), *Medved' na voevodstve* [Bear in the Voivodeship], Nigma, Moscow, 64 p. (in Russian).
- Shigareva, A. N. (2019), “Historical Views of the Prussian King Frederick II”, in Zakharova, Zh. A. (ed.), *Psihologo-pedagogicheskaya deyatel'nost': sfery sotrudnichestva i vzaimodejstviya, materialy V Mezhhregional'noi zaochnoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Kostroma, 16–19 oktyabrya 2019 goda)* [Psychological-and-pedagogical Activities: Areas of Collaboration and Interaction: Proc. of 5-th Inter-regional Scientific and Practical Conference with International Participation (Kostroma, 16-19 October 2019)], Kostromskoi gosudarstvennyi universitet, Kostroma, pp. 231–233 (in Russian).
- Sterkhov, D. V. (2016), “Absolutism or ‘Estate Renaissance’? Royal Power and Nobility in Prussia in the 18th Century”, *Actualscience*, vol. 2, no. 9, pp. 23–30 (in Russian).
- Vatson, M. V. (2014), *Fr. Shiller. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Fr. Schiller. His life and literary activity], Direkt-Media, Moscow, 80 p. (in Russian).
- Von Goethe, J. W. (2006), *Maximen und Reflexionen*, Anakonda Verlag, Köln, 256 s.
- Yatsenko, L. V. (2013), “Weimar’s Cultural Phenomenon — a City of German Classics”, in Solov'eva, S. V. (ed.), *Gorodskaya kul'tura i gorod v kul'ture, materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Samara, 21–22 maya 2012 goda), v 3 chastyakh, Chast' 2* [The Urban Culture and a City in Culture: Proc. of All-Russia Scientific and Practical Conference (Samara 21-22 May 2012) in 3 parts, part 2], pp. 181–186 (in Russian).
- Zhirmunskii, V. (1972), “The Life and Work of Herder”, in Zhirmunskii, V., *Ocherki po istorii klassicheskoi nemetskoi literatury* [Essays on the History of Classical German Literature], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, 496 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the author

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-7711-5098

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Ретромания как парадигма мироотношения наших дней

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1-2.007
УДК 321.7 + 32.019.51 + 82-94 + 316.322

РЕТРОПОЛИТИКА, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И ПОПУЛИЗМ

Н. Е. Копосов

Университет Эмори
Атланта, США

Аннотация: В статье исследуются генезис и эволюция феномена исторической памяти в контексте трансформации политических идеологий. Исходной точкой анализа стал феномен мемориальных войн в современном мире. Автор прослеживает истоки и этапы развития исторической памяти в связи с требованиями демократической политической культуры на Западе. Эпоха памяти пришла на смену эпохе исторически-ориентированных идеологий («больших нарративов»), начавшейся в эпоху Просвещения. Эпоху устремленных в будущее идеологий сменила эпоха исторической памяти, символом чего стало выдвигание Холокоста в центр исторического сознания на Западе и институционализация памяти об этом событии. Исследована роль национальных романов, в которых важную роль играли героические деяния и категория будущего в формировании наций, объяснены причины и формы проявления кризиса национальных романов после Второй мировой войны. Показана связь культурной гегемонии левой интеллигенции с существенными изменениями в историческом сознании и возникновением культуры жертв. Описаны формы проявления культa наследия, превращения наследия в одну из главных политических идей современности и тесно связанной с ним «эры коммемораций». Выявлены неоднозначные последствия подъема исторической памяти («мемориального бума»), в центре которой находятся

жертвы насилия: высвобождение от власти «больших нарративов» оказалось увязанным с упадком проектов будущего; установление более свободной и непосредственной связи с прошлым (подъем мультикультурализма и расцвет групповой памяти) было использовано правыми популистами и вылилось в разнообразные варианты ретрополитики. «Соревнование жертв» стало основным содержанием «битв за историю», что вызывает сегодня острую критику ретрополитики. Доказано существование взаимосвязи между наступлением эпохи исторической памяти и соревнования жертв, с одной стороны, и эпохой неолиберализма и неоконсерватизма — с другой. Рассмотрено сопряжение исторической памяти и правого популизма. Выявлены различия кризиса будущего в России и других странах Восточной Европы, связанные с выдвижением правого популизма на авансцену политической жизни.

Ключевые слова: мемориальный бум, историческая память, правый популизм, национальный роман, ретрополитика, наследие, память о Холокосте.

Для цитирования: Копосов Н. Е. Ретрополитика, или Историческая память, демократия и популизм // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 144–163. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.007

RETROPOLITICS, OR: HISTORICAL MEMORY, DEMOCRACY AND POPULISM

N. E. Kopusov

Emory University
Atlanta, USA

Abstract: The article examines the genesis and evolution of the phenomenon of historical memory in the context of transformations of political ideologies. The starting point of the analysis was the phenomenon of memory wars in the modern world. The author traces origins and stages of historical memory development in line with the requirements of the democratic political culture in the West. The epoch of memory replaced the age of historically-oriented ideologies (“big narratives”) that started in the Enlightenment. The era of historical memory followed the epoch of future-oriented ideologies, and the promotion of Holocaust in the centre of historical consciousness and the institutionalization of memory about this event became the symbol of this new era. The author explored the role of national romances, and heroic deeds and categories of the future in the formation of nations played an essential role in them. Causes and manifestations of national romances’ crisis after World War II were also explained. The author showed the linkage of the cultural hegemony of the leftist intelligentsia with the considerable changes in historical consciousness and the emergence of victim-centered culture. The article describes the manifestations of the cult of heritage, the transformation of heritage in one of the principal political ideas of modernity and “the era of commemoration”

closely connected with this cult. The paper revealed ambiguous consequences of the rise in historical memory (“memorial boom”) with victims in its core: the release of “big narratives” from power was linked to the decline of future projects; the establishment of a freer and more direct connection with the past (the rise of multiculturalism and the flourishing of group memory) was used by right-wing populists and resulted in a variety of retro politics. The “competition of victims” became the focus of “battles of history”, and today this retro politics draws sharp criticism. The author established the existence of interrelations between the advent of the historical memory epoch and the era of neoliberalism and neoconservatism, on the other. The paper also considers the connection between historical memory and right-wing populism. The differences between the crisis of the future in Russia and other Eastern European countries related to the promotion of right-wing populism to the forefront of political life are revealed.

Keywords: memory boom, historical memory, populism, right-wing populism, national romance, retro politics, heritage, the memory of Holocaust.

For citation: Kopusov, N. E. (2020), “Retropolitics, Or: Historical Memory, Democracy and Populism”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 144–163 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.007

Мемориальные войны в современном мире

Характерной формой политических конфликтов нашего времени являются мемориальные войны, которые сегодня происходят повсеместно в мире между разными странами и внутри них. В Соединенных Штатах в последние годы обострились доходящие до кровавых столкновений споры вокруг памятников Конфедерации. Многие воспринимают эти памятники как символы расизма. В самом деле, в большинстве своем они были воздвигнуты либо на рубеже XX в., в период законов Джима Кроу, оформивших расовую сегрегацию в южных штатах, либо в послевоенные годы в контексте попыток остановить движение афроамериканцев за гражданские права. Сегодня в ряде южных штатов запрещено сносить эти памятники, защищенные законами о наследии и о военных мемориалах. Между Японией и Южной Кореей продолжают набравшие силу еще в 1990-х гг. конфликты вокруг японских военных борделей, в которых были заточены, в основном, корейки, а между Японией и Китаем — вокруг Нанкинской резни 1937 г. и других японских военных преступлений. В самом полутоталитарном Китае проявления контр-памяти о репрессиях эпохи Культурной революции жестко пресекаются, но сама эта контр-память, безусловно, существует, тогда как руководство страны насаждает агрессивную ксенофобскую память о «национальном унижении» колониального периода. Десятки комиссий по установлению истины и примирению, созданные начиная с 1970-х гг. в Латинской Америке и Южной Африке, в огромном большинстве случаев не справились со своими задачами, и память о терроре военных

диктатур и апартеиде разделяет эти общества так же, как испанское общество разделяет память о Гражданской войне и режиме Франко.

Не иначе обстоят дела в других европейских странах. Во Франции, например, полыхают споры о колониальном наследии (и возвращении культурных ценностей бывшим колониям), которые в последние годы отодвинули на второй план проблему соучастия французов в Холокосте, находившуюся в центре общественных дебатов в 1980-х и 1990-х гг. Вопрос о немцах как жертвах Второй мировой войны, казалось бы, закрытый к 1990-м гг. в связи с превращением памяти о Холокосте в «светскую религию» объединенной Европы, с тех пор вновь стал предметом острых разногласий, в частности в результате подъема правого популизма. Но особенно сложная ситуация сложилась в Восточной Европе в широком смысле слова, включая сюда Россию и Турцию.

Восточная Европа сегодня — наиболее политически неблагополучный регион мира, и не случайно подъем правого популизма особенно заметно проявился именно здесь. Здесь же сложились неоавторитарные режимы — Путина в России, Эрдогана в Турции, Орбана в Венгрии. По тому же пути стремительно продвигается Польша под властью Ярослава Качиньского и его партии «Свобода и Справедливость». Все они проводят националистическую политику памяти, агрессивную по отношению к соседям, национальным меньшинствам и политическим оппонентам. Турция упорно отрицает, что массовое истребление армян в Османской империи было государственным преступлением, и находится в состоянии непрекращающейся мемориальной войны не только с Арменией и армянскими диаспорами по всему миру, но и с рядом стран Европы и Америки, которые признали эти события геноцидом. Путинский режим превратил память о Второй мировой войне в миф основания постсоветской России и навязывает населению биполярную картину мира, в рамках которой другие постсоветские страны и западные демократии, хотя бы в чем-то не согласные с Кремлем, объявляются врагами России и союзниками нацистов (несмотря на то что сам путинский режим имеет определенное сходство с фашистскими режимами и пользуется поддержкой крайне правых внутри страны и в мире)¹. Подобная демагогия широко используется Кремлем, например, для нагнетания ненависти к украинцам, что подготовило аннексию Крыма и вторжение в Донбасс, а теперь используется для оправдания этих актов. Вообще украинская история последних пятнадцати лет, начиная с Оранжевой революции 2004–2005 гг., представляет собой непрерывную мемориальную войну между разными политическими силами внутри страны, а равно между Киевом, Москвой и Варшавой. Украину и Польшу разделяет, в частности, память о печально знаменитой Волынской резне 1943 г., в которой погибло 70 тыс. поляков, и о других этнических чистках военного и послевоенного

¹ См.: [Motyl 2007; Snyder 2018]. Ср.: [Laruelle 2018; Умланд 2018].

периодов. Режим Виктора Орбана в Венгрии до такой степени опирается на националистический нарратив, что даже включил его в Конституцию 2010 г., которая местами читается как плохой учебник истории для младших классов (особенно в редакции 2013 г.). В Польше воспоминания об эпохе величия в XVI–XVII вв. и о борьбе за свободу с конца XVIII до конца XX в. порождают агрессивную антизападную (в том числе антигерманскую) и одновременно антирусскую риторику и политику.

При этом сами эти страны объявляются жертвами истории и агрессивной политики соседей, а их собственные неблагоприятные деяния затушевываются или прямо отрицаются. В Турции признание армянского геноцида года подпадает под статью 301 Уголовного кодекса (введена в 2005 г.), предусматривающую тюремное заключение за оскорбление турецкого государства. В России статья 354.1 Уголовного кодекса (введена в 2014 г.) запрещает распространять «заведомо ложную информацию о политике СССР в годы Второй мировой войны». Практика применения этого закона показывает, что теперь небезопасно, например, говорить, что ответственность за начало войны отчасти падает на Сталина, разделившего с Гитлером Восточную Европу в 1939 г. (несмотря на то что в 1989 г. Съезд народных депутатов СССР официально осудил этот раздел). В Польше в 2006–2008 гг. и в феврале–июне 2018 г. действовали законы, запрещающие обвинять польский народ в соучастии в Холокосте, хотя поляки запятнали себя многочисленными еврейскими погромами (по некоторым данным, до 200 тысяч, т. е. 7 % из числа погибших в Холокосте польских евреев, были убиты местным населением вне гетто и концлагерей). В 2018 г. такой закон был отменен под давлением международного сообщества, но польское законодательство по-прежнему предусматривает высокие штрафы за подобные высказывания. На Украине в 2015 г. были приняты законы, вводящие уголовное наказание за коммунистическую пропаганду, включая распространение произведений Ленина (недавно на основании этого закона был вынесен первый приговор), равно как и запрещающие критические высказывания в адрес «борцов за освобождение Украины», многие из которых принимали участие в Холокосте и Волынской резне. Правда, этот закон не предусматривает уголовного наказания за его нарушение².

История — национальный роман

Таковы печальные реалии сегодняшнего дня. Между тем подъем исторической памяти начинался в 70–80-х гг. прошлого века в совершенно другой атмосфере и являлся важнейшим аспектом демократической политической

² Я подробно рассматриваю эти (и другие мемориальные) законы в следующих работах: [Korosov 2017; Копосов 2011].

культуры на Западе. Эпоха памяти пришла на смену эпохе исторически ориентированных идеологий, иначе известных под именем больших нарративов, начавшейся в эпоху Просвещения.

Еще в 1950–1960-х гг. коллективная память практически не привлекала внимания историков, социологов или политологов. Память рассматривалась тогда как сугубо индивидуальный феномен и оставалась предметом исследований психологов и отчасти философов. Тем не менее история играла важную роль в политических и идеологических битвах эпохи Холодной войны — история, но не память. В этот период достигло апогея противостояние «двух систем» и соответствующих им «больших нарративов», один из которых предсказывал коммунистическое, а другой — либерально-демократическое будущее. В этой системе представлений об истории, несмотря на разногласия относительно конкретного проекта будущего, будущее как категория играло главную роль. Именно в его свете политики и ученые истолковывали настоящее и прошлое. При этом большие нарративы в нормальном случае воплощались в форме национальной истории — или, как назвал ее Пьер Нора, в истории-национальном романе.

Национальные романы начали складываться еще в эпоху абсолютных монархий (а истоки их можно обнаружить в Средних веках), но только в XIX и в первой половине XX в. они приобрели особое значение в связи с формированием национальных государств и борьбой между ними [Berger, Conrad 2015]. Они были важнейшим аспектом картины мира, в рамках которой нации должны были выглядеть основополагающими общностями, с каковыми индивид должен был идентифицировать себя. Конечно, социальные классы до известной степени представляли собой альтернативу нациям. Маркс, как известно, утверждал, что у пролетариев нет отечества, а Ленин и его советские последователи позднее клеймили националистов как агентов буржуазии. В самом деле, национальные романы легитимировали существующий общественный и политический строй соответствующих стран, и национализация масс была важным средством сплочения национальных коллективов в эпоху, когда происходила стремительная демократизация общества и вовлечение этих самых масс в политику [Mosse 1975]. Национальная солидарность и нетерпимость по отношению к другим народам, с одной стороны, и классовая солидарность вкупе с ненавистью по отношению к другим социальным группам — с другой были, конечно, разными моделями идентичности. Однако именно в национальных рамках складывались тогда гражданское общество и его институты, а сама идея нации была неразрывно связана с идеей равенства ее членов. И во многих случаях, особенно в Восточной Европе с ее империями (Турецкой, Австрийской, Российской, а позднее Советской), задачи национально-освободительной борьбы и демократизации общества тесно переплетались. Так что отношения между национализмом и демократией были многоплановыми.

Национальные романы рассказывали о том, как в соответствующей стране сложился, складывается или должен сложиться оптимальный общественный строй — в борьбе национального коллектива за свою свободу против внешних и внутренних врагов. При этом представления о том, кто входит в национальный коллектив, как он соотносится с социальными классами, каким должен быть оптимальный общественный строй и насколько данная общность к нему уже приблизилась, могли быть весьма различными.

Мировые войны, особенно Вторая, и экономический рост существенно изменили культурный и политический ландшафт и привели к революции в исторических представлениях — в частности, к кризису национальных романов. Национализм был глубоко скомпрометирован в итоге фашистской эпопеи, и до его возрождения в конце XX в. должно было пройти несколько десятилетий. Правда, 15–20 первых послевоенных лет отчасти еще напоминали эпоху острых классовых и национальных конфликтов 1920–1930-х гг., и правящие круги западных стран пытались реанимировать в новых условиях национальные нарративы с присущими им идеями национального сплочения и братства по оружию [Lagrou 2000]. Однако опыт мировых войн и преступлений против человечности плохо укладывался в эти мифы [Winter 2014, p. 229], и постепенно, в основном уже в 1960–1970-х гг., они стали уступать место космополитической памяти жертв. К концу 1960-х — началу 1970-х гг. историки получили полное право утверждать, что политизированной националистической истории пришел конец [Kennedy 1973; Plumb 1969]. Однако для того, чтобы такая перемена смогла состояться, потребовались глубокие изменения в социальных условиях и расцвет либеральной демократии на Западе. Национализм (тогда казалось, что навсегда, но оказалось, что на время) сошел с исторической арены прежде всего потому, что эпоха классов и классовой борьбы, порождением которой он был, тоже ушла в прошлое.

Кризис национальных романов

XIX и первая половина XX в. были периодом острых социальных конфликтов, и далеко не случайно для описания этих конфликтов (и руководства ими) была придумана теория классов и классовой борьбы. Здесь нет необходимости повторять известные вещи относительно гигантских запасов социальной ненависти, которые накопились в обществе классического капитализма в результате взаимоналожения существенно разнородных факторов — усиления и без того крайних форм социального неравенства; распада сословного общества и создания условий для участия масс в политике; и распространения гуманистических представлений о человеке и его праве на свободную и обеспеченную жизнь, в свете которых сохраняющееся угнетение выглядело особенно нетерпимым. Бурный экономический рост, решающий этап которого пришелся

на 1940–1960-е гг., впервые в истории привел к возникновению в развитых странах такого общества, в котором многократно повысившийся уровень жизни был плохо совместим с острой социальной ненавистью и готовностью прибегать к насилию для изменения или сохранения существующего строя. Эта форма общества получила название государства всеобщего благоденствия, причем — ирония истории! — важнейшим условием ее возникновения было существование Советского Союза, международный престиж которого достиг высшей точки в результате победы над фашизмом. Сочетание возросшего благополучия и угрозы революций породило социально-либеральный консенсус, т. е. «компромисс между трудом и капиталом», основанный на перераспределении национального дохода в пользу среднего и отчасти низшего классов и демократизации общественной жизни при сохранении основ капиталистического строя [Harvey 2005, p. 10]. Никогда прежде доля совокупного национального продукта, контролируемая высшими классами, не снижалась до уровня, на котором она оставалась на протяжении 1950–1970-х гг. (например, наиболее богатые американцы, составлявшие 1 % населения, получали 25 % национального дохода накануне Великой депрессии, 15 % в период рузвельтовского Нового курса, ставшего важным шагом к достижению социального компромисса в США, и 10 % в первые послевоенные десятилетия. В настоящее время этот показатель вновь приблизился к 25 %) [Piketty 2014]. Итогом стал расцвет либеральной демократии на Западе и ее превращение в наиболее привлекательную модель общественного устройства для большинства других стран, в том числе и социалистических, где в результате экономического роста также сложилось общество, отвергавшее стереотипы классовой борьбы и усваивающее идеалы индивидуальной автономии.

На этом фоне на Западе в 1960–1970-х гг. устанавливается культурная гегемония левой интеллигенции. Она проявилась, в частности, в существенных изменениях в историческом сознании и возникновении культуры жертв, т. е. в переосмыслении статуса жертв насилия — от геноцидов до различных форм неравенства и бытового насилия — с вызывающего презрение и подлежащего сокрытию на вызывающий симпатию и позволяющий претендовать на уважение и поддержку общества [Novick 2000, p. 6–7]. В этих условиях национальные романы стремительно превращаются в криминальные хроники. Героические национальные мифы уступают место критическим оценкам национального — и, шире, западного — исторического опыта как состоявшегося, в основном, из несправедливостей, угнетения и преступлений против человечности — и, конечно же, борьбы против них. Вместе с той формой исторического сознания, в которой история была рассказом о национальном государстве и его элитах, сходит со сцены классический национализм. В условиях социально-либерального консенсуса социальные элиты перестали нуждаться в нем для контроля над массами населения.

Важнейшим фактором этой эволюции был переход от политической, событийной истории, которая была основой традиционных национальных романов, к социальной и культурной истории, главным персонажем которой были уже не национальные элиты, а народные массы. Этот переход был отчасти подготовлен марксизмом, но его решающий этап пришелся на 1930–1960-е гг., когда французская историческая школа «Анналов» создала новую модель всеобщей истории, главным содержанием которой стала эволюция социальных групп, а с 1970-х гг. — культура этих групп, в первую очередь — народная культура. Эта демократическая революция в историографии вместе с новой культурой жертв была важнейшей предпосылкой подъема исторической памяти (или «мемориального бума»).

Мемориальный бум

Точно датировать подъем исторической памяти трудно, поскольку в разных странах он начинался по-разному и отдельные его проявления вписывались в более традиционные формы отношений современного общества с прошлым. Раньше всего, еще в 1950-х гг., явления, схожие с теми, которые впоследствии стали составляющими мемориального бума, фиксируются в США и в странах социалистического лагеря, но в разных формах и по разным причинам. В США, только что совершивших грандиозный рывок в будущее, в условиях некоторого снижения всё еще высоких темпов экономического роста (с 8–10 % в годы войны до 4–5 % в 1950–1960-х гг.) появились признаки ностальгии, проявившиеся в распространении устной истории и движения исторической реконструкции, равно как и в моде на антиквариат — типичный побочный эффект модернизации [Kammen 1991]. В Советском Союзе и его странах-сателлитах развенчание культа личности Сталина и идеологические послабления, в том числе и в национальной политике, привели к подъему памяти жертв политических репрессий, который, однако, сочетался с оптимистическими ожиданиями относительно будущего. Более того, экономический рост, повышение уровня жизни и достижения советской науки и техники делали будущее главным источником политической легитимности. В 1960-х гг. ностальгия, проявившаяся в России в «деревенской прозе» и культе Белого движения и повсеместно — в возрождении национализма, тоже далеко еще не «перевешивала» оптимизма относительно будущего, которое рисовалось тогда восточноевропейцам не обязательно коммунистическим, но во всяком случае благополучным. Даже получивший распространение в СССР, начиная с середины 1960-х гг., культ Второй мировой войны, с помощью которого брежневское руководство старалось отчасти реабилитировать Сталина и уравновесить хрущевские обещания скорого пришествия коммунизма, был типологически ближе к послевоенным героическим мифам, которые тогда отмирали на Западе,

чем к мемориальному буму конца XX в., хотя в нем уже просматривался перенос акцента с легитимации советского строя через проект будущего на его легитимацию через деяния прошлого.

На Западе подъем памяти вступил в свою решающую стадию в 1970-х гг. Его двумя основными составляющими были культ наследия и память о Холокосте. Символической вехой на пути превращения наследия в одну из главных политических идей современности стало одновременное провозглашение 1980 г. Годом наследия во Франции, Великобритании и Бразилии. Культ наследия проявился в массовом создании музеев, распространении культурного туризма и связанной с ним «индустрии наследия», а также в повальном увлечении семейной историей. Тогда же начинается и «эра коммемораций» — небывало широкие празднования памятных дат, будь то двухсотлетие Французской революции или тысячелетие христианства в странах Северной и Восточной Европы [Нора 1999b]. С начала 1980-х гг. стремительно возрастает академический интерес к исторической памяти, которая быстро превращается в одно из самых модных понятий в словаре гуманитариев. Становится трюизмом утверждение, что коллективная память с ее многочисленными «агентами» и «антрепренерами» — от общественных организаций, стремящихся увековечить те или иные события, и политиков, использующих ее для мобилизации общественной поддержки, до журналистов, писателей, кинематографистов и историков-любителей, с увлечением взявшихся возделывать эту благодатную почву, — заменила профессиональную историографию и историческое образование в качестве главной формы общения современного человека с прошлым [Klein 2000].

Что касается памяти о Холокосте, то она отнюдь не была в центре общественного внимания в первый послевоенный период. С одной стороны, героические национальные мифы (даже в Израиле) фокусировались не столько на жертвах, сколько на победителях. С другой — интеграция еврейского населения в национальные коллективы как в США, так и в Западной Европе тогда еще не была полностью завершена, и хотя в еврейских семьях память о Холокосте бережно сохранялась, еврейские организации считали опасным открыто культивировать ее [Novick 2000]. Однако уже в 1960-х гг. в условиях упадка национальных мифов она стала привлекать гораздо большее внимание, чему способствовали суд над Эйхманом в Иерусалиме (1961–1962), Франкфуртский процесс над охранниками Аушвица (1963–1965) и Шестидневная война (1967), показавшая (несмотря на убедительную победу), что безопасность Израиля далеко не гарантирована.

Подъем демократических движений (от движения за гражданские права в США до Пражской весны и студенческих волнений 1968 г.), «полевение» политического истеблишмента на Западе, его постепенная деидеологизация в СССР и связанная с этим разрядка международной напряженности еще

вполне умещались в рамках ориентированной в будущее политики. Однако одновременное поражение левых на Западе и реформаторов социализма в Восточной Европе повлекло за собой спад революционных настроений и отказ от экономических реформ в СССР, а повсеместное замедление экономического роста после «бензинового кризиса» 1973 г. ознаменовало наступление «эпохи сокращающихся ожиданий». Война Судного дня 1973 г. в еще большей степени изменила самоощущение Израиля, чем Шестидневная война, и способствовала превращению трагической памяти о Шoa в основу израильской идентичности, а публикация в Париже «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына (по-русски в конце 1973-го и по-французски в начале 1974 г.) нанесла тяжелейший удар по просоветским симпатиям левой интеллигенции, тогда еще сохранявшимся несмотря на разоблачение сталинизма и поражение майской революции 1968 г. В итоге совпадения всех этих обстоятельств эпоху устремленных в будущее идеологий сменила эпоха исторической памяти, символом чего стало выдвигание Холокоста в центр исторического сознания на Западе.

Показ американского мини-сериала «Холокост» в 1978-м (в США) и 1979 г. (в Европе) сделал знание о трагической судьбе шести миллионов европейских евреев в период нацизма всеобщим достоянием. В 1986–1987 гг. в так называемом «споре историков» в ФРГ сторонники идеи об «относительности» Холокоста, который, по их мнению, был лишь одним из многих преступлений против человечности, совершенных в XX в., потерпели сокрушительное поражение. Этот спор, имевший самый широкий международный резонанс, привел к превращению тезиса об уникальности Холокоста в почти общепринятую догму. В последующие годы память о Холокосте была широко институционализирована: повсеместно на Западе были созданы учебные программы, мемориальные музеи и комплексы (наиболее известным из которых стал Национальный музей Холокоста в Вашингтоне, открытый в 1993 г.), а во многих странах Европейского союза (как и в Израиле) были приняты мемориальные законы, запрещающие под страхом уголовного наказания отрицать факт Холокоста и позволяющие бороться с «ревизионистами», деятельность которых приобрела в 1970–1980-х гг. широкий размах в связи с возрождением национализма. Классическим примером является принятый в 1990 г. во Франции закон Гэссо, названный так по имени его автора — известного коммунистического депутата. В этом законодательстве (законы, криминализирующие те или иные высказывания о прошлом, имеются в 30 странах) нашло свое наивысшее воплощение превращение исторической памяти в важную политическую арену.

Историческая память, кризис демократии и ретрополитика

Превращение памяти о Холокосте в один из центральных элементов официальных концепций истории в ведущих западных странах было, однако,

явлением неоднозначным. С одной стороны — и это, конечно, главное, — в ней воплотилось гуманистическое сострадание жертвам насилия, ставшее основой демократической исторической культуры (или «космополитической памяти») на Западе [Levy, Sznaider 2006]. Благодаря этому состоялись разрыв с националистической исторической культурой предшествующего периода и решительное осуждение расизма (борьба против расизма была важным фактором становления памяти о Холокосте, и законы об отрицании Холокоста являются частью антирасистского законодательства).

Но есть и другая сторона, даже если не касаться весьма спорного вопроса, является ли запрет на какие бы то ни было суждения о прошлом допустимым в демократическом обществе. Дело в том, что подъем исторической памяти в целом, в том числе и памяти о Холокосте, был связан с упадком не только национальных романов, но и проектов будущего, с которыми эти «романы» были, как мы видели, тесно взаимосвязаны. Конечно, это не вина тех, кто — порой с огромным трудом и риском — продвигал память о погибших. И это ни в коем случае не умаляет важности понятия «долг памяти». Но остается фактом, что осознание этого долга не просто совпало по времени, но и было сопряжено с «кризисом будущего», утратой исторической перспективы и упадком прогрессистской политики [Нора 1999а; Judt 1992; Maier 1993; Lowenthal 1996]. Более того, превращение памяти о Холокосте в основу исторического сознания свидетельствует о фиксации этого сознания на конкретных исторических событиях, которые выступают сакральными символами той или иной исторической общности.

Это резко контрастирует с формой исторического сознания, воплощенной в политических идеологиях, основанных на образах будущего. Конечно, в этих идеологиях, особенно в коммунизме, имелся сильный компонент утопического мышления, но они опирались и на вполне рациональные (пусть иногда ошибочные) исторические теории. За утопические проекты человечество заплатило немалую цену в XX в., и нет ничего удивительного, что подъем памяти первоначально приветствовался как высвобождение человека из-под власти больших нарративов и установление его более свободной и непосредственной связи с прошлым. Это проявилось, например, в связи с подъемом мультикультурализма, когда различные национальные, этнические, религиозные, гендерные и прочие группы осознали возможность обрести (а порой избрести) собственную память и идентичность. Не случайно понятие групповой идентичности получает широкое распространение только с наступлением эры памяти в 1970–1980-х гг. Но вскоре стало ясно, что раскрепощающая роль исторической памяти не является ее единственной ролью в современном обществе.

Критические ноты звучали в исследованиях памяти уже в 1980–1990-х гг. у таких проникательных наблюдателей, как Пьер Нора, Дэвид Лоуэнталь, Тони Джадт и Чарльз Майер [Нора 1999а; Lowenthal 1996; Judt 1992; Maier 1993].

Но ее теневая сторона стала особенно заметной в 2000-х гг. в связи с нарастающим вовлечением в политику памяти — или ретрополитику — новых, в том числе и крайне правых, «актеров» и с ее превращением в распространенную технику электоральных манипуляций, нагнетания политических страстей и международной напряженности.

Термин «политика памяти» в его современном значении получил распространение в Германии в годы «спора историков», когда наиболее проницательные политики (и прежде всего — канцлер Гельмут Коля, историк по образованию) оценили значение проблем памяти и идентичности [Schmid 2009, s. 65]. Изначально память о Холокосте, с которой, как помнит читатель, был в значительной степени связан подъем памяти в целом, была оружием преимущественно левых политических сил, включая коммунистов. Действительно, рассказ о преступлениях фашизма и отказ от национальной солидарности в пользу солидарности социальной отвечали интересам коммунистических режимов, хотя память об их собственных преступлениях, в том числе и связанных с национальной политикой, работала против них. Но в целом для коммунистов политика памяти помещалась в контекст марксистского исторического нарратива и была второстепенной.

Напротив, правые поначалу крайне сдержанно относились к памяти меньшинств и других подчиненных социальных групп. В Германии, например, каждый шаг на пути создания памяти о Холокосте вплоть до 1990-х гг. встречал сопротивление правых, стремившихся — в том числе и в ходе упомянутого «спора историков» — создать для своей страны более позитивный образ прошлого. Только в связи с падением коммунизма и воссоединением Германии правительство Коля пересмотрело свое отношение к этому вопросу.

Именно в этот момент складывается новая форма социального компромисса между правыми и левыми на Западе, пришедшая на смену социально-либеральному консенсусу 1950–1970-х гг. Приход к власти неолиберальных и неоконсервативных правительств Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана и Гельмута Коля (соответственно в 1979, 1981 и 1982 гг.) стал поворотным пунктом «в долгосрочном процессе ограничения неравенства» на Западе [Rosanvallon 2011, p. 14]. С тех пор неравенство в развитых странах только возрастает, а средний класс, основа демократического устройства, находится в упадке. Падение коммунизма и исчезновение угрозы социалистических революций, которая была важнейшим фактором социально-либерального консенсуса, были необходимыми условиями этой трансформации. Повсеместный сдвиг политического спектра вправо, когда даже левые правительства нередко проводят политику, основанную на неолиберальных рецептах, сопровождался включением ряда традиционно левых идей в новый политический консенсус. В частности, «левая» память о Холокосте стала официальной памятью большинства стран Западе, о чем свидетельствует, в частности, вышеупомянутое

распространение мемориального законодательства. Критика этой официальной памяти исходит сегодня уже не столько от консерваторов, сколько от левых и правых популистов и из мусульманского мира, причем она отчасти воспроизводит традиционное отрицание Холокоста, а отчасти исходит из недопустимости установления иерархии жертв разных геноцидов. Иными словами, идея об уникальности Холокоста, которая в 1970–1980-х гг. была основой демократической политики памяти, теперь всё чаще подвергается критике как проявление «белого супрематизма». Об этом свидетельствуют, например, дебаты во Франции о распространении закона Гэссо на отрицание геноцидов вообще (в том числе работоторговли как геноцида). Такие законы, принятые парламентом в 2011 и 2016 гг., были полностью (закон 2011 г.) или частично (закон 2016 г.) отменены конституционным советом (в 2012 и 2017 гг.). Именно «соревнование жертв», которое начиная с 1980-х (в США) и особенно с 2000-х (в Европе) годов стало основным содержанием «битв за историю», вызывает сегодня самую острую критику ретрополитики как исторического явления. Тем не менее мультимеморизм — т. е. борьба памятей в мультикультурном обществе — стал важной чертой современности.

Существует взаимосвязь между наступлением эпохи исторической памяти и соревнования жертв, с одной стороны, и эпохой неолиберализма и неоконсерватизма — с другой. Действительно, обе эти эпохи начались практически одновременно, вскоре после начала экономической стагнации 1970-х гг. Их взаимосвязь определяется особенностью восприятия исторического времени в современную эпоху. С одной стороны, в обществе позднего модерна, благодаря ускорению социальных процессов, восприятие времени становится не линейным, каким оно было в эпоху исторически ориентированных идеологий, а, скорее, «ситуативным» и сфокусированным на отдельных событиях [Rosa 2013, p. 173]. С другой стороны, согласно Люку Болтански и Лорану Тевено (если несколько упростить их теоретические построения), «экономическая идеология», которую взял на вооружение неолиберализм, не нуждается в понятии истории, поскольку оперирует вневременными понятиями экономической теории [Болтански, Тевено 2013]. Более того, добавим мы, борьба социальных групп за свои интересы — т. е. главное содержание социальной истории и «больших нарративов» — рассматривается неолибералами как нарушение нормального функционирования экономики «коалициями за перераспределение» национального дохода [Olson 1982, p. 44, 47]. В рамках подобного мировоззрения глобальной истории как процессу освобождения человека просто не остается места. Зато в ней достаточно места для исторической памяти. Прошлое присутствует в ней как набор образов людей и событий, причем в особенности событий травматических, с помощью которых различные сообщества памяти определяют свою идентичность и требуют компенсации. С этими требованиями, которые неолибералы обычно стараются дискредитировать как

соревнование жертв, они, однако, вполне могут иметь дело в рамках существующего строя, который фрагментарная память, в отличие от некоторых больших нарративов, едва ли может всерьез поставить под сомнение. Именно это, на мой взгляд, определяет сопряженность между неолиберализмом, неоконсерватизмом и правым популизмом, столь характерную для нашего времени.

Историческая память и правый популизм в России и Восточной Европе

Эти тенденции, заметные повсеместно в мире, особенно ярко проявились в Восточной Европе. Как уже отмечалось, именно здесь возникли основные нео-авторитарные режимы, и именно здесь особенно сильны правые популисты, которые пришли к власти в России, Турции, Венгрии и Польше. В некоторых случаях (особенно в России и Венгрии) они одновременно являются неолибералами.

Можно ли считать путинизм проявлением неолиберализма? На мой взгляд, можно, поскольку неолиберализм и либерализм — разные вещи, несмотря на ссылки неолибералов на наследие классического либерализма. Для понимания неолиберализма важны не столько эти ссылки, сколько то, что они используются для существенного перераспределения национального дохода в интересах правящих кругов в условиях кризиса государства всеобщего благоденствия. В этом смысле путинизм, безусловно, примыкает к неолиберализму, не говоря уже о том, что, несмотря на сращивание высшей бюрократии и большого бизнеса, государственное регулирование экономики в России в значительной мере следует неолиберальным рецептам. Путинизм мне представляется классическим случаем союза неолиберализма и правого популизма.

Подъем правого популизма как новой формы национализма начался еще в 1970-х гг. в Западной Европе, и законы об отрицании Холокоста получили столь широкое распространение не в последнюю очередь как реакция на связанный с ним всплеск ревизионизма как новой формы антисемитизма. Но только в 2000-х гг. популизм стал важной социальной силой, оказывающей, в частности, существенное влияние на политику памяти. Именно с выдвиганием правого популизма на авансцену политической жизни связаны упомянутые в начале статьи мемориальные войны в Восточной Европе.

В этом регионе подъем памяти начался, как уже отмечалось, в своеобразных формах и был связан с демократической памятью о преступлениях коммунизма, отчасти параллельной памяти о Холокосте. В обоих случаях речь шла о жертвах тоталитарных режимов. Но была и существенная разница: если память о Холокосте космополитична, то память о жертвах коммунистических режимов нередко была элементом национального сознания народов в СССР и его странах-сателлитах, народов, пострадавших от репрессий

и национального угнетения. Когда, например, Германия, Австрия, Франция, Нидерланды или Бельгия криминализируют отрицание Холокоста, то они запрещают отрицать преступления не кого-то другого (например, Гитлера и его клики, к которым современные немцы и тем более французы не имеют никакого отношения), а своего собственного народа, который в той или иной мере соучаствовал в Холокосте. Именно статус Холокоста как преступления, в котором — в разной, конечно, степени — повинны все или почти все народы Европы, придает памяти о нем космополитический и объединяющий характер. Напротив, преступления коммунизма в нормальном случае воспринимаются в Восточной Европе (и даже в России) как совершенные когда-то давно и кем-то другим, несмотря на то что повсеместно (и прежде всего, конечно, в России) немалый (какой именно — можно спорить) процент населения в той или иной мере поддерживал коммунистические режимы, а какой-то процент соучаствовал в их преступлениях. Кроме того, особенно в годы войны, немалый процент населения в странах Восточной Европы, включая СССР, соучаствовал в Холокосте и этнических чистках.

В советский период память об этих преступлениях, равно как и о коммунистическом терроре, была под запретом, и единственное, о чем предписывалось помнить, были преступления нацизма. Но, конечно, неофициальная память о них не исчезла, и именно она в значительной мере подготовила коллапс коммунистических режимов. Как только с началом горбачевской перестройки запрет на контр-памяти был ослаблен, они мощно вырвались из-под спуда официальной идеологии и способствовали быстрому росту движений за национальное освобождение и сопутствующего им национализма.

В 1980-х и отчасти в 1990-х гг. ситуация с исторической памятью в Восточной Европе характеризовалась, в частности, тем, что кризис будущего здесь происходил в форме распада коммунистического проекта и никак не распространялся на либеральный нарратив. Однако с началом трудностей — неизбежных при переходе к рыночной экономике, но неожиданных для народов региона — полномасштабный кризис будущего пришел в Восточную Европу вместе с ностальгией, критикой западного общества и интересом к собственным «корням». В этом специфическом местном контексте кризиса либеральной демократии получили распространение правопопулистские идеи, особенно усилившиеся после того, как перспектива вступления в Евросоюз перестала (для большинства стран региона — в 2004 г.) служить сдерживающим фактором. Именно в это время разгораются мемориальные войны внутри восточноевропейских стран и между ними, тогда как в 1990-х гг. конфликты вокруг интерпретации прошлого проявлялись в более мягких формах. В особенности возродившийся в путинской России культ Второй мировой войны, ярким проявлением которого стало празднование шестидесятилетия победы над фашизмом в 2005 г., способствовал обострению мемориальных конфликтов.

Характерным проявлением восточноевропейской исторической памяти являются мемориальные законы. В некоторых странах (например, в Румынии, Болгарии, Словакии и Словении) были приняты законы западноевропейского образца, причем обычно под давлением Совета Европы, стремившегося приблизить историческую политику новых членов к западноевропейским стандартам. Однако в других странах — Польше, Чехии, Венгрии, Литве и Латвии — были приняты совсем другие законы, которые запрещают отрицание преступлений коммунизма и нацизма, но отнюдь не преступлений самих этих народов. Наконец, как уже было сказано, в странах, где правые популисты пришли к власти, были приняты законы, прямо запрещающие обвинять соответствующие народы в преступлениях против человечности. Эти законы и соответствующие им национальные нарративы представляют собой прямую противоположность нормам демократической культуры памяти. Именно с подъемом национал-популизма ретрополитика приняла крайне манипулятивный и антидемократический характер.

Список литературы

- Болтански, Тевено 2013 — *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковенева. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.
- Копосов 2011 — *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Нора 1999а — *Нора П.* Между памятью и историей // Франция-память / П. Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Нора 1999б — *Нора П.* Эра коммемораций // Франция-память / П. Нора и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 95–148.
- Умланд 2018 — *Умланд А.* Является ли путинский режим фашистским? [Электронный ресурс] // Гефтер. 2018. 7 мая. URL: <http://gefeter.ru/archive/24860> (дата обращения: 04.03.2020).
- Berger, Conrad 2015 — *Berger S., Conrad C.* The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe. Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2015. xiii + 570 p.
- Harvey 2005 — *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford, New York : Oxford University Press, 2005. 256 p.
- Judt 1992 — *Judt T.* The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus*. 1992. Vol. 121. No. 4. P. 83–118.
- Kammen 1991 — *Kammen M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York : Alfred A. Knopf, 1991. 877 p.
- Kennedy 1973 — *Kennedy P.* The Decline of Nationalistic History in the West, 1900–1970 // *Journal of Contemporary History*. 1973. Vol. 8. No. 1. P. 77–100.
- Klein 2000 — *Klein K. L.* On the Emergence of *Memory* in Historical Discourse // *Representations*. 2000. Vol. 69. No. 1. P. 127–150.
- Koposov 2017 — *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 321 p.

- Lagrou 2000 — *Lagrou P.* The Legacy of Nazi Occupation: Patriotic Memory and National Recovery in Western Europe, 1945–1965. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 327 p.
- Laruelle 2018 — *Laruelle M.* Is Russia Really ‘Fascist’? A Comment on Timothy Snyder [Electronic resource] // PONARS Eurasia. 2018. September. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russia-really-fascist-reply-timothy-snyder> (access date: 04.03.2020).
- Levy, Sznajder 2006 — *Levy D., Sznajder N.* The Holocaust and Memory in the Global Age. Philadelphia : Temple University Press, 2006. 240 p.
- Lowenthal 1998 — *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. New York : The Free Press, 1996. 338 p.
- Maier 1993 — *Maier Ch. C.* A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // History and Memory. 1993. Vol. 5. No. 2. P. 136–152.
- Mosse 1975 — *Mosse G. L.* The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany, from the Napoleonic Wars Through the Third Reich. New York : Howard Fertig, 1975. xiv + 252 p.
- Motyl 2007 — *Motyl A. J.* Is Putin’s Russia Fascist? [Electronic resource] // The National Interest. 2007. December 3. URL: <https://nationalinterest.org/commentary/inside-track-is-putins-russia-fascist-1888> (access date: 04.03.2020).
- Novick 2000 — *Novick P.* The Holocaust in American Life. Boston : Houghton Mifflin, 2000. 373 p.
- Olson 1982 — *Olson M.* The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven ; London : Yale University Press, 1982. 276 p.
- Piketty 2014 — *Piketty Th.* Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Mass. ; London : The Belknap Press, 2014. viii + 685 p.
- Plumb 1969 — *Plumb J. H.* The Death of the Past. London : Macmillan, 1969. 153 p.
- Rosa 2013 — *Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York : Columbia University Press, 2013. 512 p.
- Rosanvallon 2011 — *Rosanvallon P.* La société des égaux. Paris : Editions du Seuil, 2011. 432 p.
- Schmid 2009 — *Schmid H.* Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept: Zur Historisierung der Kategorie “Geschichtspolitik” // Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis: Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis / Hrsg. H. Schmid. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. S. 53–75.
- Snyder 2018 — *Snyder T.* The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York : Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
- Winter 2014 — *Winter J. M.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History [1995]. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. x + 310 p.

References

- Berger, S. and Conrad, C. (2015), *The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, New York, xiii + 570 p.
- Boltanski, L. and Thévenot, L. (2013), *De la justification: les économies de la grandeur*, translated by Koveneva, O. V., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 572 p. (in Russian).
- Harvey, D. (2005), *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford University Press, Oxford, New York, 256 p.
- Judt, T. (1992), “The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe”, *Daedalus*, vol. 121, no. 4, pp. 83–118.
- Kammen, M. (1991), *Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture*, Alfred A. Knopf, New York, 877 p.
- Kennedy, P. (1973), “The Decline of Nationalistic History in the West, 1900–1970”, *Journal of Contemporary History*, vol. 8, no. 1, pp. 77–100.
- Klein, K. L. (2000), “On the Emergence of Memory in Historical Discourse”, *Representations*, vol. 69, no. 1, pp. 127–150.

- Koposov, N. (2017), *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, 321 p.
- Koposov, N. E. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [The Memory of High Security Regime. History and Politics in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Lagrou, P. (2000), *The Legacy of Nazi Occupation: Patriotic Memory and National Recovery in Western Europe, 1945–1965*, Cambridge University Press, Cambridge, 327 p.
- Laruelle, M. (2018), "Is Russia Really 'Fascist'? A Comment on Timothy Snyder", *PONARS Eurasia*, September, available at: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russia-really-fascist-reply-timothy-snyder> (accessed 04 March 2020).
- Levy, D. and Sznajder, N. (2006), *The Holocaust and Memory in the Global Age*, Temple University Press, Philadelphia, 240 p.
- Lowenthal, D. (1996), *The Heritage Crusade and the Spoils of History*, The Free Press, New York, 338 p.
- Maier, Ch. C. (1993), "A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial", *History and Memory*, vol. 5, no. 2, pp. 136–152.
- Mosse, G. L. (1975), *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany, from the Napoleonic Wars Through the Third Reich*, Howard Fertig, New York, xiv + 252 p.
- Motyl, A. J. (2007), "Is Putin's Russia Fascist?", *The National Interest*, 3 December, available at: <https://nationalinterest.org/commentary/inside-track-is-putins-russia-fascist-1888> (accessed 04 March 2020).
- Nora, P. (1999a), "Entre Mémoire et Histoire", in Nora, P., Ozouf, M., Puimège de, G. et Winock, M., *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory], translated by Khapaeva, D., Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, pp. 17–50 (in Russian).
- Nora, P. (1999b), "L'ère de la commémoration", in Nora, P., Ozouf, M., Puimège de, G. et Winock, M., *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory], translated by Khapaeva, D., Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, pp. 95–148 (in Russian).
- Novick, P. (2000), *The Holocaust in American Life*, Houghton Mifflin, Boston, 373 p.
- Olson, M. (1982), *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*, Yale University Press, New Haven, London, 276 p.
- Piketty, Th. (2014), *Capital in the Twenty-First Century*, The Belknap Press, Cambridge, Mass., London, viii + 685 p.
- Plumb, J. H. (1969), *The Death of the Past*, Macmillan, London, 153 p.
- Rosa, H. (2013), *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, Columbia University Press, New York, 512 p.
- Rosanvallon, P. (2011), *La société des égaux*, Editions du Seuil, Paris, 432 p.
- Schmid, H. (2009), "Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept: Zur Historisierung der Kategorie 'Geschichtspolitik'", in Schmid, H. (Hrsg.), *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis: Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, ss. 53–75.
- Snyder, T. (2018), *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*, Tim Duggan Books, New York, 368 p.
- Umland, A. (2018), Yavlyaetsya li putinskii rezhim fashistskim? [Is the Putin's Regime Fascist?], *Gefter*, 7 May, available at: <http://gefeter.ru/archive/24860> (accessed 04 March 2020) (in Russian).
- Winter, J. M. (2014), *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History [1995]*, Cambridge University Press, Cambridge, x + 310 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 6.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 7.09.2020

Информация об авторе

Копосов Николай Евгеньевич
доктор философских наук, приглашенный
исследователь
Университет Эмори
30322 США Джорджия, Атланта, ул. Южный
Килго Сёркл СВ, 532
E-mail: nkoposo@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0001-8058-5106

Information about the author

Koposov, Nikolay Evgenievich
D. Sci. (Philosophy), Invited Scholar
Emory University
532 South Kilgo Cir NE, Atlanta, GA
30322 USA
E-mail: nkoposo@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0001-8058-5106

РЕТРОТОПИЯ: ПОСТ-ПАМЯТЬ И «РЕАКЦИОННЫЙ ВЫБОР ПРОШЛОГО»

И. И. Сандомирская
Университет Сёдертёрна,
Флемингсберг, Швеция

Аннотация: В статье рассматриваются отношения памяти и пост-памяти сквозь призму трансляции опыта поколений. Автор берет за основу исследования термин «ретротопия», введенный в научный оборот З. Бауманом. В качестве нового модуса обращения к прошлому ретротопия трактуется как явление реакции в социально-психологическом и политическом смыслах. Избавление от навязчивого ретротопического прошлого видится в способности к диалогу (З. Бауман), важную роль в котором играют вещи, связывающие с опытом прошлых поколений. Анализируются варианты «поведения» вещей в их межпоколенческом взаимодействии: модус тактильности в коллекционировании служит установке «вспомнить всё» (М. Степанова «Памяти памяти»); взаимодействие с чужими вещами (кинофильм «Хрусталеv, машину!»), когда живой диалог поколений становится невозможным. Отказ вещей от диалога — симптом наличия вины в утрате прошлого. Ретротопия соотносится с другим важным концептом — пост-памятью, с характерным для нее культом собирания и хранения наследия, который трактован как результат работы идеологии, воспитания. Культ наследия свидетельствует о реальной тревоге выживания. Пост-память как культ наследия стремится к воспроизведению исторического опыта в аффектах репрезентации, при этом дискурсы коллективной памяти и травмы эффективно подавляют и подменяют реальную память исторического опыта. Таким образом обосновывается переход от ретротопии к утопии, от наследия к забвению. Ретротопия — форма забвения, которая вынуждает углубляться в прошлое не ради прошлого, но для того, чтобы забыть надвигающееся ужасное будущее. Современные цифровые медиа создают новый порядок памяти, основанный на ценности конкретного и единичного. История начинает сближаться с памятью, в пределе совпадая с бесконечно изменяющимися фрагментами и связями, которые память организует не по принципу причины и следствия, а по ассоциациям и подобиям. Эта программа несет в себе черты двух принципиально различных способов распоряжения наследием: ретротопии (цель — спасти и сохранить) и утопии (отпустить прошлое на свободу).

Ключевые слова: утопия, ретротопия, пост-память, историческая память, поколения, наследие.

Для цитирования: Сандомирская И. И. Ретротопия: пост-память и «реакционный выбор прошлого» // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 164–179. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.008

RETROTOPIA: POST-MEMORY AND A “REACTIONARY CHOICE OF THE PAST”

I. I. Sandomirskaya
Södertörn University
Flemingsberg, Sweden

Abstract: The article considers the relationship between memory and post-memory through the lens of translating the experience of generations. The author takes Z. Baumann’s term “retrotopia” as the basis of the research. As a new mode of referring to the past retrotopia he treats it as the phenomenon of reaction in socio-psychological and political meanings. The escape of the obsessive retrotopic past is visible in the ability to have a dialogue (Z. Baumann), and things that link to the experience of previous generations play here a vital role. The paper analyzes variants of things’ behavior in their inter-generation interaction: the mode of tactility in collecting things serves the setting “total recall” (M. Stepanova “To the memory of memory); interaction with other people’s things (the movie “Khrustalyov, the car”) when a live dialogue of generations is impossible. The refusal of things to converse is a symptom of guilt in losing the past. Retrotopia coordinates with another important concept — post-memory with the cult of accumulating and preserving heritage interpreted as the result of ideology and upbringing. The cult of legacy testifies to real anxiety of survival. Post-memory as a cult of heritage strives to reproduce historical experience in the effects of representation, and discourses of collective memory and traumas effectively suppress and replace real memory of the historical experience. Thus, it substantiates the transition from retrotopia to utopia, from heritage to oblivion. Retrotopia is a form of oblivion that forces one to delve into the past. It is not for the sake of the past, but to forget the impending terrible future. Present-day digital media create a new arrangement of memory based on the value of the concrete and the individual. History starts to converge with memory coinciding in the limit with infinitely changing fragments and connections that memory organizes not by the principle of cause-and-effect but by associations and similarities. This program has features of principally different ways of managing the heritage: retrotopia (the goal is to save and preserve), and utopia (to put the past to rest).

Keywords: utopia, retrotopia, post-memory, historical memory, generations, heritage.

For citation: Sandomirskaya, I. I. (2020), “Retrotopia: Post-memory and a ‘Reactionary Choice of the Past’”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 164–179 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.008

Ретротопия: отрицание отрицания

Последняя книга Зигмунта Баумана *Ретротопия*, вышедшая в оригинале в год смерти автора, а в русском переводе два года спустя [Бауман 2019; Bauman 2017] — это попытка (среди многих других) ответить на вопрос: куда из жизни современного человека девалось будущее и чем объяснить поворот коллективного воображения назад, в прошлое? Это наблюдение касается не только русской культуры. На фоне поправения буквально всех политических дискурсов и культурных практик в западном мире, которое мы наблюдаем в течение последних двух десятилетий, мы можем говорить не просто об актуализации ностальгических ретростилей в повседневной жизни, не просто об активизации национализма с его фетишами традиционного патриархального прошлого, но о чём-то существенно большем, чем подобные колебания маятников предпочтений, когда мода на футуризм сменяется модой на ретро и наоборот. Бауман говорит, что изменение, которое он называет ретротопией, эту «глобальную эпидемию ностальгии», охватившую Европу (в том числе и его восточный, бывший социалистический сегмент, лишь недавно присоединившийся к миру глобальных коммуникаций и потоков капитала), сменила собой другую глобальную эпидемию — «эпидемию безумия прогресса». Ретротопия — это та же утопия, но опрокинутая в прошлое, утопия, взятая в двойном отрицании, как отрицание того отрицания, которое несет в себе утопия [Bauman 2017, p. 8–11]. Движущая сила ретротопии — это страх будущего и надежда на нечто невозможное ни логически, ни по существу: на примирение двух между собой взаимоисключающих принципов: безопасности, с одной стороны, и свободы — с другой. Как модус обращения к прошлому, ретротопия представляет собой явление реакции как в социально-психологическом, так и в политическом смысле. Перефразируя известный афоризм Шкловского о «революционном выборе прошлого» [Шкловский 2018, с. 922]¹, то, о чем пишет Бауман, можно назвать его, прошлого, *реакционным* выбором — но все-таки выбором, результатом принятого решения, т. е. политического акта.

Ретротопия — не только эффект фантазматически ностальгирующего воображения. Бауман указывает на три объективных фактора, каждый из которых, при своей новизне в опыте живущего поколения, является, наоборот, как будто призраком из уже давно пройденного и преодоленного прошлого: это глобальное распространение и интенсификация насилия, уничтожение социального и интеллектуального разнообразия упрощенными и обедненными черно-белыми оценками поляризованных трайбов и, самое главное, всепроникающая, всё более разнообразная по формам и контекстам и не щадящая

¹ Формулировка эта, впрочем, учитывая контекст написания статьи в 1937 г., не обязательно полностью соответствует убеждениям автора.

никого бедность. В этой констелляции порождаются и специфические страхи, которые заставляют человека надеяться на примирение непримиримого: безопасности и стабильности, с одной стороны, и желания свободы — с другой [Bauman 2017, p. 8].

Будучи интеллектуалом непоколебимо европейских гуманистических взглядов, Бауман видел избавление от навязчивого ретропического прошлого в будущем «космополитически интегрированного человечества», а выход — в способности к диалогу. Ссылаясь на Папу Римского Франциска, Бауман говорит о необходимости нового диалога как соучастия в планировании и строительстве мира, единственного средства для нашего «мультикультурного, мультицентрического и мультиконфликтного мира» [Ibid., p. 164–165]. Левый интеллектуал Зигмунт Бауман и глава самой консервативной европейской организации Папа Франциск совпадают в этом гуманистическом утопическом (или тоже ретропическом?) видении: это совместное участие всех со всеми не в качестве репрезентантов цивилизаций, традиций, религий, этничностей и пр., а в органичных ролях повседневного человеческого взаимодействия, в качестве заботливых или легкомысленных родителей, верных или ветреных возлюбленных, щедрых или жадных соседей, приятных или скучных спутников [Ibid., p. 166]. Диалог как солидарность личного участия, а не репрезентации системы — так написал Зигмунт Бауман в своем последнем труде, как будто в завещании.

Молчание вещей

Предположим, диалог в этом смысле солидарного соучастия охватывает собой не только людей, но и вещи. Окружающий нас мир — тот самый, в котором мы повседневно взаимодействуем в качестве родителей, любовников, соседей и т. п., — наполнен вещами, которые принадлежат нам и которым мы, в свою очередь, тоже принадлежим. Пользуясь ими в качестве инструментов, любясь и размышляя над ними в качестве произведений искусства или просто спотыкаясь о камень на дороге, мы вступаем с вещами в отношения взаимности. Вещи сопутствуют человеку в его практике и тем самым формируют исторический опыт; они делают нас агентами действия, определяют наши ощущения и чувства, субъектность и идентичность. Не говоря с нами на языке слов, они сообщают нам гораздо больше, чем любые слова, обращаясь к нашим ощущениям, чувствам и воспоминаниям. На правах наследия вещи связывают нас с опытом прошлых поколений и создают легитимность наших действий сегодня. Посредством вещей само время вступает с нами в тактильный диалог.

Бывают, впрочем, обстоятельства, при которых вещи как будто отказываются от такого тактильного общения: вещи отворачиваются, отказывая мне

в этом самом производящем мою самость взаимодействии. Это со свойственной ему безжалостной пронизательностью отметил Алексей Герман в паре эпизодов своего фильма «Хрусталеv, машину!». Мы видим здесь будни и праздники большой семьи, обитателей огромной перенаселенной квартиры. В ней не толкнуться от людей — законных жильцов, экстренно вселившихся временных насельников и всякого рода многочисленных случайных посетителей, которые все бестолково и шумно толкутся среди гротескного нагромождения вещей. Как и зачем они оказались в этой квартире, что они делают в этой кухне, мы догадываемся, видя интерьер: он состоит из чужих вещей — это экспроприированная собственность сосланных и расстрелянных, выморочная собственность замученных голодом и убитых на войне. Нынешние получили их во временное пользование по разнарядке.

Старинная утварь и украшения никак не вписываются в интерьер, которого, в общем, и нет, поскольку весь антураж состоит из такого рода совершенно отчужденных и отчуждающих, непонятного назначения и смысла предметов. Вместо того чтобы обслуживать или украшать, они мешают своим временным хозяевам, ограничивают пространство их существования и объем воздуха для дыхания, которого и так-то не слишком много. Загромождая этот, в сущности, бездомный дом, эти предметы, обесцененные и обесмысленные, свидетельствуют о сказочном взлете их случайного обладателя и пророчат надвигающееся страшное падение. Они как будто отворачиваются, отказываются разговаривать — но как будто и ждут чего-то, как скорого прихода неотвратимой беды, и существование всей семьи поэтому тоже сводится к непрерывному ее ожиданию в оглушительной тишине — или, правильнее сказать, в тишине, оглушенной музыкой, шумом, болтовней, громкими ссорами и едва артикулированным бормотанием. Эти чужие, незаконно и временно присвоенные и, в сущности, никому не нужные вещи, пропавшие без вести предметы, так и не забывшие свой собственный мир, также пропавший без вести, окружают своих временных хозяев подавляющим всё живое неодушевленным присутствием, свидетельствуют о преступлении, о вине и об ожидании развязки.

Примечательным образом поколение ретротопии оказалось в положении, подобном положению этой несчастной семьи сталинских временщиков. Прекариатные миллениалы с их мультимедиальной медиатизированной пост-памятью, как массовым помешательством охвачены культом собирания и сохранения наследия. С точки зрения социальной критики, практики и аффекты, связанные с культурным наследием в модернизированном (и бесконечно ремодернизирующемся) обществе, — это идеология, результат работы воображения, воспитания, пропаганды и пр., «ложное сознание», состоящее из навязанных дискурсов национального суверенитета, национальной гордости, патриотизма и т. д. Однако важный момент состоит в том, что наследие

материально, оно конституировано не произвольно конструируемыми содержаниями, а вещами, значение которых определяется не контентом, а смыслом и ценностью. Поколение миллениалов живет сейчас и будет жить в будущем в гораздо менее безопасных условиях, чем их родители, дети послевоенных мирных десятилетий (в число которых мы теперь включаем и десятилетия холодной войны, которая в противостоянии двух систем стала десятилетиями сдерживания войны как таковой). Культ наследия в этих обстоятельствах свидетельствует не об идеологических капризах, не о тоске по большому идеологическому дискурсу и не о заболевании расстроенного воображения, но о реальной тревоге материального и экономического характера, о тревоге выживания.

Отказ вещей от диалога, когда созданный нами же материальный мир отворачивает от нас свое лицо и отказывает в объяснении нам того, кем мы являемся, говорит нам о какой-то нашей вине. В фильме Германа эта вина совершенно очевидна и суд вещей оправдан: это рассказ о сыне, который донес на отца; одновременно это и рассказ о промотавшемся отце, растратившем достояние революции и не оставившем сыну ничего из того, что питало его собственную витальную мощь, историческую правоту и мужскую привлекательность. Нечто подобное этой вине — растраченного, разбазаренного, утраченного прошлого, не способного служить следующему поколению никаким наследием, — звучит и в голосе пост-памяти, этого замысловатого, обставленного сложными ритуалами, институтами, материальными и виртуальными объектами культа наследия — культа, который заменяет человеку эпохи ретротопии непосредственный исторический опыт [Hirsch 2008].

Пост-память как культ наследия стремится к воспроизведению исторического опыта в аффектах репрезентации, при этом дискурсы коллективной памяти и травмы эффективно подавляют реальную память исторического опыта. Однако создается ли какой-то смысл в результате такого контакта, и какой именно смысл — остается крайне неопределенным. В фильме Сергея Лозницы *Аустерлиц* на лицах экскурсантов, покидающих территорию мемориала концлагеря Заксенхаузен, мы не можем прочесть ничего, кроме, может быть, облегчения. Выражения лиц этих людей, добровольно потративших прекрасный летний день на посещение места страшной памяти, остаются почти непроницаемыми: усвоен ли ими исторический урок, и какой именно? Между тем на создание контакта туриста с прошлым был направлен целый аппарат медиализирующих репрезентаций: и сама музейная инсталляция, и многоязычие ангажированных и компетентных экскурсоводов, и вообще вся институциональная работа в самом мемориале и вне его по обслуживанию коллективной памяти. Пост-память — это не только аппарат просвещения, но и цветущая коммерческая индустрия, которая призвана обслуживать желание. Основанная на подмене исторического опыта гедонистическим аффектом,

симулирующим прошлое, она провоцирует коллективное фантазирование о возможности возвращения прошлого (счастья) без каких бы то ни было потерь во всей его целостности и полноте².

Критика Ямпольского связана с феноменальным успехом «романса» Марии Степановой *Памяти памяти* у читателя, и не только русского [Степанова 2017]³. В этой богатой рефлексией и написанной чудесным поэтическим языком книге читатель не только находит эстетическое наслаждение, но и задумывается вместе с автором о способности памяти помнить что бы то ни было. (Переводчики не вполне понимают игру слов в заглавии книги, которое одновременно намекает и на множественность памяти (памятей), и на смерть памяти.) «Романс» этот, как и положено романсу, весь проникнут жгучим, полным наслаждения переживанием утраченного прошлого; имея своей темой любовное страдание, он поэтизирует его на пределе лирического чувства. Психотерапевт назвал бы это чувство «тревогой сепарации», или разлуки (*separation anxiety*): в данном случае это не синдром, а томящее ощущение отринутости от прошлого, не только от истории собственной семьи, которая, оставив по себе массу ненужных вещей, не оставила сколько-нибудь внятно сформулированного наследия, но главным образом отлученности от истории вообще. Это семья, в которой никто не был «фигурантами истории» — скорее, ее «квартирантами», по остроумному замечанию автора, поскольку в ней никто не «пострадал», т. е. избежал судьбы многих, волею случая не быв призван ни к героизму, ни к жертве, ни к славе:

...Никто из них не воевал, не был репрессирован... не оказался под немцами, не попал ни в одну из больших боен столетия... Среди них не было известных людей... Это была очень тихая жизнь, похоже — в стороне от работающих мельниц современности [Там же, с. 26].

Семья оказывается отторгнутой от истории, потому что она не значится в списках конституирующих ее катастроф. Ее историю можно изучать, и жизни ее членов сделать видимыми, только если рассматривать, поднеся близко к глазам. Рассматривание же с близкого расстояния — это рассматривание глазами ценителя и знатока, «тактильное» рассматривание, при котором исчезает иллюзия третьего измерения, растворяется перспектива и контекст, и на первый план выходят деталь, фактура и патина. Именно в этом модусе тактильности вещи открывают свою ценность тому, кто понимает и любит, — своему коллекционеру. Коллекционерскому же темпераменту, который отличается маниакальным стремлением к абсолютной полноте коллекции, соответствует и заявленный

² О пост-памяти как форме коммерциализации прошлого и о потреблении истории в режиме приятного времяпрепровождения в общем контексте возрастающего государственного насилия: [Ямпольский 2018].

³ Переводы на немецкий, голландский, шведский языки — 2019 г.

в книге проект «вспомнить всех». В результате возникает тревожная несочетаемость между сентиментальным романсом с его певучим, чувственным языком и нескромным любопытством, характерным коллекционерским стяжательством, а с третьей стороны — и с чувством собственной ответственности: «...я стала первым и единственным человеком этой семьи, у которой нашелся повод для обращения речи вовне: из интимного разговора своих... в общий вокзальный зал коллективного опыта» [Степанова 2017, с. 24].

И так под пером Степановой начинает петь свои романсы всяческая рухлядь: предметы обстановки и мебели, старые игрушки и фотографии, наряды, коробочки и флаконы и, кроме того, весь тот сенсориум, который эти вещи излучают: цвет, свет, запах и ощущение в пальцах, вся эта сложная тактильность в контакте нынешнего дня с совершенно чужой материальностью, смысл и назначение которой забыты, а то и вообще никогда не были актуальны. Воспоминания эти обставлены и населены так же тесно и бессмысленно, как и генеральская квартира в фильме Германа, и точно так же вещи, которые задевают собой чувствительные струны этого «романса», при этом отказываются от осмысленного взаимодействия с припоминающим субъектом.

«Прошлое лежит перед нами огромным миром, годным для колонизации: быстрого грабежа и медленной переделки» [Там же, с. 93]. «Романс» начинается с разочарования во дворе чужого дома, который рассказчица, никогда в нем раньше не быв, ошибочно принимает за семейное гнездо. «Никогда не виданный, никем не описанный двор моего прадеда безошибочно узнавался как тот самый...» [Там же, с. 35–36]. В этом анекдоте мы видим обреченную попытку присвоения чужого наследия, которую вслед за Шкловским хотели бы назвать «реакционным выбором прошлого». Сентиментальное чувство толкает на безуспешную попытку пристроить ничью, брошенную собственность к своей семейной истории — или, наоборот, пристроить собственную экзистенциальную бездомность под сенью чужих палисадничков, расположенных по чужому адресу. При этом даже не так важно, что это наследие по праву принадлежит кому-то другому: в бедном мире семейных воспоминаний все равны со всеми, этот дом равно безразличен к тому, какая именно семья там жила, как именно у них было «устроено, как жили здесь и зачем уезжали» [Там же]. Это могли быть *они*, а могли быть *мы*, и не потому, что они ничем реально не отличались от нас, а потому, что пост-память не нуждается в исторической точности, она не интересуется подробностями прописки, но радуется примерному попаданию: самим *ощущением*, что даже в чужом доме мы находимся у себя. Это такое прошлое, которое может быть и не свое, но вполне могло бы быть своим; вспомнить — значит догадаться: «с чувством *природной точности* я *догадывалась*». Догадка оказывается даже не вымыслом, а домыслом, и вслед за домом в книге появляется целый сонм вещей, обманчивыми приветствиями которых — то есть приветствиями домысленными, а на самом

деле молчанием — наполнены 400 с лишним страниц «романса». Пост-память утешается тем, что хотя прошлое нельзя вернуть (как невозможно «вспомнить всех»), но благодаря его двусмысленности его можно любить, и «...иногда кажется, что прошлое можно любить, только зная наверняка, что оно никогда не вернется».

Если я ждала, что в конце пути для меня припрятана коробочка-секретик... из этого ничего не вышло. Места, где ходили, сидели, целовались люди моей семьи, где они спускались к реке или прыгали в трамвай, где их знали в лицо, не стали со мной браться. Поле битвы, зеленое и равнодушное, заросло травой. <...> И к лучшему: один поэт сказал, что никто не придет назад. Другой — что забыть значит начать быть [Степанова 2017, с. 403].

Таков итог «романса» с прошлым: быть — значит не помнить, помнить — значит не быть. Краденый антураж, украшающий квартиру сталинского генерала, отказывается участвовать в его жизни, образуя вокруг него до отказа заполненную враждебной материальностью, глухую, немую и слепую экзистенциальную пустоту. Многочисленные «коробочки-секретки», которые попадают на пути нашей более удачливой и благополучной современницы — пост(бес)памятного субъекта ретротопии — разбитые куколки, сломанные стулья, выцветшие фотокарточки и прочее — все тоже молчат, и это, в общем, к лучшему. В этом, может быть, и заключается ценность «всех» и «всего» как наследия. «Задача вспомнить всех» разрешается просто: «Чем меньше я могу о них рассказать, тем ближе они становятся» [Там же]. И наоборот: чем больше рассказываю, тем дальше они уходят, тем явственней контекст и перспектива, тем безопасней. Производя в изобилии институции, дискурсы и репрезентации памяти, пост-память гарантирует «их» окончательный уход и предоставляет полную свободу произволу вторичной, заочной, никакими обязательствами не связанной, эстетизирующей и резонерствующей фантазии.

Наследие и «болтовня»

О чем-то подобном писал Кьеркегор в малоизвестной своей работе — литературной рецензии на роман Томазины Гилленбург-Эренсверд «Два века» (1845) [Kierkegaard 1978]. Остановимся поэтому на этом небольшом фрагменте, в нем содержится интересный анализ конфликта, актуального для нашего времени, между историческим опытом одних и памятью других.

Читая роман о двух поколениях одной семьи, Кьеркегор противопоставляет опыт «века революции» (т. е. поколения, прошедшего через горнило Французской революции) — ценностям, чувствам и желаниям «нашего века» (поколения, не пережившего революцию в собственном опыте). Идея заключается в утрате во втором поколении той непосредственности переживаний, чувств

и желаний, которые первому поколению дарил революция. В следующем поколении на смену чистой и «страстной» истине, которая в революционном опыте является вне всякой опосредованности, приходит новое общественное устройство, полностью опосредованное «болтовней» (или «сплетнями», «слухами», *дат. snakk, нем. Geschwätz*)⁴.

Революция имеет дело с сущностями и сама сущностна и потому обладает формой и внутренней страстью, она отмечена внутренней сосредоточенностью, энтузиазмом и единодушием охваченных и артикулированных ею индивидов, которые выражают и себя в своей совместности наподобие оркестра. Революция — это великое событие великого выбора, «событие, которое имеет только одно или/или» [Kierkegaard 1978, p. 67]. «Болтовня» же есть система конвенциональных символов, мир «болтовни» — мир искусственный, обусловленный и «обговоренный» (термин Бахтина), мир договорных значений и ценностей. Это мир, абсолютная новизна которого достигается методами реставрации, когда мир обустроивается и обставляется ее, революции, репрезентациями (символами, образами, институциями и пр.), которые заменяют собой и эффективно вытесняют саму революцию.

«Нынешний век» с его «болтовней» отменяет динамику и аутентичность в самой сущности революции: на смену ее страстной действенности приходит инерционная рефлексия, на смену революционному действию и гражданскому участию — публичное зрелище действия и участие в комитетах; на смену страстности — серьезность и трезвость, даже в легитимных местах «болтовни», в театре или на банкете. Можно сказать, что поколение «нашего века» — это поколение медиа: оно живет репрезентацией чувств, отношений, права, власти (памяти, можем мы добавить) и в целом само тоже превращается в репрезентацию — причем непонятно, в репрезентацию чего, кого или ради чего [Ibid., p. 74–75]. Репрезентирующая медиализация имеет тот же источник, что и бумажная ассигнация, ценность которой основана на договорности: это феномен «болтающего» общества, в котором царит уравнивание всего со всем: «тихая абстрактная математическая операция, исключаяющая какие бы то ни было сильные страсти <...> Индивидуум не принадлежит ни богу, ни себе, ни своей возлюбленной, ни своему искусству, ни своему знанию...» [Ibid., p. 85] Не принадлежит такой индивид и своим вещам, можем мы добавить. В результате, поскольку перерезана прямая, непосредственная — революционная — связь с самим существом вещей, поскольку эта связь заменена «тихими абстрактными математическими операциями», в обществе «нашего века» развивается своего рода «болтливость» (loquacity) — анонимное гудение общественного мнения вместо революционного слова истины, а вместо артикулированного

⁴ О рецепции Кьеркегора Вальтером Беньямином, о концепте «болтовни» и о споре о Кьеркегоре между Беньямином и Адорно см., в частности: [Sandomirskaja 2015].

высказывания от собственного лица — неразличимость слова в общем шуме псевдоречи, «sip-sip-sipsipperrip-sipsipperrip-sipsip» [Kierkegaard 1978, p. 123], или «о чем говорить, когда не о чем говорить» (ономатопея, при помощи которой театральная массовка изображает кипящую эмоциями толпу).

Описанная Кьеркегором разница между двумя эпохами — «веком революции» и «нашим веком» — соответствует некоторым существенным образом и различию между первым поколением и последующими поколениями, между поколением травмированной памяти и поколениями памяти, медиализированной репрезентациями. В «Стихах о неизвестном солдате» Мандельштам описал исторический опыт первых — «миллионов убитых задешево», предназначенных историей к тому, чтобы «убивать, голодать, холодать», образующих массу нерасчлененного «всеядного и деятельного вещества», бесформенное человечество безграничной ширины и глубины, не просвещенное ни материальным, ни духовным светом и замкнутое в себе, как «океан без окна». Второе, третье и пр. поколения — поколения кьеркегоровской «болтовни» — приобретают форму и индивидуализируются, но никакие «золотые жиры созвездий» уже не висят над их городами и никакие «изветливые звезды» на них не смотрят, отвернувшись от человека, как отворачиваются и замолкают беззаконно присвоенные им вещи, предоставив человечеству произвольно толковать собственное прошлое и гадать о судьбе.

Психотерапевтами, которые занимаются терапией семей первого, второго и третьего поколений жертв Холокоста, отмечен особый способ в передаче травмы первого поколения потомкам. То, что является травмой для первого поколения, пережившей событие в личном опыте, для последующих поколений становится наследием. Семейная терапия таких поколений свидетельствует о том, что при передаче от родителей к детям и к внукам первоначальная травма заявляет себя в качестве наследия, которое состоит в передаче извращений родительской любви: второе поколение страдает от холодности родителей, т. е. травмированного первого поколения, и само оказывается неспособным к родительским чувствам по отношению к третьему. Терапевтический эффект достигается, когда удается связать третье поколение прямой коммуникацией с первым. Внуки провоцируют стариков на рассказы и тем самым прерывают процесс накопления молчания и отчуждения, созданного извращениями любви первого и второго поколений [Family Approach 2003]. Это наследие, которое передается, таким образом, не от отца к сыну и не от дяди к племяннику, а, условно говоря, от бабушки к внучке.

От ретротопии к утопии, от наследия к забвению

Философ Мишель Серр остроумно назвал эту самую обобщенную внучку «девочкой-с-пальчик», имея в виду целое поколение двадцатилетних, которое

он наблюдает, общаясь с многочисленными студентами в своем (впрочем, очень престижном и дорогом западном) университете. Это счастливое поколение «не знающих, что такое деревня, домашний скот, сбор урожая, не переживших мясорубки войн, не видевших убитых, раненых, голодных, не представляющих себе, что значит родина, обгаренное кровью знамя, памятники погибшим... — не испытывавших через страдание жизненной потребности в морали» [Серр 2016, с. 9]. Так же, как Бауман в своих довольно горьких размышлениях о ретротопии, Серр тоже задается вопросом о том, «какая история, какая литература будет понятна этим счастливицам», этим новым людям, у которых «другое тело, другой горизонт жизни, они иначе общаются, видят перед собой иной мир, живут в иной природе и в ином пространстве» [Там же, с. 14]. Подобно Св. Дионисию, обезглавленному язычниками и принесшему свою голову в руках в город в свидетельство мученичества и твердости своей веры, обобщенная «девочка-с-палец» (которая может быть и мальчиком) также носит свою голову в руках или подмышкой, в ноутбуке, где содержатся все ее знания и все ментальные способности. Ее интеллект и память уже почти свободны от формата страницы — этого ограниченного с четырех сторон прямоугольника, в который человечество вписывало свои знания и воспоминания еще с тех пор, когда первобытный человек пахал такое же прямоугольное и ограниченное межами поле, которое называлось впоследствии у греков «номос» и откуда произошло слово «закон». Это формат, в который вписана вся многотысячелетняя культура человечества, вся его история и вся память. Девочка-с-палец еще пишет, но уже не так, как писало человечество до нее, — десятью пальцами на клавиатуре компьютера или двумя на телефоне. Она сама ищет свое знание в своей отделенной от тела голове. Не только формат страницы, но и формат передачи знания, трансмиссии памяти — учитель, верховный понтифик в своей дисциплине, вещающий с кафедры, неподвижные тела безмолвно внимающих учеников — уже почти не актуален, познающее и запоминающее, хоть и пустоголовое тело находится в движении и говорит, оно отказывается замирать в благоговейном молчании перед авторитетом. Новый порядок, подсказанный конструкцией девочкиной переносной головы, основан на значимости и ценности конкретного и единичного (а не на обобщающей силе закона или модели), а история, которая, как и природа, состоит из множества единичных и уникальных событий и судеб, перестает подчиняться абстракциям и концептам и вместо этого становится похожа на рассказ, бесконечный, как лабиринт. Устроенная таким образом, по самой своей структуре история начинает сближаться с памятью, уже не противостоя и не сопротивляясь, но в пределе совпадая с бессистемной упорядоченностью ее нейронов, с ее бесконечно изменяющимися фрагментами и связями, которые память организует не по принципу причины и следствия, а по ассоциациям и подобиям. В конце, подводя итог всем этим радикальным изменениям в новом поколении, Серр высказывает мысли, которые созвучны

диалогу у Баумана. Он говорит о будущем памяти, которая станет всемирным диалогом, объединяя «истины здешние: средиземноморские, атлантические, пиренейские, и нездешние: турецкие, иберийские, магрибские, бразильские...» [Серр 2016, с. 78].

Эта программа и похожа и непохожа на проект Марии Степановой «вспомнить всех». Похожа своей всемирной отзывчивостью и инклюзивностью, но отличается от ретротопии, которая конституирует пост-память, своей радикальной симфонической утопией. Цель ретротопии — спасти и сохранить. Цель утопии — отпустить прошлое на свободу. Это два принципиально разных способа распоряжаться наследием, две стратегии ценности: в первом случае наследие аккумулируется и охраняется, прирастая ценностью от своей древности, во втором — отправляется в циркуляцию, меняется до неузнаваемости и ценностно прирастает (или убывает) в результате своих трансформаций. И в том и в другом случае остается без ответа вопрос о смысле всех этих операций: зачем память?

Вот передо мной разворачивается лента фейсбука, и мне, пожилой девочке-с-пальчик, достаточно коснуться пальцем клавиши, чтобы запустить поток самогенерирующейся, самоорганизующейся, самовоспроизводящейся и самоуничтожающейся «болтовни». Сегодня здесь празднуют годовщину 9 Мая, «этот праздник со слезами на глазах». Здесь увещевают тех, кто заявляет, что «может повторить» (эти, впрочем, в основном генерируются в других лентах), приводят аргументы и доказательства, рассказывают истории, вызывают к человечности. На картинках — отсканированные письма и фотографии: выморочного блокадного Ленинграда, полей сражений, усеянных мертвыми телами; гор башмаков, стоптанных и не доношенных миллионами смертников Аушвица и Колымы. Все эти невозможные репрезентации нерепрезентируемого (как нас учит теория травмы) циркулируют совершенно неограниченно, не затрудненные ничем, кроме цензуры фейсбука, который предлагает мне нажать еще на одну кнопку, чтобы увидеть потенциально травмирующий ужас, заботливо спрятанный алгоритмом. Вывешивают также плакат с призывом «Никогда снова» — это другая девочка-с-пальчик перевела с английского с помощью Google Translate, по-русски правильно было бы сказать «больше никогда», но это не имеет значения — важна всё нарастающая циркуляция аффекта. Пост-память дарит радость морального единства тому, кто помнит. Между тем то, что «можно повторить», будет повторено рано или поздно: те, кто «могут повторить», никуда не делись, а социальные изобретения не исчезают, они приобретают новую форму и находят себе новых акторов и новые мишени [Ямпольский 2018, ч. 3]. Более того, вполне возможно, что оно повторяется прямо сейчас, но мы не видим, поскольку внимание поглощено созерцанием образов нашей собственной — заимствованной, но сентиментально прочувствованной — памяти.

То, что я вижу перед собой на экране своей переносной головы, — это свидетельства наступления забвения в результате перенасыщения памяти. От Германа к Степановой мы видели процесс превращения вещей из материальных артефактов — носителей памяти — в фетиши, в предметы собирательства и любования, а затем и в слова, т. е. в артефакты символического производства, элементы поэтического повествования, объекты качественной художественной выделки. Мы видели, как вещи постепенно теряли свою способность сопротивления: от активного отрицания оккупации в генеральской квартире до почти безразличного молчания под прикосновением руки догадливого потомка в попытке атрибуции и определения ценности, и наконец до полной покоренности — в результате колонизации пост-памятью — в качестве имени существительного в соответствующем лексиконе.

Одновременно мы видели, как быстро, будто в ускоренном кино, протекает этот процесс. Буквально на наших глазах предметы, имеющие конкретный исторический адрес, полностью осмысленные в контексте своей социальной, экономической и политической истории, превратились в осколки древней цивилизации, в объект археологических раскопок, наподобие древних черепков, которые вертит в руках ничего не понимающий археолог, пытаясь приспособить их друг к другу, чтобы понять, фрагменты какого именно целого они когда-то составляли. Между тем эти обломки и окаменелости принадлежат актуальной жизни текущего поколения. Со всё нарастающей скоростью, как будто листая пальцем страницы на экране своего гаджета, девочка-с-палец отправляет настоящее в область всё более расширяющегося прошлого; музей формируется из мгновенных ощущений и переживаний, минуя интерпретацию историческим осознанием. История сталинизма — на сегодняшний день область самого интенсивного исторического исследования — во многом уже написана и продолжает писаться, она существует в объеме сотен томов, но при этом остается непрочитанной, заменяясь стремительно проносящейся мимо панорамой, полной туманных загадок, размытых образов и пейзажей, догадок и интуитивных озарений, примерных попаданий или попаданий совсем не по адресу, и всепроницающей и проникновенной лирической интонации.

В Древнем Риме срок актуальной памяти — *saeculum*, век — отсчитывался тремя поколениями и соответствовал примерно столетию. У Кьеркегора «век» соответствует уже только одному поколению и радикально изменяется с приходом следующего. В современном режиме памяти *saeculum* сворачивается до продолжительности жизни тренда. Между тем в реальном времени он остается всё тем же, чем и был: это те же самые три поколения — условно говоря, между бабушкой и внучкой, — которые взаимно помогают друг другу развязать узлы дурных воспоминаний, сцементированных сознанием несправедливости и угрызениями совести. Они солидарно соучаствуют в работе по преодолению ретротопии, т. е. такой формы забвения, которая вынуждает углубляться

в прошлое не ради прошлого, но только ради того, чтобы забыть надвигающееся ужасное будущее. Это работа утопии, т. е. такого забвения, которое забывает и отпускает на волю ужас перед будущим, каким бы страшным оно ни представало, — и тем самым освобождает наши моральные, эстетические и интеллектуальные силы, наши чувства, мысли и внимание, для того чтобы обратиться к прошлому с чистой совестью и с чистой же совестью, отдав прошлому должное, оставить его в прошлом.

Список литературы

- Бауман 2019 — Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; науч. ред. перевода О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019. 156 с.
- Серр 2016 — Серр М. Девочка с пальчик / пер. А. Соколинской. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 77 с.
- Степанова 2017 — Степанова М. Памяти памяти : романс. М. : Новое издательство, 2017. 550 с.
- Ямпольский 2018 — Ямпольский М. Парк культуры: Культура и насилие в Москве сегодня. М. : Новое издательство, 2018. 198 с.
- Bauman 2017 — Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge : Polity Press, 2017. 179 p.
- Family Approach 2003 — Family Approach with Grandchildren of Holocaust Survivors / P. Foisson et al. // *American Journal of Psychotherapy*. 2003. Vol. 57 (4). P. 519–527. DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.2003.57.4.519.
- Hirsch 2008 — Hirsch M. The Generation of Postmemory // *Poetics Today*. 2008. Vol. 29 (1) (Spring). P. 103–128.
- Kierkegaard 1978 — Kierkegaard S. *Two Ages: the Age of Revolution and the Present Age : a Literary Review*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1978. 208 p.
- Sandomirskaja 2015 — Sandomirskaja I. *Disoriented Names: Benjamin and Kierkegaard on Politics and History in Language // Dis-orientations: Philosophy, Literature, and the Lost Grounds of Modernity / ed. by M. Sá Cavalcante Schuback, T. Lane*. London : Rowman & Littlefield Publishers, 2015. P. 187–218.

References

- Bauman, Z. (2017), *Retrotopia*, Polity Press, Cambridge, 179 p.
- Bauman, Z. (2019), *Retrotopia*, translated by Silaeva, V. L., Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, 156 p. (in Russian).
- Foisson, P., Rejas, M.-C., Servais, L., Pelc, I. and Hirsch, S. (2003), “Family Approach with Grandchildren of Holocaust Survivors”, *American Journal of Psychotherapy*, vol. 57, no. 4, pp. 519–527. DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.2003.57.4.519.
- Hirsch, M. (2008), “The Generation of Post-memory”, *Poetics Today*, vol. 29, no. 1 (Spring), pp. 103–128.
- Kierkegaard, S. (1978), *Two Ages: the Age of Revolution and the Present Age : a Literary Review*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 208 p.
- Sandomirskaja, I. (2015), “Disoriented Names: Benjamin and Kierkegaard on Politics and History in Language”, in Sá Cavalcante Schuback, M. and Lane, T. (eds), *Dis-orientations: Philosophy, Literature, and the Lost Grounds of Modernity*, Rowman & Littlefield Publishers, London, pp. 187–218.
- Serres, M. (2016), *Petite poucette*, translated by Sokolinskaya, A., Ad Marginem Press, Moscow, 77 p. (in Russian).
- Stepanova, M. (2017), *Pamyati pamyati : romans* [To the Memory of Memory; a Romance], Novoe izdatel'stvo, Moscow, 550 p. (in Russian).

Yampol'skii, M. (2018), *Park kul'tury: Kul'tura i nasilie v Moskve segodnya* [Park of Culture: Culture and Violence in Moscow Today], Novoe izdatel'stvo, Moscow, 198 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 6.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 7.09.2020

Информация об авторе

Сандомирская Ирина Ильинична
кандидат филологических наук, профессор
Университет Сёдертёрна
14189, Швеция, Флеминсберг,
аллея Альфреда Нобеля, 7
E-mail: irina.sandomirskaja@sh.se

Information about the author

Sandomirskaya, Irina Il'ichna
Cand. Sci. (Philology), Professor
Södertörn University
7 Alfred Nobels allé, Flemingsberg,
14189 Sweden
E-mail: irina.sandomirskaja@sh.se

ДВУЛИКИЙ ХРОНОС. СЛОВАРЬ ВРЕМЕНИ, ОБРАЩЕННОГО ВСПЯТЬ

М. Н. Эпштейн

Университет Эмори
Атланта, США

Аннотация: В статье исследуется история возникновения понятия «ретромания» и анализируются возможности и особенности его применения к российской социокультурной ситуации XXI в. Отличие российской ретромании, во-первых, в масштабе распространения, несопоставимом с масштабом поп-культуры, в пространстве которой родился исследуемый термин; во-вторых, российская ретромания обращена не в недавнее прошлое, а в прошлое глубокое, достигающее архаических пластов культуры. Ретромания принимает формы новой политической метафизики — некрократии, тотального привлечения в свидетели и акторы современности героев прошлого, в первую очередь участников войн. Предлагаются символические формы работы с прошлым и производные от них практики. Общая стратегия некрократии явлена в танатализации — доминировании на всех уровнях общественной психологии и идеологии ценности смерти по отношению к эросу. Хронос также рассматривается как время, меняющее направление, текущее вспясть. В статье предлагаются новые формы существования российского Хроноса, обозначенные понятиями тотальгии, хроноцида, новейшего средневековья, ухронии, шизофашизма, новомосковии, топохрона и хронократии. Тотальгия носит эмоциональный характер, выражается в тоске по тотальности, тоталитаризму и закрепляется в идеологии. Хроноцид — насилие над естественным ходом времени, в этом отношении наблюдается преемственность с советской идеологией, где вся риторика носила проектный характер, точно так же, как сегодня прошлое доминирует над настоящим. Ухрония предполагает конструирование состояния безвременья, а новейшее средневековье характеризуется ростом религиозного и политического фундаментализма. От фундаментализма прямой путь к фашизму, который явлен как шизофашизм, т. е. фашизм под маской борьбы с фашизмом. Для анализа топоса современной ретроманской России используются понятия «новомосковии», выраженной в доминировании Москвы в массовом сознании, «топохрона» — преобладания топоса над хроносом. В статье предлагается оптимистический вариант развития, выраженный понятием хронократии, когда время в его метафизическом сакральном значении побеждает профанную политику ретромании.

Ключевые слова: ретромания, некрократия, танатализация, хронократия.

Для цитирования: Эпштейн М. Н. Двуликий Хронос. Словарь времени, обращенного вспять // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 180–198. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.009

TWO-FACE CHRONOS. GLOSSARY OF THE REVERSED TIME

M. N. Epstein

Emory University
Atlanta, USA

Abstract: The article explores the history of the concept “retromania” and analyzes possibilities and specific features of its application to the Russian socio-cultural situation of the 21-st century. The distinction of Russia retromania resides, in the first place, in the scale of its spread incompatible with the scale of pop-culture in the space of which this term was born. Secondly, Russian retromania faces away from the recent past; it is directed to the deep past reaching archaic layers of culture. Retromania acquires forms of a new political metaphysics — necrocracy, total involvement of heroes of the past, especially war participants as witnesses and actors of modernity. The paper offers symbolic forms of work with the past and practices derived from them. The general strategy of necrocracy is depicted through tantalizations — the prevalence of death value regarding eros at all levels of social psychology and ideology. Chronos is also considered as time that changes its direction and flies backwards. The article introduces new forms of the existence of Russian Chronos marked with the concepts of totalgy, chronocide, the newest Middle Ages, uchronia, schizofascism, New Moscovia, topochron, and chronocracy. Totalgy is of an emotional nature and is expressed in a longing for totality, totalitarianism, and is fixed in ideology. Chronocide is violence towards the natural course of time. And in this respect, one can observe continuity with Soviet ideology where all the rhetoric used to be project-based as well as today the past dominates the present. Uchronia implies the construction of a state of timelessness, and the newest Middle Ages are characterized by the increase in religious and political fundamentalism. There is a direct way from fundamentalism to fascism which manifests itself as schizofascism, i.e. fascism under the guise of combating fascism. Such concepts as New Moscovia expressed in the dominance of Moscow in mass consciousness and topochron — the prevalence of topos over chromos were used to analyze the topos of current “retromanian” Russia. The article offers an optimistic scenario of the development expressed by the concept of chonocracy when time in its metaphysical sacred meaning defeats the profane politics of retromania.

Keywords: retromania, necrocracy, totalgy, chronocide, the newest Middle Ages, uchronia, schizofascism, New Moscovia, topochron, and chronocracy.

For citation: Epstein, M. N. (2020), "Two-face Chronos. Glossary of the Reversed Time", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 180-198 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.009

— Мертвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевелый кустарник. Они следуют за нами.

— Да, мертвецы не отстают. Они откликнулись на зов, — сказал Элладан.

Толкиен. Властелин колец.

Время, назад! От ретро- к некро-

Понятие «ретромании» приобрело известность после выхода книги британского музыкального критика и журналиста Саймона Рейнольдса «Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого» (2011) [Reynolds 2011]. Со смесью иронии, горечи и ностальгии Рейнолдс пишет о том, что будущее поп-культуры — это ее прошлое: воссоединение музыкальных групп, переиздания классических альбомов, римейки, мэшапы... При этом ресурсы прошлого не безграничны, и что случится, когда они исчерпаются? Не ожидает ли нас катастрофа, ведь создавать новое мы уже разучились?

Ретромания, которая стала утверждаться в России в XXI в., имеет две характерные черты.

Во-первых, масштаб. Это не поп-музыка и не поп-культура, а вся жизнь страны, система ее ценностных ориентаций и поведение на мировой арене. Это ретро-идеология властей, ретро-психология масс, стремление повернуть вспять вектор истории, возрождение ретро-советской и ретро-империальной ментальности и традиций.

Во-вторых, выход за рамки ретро-. Ретромания, описанная Саймоном Рейнольдсом, обращена в глубину прошлого лишь на несколько десятков лет, воссоздавая стили 1960-х — 1980-х. Подобное ретро имело место и в России с середины 1990-х гг., воплощаясь в таких проектах, как «Старые песни о главном», возрождавшие позднесоветскую эстраду, или в ностальгических фильмах, таких как «Над темной водой» (Д. Месхиев). Позже, в 2000-х, стал входить в моду ранее осмеянный брежневский политический стиль «застой» с его установкой на «стабильность», или «стабилизец», как ёрничали в конце 2010-х. Но дальше — все более крутой обрыв в прошлое. Рамки «ретро» уже стали узки для того обвала в архаику, который происходит в России, с особым ускорением после 2014 г. Вспоминается неосуществленный проект поворота северных рек на юг, чтобы заставить их орошать азиатские пустыни. Время

оказалось более податливой субстанцией, чем вода, и на знамени новейшей эпохи написано: «Время, назад!»

Как и в XX в., Россия идет впереди планеты всей, совершая безудержный прыжок — однако уже не в коммунистическое будущее, а в феодальное прошлое. Стремительно захлопывается окно в Европу, и возрождаются идеалы допетровской Московии. Снова в чести Иван Грозный и опричнина. Это уже не ретро-, а архе-, АРХЕОКРАТИЯ, контрастно-симметричная советской футурократии... Вернулся государственный гимн советских времен — музыка А. Александрова на слова С. Михалкова. Победа над нацистской Германией в 1945 г. объявлена главным «скрепообразующим» событием российской истории. Центр национального самосознания сдвигается все глубже в старину. Был учрежден (в 2005 г.) праздник «народного единства» в честь разгрома польского гарнизона в Москве в 1612 г. — «день освобождения от польско-литовских захватчиков». Главным лицом Отечества, победителем широкомасштабного телевизионного конкурса «Имя Россия» признан (в 2008 г.) «святой благоверный» князь Александр Невский. Распространил ордынскую власть на Новгород, где выкалывал глаза тем, кто противился игу. XIII век. Получается, что за последующие восемь веков ни один великий ученый, писатель, композитор, мыслитель, полководец не просиял на отечественном небосклоне ярче, чем этот князь, бывший челобитную татаро-монголам.

А далее происходит еще один, радикальнейший поворот к новой политической метафизике — к НЕКРОКРАТИИ. Причем она сразу претендует на законодательный статус, т. е. мыслится именно как система власти. Приведем гротескный, но вместе с тем характерный пример. Выступая в Санкт-Петербурге на конференции «Вера и дела: социальная ответственность бизнеса» (2016), директор Института экономических стратегий (ИНЭС) РАН Александр Агеев заявил о необходимости законодательного обеспечения прав умерших на участие в общественной жизни страны. Это еще не технически затруднительное физическое воскрешение предков, к которому призывал Николай Федоров в своей философии общего дела, но, так сказать, электоральное, политически мотивированное воскрешение. Размышляя о Великой Отечественной войне как о точке консолидации общества, Агеев предложил предоставить избирательное право 27 миллионам советских граждан, погибшим на войне:

...Погибшие смогли бы влиять на текущие дела в стране, к развитию и спасению которой они имели непосредственное отношение. Например, за них могли бы голосовать их семьи. <...> Право голоса, возможно, должны получить сразу несколько предыдущих поколений, а не только те, кто погиб в войне. Причина та же: они должны иметь возможность влиять на текущие события, которые становятся продолжением их собственной жизни [Директор института РАН 2016].

Это говорит не дряхлый ветеран и не телевизионный пропагандист, а Александр Иванович Агеев — генеральный директор Института экономических стратегий Российской академии наук, директор Международного научно-исследовательского института проблем управления, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами НИЯУ МИФИ, доктор экономических наук, профессор МГИМО...

Сколь ни эксцентричными кажутся эти призывы предоставить умершим избирательные права, они приоткрывают мистическую основу амбиций нынешней власти. Понимают ли российские некроманы, что, привлекая в свои ряды мертвецов, они сами, по сути, пополняют их ряды? Чаадаев, первый самобытный русский мыслитель, свои «Философические письма» подписывал «Некрополис» (имелась в виду Москва — «город мертвых»). И вот чаадаевский сарказм, совершив полный круг в истории страны, оборачивается государственным проектом Некрократии. А мертвые души, на скупке которых рассчитывал преуспеть Чичиков, заложив их в Опекунский совет и получив в кредит по двести рублей за каждую, теперь превращаются в инструмент извлечения политического капитала: на дополнительные голоса десятков миллионов умерших можно легко провести в депутаты всех, кого пожелает власть.

Конечно, остается вопрос, за кого и за что они будут голосовать? Погибшие в Великой Отечественной — за Сталина, в гражданской — за коммунизм и монархию, в Первой мировой — за царя... Как бы не разразилась новая гражданская война между мертвецами, несущая им повторную гибель!

Главная фигура некрократии — служитель войны, тот, кто готов убивать и умирать. В современной России даже новорожденных заворачивают в пеленки цвета хаки, а младенцев наряжают в военную форму, т. е. готовят им участь пушечного мяса, как будто они прямо рождаются на *тот* свет. Детские коляски производятся в виде танков. Проводятся парады детских войск. Юнармейцы получают привилегии при поступлении в вузы...

Смысл этих новых обрядов ясен. Когда родители одевают своих детей в армейскую униформу, они, по сути, совершают ритуальное жертвоприношение, т. е. дают свое согласие на их превращение в пушечное мясо. Смерть символически встречает новое поколение уже у колыбели. Кажется, Россия дожила до очередной революции, не политической, а апокалиптической, — в одной отдельно взятой стране, где мертвые берут власть над живыми. Собственно, этого можно было ожидать: целый век символом политический власти оставался труп в столице страны. Да и зомбоящик недаром трудился — расплодил миллионы зомби. Так что нынешняя ситуация чем-то напоминает революционную, и напрашивается почти знакомая формула: «Суверенная клептократия плюс танатализация всей страны».

Танатализация (thanatalization, от Thanatos, греческий бог, олицетворяющий смерть) — усиление инстинкта смерти в обществе, его преобладание

над инстинктом любви (эросом). Танатализация — то, о чем писали Гоголь в «Мертвых душах», Чаадаев в «Философических письмах», Чехов в «Человеке в футляре», Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре» (где есть образ «мертвого брата», соприсущего человеку), Шаламов в «Колымских рассказах», Юрий Мамлеев в «Шатунах». Общее у этих произведений — представление о стране и обществе как о царстве смерти, где немногие, оставшиеся в живых, отчаянно пытаются спасти себя и близких.

Еще в начале XX в. Д. С. Мережковский говорил о трех смертях, которые необходимо преодолеть России, чтобы выжить. Это сила мертвого, механического, деспотического государства; косность омертвевшей церковной иерархии, ставшей частью государства и утратившей связь с жизнью духа; и власть тьмы, народного невежества, покорности, забитости, рабства. Некрократия уже исторически правила в России, но у Мережковского все-таки прорывалась надежда на революцию духа. Кончилось всё это революцией 1917 г., нетленным трупом в самом центре страны, ГУЛагом на ее необъятных просторах и попыткой превратить весь мир в концлагерь социализма.

Танатофилия советской эпохи, с ее культовым символом, мавзолеем, получает дальнейшее развитие в постсоветскую эпоху. Танатализация общества проявляется в его милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запретов, росте цензуры, в страхе перед всем живым и самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать. Процветает культ войны, ее жертв и жрецов — воинов. Милитаризируются политика, экономика и даже религия. Церковь мобилизуется на прославление армии и воинской доблести. Чего стоит один только строящийся в Подмоскovie Главный храм Вооруженных сил России, с приделом Святого Илии Пророка как покровителя Воздушно-космических сил и Воздушно-десантных войск, и приделом Святой Варвары Великомученицы как покровительницы Ракетных войск стратегического назначения [Главный храм 2020]! Поп-культура раскручивает образы битв и жертв, встраивая их даже в потребительские товары. Одержимость смертью проникает в эротику и создает новый жанр: *pornography* превращается в *warography*. Нагота оказывается прельстительней в сочетании со знаками войны [Победобесие 2016; Победобесие 2020]. Фрейд противопоставлял инстинкты Эроса и Танатоса, однако в **некрократии** они сливаются воедино. Мертвое постепенно берет власть над живым.

Как известно, в СССР был разработан комплекс автоматического управления массиванным ядерным ударом, который назывался «Периметр», или «Мертвая рука». Даже после поражения страны эта система способна нанести ответный удар по противнику и гарантировать его ядерное уничтожение. Этой способностью России поразить врага насмерть даже после собственной гибели сегодня похваляются политики и пропагандисты. У нынешнего режима, в отличие от советского, нет ни малейшего шанса на победу в мировой войне,

если он захочет ее развязать. Нет идей, перспектив, экономических ресурсов, нет никакого будущего, кроме прошлого, причем такого отдаленного, что ему не выжить в XXI в. Победить он не может, но уничтожить мир — вполне. Ради чего?

В гламурно-официозном фильме Ф. Бондарчука «Сталинград» есть одна пронзительная фраза, как будто выплывшая с другого уровня глубины. Немецкий капитан в исполнении Томаса Кречмана замечает: с вами, русскими, невозможно нормально воевать, потому что вы сражаетесь не ради победы, а ради *мест*. Моральное различие в том, что воля к победе диктуется верой, надеждой, любовью, а месть — только ненавистью. Во время Великой Отечественной было ясно, за что стоит умирать, хотя и тогда ненависть к врагам все-таки преобладала над любовью к социалистическому отечеству. Что же говорить о нашем времени! Единственная цель возможной войны — месть более свободным, предприимчивым, удачливым, тем, у кого есть история, право, наука, техника, прорывы в будущее.

Говорят, что мертвые хватают живых; и чем ближе они к могиле, тем сильнее хватка. «Мертвая рука» — это не только система автоматического ядерного удара, это антиистория, это сила, которая тащит живых в царство мертвых. Умиращая империя, уходя, готова громко хлопнуть крышкой гроба.

* * *

Некрократия, танатализация... Непривычные понятия. Дело в том, что в эпоху великого поворота времени общепринятые политические термины, такие как «фашизм», «тоталитаризм», «либерализм», «демократия», взятые из лексикона других эпох, не дают адекватного представления о постсоветской и особенно послекрымской России. Масштаб, вектор и скорость общественно-исторических перемен нуждаются в терминах из области психологии, метафизики, общей теории систем. Речь может идти об энтропии, о хаосе, о законах термодинамики, о стреле времени, о борьбе жизни и смерти...

Ниже предлагается дополнительный ряд новых понятий, позволяющих осмыслить это второе лицо современного Хроноса, обращенное вспять.

Тотальгия
Хроноцид
Ухрония
Новейшее средневековье
Шизофашизм
Новомосковия
Топохрон
Хронократия

Тотальгия

ТОТАЛЬГИЯ (totalgia; контаминация слов *тотальность* и *ностальгия*, от греч. algos — страдание, боль; производные: *тотальгический*, totalgic; *тотальгировать* — предаваться тотальгии) — тоска по целостности, по тотальности, по тоталитарному строю. Для многих граждан бывшей советской сверхдержавы тотальность — это весьма притягательный, ностальгический образ полноты бытия. Тотальгия — чувство многостороннее, она бывает идейной, зрительной, вкусовой и даже обонятельной и осязательной. Тотальгия может разыграться при виде орденоносной газеты, когда соскребываешь старые обои на даче, либо когда ешь сгущенку или копченую колбасу, деликатесы советских времен.

Тотальгия — это тоска по единению с народом. «Хотеть, в отличие от хлыща / В его существованье кратком, / Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком» (1931). Такова раннесоветская поэтическая формула тотальгии у Б. Пастернака. Тогда, в начале 1930-х гг., тотальгия еще была обращена в коммунистическое будущее, как мечта интеллигента-одиночки о слиянии с новой породой людей. Постсоветская тотальгия в основном была обращена в брежневский застой. Но со временем все более заметны формы уже не возвратной, а наступательной тотальгии, тоски по тоталитарному будущему: неофашизм, неонацизм, евразийство... Тотальгией многое объясняется в России XXI в.: властная вертикаль, отсутствие разделения властей, ось вождь — народ... В этой тотальгии трудно отделить утопию от пародии, а мемуар от пиара. Это и возвышающая фантазия о прошлом, и мечта о сверхдержаве будущего.

И вот уже весь народ поет тотальгические «песни о главном». Новейшая тотальгия неожиданно захватила даже писателя Дмитрия Быкова: как только речь заходит об СССР, поражает слепое пятно в этом блестящем уме.

...Советский Союз утонул, империя пала. Можно относиться к этой эпохе сколь угодно критично, но мы видим, что погубившие ее вещи обернулись гораздо большей бедой... Да, советская власть натворила отвратительных дел, но при этом всегда говорила очень правильные слова, и эти правильные слова успели воспитать несколько неплохих поколений. Я долгое время для себя решал вопрос, почему это так, и пришел к выводу, что важен не вектор, а масштаб. Советская диктатура была первоклассной, а нынешняя свобода является второсортной, это очень посредственная свобода [Быков 2011a]¹.

¹ Следующий манифест тотальгии — статья Д. Быкова «Чума и чумка», где он полемизирует со мной [Быков 2011b]. Мой ответ — в статье «Итак, хвала тебе, Чума...». Можно ли отделить больного от болезни?» [Эпштейн 2011].

Нет, воспитывают не сами по себе правильные слова, а именно расхождение правильных слов и отвратительных дел. И ничего кроме апатии, цинизма, лицемерия, злобы, изуверства, предательства, человеконенавистничества такое расхождение воспитать не может. А хвалить советскую диктатуру за то, что она была первоклассной, — это такое сальто-мортале, что, кажется, ум и вправду мортализирует до «полной гибели всерьез». Любование красочным злодейством в его вселенском масштабе... Неужели не ясно, что самая посредственная свобода неизмеримо лучше самой первоклассной диктатуры, потому что позволяет человеку выжить и сохранить достоинство?

Как такой веселый, светлый, просветительский ум мог прийти к столь тотальгическим выводам? Ключ — в любимом герое и как бы «alter ego» Д. Быкова — в Борисе Пастернаке, одном из первых поэтов, от души восславивших Сталина как художника («Мне по душе строптивый норов Артиста в силе...»): «А в те же дни на расстоянье / За древней каменной стеной / Живет не человек — деянье / Поступок ростом с шар земной» («Художник», 1936).

Вот планетарный масштаб, столь угодный артисту, соразмерный ему как Фаусту и фантасту. Эстетическая тотальгия — это платоно-вагнеровская утопия о государстве как совершенном произведении искусства, мечта художника слова о художнике дела. И пусть это всеблагое государство, воздвигнутое гением поступка, не потерпит свободного гения слова, изгонит или задушит поэта как своего соперника, — он рад принять и это. И «весь я рад сойти на нет В революционной воле» («Весеннею порою льда...», 1931).

Прочитую самого Д. Быкова, который в своем «Пастернаке» как бы предсказал собственную тотальгию: «Самое же горькое заключается в том, что для Пастернака — и для любого крупного дарования — главным критерием оценки события или деятеля является масштаб. Масштабное зло можно ненавидеть, но уважать, — мелкое и компромиссное добро чаще всего удостоивается презрения» [Быков 2005, с. 521–522].

Быкову горько за Пастернака, мне — за Быкова. Но есть и разница. Пастернак эстетизировал диктатора, пока его исторический масштаб еще был очевиднее, чем моральный вектор. Первоклассная диктатура только строилась, и еще можно было жить «в надежде славы и добра», уповать на сохранение масштаба при повороте вектора: от красочного зла — к красочному добру. «Итак, вперед, не трепеща / И утешаясь параллелью...» («Столетье с лишним — не вчера...», 1931).

Но сейчас, спустя почти еще одно столетие, параллель не утешает, перед нами уже не начало славных дней, а их бесславный конец. Можно бестрепетно ринуться вперед, и в этом обаяние риска, но ринуться бестрепетно назад — это уже инерция заколдованности и гибельной обреченности. Тогда «в эту дыру сквозило будущее», а сейчас — прошлое. Такова разница поступательной и возвратной тотальгии. Пастернак, современник восходящей утопии, имел

хотя бы эстетическое право на моральную ошибку. У нынешних тотальгистов такого права уже нет.

Хроноцид

ХРОНОЦИД (chronocide, греч. *chronos* время и лат. *caedere* убивать) — времяубийство, насилие над естественным ходом времени, над историей, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому.

Новейшая история превратила суффикс «цид» — «убийство» — в один из продуктивных способов словообразования. «Цареубийство», «отцеубийство», «братоубийство», «геноцид», «экоцид»... Особенно блистательную карьеру сделал этот суффикс с тех пор, как в 1944 г. термин «геноцид» был введен в обиход американским юристом польского происхождения Рафаэлем Лемкиным. На исходе XX в., обобщая его (термина) богатый криминальный опыт, стало насущным и понятие «хроноцид».

Хроноцид, *геноцид* и *экоцид*, как правило, связаны прямой линией революционной преемственности. Революция начинается *хроноцидом*, идейным убийством прошлого и настоящего во имя абстрактного будущего. Потом революция начинает поглощать жизнь реальных людей, переходя в *геноцид* — истребление целых народов, сословий и классов, которым суждено остаться в прошлом, ибо они недостойны будущего. Наконец, уставшая революция, отчаявшись дать обещанное и разрушив производительные силы общества, подводит себе итог в хищном потреблении и уничтожении природы — в *экоциде*. Расправившись со временем, революция обрушивается на людей и наконец опустошает живую среду обитания. Обычно последствия геноцида и экоцида поддаются объективному учету — демографические потери населения, истощение природных ресурсов...

Но первое звено в этой цепи — именно *хроноцид*, незримый переворот в сознании людей, освобождающих себя от прошлого — или от будущего... Если на заре XX в. революция мыслилась как расправа с проклятым прошлым, прыжок в грядущее царство свободы, то на закате прошлого века и особенно на восходе нынешнего ностальгически освящаются глубины прошлого и идея правды, обращенной вспять «революции» — тотальной реакции. С точки зрения *радикального традиционализма*, представленного наследием Р. Генона, Ю. Эволи и других крайне правых теоретиков, «основной задачей является Реставрация Интегральной Традиции во всем ее тотальном измерении» (А. Дугин). Идеология неоархаики — еще одно покушение на время, на этот раз — убийство проклятого будущего во имя священного прошлого. Как всегда, хроноцид вызывает призрак революции — уже не лево-прогрессивной, а фашистской, национал-социалистической. Великая Традиция,

забытая в ходе тысячелетий, должна быть освобождена от гнилых наслоений мнимого прогресса.

Вслушаемся в голос новой революции, провозглашающей свободу прошедшего от будущего: «Основной нашей задачей... является Реставрация Интегральной Традиции во всем ее тотальном измерении. Традиция, по определению Рене Генона, это совокупность богооткровенных, нечеловеческих Знаний, которые определяли строй всех сакральных цивилизаций — от райских империй Золотого Века, исчезнувших много тысячелетий назад, до Средневековой цивилизации...» [Дугин 1991, с. 1]² Значит, всё, что случилось после Средневековья: Микеланджело и Леонардо, Шекспир и Гёте, Моцарт и Кант — это отступление, предательство или ошибка. Всё, что принесло Новое время, да и само свойство новизны, должно сгореть в искупительном пожаре последней революции. «Грядет огонь глобальной Национальной Революции, Социалистической Революции, Последней Революции, которая завершит цикл упадка человеческой истории» [Дугин 1993, с. 17]. Правая революция, которая пинком провожает в прошлое XX век, да и всё Новое время, — это оборотень той левой революции, которая отвергала наследие «эксплуататорских» обществ и рывком распаивала дверь навстречу бесклассовому будущему.

Ухрония

УХРОНИЯ (*uchronia*; греч. *у*, не, нет, и *chronos*, время) — безвременье, вневременье, мир остановленного времени; тип общества или политического режима, в которых фактор времени, исторического изменения сведен к минимуму.

По способу образования и значению термин «ухрония» соотносится с «утопией» (буквально — «безместие», «место, которого нет»). По мере своего осуществления утопия — обращенная в будущее или в прошлое — переходит в *ухронию*, разрыв самой истории, остановку времени. Место, которого нет, становится временем, в котором ничего не происходит. Если мир, каким он изображается в утопии, прекрасен и совершенен, значит, в нем уже нечего делать времени. Антиутопии Замятина, Оруэлла — это еще и *антиухронии*, разоблачения того *хроноцида*, времяубийства, в котором состоит главное историческое преступление утопических режимов.

Как слову «утопия» в русском языке дополнительную выразительность придает его переключка со словами «утопить», «утопление» (что обыгрывается Андреем Платоновым), так смысл «ухронии» проясняется созвучием слова с «хоронить», «захоронение»: это похороны времени, захоронение жертв, принесенных на алтарь будущего или вечности.

² Этот текст А. Дугина — один первых опубликованных манифестов российской и международной «консервативной революции».

В начале 1990-х гг. в моде была идея «конца истории», якобы счастливо завершенной разрешением всех конфликтов в пользу всепобеждающей западной демократии (Ф. Фукуяма). Эта ухрония на демократический лад сопоставима с ухрониями тоталитарного или идеократического образца.

Новейшее средневековье

НОВЕЙШЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (Newest Middle Ages) — характеристика современной эпохи, отмеченной конфликтом цивилизаций и ростом религиозного и политического фундаментализма.

Некоторые считают, что исторически XX век завершился не 31 декабря 2000-го, а 11 сентября 2001 г., когда рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке и началась война западной цивилизации и исламистского фундаментализма. Но, может быть, это слишком поспешные выводы и XXI век во всей своей умопомрачительной реальности еще не наступил?

Ведь и XX век, как полагают многие, начался 28 июля 1914 г., вместе с Первой мировой войной, о чем писала Ахматова в «Поэме без героя»:

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

«Новым средневековьем» назвал грядущий XX век Николай Бердяев в своей одноименной книге (1924). Его приметы — коммунизм, фашизм, евразийство, идеократия, индоктринация масс, отрицание ценностей Нового времени: гуманизма, индивидуализма, рационализма и демократии. Казалось, Новое средневековье, начавшееся в 1914 г., ушло в прошлое вместе с крушением фашизма и коммунизма и с падением железного занавеса в 1989 г., т. е. продлилось примерно 75 лет. Следующая декада, 1990-е, прошла под знаком эйфории от глобальной победы демократии и рационализма западного стиля — человечество вернулось на магистраль Нового времени.

Однако XXI в. начался со взрывного рецидива нового средневековья, теперь исходящего от исламизма и, как становится ясно, от России, примкнувшей к этому новейшему медиэвализму. В ней стали возрождаться архаические черты

не только дореволюционной, но и допетровской эпохи, включая противопоставление себя Западу, отход от секуляризма к религиозному фундаментализму, милитаризация, ограничение роли науки и просвещения...

Новейшее средневековье XXI в. отличается от Нового средневековья XX в. тем, что оно постсекулярное, постутопическое и постфутуристическое, т. е. опирается на религиозно-национальную традицию, на традиционализм как таковой, и обращено в прошлое, а не в будущее. У него, в отличие от тоталитаризма XX в. (особенно коммунистического), нет опоры внутри западных обществ, оно может рассчитывать лишь на силовую внешнюю экспансию либо на автаркию. Многие черты Новейшего средневековья художественно предвосхищены в повести В. Сорокина «День опричника» (2006). Новейшее средневековье пришло на смену постмодерной эпохе, которая отделяет его от Нового средневековья и определяет разницу между ними, в частности разницу между фашизмом 1920–1940-х гг. и *шизофашизмом* начала XXI в.

Шизофашизм

ШИЗОФАШИЗМ (schizofascism) — фашизм под маской борьбы с фашизмом. Собственно фашизм — цельное мировоззрение, соединяющее расовую теорию, империализм, национализм, ксенофобию, великодержавность, антикапитализм, антидемократизм, антилиберализм. Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода карикатура на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная карикатура. Это фашистская истерика, за которой скрывается вполне холодное сознание своих меркантильных расчетов. Шизофашизм проявляется в истерической ненависти к свободе, демократии, ко всему чужестранному, к людям иной идентичности, а также в поиске врагов и предателей среди своего народа. Но это шовинистическое мировоззрение находится в шизофреническом расколе со стремлением использовать те самые блага, которые обеспечивает «враг»: приобретать недвижимость за рубежом, давать образование детям в странах «Гейропы» и «Пиндостана», проводить там отпуск, хранить капиталы в банках и т. д.

Шизофашизм отличается от традиционного фашизма цинизмом и коррупцией, а также новейшим «ноу-хау»: чем глубже пропасть между идеалом и фактом, тем больше это импонирует массам. Пропаганда лжет откровенно — в расчете, что народу ложь понравится, если она «наша», нам льстящая, а их «удельывающая». Такую «правильную», «патриотическую» ложь (типа «распятого мальчика на площади») встречают с особым воодушевлением. Наглость обмана и оправданное им насилие как бы служат гарантией того, что лгуний — свой до гробовой доски, поскольку он теперь повязан ложью и кровью. Боязливая ложь может уклоняться от истины на несколько градусов, ложь посмелее — на 90 градусов, а совсем отважная и наглая — на 180, т. е.

прямо обратна истине. Шизофашизм вбирает в себя некоторые черты постмодерна: презрение к реальности, культ гиперреальности, насаждение симулякров, приоритет означающих над означаемыми, — но при этом отрывает их от рефлексии, игры, иронии и ставит на службу архаическим общественным структурам, инстинктам власти и массовой сплоченности. Особенно яркая черта шизофашизма — действовать под маской борьбы против фашизма.

Новомосковия

НОВОМОСКОВИЯ (Neomuscovy) — новое Российское государство, сосредоточенное вокруг Москвы и расширенно воспроизводящее очертания средневековой Московии.

В 2014 г. был введен в действие проект «Новороссии» — расширения «русского мира» за границы России в сторону юга и запада. Но в результате Россия стала ускоренно двигаться в обратном направлении, к «Московии». Так называли русское государство допетровской эпохи, с XV в. до конца XVII в., с его стремлением отгородиться от Запада, над которым оно превозносило себя как оплот истинной, православной веры.

Вот что писал Н. Бердяев о Московском царстве: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы. Лучше был киевский период и период татарского ига, особенно для церкви, и уж, конечно, был лучше и значительнее дуалистический, раскольничий петербургский период, в котором наиболее раскрылся творческий гений русского народа. Киевская Россия не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость (менее всего святых было в этот период)... Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством» («Русская идея», 1946).

Петровские реформы взломали замкнутость московской Руси и открыли ее Западу. Именно в эту эпоху, в XVIII–XIX вв., название «Россия» вытесняет «Московию». В отличие от Московии, Россия позиционировала себя как часть западной цивилизации. И в советскую эпоху, несмотря на железный занавес, Россия всё еще продолжала петровский курс на «глобальную цивилизацию» и даже расширила круг своих геополитических притязаний на весь земной шар как арену «мировой революции». После распада Советского Союза это пространство стало схлопываться, сначала до размеров СНГ. Но в XXI в. «русский мир» еще больше сузился, не вопреки, а именно благодаря стремлению России сохранить свое влияние на постсоветском пространстве военными мерами.

Как ни парадоксально, именно попытка неоимпериальной экспансии может обернуться для России сжатием ее пространства до размеров, примерно совпадающих с той «Московией», какой она была до начала Петровских реформ. Вместо чаемого географического расширения в «Новороссию», получается историческое сужение в «Новую Московию», азиатскую страну, отгородившуюся от мира. Появление этой «Новомосковии», т. е. изоляция, автаркия — одно из проявлений инстинкта смерти: страна забивается в свою историческую утробу. Такую «обратную» биологию общественного организма — стремление свернуться в эмбрион — глубоко раскрыл Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре».

Еще один парадокс состоит в том, что именно «питерские» опрокинули петровский вектор развития России — радикальнее, чем большевики, которые направляли ее в сторону наибольшей всемирности, Третьего интернационала («а четвертому не бывать»). Если сразу после распада СССР казалось, что Россия возвращается к своей дореволюционной идентичности, к петровскому проекту сближения с Западом, то в последнее время резко обозначилось дальнейшее нисхождение страны по лестнице инволюции — к исторически более ранней матрице Московии. Основное сходство — не географические очертания, а политический изоляционизм, который парадоксально сочетается с экспансионизмом.

Так что уместнее говорить о новом политическом проекте власти не как о Новороссии, но как о *Новомосковии*. Дальнейшая логика инволюции может повлечь ее еще дальше — в период «феодальной раздробленности» русских земель...

Топохрон

ТОПОХРОН (topochron; инверсия понятия «хронотоп»). Преобладание топоса над хроносом, пространства над временем в определенной культурно-исторической модели.

Применяя бахтинское понятие хронотопа к российской или советской цивилизации, обнаруживаешь закономерность: хронос в ней вытесняется и поглощается топосом. Сама история этой страны, как писал В. О. Ключевский, состояла в непрерывной колонизации новых земель, завоевании пространства на все четыре стороны света, а затем — как настаивал Н. Ф. Федоров, ссылаясь на распаханность и «небоекмость» русской равнины, — и на «пятую» сторону, в направлении открытого космоса. История России — проекция ее географии, и исторические периоды отмечаются не чисто временными изменениями, а расширениями в пространстве.

«Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры,

когда, наконец, он посредством естественного зарождения и поглощения встречаемых инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине...» [Ключевский 1956, т. 1, с. 32].

Поскольку Россия привыкла *исторические* вопросы решать *географически*, этой стране принадлежит столь большое место в пространстве, что ей трудно найти свое место во времени. На протяжении последних трех веков, с эпохи Петровских реформ, Россия жадно стремилась войти в историю — но лишь для того, чтобы превзойти ее, мгновенно опередить степенно шествующие историческими путями западные народы и оказаться «по ту сторону истории», в царстве вечной истины и остановленного мгновенья. Среди народов, условно говоря, исторических и неисторических, Россия выбрала свой особый, «сверхисторический» путь: входя в историю, тут же готовится к выходу из нее.

Время в России вытесняется пространством (физическим и метафизическим) — это «архимедов» закон погружения большого географического тела в историческую среду. Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней историческое время — и, наоборот, сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени. Обременяясь новыми землями, Россия впадала в исторический сон и протрацию, что случилось в результате победных походов в Европу — 1812 и 1945 гг. И наоборот, после неудачных войн — Крымской, Японской, Первой мировой — Россия теряла части своей территории и тут же получала толчок исторического ускорения — реформы и революции. Неудача афганской войны выявила предел пространственного расширения коммунизма — и, подтолкнув империю к перестройке, вызвала ее развал. С отдачей Восточной Европы и республик, сбросив тучное пространство Советского Союза и социалистического лагеря, Россия 1990-х превратилась в самую динамичную (хотя и потенциально кризисную) часть мира. А как только опять погналась за расширением «русского мира», присвоила части Грузии и Украины, нацелилась на воссоздание империи — так время в ней не только затормозилось, но и побежало назад. Произошел обратный размен: времени на пространство.

* * *

В заключение — еще одно понятие, которое относится к другому лицу Хроноса, обращенному вперед. Это не значит — воспевать будущее и звать его на смену всем нынешним ретро-, архео- и некро-. Это значит — восстановить в правах само время, его неудержимый ход. Существующий политический словарь пестрит разнообразными «кратиями»: *демократия, аристократия, плутократия, оклократия, автократия, бюрократия...* Но одной «кратии» в нем явно недостает.

Хронократия

ХРОНОКРАТИЯ (букв. «власть времени», времяправие, времядержавие, от греч. *chronos*, время + *kratos*, власть) — диктатура времени как определяющий фактор общественной жизни. Это форма политического устройства, основанная на признании времени решающим фактором обновления структур власти и общества.

Хронократия предполагает безусловную сменяемость всех уровней и органов власти в строго отмеренные сроки. Для каждого сегмента культуры выделяется особый временной фактор, или «запас» новизны, в течение которого данное явление перестает восприниматься как легитимное и должно уступить другому. Президенты, автомобили, компьютеры, учебники, течения живописи, направления моды меняются в определенном порядке и ритме, по-разному заданном для каждой категории. Например, фиксированный срок правления для президента, сезон моды для стиля одежды, несколько недель для проката фильмов в кинотеатрах... Время — фактор легитимизации любого режима власти, даже если речь идет о властителях дум и мод. Время — хозяин, а президенты и корпорации — его слуги.

Хронократия не только совместима с демократией, но и составляет ее необходимое условие. Тоталитарные режимы, объявляющие себя «народными демократиями», могут и в самом деле пользоваться поддержкой большинства, но им чужд принцип времявластия. «Народный вождь», «лидер нации» возвышается над временем, а не подвластен ему. Идея демократии становится смутной и противоречивой, если она не дополняется режимом хронократии. Время умнее народа и лучше застраховано от политических ошибок. Все-таки этот механизм — время — запущен не нами. *Хронос старше и сильнее демоса.*

Список литературы

- Быков 2005 — *Быков Д.* Борис Пастернак. М. : Молодая гвардия, 2005. 893 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»; вып. 962).
- Быков 2011а — *Быков Д.* Мы живем в стране, которая культивирует всё худшее, что может быть в человеке [Электронный ресурс] // Аргументы и факты — Петербург. 2011. 19 сентября. URL: <http://www.spb.aif.ru/society/134691> (дата обращения: 05.03.2020).
- Быков 2011b — *Быков Д.* Чума и чумка. Об удобстве антисоветской риторики и благотворности абсолютного зла [Электронный ресурс] // Новая газета. 2011. 2 ноября (№ 123). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/01/46586-chuma-i-chumka> (дата обращения: 05.03.2020).
- Главный храм 2020 — Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://hram.mil.ru/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Директор института РАН 2016 — Директор института РАН предложил наделить правом голоса погибших во время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 2016. 20 мая. URL: <https://www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html> (дата обращения: 05.03.2020).

- Дугин 1991 — Дугин А. О нашем журнале. Как мы понимаем традицию // Милый Ангел. Эзотерическое ревю. 1991. Т. 1. С. 1.
- Дугин 1993 — Дугин А. Загадка социализма // Элементы. 1993. № 4. С. 10-17.
- Ключевский 1956 — Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. Лекция 2 // Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 32.
- Победобесие 2016 — «Победобесие», как оно есть (много фото) [Электронный ресурс] // LiveJournal. Блог пользователя naive_citizen. 2016. 1 февраля. URL: <https://naive-citizen.livejournal.com/132175.html> (дата обращения: 05.03.2020).
- Победобесие 2020 — Победобесие [Электронный ресурс] : спецпроект «Граней» и Фонда «Свободная Россия». 2020. URL: <https://pobedobesie.info/foto/> (дата обращения: 05.03.2020).
- Эпштейн 2011 — Эпштейн М. «Итак, хвала тебе, Чума...» Можно ли отделить больного от болезни? [Электронный ресурс] // Новая газета. 2011. 11 ноября (№ 126). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/10/46717-171-itak-hvala-tebe-chuma-187> (дата обращения: 05.03.2020).
- Reynolds 2011 — Reynolds S. *Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past*. London : Faber and Faber Ltd., 2011. 496 p.

References

- Bykov, D. (2005), *Boris Pasternak*, Molodaya gvardiya, Moscow, 893 p. (in Russian).
- Bykov, D. (2011a), “We Live in a Country that Cultivates the Worst that Man Can Be”, *Argumenty i fakty — Peterburg*, 19 September, available at: <http://www.spb.aif.ru/society/134691> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Bykov, D. (2011b), “The Plague and Distemper. On the Convenience of Anti-Soviet Rhetoric and the Beneficence of Absolute Evil”, *Novaya gazeta*, no. 123, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/01/46586-chuma-i-chumka> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- “Director of the RAS Institute Proposed that People who Died during the Great Patriotic War Should be Endowed with the Right to Vote” (2016), *NEWSru.com*, 20 May, available at: <https://www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Dugin, A. (1991), “On Our Journal. What Do We Understand by Tradition?”, *Milyi Angel. Ezotericheskoe revyu*, vol. 1, p. 1 (in Russian).
- Dugin, A. (1993), “The Enigma of Socialism”, *Elementy*, no. 4, pp. 10-17 (in Russian).
- Epshtein, M. (2011), “So, Plague, Our Praise upon You Here... Can the Sick be Separated from the Disease?”, *Novaya gazeta*, no. 126, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/11/10/46717-171-itak-hvala-tebe-chuma-187> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Glavnyi khram Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii* [The Main Cathedral of the RF Armed Forces] (2020), available at: <https://hram.mil.ru/> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Klyuchevskii, V. O. (1956), “A Course in Russian History. P. 1. Lecture 2”, in Klyuchevskii, V. O., *Sochineniya, v 8 tomakh. Tom 1* [Collected Papers, in 8 vols, Vol. 1], Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, p. 32 (in Russian).
- Pobedobesie, spetsproekt «Granei» i Fonda «Svobodnaya Rossiya»* [The Exaggerated Victorious Hysteria, a Special Project of “Facets” and Free Russia Fund] (2020), available at: <https://pobedobesie.info/foto/> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- “The Exaggerated Victorious Hysteria, as It Is (a lot of photos)” (2016), *LiveJournal*, 1 February, available at: <https://naive-citizen.livejournal.com/132175.html> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
- Reynolds, S. (2011), *Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past*, Faber and Faber Ltd., London, 496 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 6.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 7.09.2020

Информация об авторе

Эпштейн Михаил Наумович
профессор культуральной теории и русской
литературы
Университет Эмори
30322 США, Джорджия, Атланта,
ул. Доуман Драйв, 201
E-mail: russmne@emory.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-1544-837X

Information about the author

Epstein, Mikhail Naumovich
Professor of Cultural Theory and Russian
Literature
Emory University
201 Downman Drive, Atlanta, Georgia
30322 USA
E-mail: russmne@emory.edu
Author's ORCID: 0000-0003-1544-837X

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ, МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Культуроцентризм в современном научном и художественном сознании

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1-2.010
УДК 316.728 + 304.3 + 141.3 + 303.02

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ БЫТИЯ И ПОЗНАНИЯ

Е. Н. Яркова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация: Статья посвящена широко бытующему в современном отечественном общественно-политическом и социально-гуманитарном дискурсе понятию «культуроцентризм». В качестве объекта исследования выступают тексты отечественных и зарубежных исследователей, в которых это понятие фигурирует. Предметное поле исследования — совокупность значений и статус понятия «культуроцентризм». Основные методы исследования — качественный контент-анализ, герменевтика, компаративистика. Культуроцентризм рассматривается с различных позиций: как стратегия социального бытия, как научно-исследовательская программа, как мировоззренческий принцип. Представлены разные интерпретации концепта «культуроцентризм», позитивные и негативные характеристики явления, им обозначаемого. Обосновывается недопустимость отождествления культууроцентризма с культурным консерватизмом, культурным монизмом, культурным изоляционизмом, тоталитарной идеологией, экзистенциальной унификацией, методологическим редукционизмом, онтологическим эссенциализмом. Констатируется, что понятие «культуроцентризм» может претендовать на статус метапонятия, стоящего в одном ряду с такими метапонятиями, как «геоцентризм», «антропоцентризм», «натуроцентризм», «социоцентризм», при условии его

принятия мировым научным сообществом в качестве инструмента познания социокультурных институтов и процессов, открывающего новые горизонты в понимании жизни человека и общества.

Ключевые слова: Культуроцентризм, социальная стратегия, научно-исследовательская программа, мировоззренческая позиция, полицентризм, эссенциализм, экзистенциализм.

Для цитирования: Яркова Е. Н. Культуроцентризм как стратегия бытия и познания // *Koinon*. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 199-215. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.010

CULTURAL CENTRISM AS A STRATEGY OF BEING AND COGNITION

E. N. Yarkova

Tyumen State University
Tyumen, Russia

Abstract: The article considers the widespread in contemporary socio-political and socio-humanitarian discourse the concept of cultural centrism, and the phenomenon it implies. The objects of study are the texts of Russian and foreign researchers that introduce this concept. The subject of our study is a set of values and status of cultural centrism. The research methods involve content analysis, hermeneutics, and comparative studies.

The author examines cultural centrism from different perspectives: as a strategy of social being, as a research program, as the worldview principle. She also offers various interpretations of cultural centrism, and the positive and negative characteristics of the phenomena they denote. Besides, the paper emphasizes that cultural centrism should not be confused with cultural conservatism, cultural monism, cultural isolationism, totalitarian ideology, existential unification, methodological reductionism, ontological essentialism. In conclusion, the author states that the concept of cultural centrism can claim the status of meta-concept standing in one row with such meta-concepts as geocentrism, anthropocentrism, nature-centrism, socio-centrism. But it is possible only on the condition that the international intellectual community accepts it.

Key words: Cultural centrism, social strategy, research program, worldview, polycentrism, essentialism, existentialism.

For citation: Yarkova, E. N. (2020), "Cultural Centrism as a Strategy of Being and Cognition", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 199-215 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.010

Преамбула

Одним из широко бытующих в современном отечественном социально-гуманитарном дискурсе является, звучащее одновременно поэтично и рационалистично, понятие «культуролоцентризм». Решение предпринять погружение в семантику этого сложносоставного понятия созрело под давлением следующих обстоятельств: нарастающей диффузии этого понятия, проникающего во всё более широкие дискурсивные пространства; чрезвычайной расплывчатости его семантики и, как следствие, превращения в «яблоко раздора» — споров относительно его как социально-политической, так и теоретико-методологической валидности.

Распутывание хитросплетения смысловых нитей, из которых складывается семантика понятия «культуролоцентризм», требует релевантного методологического инструментария. В качестве такового избраны: качественный контент-анализ, герменевтика и компаративистика.

Потребность в семантических штудиях понятия «культуролоцентризм» представляется очевидной, поскольку анализ различной литературы показывает, что это понятие претендует на статус метапонятия, номинирующего не только определенную стратегию общественно-политического бытия, когнитивную установку, но и мировоззренческую позицию. Таким образом, ответ на вопрос: что есть «культуролоцентризм» — очередной модный термин, обозначающий всё что угодно и ничего конкретно, или принципиально важный концепт, открывающий новые горизонты в понимании жизни человека и общества, представляется своевременным.

Культуролоцентризм как социальная стратегия

Обращение к текстам, включающим понятие «культуролоцентризм», показывает, что в отечественной социально-гуманитарной науке это понятие используется, в первую очередь, для обозначения стратегии социального бытия, в рамках которой культура — речь идет о духовной культуре — выступает в качестве главного ориентира человеческой деятельности и социального взаимодействия.

Значительная часть российских исследователей позиционирует культуролоцентризм как стратегию в высшей степени созидательную — основу личностной идентичности, фундамент общественного согласия, катализатор социального и личностного роста.

А. С. Панарин определяет культуролоцентризм как тип мышления, связанный с тяготением к духовным измерениям и приоритетам, характеризующий постэкономического человека и постиндустриальную цивилизацию и противостоящий «техноцентризму», присущему человеку экономическому и, соответственно, цивилизации индустриальной [Панарин 1995]. Культуролоцентризм, на его взгляд, есть способ преодоления социальной разобщенности:

«В культуроцентричном космосе нет индивидов-атомов, ибо культура, как и религия, означает связь, объединение людей на основе общих ценностей» [Панарин 2007, с. 15].

В. И. Толстых репрезентирует культуроцентризм как следующую после техноцентризма ступень развития человеческой цивилизации. Под культуроцентризмом исследователь понимает преобразование в новое качество всей духовно-мотивационной сферы любой человеческой деятельности, повышение статуса нравственных, религиозных и собственно личностных факторов в процессе становления цивилизации «постматериальных ценностей» [Толстых 2003, с. 383–400].

В. С. Библер представляет культуроцентризм как особую, сложившуюся в XX в., ситуацию, связанную с выдвиганием культуры в эпицентр всех человеческих деяний, в результате чего бытие мира понимается как произведение культуры [Библер 1997, с. 233–243].

А. Я. Флиер утверждает, что выдвинутая В. М. Межуевым модель эволюции философской, научной и общественной мысли: «натуроцентризм» — «социоцентризм» — «культуроцентризм» отражает тенденцию возрастания роли культурных оснований и стимулов социальной активности людей [Флиер 2011, с. 10].

А. С. Запесоцкий выдвигает идею культуроцентристской модели образования, суть которой заключается в приверженности к гуманитарной культуре — нравственности, религии, философии, творчеству. Он полагает, что погружение технологического блока образования в общекультурный контекст позволяет минимизировать сопровождающий эпохи реформаций кризис идентичности [Запесоцкий 2008].

О. Ф. Морозова позиционирует культуроцентризм как наиболее эффективную управленческую стратегию: «Мы убеждены, что привнесение принципа культуроцентризма в теорию и практику управления социокультурными системами может способствовать оптимизации современной российской политики» [Морозова 2014, с. 141, 143].

Л. Л. Шпак и Е. В. Головацкий характеризуют культуроцентризм как стратегию развития российских регионов, специфика которой заключается в концентрации внимания на факторном воздействии культуры и на культурных последствиях социального и политического развития [Шпак, Головацкий 2011].

Однако далеко не все исследователи, прибегающие к понятию «культуроцентризм», склонны рассматривать стратегию, им обозначаемую, как созидательную. Существует обширный пласт научной литературы, где культуроцентризм подвергается серьезной, разносторонней критике.

Один из векторов этой критики — развенчание культуроцентризма как экзистенциальной унификации, сводящей бытие человека и общества к культуре, тем самым урезающей его всеобъемлющую полноту. В основании такого видения лежит, как представляется, убеждение, что залогом аутентичности

человеческого бытия является многообразие его аспектов, исключаящее какую-либо их иерархию, точнее, предоставляющее самому человеку установление таковой. Именно так мыслит А. В. Павлов, дискредитирующий идею культуроцентризма на том основании, что «человек — существо не культурное, и даже не биосоциокультурное, а многофакторное, он — обладающее способностью к самобытию, самосознанию и действию, зеркало многочисленных ситуаций, в какие вплетена его жизнь» [Павлов 2017, с. 116].

С. Н. Артановский, выступая с критикой концепции культуроцентристского образования А. С. Запесоцкого, утверждает, что «человеческое бытие... есть многополюсный мир. И задача философии не в поисках надуманных “центров”, а в том, чтобы показать многосторонность человеческого бытия и прийти к такой концепции образования, которая эту многосторонность, многоаспектность существования человека поощряет и культивирует» [Артановский 2004, с. 166]. Нельзя не признать конструктивность этой критики, связанной хотя бы с опасностью абсолютизации любого принципа. Однако, выступая в защиту стратегии культуроцентризма, необходимо констатировать, что восходящая к постмодернистской философии идея мотивационной анти-иерархичности человеческой деятельности выглядит убедительно только теоретически. В реальности общество людей, в поведении которых не существует иерархии между, скажем, природными инстинктами, материальными интересами и нравственными, духовными ценностями, едва ли можно рассматривать как «хорошее», тем более как эталон общественного бытия для современного, пораженного аномией российского социума.

Во многом понимание культуроцентризма как принципа, сужающего горизонты человеческого бытия, обусловлено негативной реакцией на давнюю российскую традицию сопряжения высокой духовности с бедностью, мирской неустроенностью, хозяйственной примитивностью. Однако, как следует из рассуждений сторонников культуроцентризма, последний вовсе не предполагает пролонгации этой традиции. Например, В. И. Толстых предупреждает, что «красивая формула культуроцентризма может быть истолкована деструктивно в плане противопоставления культуры и экономики, культуры и техники, что влечет превращение этого понятия в метафору» [Толстых 2003, с. 389]. Конструктивное содержание формулы культуроцентризма, по мнению философа, заключается в том, чтобы перевернуть мир техногенной цивилизации, в котором поменялись местами цели и средства. Эта формула, по убеждению Толстых, выражает и несет в себе интенцию на новые ценности и жизненные смыслы, которые должны прийти на смену ценностям потребительского общества и стать духовной основой нового типа цивилизационного развития. Нечто подобное находим у А. С. Запесоцкого, который видит миссию культуроцентризма в «адаптации цивилизационной мощи новых технологий к базовой системе культурных ценностей» [Запесоцкий 2008, с. 18].

Другой вектор критики культуризма — его отождествление с культурным консерватизмом, традиционализмом. Именно так мыслит Ю. Г. Марченко, прибегающий к понятию «культуризм» для продвижения традиционализма как оптимальной модели бытия современного российского общества: «Сегодня для русской культуры более важна консервативно-охранительная активность национально мыслящего образованного слоя общества, защитная, сберегающая, восстановительная и даже (в части дел) запретительная» [Марченко 2008, с. 141, 149].

Реабилитируя идею культуризма, необходимо констатировать, что между культуризмом и традиционализмом нельзя ставить знак равенства, и не только потому, что целое несводимо к его части, но, главным образом, потому, что сам принцип культуризма, в понимании его сторонников, включает в себя представление о ценности творчества. Не случайно он рассматривается как мотивационное основание жизнедеятельности постиндустриального общества, основным ресурсом которого выступает «человеческий капитал» — творчество в многообразии его форм. В связи с этим показательна позиция О. Ф. Морозовой, квалифицирующей культуризм как важнейший фактор культуросозидания [Морозова 2011, С. 14].

Еще один вектор критики культуризма — понимание культуризма как порождающего ассимиляционные тенденции культурного монизма. Так, Е. Л. Антонова и А. Е. Таранова рассматривают культуризм как оппозицию мультикультурализму, поясняя, что мультикультурализм — продукт центробежных, а культурный монизм — центростремительных тенденций в культуре [Антонова, Таранова 2011]. Подобным образом квалифицируются культуристские стратегии в значительной части англоязычной литературы, где понятие «cultural centrism», как правило, используется для характеристики межкультурной коммуникации и отождествляется с понятиями «ethnocentrism», «nationalism». Один из представителей «межкультурной философии», Франц М. Виммер, выделяя четыре типа культурного центризма: экспансионистский, интегративный, сепаратистский и транзиторный, противопоставляет им в качестве позитивной альтернативы нецентризм, плюрализм и диалогизм [Wimmer 2002].

Итак, можно ли поставить знак равенства между культуризмом и культурным монизмом? На первый взгляд — да, поскольку в первом приближении понятия «культуризм» и «культурный плюрализм» предстают как антонимы, а фразеологизм «культуристский плюрализм» — как оксюморон. Однако ход мыслей, согласно которому лексема «культуризм» обозначает центростремительные тенденции в культуре, а лексема «культурный плюрализм» — центробежные, поверхностен. В сущности, он опирается на представления о наличии некоторой доминирующей культуры,

претендующей на звание культурного центра и периферийных культур, отстаивающих свою значимость и независимость от этого центра.

Без сомнения, возможна и иная перспектива рассмотрения понятий «культуролоцентризм» и «культурный плюрализм», в пространстве которой они не предстают как слова противоположного значения, а фразеологизм «культуролоцентристский плюрализм» не воспринимается как сочетание несочетаемого. Эта перспектива открывает мир культуры как изначально плюралистичный. В контексте такого видения понятие «культуролоцентризм» означает партиципацию не к некоторому единому культурному центру — доминирующей культуре, но к разным региональным, этническим и т. д. культурам. В сущности, речь идет о культурном полицентризме. Именно так толкуют понятие «культуролоцентризм» его создатели и популяризаторы. Например, В. И. Толстых соединяет идею культуролоцентризма с идеей культурного многообразия «как источника спасительных альтернатив, затребованных ситуацией обнажившихся тупиков и “пределов роста”» [Толстых 2003, с. 389].

Еще один вектор критики культуролоцентризма — его толкование как культурного изоляционизма.

В западной интеллектуальной культуре сложилась традиция обозначения при помощи понятия «cultural centrism» ментальной установки, в рамках которой реальность рассматривается сквозь призму ценностей и норм «своей» культуры, в результате чего блокируется понимание представителей иных культур, рождаются недоверие, вражда, нетерпимость, фанатизм [International Encyclopedia 1997, p. 145]. Впрочем, тенденция осмысления культуролоцентризма как культурного изоляционизма достаточно зрима не только в западной интеллектуальной культуре. Например, профессор университета Гонконга Д. Хо призывает бороться с культуролоцентризмом как формой эгоцентризма [Ho 1995, p. 22].

Выступая в защиту идеи культуролоцентризма, необходимо констатировать, что сам по себе принцип партиципации к духовной культуре, будь то культура этническая, расовая и т. д., не содержит ксенофобии и фанатизма. Культуролоцентризм — не только не препятствие межкультурному диалогу, но его исходное условие. Специфика диалогизма как формы межкультурной коммуникации заключается в признании многополюсности мира культуры, нацеленности на сохранение и развитие ценностей «своей» культуры, а также на формирование «срединной культуры» — межкультурных ценностей. Показательна в этом плане оценка культуролоцентризма как важнейшего условия концептуализации самости человека, а творческих идей — как результата объединения несовместимых культурных традиций [Chiu, Hong 2005]. Еще более показательна позиция В. Библера, позиционирующего культуролоцентризм и диалог как звенья единой стратегической цепи. Философ определяет самую культуру как диалог культур: «...культура есть форма общения (диалога) культур. Культура есть

там, где есть две культуры... Культура — это грань культур, момент их взаимоотношения и взаимовосстановления как культуры» [Библер 1997, с. 234].

Наконец, значимым вектором критики культуроцентризма является его квалификация как разновидности тоталитарной идеологии. Связь между культуроцентризмом и коммуитаризмом, предполагающим наличие формирующей и тотализирующей функции сообщества по отношению к личности, фиксирует А. А. Сладкова [Сладкова 2015]. А. В. Павлов квалифицирует культуроцентризм как навязываемый властью общественно-политический строй, идущий в нашей стране на смену коммунизму [Павлов 2017].

Однако едва ли можно поставить понятие «культуроцентризм» в один ряд с такими обозначающими виды идеологий понятиями, как «коммунизм», «либерализм» и т. д.; или с такими именуемыми политические режимы понятиями, как «тоталитаризм», «авторитаризм» и т. д. Понятие «культуроцентризм» порождено иным, превосходящим первичное обобщение наличных форм социального бытия уровнем рефлексии, в качестве однопорядковых ему выступают понятия «натуроцентризм», «антропоцентризм», «социоцентризм» и т. д.

В целом, если искать причины неприятия идеи культуроцентризма, то таковые лежат в мировоззренческой плоскости и связаны с теоцентрическим, антропоцентрическим, социоцентрическим и т. д. прочтениями этой идеи, что с неизбежностью ведет к «втискиванию» понятия «культуроцентризм» в инородный контекст, следовательно, его наполнению инородными смыслами. Так, на фоне антропоцентризма культуроцентризм выглядит как принцип, ограничивающий самовластие человека, а на фоне социоцентризма — как принцип, вносящий хаос в сложившиеся универсальные социологические схемы и модели.

Культуроцентризм как научно-исследовательская программа

Значительное количество текстов включает понятие «культуроцентризм» в значении когнитивной установки, научно-исследовательской программы.

Развернутое определение культуроцентризма как научно-исследовательской программы дает В. Г. Федотова, утверждающая, что идея культуроцентризма формируется в русле неокантианской традиции, теоретическое ядро которой составляет принцип различения культурных и природных объектов и выражается в трактовке культуры как наиболее значимого в теоретическом и методологическом плане феномена общества, требующего собственных методов исследования. Появление культуроцентристского подхода исследователь связывает с установлением границ методологии каузального объяснения и противопоставлением ему методологии понимания [Федотова 2001, с. 78–89].

Нельзя не согласиться с тем, что культуроцентризм как когнитивная установка генетически восходит к неокантианству, а точнее говоря, к оригинальной

теории познания Г. Риккерта, в русле которой культура рассматривается как совокупность благ (государство, право, хозяйство, язык...), создаваемых сообразно всеобщим ценностям (истина, добро, справедливость...); а основным методом ее изучения выступает «метод отнесения к ценности», нацеленный на выявление ценностей, заложенных в те или иные культурные блага [Rickert 1921].

Однако культуроцентризм имеет прямое отношение к еще одной методологической традиции — речь идет о понимающей социологии, или культурсоциологии, М. Вебера, полагавшего, что изучение общества должно отталкиваться от истолкования культурного смысла человеческих действий [Weber 1959].

Разумеется, названными методологическими парадигмами «родословная» культуроцентристской научно-исследовательской программы не исчерпывается, однако именно в их пространстве формируется важное для осмысления ее сути представление о широком и узком ракурсах рассмотрения культуры. Как представляется, этот важный момент не учитывается оппонентами культуроцентризма, ставящими под сомнение его операциональность, ввиду многозначности понятия «культура» [Миненко 2006].

Действительно, если рассматривать культуру широко — с феноменальных позиций как вторую природу, мир искусственных, созданных человеком объектов, то идея культуроцентризма расплывается и методологически ничего не означает. Если же обратиться к узкому — ноуменальному, сущностному пониманию культуры как сферы ценностей и смыслов, мотивирующих процессы созидания второй природы, мира искусственных объектов, то идея культуроцентризма обретает четкость, методологическую определенность. Основу культуроцентристской научно-исследовательской программы составляет процедура экспликации ценностно-смысловых оснований человеческой деятельности и социального взаимодействия, что превращает герменевтику во всеобщий методологический фундамент социально-гуманитарного знания.

Актуализация культуроцентризма связана с радикальным эпистемологическим разрывом — сменой базовых теоретических понятий и способов объяснения, а вместе с ними и предмета научных исследований. В отечественной науке культуроцентризм возникает в результате кризиса формационного подхода и перехода к подходу цивилизационному. Суть этого перехода заключается в отказе от абсолютизации методологии объяснения и включения в исследовательский арсенал методологии понимания.

Критики культуроцентризма интерпретируют его как одну из форм методологического редукционизма. Например, Г. Н. Миненко полагает, что культуроцентризм есть не что иное, как «абсолютизация культурного детерминизма», вследствие которой ни биопсихологические, ни социальные детерминанты в расчет не принимаются [Миненко 2006].

Апологеты, напротив, связывают появление культуроцентризма с ориентацией на разработку концепции «целостной личности», «органичного социума»

в их взаимосвязи и единстве природного, социального и духовного компонентов [Сомкин 2011]. А. А. Кара-Мурза, А. С. Панарин, И. К. Пантин указывают: «Приходится также признать, что мышление значительной части сегодняшней российской элиты по-прежнему поражено застарелой болезнью одномерного техно- и эконоцентризма, связанного с некогда господствовавшим образом общества как “большой фабрики”. Этот образ совершенно неадекватен тенденциям надвигающейся постиндустриальной эпохи, требующей существенного преобразования общих парадигм научного мышления в духе *культуроцентризма и плюрализма*» [Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995, с. 9].

Действительно, на первый взгляд культуризм предстает как разновидность методологического редукционизма. Именно так толкует культуризм Н. О. Осипова, рассматривающая его как непреходящий и неотъемлемый аспект методологии современного гуманитарного знания, а культуриологию — как метанауку, принимающую на себя функции, ранее принадлежавшие философии [Осипова 2008].

Вместе с тем культуризм являет собой особую форму редукционизма, не сводящего сложное к простому, многообразное к единообразному, но, напротив, открывающего перспективы стереоскопического видения социальных, антропных явлений и процессов, во всем многообразии их аспектов и порождающих факторов.

Это происходит вследствие, во-первых, «текстуализации» этих явлений и процессов, т. е. восприятия человеческой деятельности и ее продуктов как подлежащих всесторонней реконструкции «культурных текстов»; во-вторых, выдвигания на первый план такого универсального метода, как метод герменевтики, не исключающий, а предполагающий альтернативные варианты понимания; в-третьих, направленности не на сведение социально-гуманитарного знания к знанию культуриологическому, а на синтез различных подходов, понимаемый как синтез различных интерпретаций, т. е. осмысление некультурицентристских подходов как иных интерпретационных проектов.

Таким образом, культуризм предстает как особая научно-исследовательская программа, в рамках которой не только социальные, антропные процессы и явления, но и сложившиеся социологические, антропологические способы их объяснения рассматриваются как подлежащие интерпретации и реинтерпретации продукты культуры. Тем самым культуризм достигает звания «метаподхода», т. е. особого подхода, не только открывающего новые перспективы видения реальности, но и не заслоняющего уже существующих.

Конечно, культуризм — продукт рефлексии не только первого, но и второго порядка, поскольку в пространстве порожденного им дискурса рассматривается не только социально-антропная реальность, но и уже сложившиеся способы ее рефлексии. Можно ли в таком случае считать, что культуриология призвана вытеснить философию?

Едва ли, поскольку культуроцентризм отнюдь не является прерогативой только культурологического знания, равно как, скажем, антропоцентризм нельзя считать «вотчиной» исключительно антропологии, а «социоцентризм» — социологии.

Следует отметить высокую эвристичность культуроцентризма как научно-исследовательской программы — экспансия культуроцентристских когнитивных практик в различные области науки: политологию (Х. Файнер, Г. Алмонд, С. Верба), социологию (Р. К. Мертон, Т. И. Заславская, А. С. Ахиезер), науку управления (Ч. Хенди, Г. Хофстеде), эволюционную эпистемологию и социологию науки (М. Малкей, Штарнбергская группа), стала пусковым механизмом «прорывных научных исследований», способствовала значительному росту научного знания.

В целом формирование понимающей социологии, понимающей политологии, понимающего менеджмента и даже понимающего естествознания можно уподобить революции в мышлении. Суть таковой заключается в том, что любое, даже широко обоснованное эмпирически, знание о мире начинает рассматриваться как знание, опосредованное культурой. Культуроцентризм неотделим от представления о «реляционной структуре человеческого знания» (К. Мангейм), обусловленности познания бытующей интерпретацией мира. Это обстоятельство огласил М. Малкей, полагающий, что эмпирические данные в науке пронизаны теоретическими и языковыми интерпретациями, что позволяет ученым конструировать различные объяснения реальности, активно используя имеющиеся в обществе языковые, символические, культурные ресурсы [Mulkey 2015].

Культуроцентризм как мировоззренческая позиция

Современная отечественная философия стоит перед проблемой формирования новой онтологии. Как представляется, парафраз евро-американских онтологических штудий — Спекулятивного реализма, Объектно-ориентированной онтологии, Акторно-сетевой теории и др., несомненно, интересен, но, так или иначе, загоняет российскую онтологическую мысль в ловушку «догоняющего развития».

Можно ли рассматривать культуроцентризм как аттрактор, стягивающий в единую систему сложившиеся представления о мире, человеке, обществе и, тем самым, закладывающий фундамент новой онтологии?

В определенном смысле — да. В макроскопическом видении культуры как человеческого по определению вида бытия идея культуроцентризма заключается в телеологическом позиционировании культуры как цели планетарной эволюции и особой творческой силы, призванной в дальнейшем координировать эту эволюцию. В таком прочтении понятие «культура» сопрягается с понятием

«ноосфера». В. И. Вернадский считал преобразование биосферы в ноосферу процессом, осуществляемым при помощи особого рода энергии — энергии человеческой культуры [Вернадский 1988]. Однако, как это ни печально, культура создает не только ноосферу как сферу разума. Будучи не просто исконно «человеческим», но «слишком человеческим» феноменом, культура является прародительницей и «атасферы» (Ф. А. Селиванов) — сферы глупости. Именно эта двойственность культуры, связанная с пересечением в ее пространстве ноосферы и атасферы, т. е., по сути, конструктивных и деструктивных сил, создает значительные препятствия на пути утверждения культуры как цели человеческого бытия. Современные исследователи решают эту проблему по-разному: например, М. Ю. Шишин, делает это посредством дифференциации культуры, вводя понятия «анти-культура» (разрушительные продукты и смыслы человеческой деятельности), «а-культура» (ценностно нейтральные продукты и смыслы человеческой деятельности) и «истинная культура» (продукты и смыслы человеческой деятельности, заданные высшими бытийными ценностями) [Шишин 2007].

Вместе с тем, как представляется, в определении культураноцентризма как мировоззренческой и онтологической позиции вопрос, условно говоря, «качества» культуры в некотором смысле является уже решенным в пользу «истинной культуры». Как, например, в случае с антропоцентризмом, когда ответ на вопрос о том, какого именно человека — хорошего или плохого — следует считать мерой всех вещей, был сам собой разумеющимся, поскольку человеческие пороки рассматривались как отклонения от нормы, т. е. не как субстанциональные, а как акциденциальные свойства.

Если говорить о предпосылках становления культураноцентризма как онтологической позиции, то наиглавнейшей из них следует признать состоявшееся в философии конца XIX — XX столетия переосмысление онтологического статуса культуры. Суть этого переосмысления — в преодолении сложившегося еще в Античности отношения к культуре как к эпифеномену, явлению по определению вторичному, производному и наделению культуры статусом особой, несводимой к другим, реальности. Такая метаморфоза повлекла переосмысление сложившейся в философии XX в. картины мира, в результате которой помимо таких подсистем бытия, как природа, человек, общество, была выделена и культура. Значительный вклад в это преобразование внес М. С. Каган, констатирующий: «Деятельность человека породила новую — четвертую — форму бытия — культуру». Заметим, что ученый репрезентирует культуру не просто как равную среди равных форму бытия, но как реальный способ связи природного и социального в человеке, т. е., условно говоря, как некоторую «соединительную субстанцию», связывающую различные формы бытия в единое целое [Каган 1996, с. 43, 46].

Еще дальше в этом направлении идет Ю. В. Ларин, рассматривающий культураноцентризм как мировоззренческий принцип не просто приходящий

на смену космоцентризму, теоцентризму, антропоцентризму и т. д., а как принцип, вбирающий в себя эти позиции [Ларин 2016].

Наконец, предельно радикален в понимании приоритета культуры над иными сферами бытия А. П. Назаретян, в видении которого выдвигание культуры на вершину бытия обусловлено прагматикой выживания. Нарастающая зависимость жизни человека от искусственных технологий превращает развитие культуры в главное условие его существования: «Квинтэссенцию “культуроцентризма” рискну выразить следующей гротескно заостренной формулировкой: в иерархии стратегических задач сохранение культуры важнее и, главное, реалистичнее сохранения эмпирического человека (или: искусство выше естества)» [Назаретян 1992, с. 183].

Итак, имеет ли право на существование культуροцентристская онтология? Несомненно, имеет, но при одном важном условии. Такая онтология вряд ли возможна в рамках эссенциалистской парадигмы. Рассмотрение культуры как сущностного основания мироздания, его исходного субстрата или эйдетического каркаса — нонсенс. Как, впрочем, нелепа и оценка культуροцентризма посредством апелляции к «советской школьной философии», схематически разделяющей сложившиеся онтологические системы на «материализм» и «идеализм».

Культуроцентристская онтология возможна лишь в рамках экзистенциальной парадигмы, в перспективе которой культура предстает как совокупность экзистенциалов — модусов человеческого существования, сложившихся смыслов, которые переосмысливаются в процессе обретения человеком своей самости, своего уникального, аутентичного смысла бытия. Конечно, речь не идет о простом «стяжании» искомых смыслов. Культура выступает как некий «семантический арсенал», без которого смыслообразование, будучи процессом смыслового синтеза, было бы неосуществимо. Таким образом, культуροцентризм выступает как основа «культуротворческого мировоззрения» (А. Швейцер), лежащего в основании процессов возрождения общества, его выхода из эволюционных тупиков.

Список литературы

- Антонова, Таранова 2011 — Антонова Е. Л., Таранова А. Е. Мультикультурализм и культурный консерватизм в контексте социокультурных трансформаций реформируемой России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 2. С. 20–24.
- Артановский 2004 — Артановский С. Н. Культура для человека или человек для культуры? Критика концепции культуροцентризма // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2004. № 1 (2). С. 165–166.
- Библер 1997 — Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.

- Вернадский 1988 — *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 522 с.
- Запесоцкий 2008 — *Запесоцкий А. С.* Идея культуроцентристской модели образования // Культурно-антропологические основы образовательной деятельности: к вопросу о разработке культуроцентристской модели высшего образования / под ред. А. С. Запесоцкого. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С. 11–26.
- Каган 1996 — *Каган М. С.* Философия культуры. СПб. : ИД «Петрополис», 1996. 415 с.
- Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995 — *Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 6–17.
- Ларин 2016 — *Ларин Ю. В.* Грёзы по культуре // Философия и культура. 2016. № 4 (100). С. 559–567.
- Марченко 2008 — *Марченко Ю. Г.* Особенности бытия русской культуры в постсоветский период С. 139–146.
- Миненко 2006 — *Миненко Г. Н.* Содержание и границы принципа культуроцентризма // Ученые записки научно-исследовательского института прикладной культурологии. Кемерово : Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2006. Т. 2. С. 11–22.
- Морозова 2011 — *Морозова О. Ф.* Культурные детерминанты социального управления : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М. : Гос. акад. славян. культуры, 2011. 51 с.
- Морозова 2014 — *Морозова О. Ф.* Культуроцентризм в управлении коммуникациями // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 140–144.
- Назаретян 1992 — *Назаретян А. П.* Беспределен ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах) // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 176–183.
- Осипова 2008 — *Осипова Н. О.* Культуроцентризм как аспект методологии современного гуманитарного знания // Высшее образование для XXI века : V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г. : доклады и материалы. Ч. 2 / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 19–23.
- Павлов 2017 — *Павлов А. В.* Перспектива неомодерна. Культуроцентризм // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 113–118.
- Панарин 1995 — *Панарин А. С.* «Конец либеральной эпохи» или культуроцентризм как постиндустриальная социокультурная «фаза ретро» // Полис. Политические исследования. 1995. № 1. С. 128–130.
- Панарин 2007 — *Панарин А. С.* К реконструкции «Второго мира» // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2007. № 2. С. 12–16.
- Сладкова 2015 — *Сладкова А. А.* Альтернатива деонтологизма и культуроцентризма в истолковании социальной легитимации // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Философия. 2015. № 2. С. 212–216.
- Сомкин 2011 — *Сомкин А. А.* Культуроцентризм как основное направление формирования современной социогуманитарной парадигмы [Электронный ресурс] // Межкультурная коммуникация в современном обществе : материалы II Междунар. науч. конф. Саранск, 26 сентября — 31 октября 2011 г. (Язык. Культура. Общество). Вып. 3. URL: <http://englishleo.ru/yazik/2011-21.php> (дата обращения: 27.09.2020).
- Толстых 2003 — *Толстых В. И.* Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / с предисл. и послесл. М. С. Горбачева. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 36–41.
- Федотова 2001 — *Федотова В. Г.* Социальные и гуманитарные науки и их функции в обществе // Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН, 2001. С. 78–89.
- Флиер 2011 — *Флиер А. Я.* Культурология 20-11. Авторский сборник эссе и статей. М. : Согласие, 2011. 560 с.
- Шишин 2007 — *Шишин М. Ю.* Онтология искусства с позиций ноосферного учения // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. 2007. № 1. С. 318–362.

- Шпак, Головацкий 2011 — Шпак Л. Л., Головацкий Е. В. Локализм и культуроцентричность в переходном обществе: социологический анализ // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3 (9). С. 33–46.
- Chiu, Hong 2005 — Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. Cultural Competence: Dynamic Processes // Handbook of competence and motivation / ed. by A. J. Elliot, C. S. Dweck. New York : Guilford Publications, 2005. P. 489–505.
- Ho 1995 — Ho D. Y. F. Internalized culture, culturocentrism, and transcendence // The Counseling Psychologist. 1995. Vol. 23 (1). P. 4–24.
- International Encyclopedia 1997 — International Encyclopedia of Systems and Cybernetics / ed. by Ch. Francois. Munich : K. G. Saur, 1997. 423 p.
- Mulkay 2015 — Mulkay M. J. Science and the Sociology of Knowledge. London : George Allent & Unwin, 2015. 120 p.
- Rickert 1921 — Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1921. 169 s.
- Weber 1959 — Weber K. M. Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik // Weber K. M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1959. S. 215–290.
- Wimmer 2002 — Wimmer F. M. Essays on Intercultural Philosophy. Chennai-Madras : Satya Nilayam Publications, 2002. 134 p.

References

- Antonova, E. L. and Taranova, A. E. (2011), “Multiculturalism and Cultural Conservatism in the Context of Socio-cultural Transformations of Reforming Russia”, *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 8, part 2, pp. 20–24 (in Russian).
- Artanovskii, S. N. (2004), “Culture for Humans or Human Culture? Criticism of the Concept of Culture-centrism”, *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, no. 1 (2), pp. 165–166 (in Russian).
- Bibler, V. S. (1997), *Na granyah logiki kul'tury. Kniga izbrannyh ocherkov* [On the Faces of the Logic of Culture. The Book of Selected Essays], Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Moscow, 440 p. (in Russian).
- Chiu, C.-Y. and Hong, Y.-Y. (2005), “Cultural Competence: Dynamic Processes”, in Elliot, A. J. and Dweck, C. S. (eds), *Handbook of competence and motivation*, Guilford Publications, New York, pp. 489–505.
- Fedotova, V. G. (2001), “Social Sciences and Humanities and their Functions in Society”, in Fedotova, V. G. (ed.), *Social'nye znaniya isocial'nye izmeneniya* [Social Knowledge and Social Change], IFRAN, Moscow, pp. 78–89 (in Russian).
- Flier, A. Ya. (2011), *Kul'turologiya 20 — 11. Avtorskij sbornik esse is tatej* [Culturology 20 — 11. Author's collection of Essays and Articles], Soglasie, Moscow, 560 p. (in Russian).
- Francois, Ch. (ed.) (1997), *International Encyclopedia of Systems and Cybernetics*, K. G. Saur, Munich, 423 p.
- Ho, D. Y. F. (1995), “Internalized Culture, Culture-centrism, and Transcendence”, *The Counseling Psychologist*, vol. 23 (1), pp. 4–24.
- Kagan, M. S. (1996), *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture], Petropolis, Saint Petersburg, 415 p. (in Russian).
- Kara-Murza, A. A., Panarin, A. S. and Pantin, I. K. (1995), “Spiritual-ideological Situation in Today's Russia: Prospective Evolution”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–14 (in Russian).
- Larin, Yu. V. (2016), “Dreams on Culture”, *Philosophy and Culture*, no. 4, pp. 559–567 (in Russian).
- Marchenko, Yu. G. (2008), “Peculiarities of Genesis of Russian Culture in the Post-Soviet Period”, *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 139–146 (in Russian).

- Minenko, G. N. (2006), "A Content and Scope of the Principle of Cultural Centrism", *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta prikladnoj kul'turologii*, vol. 2, pp. 11–22 (in Russian).
- Morozova, O. F. (2011), *Kul'turnye determinanty social'nogo upravleniya* [Cultural Determinants of Social Management], Abstract of D. Sc. Dissertation, Gosudarstvennaya akademiya slavyanskoi kul'tury, Moscow, 51 p. (in Russian).
- Morozova, O. F. (2014), "Cultural Centrism in the Management of Cultural Communications", *Psychology in Economics and Management*, no. 1, pp. 140–144 (in Russian).
- Mulkay, M. J. (2015), *Science and the Sociology of Knowledge*, George Allent& Unwin, London, 120 p.
- Nazaretyan, A. P. (1992), "Is Man Infinite? (One More Time about Humanism and its Palliatives)", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 176–183 (in Russian).
- Osipova, N. O. (2008), "Cultural Centrism as the Methodology of Modern Humanitarian Knowledge", in Kostina, A. V. (ed.), *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka, V mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Moskva, 13–15 noyabrya 2008 goda, doklady i materialy. Chast' 2* [Higher Education for the XXI Century: V International Scientific Conference. Moscow, November 13–15, 2008: Reports and Materials. Part 2], Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, pp. 19–23 (in Russian).
- Panarin, A. S. (1995), "'The End of Liberal Era' or Cultural Centrism as a Socio-cultural Post-industrial 'Phase' of the Retro", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 128–130 (in Russian).
- Panarin, A. S. (2007), "The Reconstruction of the 'Second World'", *Vestnik Bibliotechnoi Assamblei Evrazii*, no. 2, pp. 12–16 (in Russian).
- Pavlov, A. V. (2017), "Prospects of Neo-modernism. Cultural Centrism", *Society and Power*, no. 1, pp. 113–118 (in Russian).
- Rickert, H. (1921), *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, J. C. B. Mohr, Tübingen, 169 s.
- Shishin, M. Yu. (2007), "Ontology of Art from the Standpoint of Noosphere Doctrine", *Trudy ob"edinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshleniya*, no. 1, pp. 318–362 (in Russian).
- Shpak, L. L. and Golovackii, E. V. (2011), "Localism and Cultural Centricity in Transitive Society: the Sociological analysis", *Ideas and Ideals*, vol. 2, no. 3 (9), pp. 33–46 (in Russian).
- Sladkova, A. A. (2015), "The Alternative of Deontological and Culture-centered Approaches while Interpreting Social Legitimization", *Tver State University Vestnik. Series: Philosophy*, no. 2, pp. 212–216 (in Russian).
- Somkin, A. A. (2011), "Cultural Centrism as the Main Direction of the Formation of Modern Socio-humanitarian Paradigm", in *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom obshchestve : materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Saransk, 26 sentyabrya — 31 oktyabrya 2011 goda (Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo). Vypusk 3* [Cross-cultural Communication in Modern Society: Materials of the II international Scientific Conference. Saransk, September 26 — October 31, 2011 (Language. Culture. Society). Issue 3], available at: <http://englishleo.ru/yazik/2011-21.php> (accessed 27 September 2020).
- Tolstyh, V. I. (2003), "Global Challenges and the Search for the Answer: Socio-cultural Aspects", in Gorbachev, M. S. (ed.), *Grani globalizatsii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya* [Facets of Globalization: Difficult Issues of Modern Development], Al'pina Publisher, Moscow, pp. 36–41 (in Russian).
- Vernadskii, V. I. (1998), *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist], Nauka, Moscow, 522 p. (in Russian).
- Weber, K. M. (1959), "Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik", in Weber, K. M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, J. C. B. Mohr, Tubingen, ss. 215–290.
- Wimmer, F. M. (2002), *Essays on Intercultural Philosophy*, Satya Nilayam Publications, Chennai-Madras, 134 p.
- Zapesockii, A. S. (2008), "The Idea of Cultural-and-anthropological Model of Education", in Zapesockii, A. S. (ed.), *Kul'turno-antropologicheskie osnovy obrazovatel'noj deyatel'nosti: k voprosu o razrabotke kul'turocentristskoj modeli vysshego obrazovaniya* [Cultural and

Anthropological Foundations of Educational Activity: on the Development of a Culture-Centered Model of Higher Education], Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoyuzov, Saint Petersburg, pp. 11–26 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторе

Яркова Елена Николаевна
доктор философских наук, профессор
Тюменский государственный университет
625003, Россия, Тюмень,
ул. Володарского, 6
E-mail: mimus.lena@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8914-2333

Information about the author

Yarkova, Elena Nikolaevna
D. Sci. (Philosophy), Professor
Tyumen State University
6 Volodarskogo St., Tyumen
625003 Russia
E-mail: mimus.lena@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8914-2333

МАКРОПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА «БОЛЬШОЙ ГРАНИЦЫ» В ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Л. А. Закс

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье обсуждается проблема «большой границы» между новейшим искусством второй половины XX — начала XXI в. и искусством традиционным, каким оно было на протяжении тысячелетий. Обозначается зона основных различий между этими двумя типами искусства, выражающихся в радикально новых свойствах языка, содержательности и восприятия новейшего искусства, в появлении новых типов художественного творчества (арт-объекты, инсталляции, перформансы, цифровое искусство, современный танец, постдраматический театр). В то же время отмечается показательная эволюция самого традиционного искусства наших дней, сближающая его с искусством новейшим. В статье предлагается гипотеза центрального основания-причины радикальных перемен в искусстве. В основе любой художественной деятельности и ее произведений лежит определенный тип художественного мироотношения. Изменяясь, оно веками сохраняло неизменными черты своей базовой парадигмы. Сущность ее определяется автором как натуроцентризм. Радикальная эволюция современной цивилизации отодвигает природу на второй план, ставит в центр бытия людей культуру и приводит к рождению культуросцентристской парадигмы художественного сознания. В статье она характеризуется в своих общих чертах, определяющих радикальную новизну современного искусства. Главная особенность такого искусства — доминирование в сознании и текстах культуры и ее отдельных феноменов как особой самобытной и самоценной реальности и устремленность к репрезентации и освоению собственных многочисленных свойств культуры как таковой. Начиная с ее сделанности людьми («искусственности»), семиотичности, деятельностности и креативности, коммуникативности и особой информативности, традиционности и многих других. Культуросцентристское искусство уходит от репрезентации обыденных жизненных событий, рассказывания «историй из жизни», воссоздания подробностей психологии и психологических отношений людей. Зато тяготеет к выделению и типологизации способов и продуктов деятельности людей, их каталогизации, к анализу структур культурной памяти, языков и текстов, к проблематизации отношений культурного и природного. Отмечается недостаточная

осознанность культуроцентризма теоретиками и практиками новейшего искусства, но также и опыт такого осознания.

Ключевые слова: традиционное и новейшее искусство, художественное сознание, художественное мироотношение, макропарадигма художественного сознания, натуроцентристская парадигма традиционного искусства, культуроцентристская парадигма новейшего искусства, границы между типами искусства.

Для цитирования: Закс Л. А. Макропарадигмы художественного сознания как основа «большой границы» в искусстве современности // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 216–229. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.011

MACROPARADIGMS OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS AS A BASIS OF “GREAT BORDER” IN PRESENT-DAY ART

L. A. Zaks

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article discusses the problem of “great border” between the newest art of the latter part of the 20th century and the early 21st century and traditional art as it has been existed throughout millennia. A zone of major differences between these two types of art reflected in radically new features of language, richness and perception of the latest art, in emergence of new forms of artwork (art-objects, installations, performances, digital art, contemporary dance, post-drama theater) is expressed. At the same time the illustrative evolution of the very traditional art of today which brings it and the latest art together is emphasized. The article proposes a hypothesis of a central foundation-reason for transformative changes in art. The foundation of any artistic activity and artistic creation rests on a certain type of artistic attitude-towards-the world. Through alterations it has maintained the features of its basic paradigm unchanged. The author defines its essence as nature-centeredness. The radical evolution of modern civilization overshadows nature, places culture at the heart of people existence and results in the birth of a culture-centered paradigm of artistic consciousness. The article outlines its general characteristics defining the radical novelty of the present-day art. The key feature of such art is dominance in culture texts and some of its phenomena as a specific distinct and intrinsically valuable reality and a quest for the representation and internalization of its own diverse features of culture per se starting with its man-made (“artificial”), semiotic, activity-based, creative, communication, particular informative, tradition-driven nature and many others. Culture-centered art walks away from representing routine life events, telling “true stories”, reconstructing psychology and psychological relationships of people in every detail. Instead, it is turning towards accentuation and typology of ways and people life’ products, their

cataloguing, towards analysis of culture memory, language and text structures, towards problematization of the relationship between the cultural and the natural. Insufficient awareness of culture-centeredness expressed by theoreticians and practitioners of the latest art alongside with experiences of such awareness is mentioned.

Keywords: traditional and contemporary art, artistic consciousness, artistic world view, macro-paradigm of artistic world view, nature-centered paradigm of traditional art, culture-centered paradigm of contemporary art, boundaries between types of art.

For citation: Zaks, L. A. (2020), "Macroparadigms of Artistic Consciousness as a Basis of 'Great Border' in Present-day Art", *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 216–229 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.011

Среди многих границ в современном мире искусства *эта* выделяется особо. Она наиболее рельефна, «радикальна», масштабна и заметна, выразительна (по силе ее дифференцирующего/разграничивающего эффекта). Однако пока внятно и убедительно не осмыслена природа радикальности этого ее, сегодня уже можно признать, универсального для мира искусств эффекта. Не осмыслены и не получили убедительного объяснения ни ее универсальность для мира искусств, ни ее истоки-основания. Речь идет о границе между традиционным и новейшим (именуемым в сфере пространственных искусств — актуальным) искусством. На фоне последнего с его радикальной новизной даже многие авангардистские произведения первой половины XX в. попадают в разряд «традиционного», обнаруживая внутреннее родство с классикой многих прошлых столетий. При всех зримых различиях, между Пуссенем и Пикассо, Энгром и Малевичем единства-родства больше, чем у Пикассо и Малевича — с поп-артом, Кабаковым или Яном Фабром.

До попытки объяснения, выдвижения идеи-гипотезы причины «тектонического сдвига» во всем мире искусства во второй половине XX — начале XXI в. зафиксируем/констатируем сами радикальные изменения (= новизну), произошедшие в искусстве: а) в пространственных (бывших «изобразительных») искусствах — это, прежде всего, доминирование арт-объектов с их множеством модификаций (вещи; инсталляции; «минималистские» объекты-знаки вроде букв, цифр, цитат; инвайронменты и «лэнд-арт»; перформативные объекты и акционистское искусство); численность искусствоведческих и философско-эстетических исследований актуального искусства стремительно и постоянно растет (см., напр.: [Агамов-Тупицын 2018; Агамов-Тупицын 2013; Бакштейн 2015; Бакштейн 2018; Бонами 2017; Боровский 2017; Буррио 2016; Бухло 2016; Гомперц 2018; Гройс 2018; Гройс 2003; Гройс 2016; Искусство с 1900 года 2015; Кабаков, Гройс 1999; Каррьеро 2010; Краусс 2017; Мизиано 2004; О’Догерти 2015; Павленский

2016; Фишер-Лихте 2015; Ямпольский 2015; Bruskin 2015; Rebentisch 2013; THEATRUM ORBIS MMXVII 2017]); б) радикальные «мутации» в других традиционных искусствах: рождение принципиально новых по языку и содержанию contemporary dance (см.: [Суриц 2004; Кауе 1994]), постдраматического театра (см.: [Гёббельс 2015; Годер 2012; Давыдова 2018; Леман 2013; Фишер-Лихте 2015]); новейшей музыки с ее неклассическими видами «сочинительства» и семантики (в небесспорной по интерпретации терминологии В. Мартынова «opus-post» ([Мартынов 2005; Мартынов 2002]; см. также: [Обрист 2015]); новые контенты и формы в кинематографе (см., напр.: [Трофименков 2019; Шон 2018]); новая содержательность и социокультурная жизнь архитектуры; в) искусство на основе новейших медиатехнологий («цифровое искусство») (см.: [Вайбель 2011; Киттлер 2009; Пол 2017]). Перемены в каждом виде искусства связаны с его спецификой, но, что здесь для нас более значимо, в них есть важные, сущностные сходства. Обозначим, на наш взгляд, основные из них.

1. Вместо доминировавшего и безусловно ощутимого воспринимаемыми *удвоения мира* — работа с самой реальностью, придание ей как таковой (или выявление в ней) ее собственной («имманентной») текстуальности, экспрессивности, смыслоносности и открыто демонстрируемой, даже сознательно акцентируемой «сделанности», что позволяет, кажется, непосредственно взятые из первой реальности объекты превращать в художественную реальность (открытие, сделанное еще в начале XX в. М. Дюшаном, но остававшееся до второй половины века исключением (поп-арт), а в искусстве арт-объектов или в акционизме ставшее правилом).

2. Черты поэтики и семантики: ослабление (и даже нередко устранение) конкретной жизненной *событийности* и *нарративности*; *концептуализация* и *обобщенность/символичность* художественной информации; существенная и распространенная «вширь» интеллектуализация содержания, формы и рецепции: «концепты» становятся ментально-логической основой практически всего новейшего искусства, а не только «концептуализма», широкое распространение основанного на знаниях и опыте больших масс, деиндивидуализированного и тяготеющего к открытой демонстративной знаковости (маска, схема, формула) художественного обобщения, открытого А. В. Гулыгой и названного им «типологизацией» [Гулыга 1978]; акцент на тяготеющей, чаще всего (в традиционном искусстве), к имплицитности *технологической* стороне творчества, произведения и восприятия, когда для всех участников художественной коммуникации «как?» (причем не только форма и язык, но и способы работы с ними) становится такой же значимой частью художественной информации и целью, как и «что?»; значительное усиление момента *рефлексивности* (самоотчетности) творчества и мира художественных произведений.

3. Всё сказанное меняет стратегии и тактики художественного восприятия, требующего отныне осознанного «художественного поведения» реципиента, соединяющего декодирование сложного текста, освоение и поведенческую/практическую реализацию способа/метода создания всего произведения: текста и образа (художественной реальности), со-бытие с (в) ней и ее интерпретацию; осмысленной целенаправленной актуализации часто многоплановой горизонтности и контекстуальности высказывания. Если раньше «контент» сравнительно легко считывался реципиентом на основе личного эмпирического опыта, сравнения с «прообразами» — благодаря жизненной (предметно-событийной, «фабульно-сюжетной») и/или ценностно-эмоциональной миметичности образов, то теперь между визуальной констатацией/опознанием и прочтением содержания текста существует разрыв, или пробел. С. Сонтаг предлагала ликвидировать его с помощью возвращения к доминанте непосредственного восприятия/воздействия произведения [Сонтаг 2014]. Но ведь в современном искусстве нередко уже само единичное («фактическое») в высказывании непонятно реципиентам, не пробуждает их чувств. А уж уровень обобщения — идейно-смысловые концепты и горизонты, интертекстуальные связи и опосредования, культурно-контекстуальные основания информативности — и подавно. Волей-неволей тем, у кого есть желание и терпение понимать новейшее искусство, приходится осознавать, что они имеют дело с *другой* реальностью со своими собственными целями, содержанием, способами выражения и трансляции информации, диктующими новые законы и алгоритмы ее восприятия. Но и в этом случае нужны специальные усилия и особые осознанные ориентации/установки реципиентов, их готовность к преодолению «оков»/шор старого опыта и обретению опыта нового, принципиально иного, чем старый, укорененный в многолетних художественных привычках. Тут не обойтись без квалифицированной помощи, что рождает новые функции и повышает значимость искусствоведов в современной художественной культуре.

В то же время радикальность отличий новейшего искусства от традиционного не отменяет проницаемости границ между ними, наоборот — детерминирует их взаимопритяжение (как, например, в глубокой живописи и графике А. Кифера (см.: [Kiefer 2016; Kiefer 2017]) или в фильмах А. Сокурова и А. Федорченко). Примечательно: и в традиционных искусствах — в рамках присущих им особенностей — мы замечаем родственные изменения, доминантные для искусства новейшего:

1. Всё чаще в поле внимания и в содержание «миметических» визуальных искусств попадают «искусственные» явления = артефакты цивилизаций современности и прошлого. Например, в традиционной литературе это не только необычайно популярные сегодня энциклопедии и справочники, но и «художественная» (так называемая фикциональная) литература. Для примера

назову книги таких известных и никогда не замеченных в формально-языковых экспериментах писателей, как А. Кабаков («Камера хранения») и Д. Гранин («Ленинградский каталог»). Оригинальное и очень популярное сейчас творчество театрального режиссера Д. Крымова вполне могло бы быть названо «театром вещей»: они не только «оформляют» действие, но и постоянно выступают главными действующими героями — живыми персонажами его спектаклей («Демон. Вид сверху», «Опус номер 7», «Тарарабумбия»). Наконец, назову замечательный альбом петербургского фотографа В. Антощенкова «Артефакты» — пример вдумчивого взглядывания, созерцания-погружения человека в мир самых разных технических средств — в их самобытности, функциональности, выразительных отношениях с природной средой и собственном очень современном эстетизме. А весь альбом в своем целом вырастает в глубокий философско-художественный, исполненный глубины и высокого символизма текст о великом предметном мире культуры.

2. Знакомые схемы сюжетно-нарративного мышления сменяются на новую композиционность и содержательность — «собрания» информации и/или ее культурных носителей: образов, исторических описаний, «случаев», анекдотов, фактов, понятий и терминов (словари и энциклопедии). Это культурные «тезаурусы» — своего рода духовно-ценностные, актуализирующие высшую содержательность культуры архивы, художественными средствами построенные и работающие. Как книги А. Битова об Армении и Грузии, как напичканные культурными «подробностями», совсем не обязательными для интриги, сюжета, детективные романы У. Эко или будто бы актуализирующий творчество сразу двух больших поэтов, а заодно географические, фольклорные, этнографические, естественно-научные истоки этого творчества роман А. Байетт «Обладать». Таков же характер многочисленных «альбомов» культурных стилизаций композиторов, сохраняющих верность тональности, мелодии и гармонии: А. Шнитке, Э. Артемьева, В. Дашкевича.

3. Уже сказанное, а также и многое, о чем сказать тут нет возможности, позволяет сделать вывод: в центр интересов и традиционного искусства — пусть и в привычном, чаще всего опосредованном жизненно-психологическим событийным рядом, ключе — всё чаще попадает проблематика культуры, причем именно культуры как таковой: не столько как стороны и само собой разумеющегося, часто не осознаваемого «средства жизни» людей, сколько как особой в своем бытии и самоценности реальности.

4. Всё чаще и традиционные искусства работают не с «событиями» жизни, а с ее культурными основами: формами/структурами, символическими порядками и знаковыми системами, алгоритмами, стереотипами, культурными (не по Юнгу) архетипами, универсальными культурными «свойствами»: семиотичностью, информативностью, коммуникативностью, «памятливостью», традиционностью и креативностью, наконец, рефлексивностью как таковыми.

Что же лежит в основе этих и других проявлений радикальной новизны современного искусства, а соответственно, различий и созданных ими глубоких границ между традиционным и новейшим искусством? То же, что лежит в основе всех принципиальных типологических сходств и различий в искусстве между индивидуальностями, течениями и направлениями. Потому что является сокровенной субъективной основой творчества и совершающего его художественного сознания (ХС). Это системообразующая для ХС глубинная структура-матрица, связывающая воедино все существенные грани осваивающей позиции искусства по отношению к миру (объект, предмет и цели освоения, то, что называют «концепцией мира» и «видением мира», в том числе видение самого искусства). А все целое, этот духовный генотип ХС и его творчества, есть *художественное мироотношение*.

Для всех конкретных своих реализаций — произведений — свойственное искусству разных культурных эпох, направлений, течений и индивидуально-стей художественное мироотношение носит порождающий, или *парадигмальный*, характер. Так вот со времен Верхнего Палеолита до второй половины XX в. историческая эволюция художественного мироотношения и рождаемого им искусства, постоянно внося в них существенные и множественные изменения, всё же «укладывалась» в единую логику фундаментальной глубинной «макропарадигмы» (новаторские отклонения-выпадения из нее — нечастые исключения в истории искусства, в основном первой половины XX в., хотя примеры такого рода имели место и в искусстве Ренессанса, барокко, романтизма). Важнейшая, конститутивная черта этой «большой парадигмы»: по объекту-предмету и цели освоения это доминанта *природы* и ее ближайшей к людям «составляющей»: *человеческой жизни* во всем их предметно-событийном богатстве/конкретике и духовно-смысловой содержательности. Вторая, свойственная искусству с самого начала его существования, особенность-доминанта: *репрезентация* реальности автоматически и органически была связана с первой: *мимесис* — это «подражание» именно природе, в том числе и прежде всего — жизни людей. И эстетические устремления искусства тысячелетиями были связаны с природой и жизнью людей, которые (при всем их меняющемся видении и понимании) — и главные эстетически значимые объекты, и высшая цель, и источник эталонов-образцов, и сами в своем самобытии, самозаконности и самоценности высший эстетический образец. «Прекрасное есть жизнь» (Чернышевский). Даже столь радикально ушедшие от репрезентации конкретных чувственных объектов Кандинский с Малевичем, как и, скажем, сюрреалисты, понимая «природу» по-своему, всё же остаются в границах *натуроцентристской, жизнецентристской парадигмы ХС*.

Революционное отличие новейшего искусства (не считая отдельных предтеч, со второй половины XX в.) заключается в принципиально новом:

культуроцентристском мироотношении¹. Важнейшие его черты определяются «захваченностью» ХС *особой и всё более доминирующей в общественной и частной жизни людей реальностью культуры в самом широком значении этого слова — как всей «искусственной», созданной человеческой деятельностью реальностью. Ее требующими осознания и освоения свойствами: предметными, деятельностными, структурно-организационными, семиотическими, коммуникативными, ментальными, рефлексивными* (подробнее о культууроцентристской парадигме ХС и определяемых ею особенностях новейшего искусства см.: [Закс 2017]). *Объективной целью новейшего искусства и выступает творческое образное освоение культуры как особой сферы и формы бытия, связанной с природой, обществом и человеком, но обладающей собственной нередуцируемой спецификой, собственной логикой (закономерностями), феноменологией, предметно-смысловым содержанием и онтологией.* И в этой своей самобытности и суверенности оказывающей решающее влияние на настоящее и будущее человечества, на образ жизни и сознание современных людей. У культуры и ее социокультурного «тела» — цивилизации огромные, веками накопленные ресурсы и творческие возможности, открывающие небывалые перспективы жизни и развития человечества. Но у них также множество проблем и противоречий, рождающих всё более тревожащие мыслящую часть общества риски и угрозы. И все это умножает необходимость освоения реальности культуры во всей ее сложности, самобытности и влиятельности творческими силами самой культуры: наукой, философией, моралью и нравственностью и, конечно, искусством.

Именно этой социокультурной необходимостью, по моей концепции, и определяются особая содержательность, семиотика, поэтика и эстетика новейшего искусства, в том числе пространственного. Что пока совсем не (или недостаточно) осознается как творцами, так и исследователями этого искусства. Но сами реальные арт-практики и создаваемые ими новые, нетрадиционные художественные ценности с их уже отмеченными выше и другими, требующими специального анализа особенностями все рельефней манифестируют свою культууроцентричность. И получают всё большее осознание влиятельных субъектов современной художественной культуры. Свежий пример: виднейший

¹ Этот, несомненно, наиболее радикальный за всю историю искусства (и пока во многих отношениях еще в полной мере не осуществленный, проблематический) сдвиг — метаморфоза ХС порождена происходящими во второй половине XX — начале XXI в. фундаментальными изменениями в присущем людям способе существования, называемом культурой, прежде всего научно-технологической революцией и связанными с этим радикальными трансформациями места человечества и его культуры в мире, соотношения культуры и природы. Суть этой второй по значимости революции (со времен неолитической революции на заре человечества) заключается в превращении (для человечества) культуры из «второй природы» в первую, главную (о чем подробно говорить здесь нет возможности; см. об этом мою статью: [Закс 2018]).

представитель российского постдраматического театра Константин Богомолов в связи с недавней премьерой своего спектакля «Ай фак» (по роману В. Пелевина) признался (в интервью Денису Катаеву, ТК «Дождь», программа «Выход в люди»), что все последние годы его волнуют не частные проблемы экономики, политики или любви, какого-то конкретного общественного устройства и т. п., а *проблемы цивилизации*. Существенно, что спектакль Богомолова — о будущем, где доминирует искусственный интеллект, где даже натуральный секс заменен искусственным, опосредованным ИТ-технологиями.

Но и в пространственных искусствах субъекты всё более проявляют осознанный культуроцентризм. Вообще говоря, такой осознанный культуроцентризм воплощен уже в творчестве пионера новейшего искусства, создателя поп-арта Энди Уорхола, последовательно репрезентирующего и многозначно осмысляющего феномен массовой культуры. Сегодня культуроцентристская направленность осознается в новом масштабе. Репрезентантом культуры и способом ее осмысления всё чаще выступают масштабные выставочные проекты, образующие единый культуроцентристский гипертекст. Примером могла бы служить основная экспозиция венецианской биеннале-2015 [La Biennale di Venezia 2015], расположенная на двух отдаленных друг от друга площадках. Прочитую собственную статью. «Каждая из этих площадок (Джардини и Арсенале) сами представляют гигантские гипертексты, включающие множество пространств-павильонов со множеством разнородных по жизненному материалу, языку, эстетическому, мировоззренческому и стилевому своеобразие авторских экспозиций-высказываний. Все это объединено в сложное пространственно-временное целое концептуальным видением (резюмируемым масштабной темой-названием «Все будущие мира») и мощной формообразующей волей организатора-куратора основной экспозиции нигерийца Оквуи Энвезора. Он, как ясно из сказанного, не просто организатор — он подлинный автор-творец этого впечатляющего художественного гипертекста. Создать который может только союз художественного воображения, эстетической интуиции — и оснащенного богатством знаний и технологий, в буквальном смысле научно-философского интеллекта (Энвезор и есть высокообразованный профессиональный философ культуры). А аутентично прочесть и интерпретировать этот гипертекст в непосредственном опыте рядовому посетителю биеннале практически невозможно без «декодирующего» замысел Энвезора сопровождения, начиная от печатных «гидов»-каталогов (большого и малого), многочисленных конкретных пояснений «по ходу» осмотра экспозиции — и кончая реконструирующей сложное целое основной экспозиции интерпретационно-оценочной работой арт-критиков и журналистов» [Закс 2017, с. 92]. Так моделируется и становится объектом переживания и рефлексии сложный образ современного мира культуры в его многоплановом видовом и предметно-ценностном многообразии, причем биеннальный гипертекст одновременно

оказывается и способом авторефлексии самого современного искусства, подходов, механизмов и свойств «обслуживающей» — реализующей его работу новейшей художественной культуры.

Понятно, что рецепция, как и социальное признание, реальная понятность и популярность такого искусства, не может быть простой и «автоматической». Всё это требует не только специальной подготовки, но также немалой эрудиции и особенно глубокой внутренней приобщенности к системе культуры, ее богатой содержательности и сложной жизни. Но и новейшему искусству придется пройти свою часть пути навстречу воспитанным на традиционном искусстве людям, учесть специфику и проверенный веками опыт его воздействия. Безжизненное или, точнее, внежизненное или, еще точнее, *мета*жизненное культуранцентристское творчество вряд ли может рассчитывать на глубокий эмоциональный отклик многих людей, воспитанных веками жизнелюбивого искусства, а главное, продолжающих и в новой социокультурной реальности жить своей обычной жизнью, ее (= своими) заботами и проблемами. Но интерес людей, особенно молодежи, к новому искусству дает основания надеяться, что оно — после периода освоения и привыкания — будет понято и принято. Как закономерная часть современной цивилизации.

Список литературы

- Агамов-Тупицын 2013 — *Агамов-Тупицын В.* Круг общения. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 288 с.
- Агамов-Тупицын 2018 — *Агамов-Тупицын В.* Бесполое воздухоплавание: статьи, рецензии и разговоры с художниками. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 360 с.
- Бакштейн 2015 — *Бакштейн И.* Внутри картины: Статьи и диалоги о современном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 464 с.
- Бакштейн 2018 — *Бакштейн И.* Статьи и диалоги. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 272 с.
- Бонами 2017 — *Бонами Ф.* Я тоже так могу. Почему современное искусство все-таки искусство / пер. с ит. К. Мискарян. М. : V-A-C press, 2017. 280 с.
- Боровский 2017 — *Боровский А. Д.* Как-то раз Завкис с Паррасием... Современное искусство: практические наблюдения. М. : Центрполиграф, 2017. 319 с.
- Буррио 2016 — *Буррио Н.* Реляционная эстетика. Постпродукция / пер. с франц. А. Шестакова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
- Бухло 2016 — *Бухло Б. Х. Д.* Неоавангард и культурная индустрия. Статьи о европейском и американском искусстве 1955–1975 годов / пер. с англ. Д. Потёмкина. М. : V-A-C press, 2016. 720 с.
- Вайбель 2011 — *Вайбель П.* 10++ программных текстов для возможных миров / пер. с нем. О. Никифорова и Б. Скуратова. М. : Логос-Гнозис, 2011. 304 с.
- Гёббельс 2015 — *Гёббельс Х.* Эстетика отсутствия. Тексты о музыке и театре / пер. с нем. О. Федяниной. М. : Театр и его дневник, 2015. 272 с.
- Годер 2012 — *Годер Д.* Художники, визионеры, циркачи: очерки визуального театра. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 240 с.
- Гомперц 2018 — *Гомперц У.* Непонятное искусство. От Монэ до Бэнкси / пер. с англ. И. Литвиновой. М. : Синдбад, 2018. 464 с.
- Гройс 2003 — *Гройс Б.* Комментарии к искусству. М. : Художественный журнал, 2003. 342 с.
- Гройс 2016 — *Гройс Б.* Статьи об Илье Кабакове. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 136 с.

- Гройс 2018 — *Гройс Б.* В потоке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 308 с.
- Гулыга 1978 — *Гулыга А. В.* Искусство в век науки. М. : Наука, 1978. 183 с.
- Давыдова 2018 — *Давыдова М.* Культура Зего. Очерки русской жизни и европейской сцены. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
- Закс 2017 — *Закс Л. А.* К познанию специфики современного искусства: культуроцентристская парадигма художественного сознания // Художественная специфика и социальный потенциал современного искусства : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 43–104.
- Закс 2018 — *Закс Л. А.* Современная эволюция/революция культуры и формирование культуроцентристской парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 4 (182). С. 40–52.
- Искусство с 1900 года 2015 — Искусство с 1900 года. Модернизм, антимодернизм, постмодернизм / Х. Фостер и др. ; пер. с англ. под ред. А. Фоменко, А. Шестакова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 821 с.
- Кабаков, Гройс 1999 — *Кабаков И., Гройс Б.* Диалоги (1990–1994). М. : Ad Marginem, 1999. 191 с.
- Каррьеро 2010 — *Каррьеро К.* Потребление и поп-арт / пер. с англ. Е. Балаховской, Г. Смирнова. М. : Искусство-XXI век, 2010. 320 с.
- Киттлер 2009 — *Киттлер Ф.* Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года / пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М. : Логос, 2009. 272 с.
- Краусс 2017 — *Краусс Р.* «Путешествие по Северному морю»: искусство в эпоху постмедиальности / пер. с англ. А. Шестакова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 104 с.
- Леман 2013 — *Леман Х.-Т.* Постдраматический театр / пер. с нем. Н. Исаевой. М. : ABCdesign, 2013. 312 с.
- Мартынов 2002 — *Мартынов В. И.* Конец времени композиторов / послесл. Т. Чередниченко. М. : Русский путь, 2002. 296 с.
- Мартынов 2005 — *Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2005. 288 с.
- Мизиано 2004 — *Мизиано В.* «Другой» и разные. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 304 с.
- Обрист 2015 — *Обрист Х. У.* Краткая история новой музыки / пер. с англ. С. Кузнецовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 280 с.
- О’Догерти 2015 — *О’Догерти Б.* Внутри белого куба / пер. с англ. Д. Прохоровой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.
- Павленский 2016 — *Павленский П.* О русском акционизме. М. : АСТ, 2016. 288 с.
- Пол 2017 — *Пол К.* Цифровое искусство / пер. с англ. А. Глебовской. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 272 с.
- Сонтаг 2014 — *Сонтаг С.* Против интерпретации и другие эссе / пер. с англ. Б. Дубина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
- Суриц 2004 — *Суриц Е. Я.* Балет и танец в Америке : очерки истории. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. 392 с.
- Трофименков 2019 — *Трофименков М.* Культурное кино. М. : Эксмо, 2019. 288 с.
- Фишер-Лихте 2015 — *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской. М. : Международное театральное агентство «Play & Play» : Канон+, 2015. 376 с.
- Шон 2018 — *Шон Т.* Тарантино. От криминального до омерзительного. Все грани режиссера / пер. с англ. Д. Сажинной, И. Шальной. М. : Бомбора, 2018. 256 с.
- Ямпольский 2015 — *Ямпольский М.* Живописный гнозис. М. : Ш. П. Бреус, 2015. 144 с.
- Bruskin 2015 — *Bruskin G.* An Archaeologist’s Collection. CSAR ; Terra Ferma Edizioni, 2015. 142 p.
- Kaye 1994 — *Kaye N.* Modern Dance and the Modernist Work // Postmodernism and performance. New York : St. Martin’s Press, 1994. P. 71–90.
- Kiefer 2016 — *Kiefer A.* Die Holzschnitte. Wien : Albertina : Hatje Cantz, 2016. 159 p.
- Kiefer 2017 — *Kiefer A.* Works from the Hall Collection. Scira Rizzoli Publication, Inc., 2017. 239 p.

- La Biennale di Venezia 2015 — La Biennale di Venezia. 56 International Art Exhibition. All the World's Futures. Catalog production. Venice, Italy : Marsilio Editori, 2015. 393 p.
- Rebentisch 2013 — *Rebentisch J.* Theorien der Gegenwartkunst zur Einfuhrung. Hamburg : Junius Verlag GmbH, 2013. 256 p.
- THEATRUM ORBIS MMXVII 2017 — THEATRUM ORBIS MMXVII — Russian Pavilion at the 57th International Art Exhibition — La Biennale di Venezia 13 May — 26 November 2017. Marsilio Edizioni, 2017. 201 p.

References

- Agamov-Tupitsyn, V. (2013), *Krug obshcheniia* [Social Circle], Ad Marginem Press Publ., Moscow, 288 p. (in Russian).
- Agamov-Tupitsyn, V. (2018), *Bespoletnoe vozdukhoplavanie: stat'i, retsenzii i razgovory s khudozhnikami* ["No-fly" Aeronautics: Articles, Reviews and Talks with Artists], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, 360 p. (in Russian).
- Foster, H., Krauss, R., Bois, Y.-A., Buchloh, B. H. D. and Joselit, D. (2015), *Art Since 1900: Modernism, Antimodernism, Postmodernism*, translated by Abdushelishvili, G., Bobrikov, A., Gavrikova, O., Yermakova, P., Kurova, E., Okhnich, V. et al., Ad Marginem Publ., Moscow, 816 p. (in Russian).
- Bakshtein, I. (2015), *Vnutri kartiny: Stat'i i dialogi o sovremennom iskusstve* [Inside a Painting: Essays and Dialogues about Present-day Art], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, 464 p. (in Russian).
- Bakshtein, I. (2018), *Stat'i i dialogi* [Articles and Dialogues], Ad Marginem Press Publ., Moscow, 272 p. (in Russian).
- Bonami, F. (2017), *Lo Potevo Fare Anch'io. Perché L'arte Contemporanea è Davvero Arte*, translated by Miskaryan, K., V-A-C press Publ., Moscow, 280 p. (in Russian).
- Borovskii, A. D. (2017), *Kak-to raz Zavskis s Parrasiem...Sovremennoe iskusstvo: prakticheskie nabludeniia* [Once Zeuxis and Parrhasius... Today's Art: Practical Observations], Tsentrpoligraf Publ., Moscow, 319 p. (in Russian).
- Bourriaud, N. (2016), *Relational Aesthetics. Postproduction*, translated by Shestakov, A., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 216 p. (in Russian).
- Bruskin, G. (2015), *An Archaeologist's Collection — CSAR*, Terra Ferma Edizioni Publ., 142 p.
- Bukhlo, B. Kh. D. (2016), *Neo-Avantgarde and Culture Industry: Essays on European and American Art from 1955 to 1975*, translated by Potemkin, D., V-A-C press Publ., Moscow, 720 p. (in Russian).
- Carriero, C. (2010), *Il Consumo Della Pop Art*, translated by Balakhovskaya, E. and Smirnov, G., *Iskusstvo-21 vek* Publ., Moscow, 320 p. (in Russian).
- Davydova, M. (2018), *Kul'tura Zero. Ocherki russkoi zhizni i evropeiskoi stseny* [Zero Culture. Essays on Russian Life and European Stage (Scene)], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, 328 p. (in Russian).
- Fischer-Lichte, E. (2015), *Ästhetik des Performativen*, translated by Kandinskaya, N., Play & Play, Kanon+ Publ., Moscow, 376 p. (in Russian).
- Goder, D. (2012), *Khudozhniki, vizionery, tsirkachi: ocherki vizual'nogo teatra* [Artists, Visionary Painters, Circus Men: Essays on Visual Theater], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, 240 p. (in Russian).
- Goebbels, H. (2015), *Aesthetics of Absence: Texts on Theatre*, translated by Fedyanina, O., *Teatr i ego dnevniki* Publ., Moscow, 272 p. (in Russian).
- Gompertz, W. (2018), *What are You Looking at? 150 Years of Modern Art in the Blink of an Eye*, translated by Litvinova, I., Sindbad Publ., Moscow, 464 p. (in Russian).
- Grois, B. (2003), *Kommentarii k iskusstvu* [Comments on Art], *Khudozhestvennyi zhurnal* Publ., Moscow, 342 p. (in Russian).
- Grois, B. (2016), *Stat'i ob Il'e Kabakove* [Essays on Iliya Kabakov], Ad Marginem Press Publ., Moscow, 136 p. (in Russian).
- Grois, B. (2018), *V potoke* [In the Flow], Ad Marginem Press Publ., Moscow, 308 p. (in Russian).

- Gulyga, A. V. (1978), *Iskusstvo v vek nauki* [Art in the Age of Science], Nauka Publ., Moscow, 183 p. (in Russian).
- Kabakov, I. and Grois, B. (1999), *Dialogi 1990–1994* [Dialogues], Ad Marginem Publ., Moscow, 191 p. (in Russian).
- Kaye, N. (1994), “Modern Dance and the Modernist Work”, in *Postmodernism and performance*, St. Martin’s Press Publ., New York, pp. 71–90.
- Kiefer, A. (2016), *Die Holzschnitte*, Albertina, Hatje Cantz Publ., Wien, 159 p.
- Kiefer, A. (2017), *Works from the Hall Collection*, Scira Rizzoli Publication Inc. Publ., 239 p.
- Kittler, F. (2009), *Optische Medien. Berliner Vorlesung 1999*, translated by Nikiforov, O. and Skuratov, B., Logos Publ., Moscow, 272 p. (in Russian).
- Krauss, R. (2017), “A Voyage on the North Sea”. *Art in the Age of the Post-Medium Condition*, translated by Shestakov, A., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 104 p. (in Russian).
- La Biennale di Venezia. 56 International Art Exhibition. All the World’s Futures. Catalog production* (2015), Marsilio Editori Publ., Venice, 393 p.
- Lemann, H.-T. (2013), *Postdramatisches Theater*, translated by Isaeva, N., ABCdesign Publ., Moscow, 312 p. (in Russian).
- Martynov, V. I. (2002), *Konets vremeni kompozitorov* [The End of the Time of Composers], Russkii put’ Publ., Moscow, 296 p. (in Russian).
- Martynov, V. I. (2005), *Zona opus posth, ili Rozhdenie novoi real’nosti* [Opus Posth Zone, or the Birth of New Reality], Izdatel’skii dom «Klassika-21» Publ., Moscow, 288 p. (in Russian).
- Miziano, V. (2004), «*Drugoi*» i raznye [“Another” and Different Ones], Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Moscow, 304 p. (in Russian).
- O’Doherty, B. (2015), *Inside the White Cube. The Ideology of the Gallery Space*, translated by Prokhorova, D., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 144 p. (in Russian).
- Obrist, H. U. (2015), *A Brief History of New Music*, translated by Kuznetsova, S., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 280 p. (in Russian).
- Paul, C. (2017), *Digital Art*, translated by Glebovskaya, A., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 272 p. (in Russian).
- Pavlenskii, P. (2016), *O russkom aktsionizme* [On Russian Actionism], AST Publ., Moscow, 288 p. (in Russian).
- Rebentisch, J. (2013), *Theorien der Gegenwartkunst zur Einfuhrung*, Junius Verlag GmbH Publ., Hamburg, 256 p.
- Shon, T. (2018), *Tarantino, A Retrospective*, translated by Sazhina, D. and Shal’nova, I., Bombora Publ., Moscow, 256 p. (in Russian).
- Sontag, S. (2014), *Against Interpretation and Other Essays*, translated by Dubin, B., Ad Marginem Press Publ., Moscow, 352 p. (in Russian).
- Surits, E. Ya. (2004), *Balet i tanets v Amerike: ocherki istorii* [The Ballet and Dance in America: Historic Essays], Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta Publ., Yekaterinburg, 392 p. (in Russian).
- THEATRUM ORBIS MMXVII – Russian Pavilion at the 57th International Art Exhibition – La Biennale di Venezia 13 May – 26 November 2017* (2017), Marsilio Edizioni Publ., 201 p.
- Trofimenkov, M. (2019), *Kul’tovoe kino* [Iconic Cinematography], Eksmo Publ., Moscow, 288 p. (in Russian).
- Weibel, P. (2011), *10+ + program texts for possible worlds*, translated by Nikiforov, O. and Skuratov, B., Logos-Gnosis Publ., Moscow, 304 p. (in Russian).
- Yampol’skii, M. (2015), *Zhivopisnyi gnosis* [Picturesque Gnosis], Sh. P. Breus Publ., Moscow, 144 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (2017), “On Comprehension of Today’s Art Specificity: Culture-centered Paradigm of Artistic Consciousness”, in Zaks, L. A. and Kruglova, T. A. (eds), *Khudozhestvennaia spetsifika i sotsial’nyi potentsial sovremennogo iskusstva: sbornik nauchnykh statei* [Art Principles and Social Potential of Modern Art], Gumanitarnyi universitet Publ., Yekaterinburg, pp. 43–104 (in Russian).

Zaks, L. A. (2018), "Contemporary Evolution/Revolution of Culture and the Formation of Culture-centered Paradigm of Consciousness (by the Example of Philosophy, Social and Human Sciences)", *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 3, Obshchestvennye nauki*, vol. 13, no. 4 (182), pp. 40–52 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 18.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: u4345laz@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about the author

Zaks, Lev Abramovich
D.Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: u4345laz@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0003-1219-3404

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1-2.012
УДК 35.08:004.032.6 + 004.77 + 316.477

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ЦИФРОВОГО ИМИДЖА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

А. С. Никитина

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В настоящее время цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления приобретает большую значимость и актуальность. В этих условиях формируется образ нового, «цифрового», чиновника, который всё чаще появляется на просторах сети Интернет. Всё больше возрастает научно-исследовательский интерес к проблемам формирования позитивного цифрового имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве. В статье на основе проведенного методом анкетирования социологического опроса жителей города Екатеринбурга, а также экспертного интервью были выявлены факторы, влияющие на формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве. Ведущими оказались: «живое» присутствие самих муниципальных служащих в медийном интернет-пространстве, информационная открытость, доверительная коммуникация между интернет-пользователями и муниципальными служащими, открытое взаимодействие и активное виртуальное со-участие чиновников в жизни города, а также в решении проблем горожан (в том числе в социальных сетях). Вдобавок стоит отметить

важность публикации интересного, привлекательного контента о конкретных результатах профессиональной деятельности муниципальных служащих. Анализируются проблемы, возникающие в процессе формирования позитивного цифрового имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве: недостаточность информации в правовом поле, отсутствие единой политики органа местного самоуправления в данной сфере, непонимание и страх со стороны служащих. Все эти проблемы снижают возможности Интернета как инструмента формирования имиджа не только служащих, но и органа власти, который они представляют. Умелое использование Интернета может сформировать атмосферу уважения и доверия со стороны жителей города Екатеринбурга к Администрации города и муниципальной службе, вывести диалог между гражданами и служащими на новый уровень.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой имидж, муниципальные служащие, муниципальное управление, интернет-пространство.

Благодарности: Автор выражает благодарность Администрации города Екатеринбурга за оказанную помощь при проведении социологического исследования.

Для цитирования: Никитина А. С. Факторы, влияющие на формирование позитивного цифрового имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 230–243. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.012

FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF A FAVOURABLE DIGITAL IMAGE OF MUNICIPAL EMPLOYEES IN TODAY'S INTERNET SPACE

A. S. Nikitina

Russian Academy of National Economics and Public Administration
Ekaterinburg, Russia

Abstract: Nowadays, the digital transformation of the system of state and municipal government is gaining importance and relevance. Under these conditions, the image of a new, “digital official” is being formed, and appears on the Internet increasingly. Research interest in the problems of building a positive digital image of municipal employees in the modern Internet space is growing more and more. The article describes the results of a sociological survey of residents of the city of Yekaterinburg. The research methods included a questionnaire as well as an expert interview. The study revealed the factors influencing the build-up of a favourable image of municipal employees in the modern Internet space. The leaders were the “live” presence of the municipal employees themselves on the media Internet space, information openness, confidential communication between Internet users

and municipal employees, open interaction, and active virtual participation of officials in the life of the city, as well as in solving the problems of citizens (including on social networks). It is also important to publish enticing, attractive content about the specific results of the professional activities of municipal employees. The paper formulates the problems arising in the formation of a favourable digital image of municipal employees in the modern Internet space and analyzes ways to solve them. They are: lack of information in the legal field, lack of a unified local government policy in this area, misunderstanding and fear on the part of employees. These challenges reduce the possibilities of the Internet as a tool for shaping the image not only of employees but also of the authority they represent. Skilful use of the Internet can create an atmosphere of respect and trust on the part of residents of the city of Yekaterinburg to the City Administration and municipal service, bring the level of dialogue between citizens and employees to a new level.

Keywords: digitalization, digital image, municipal employees, municipal government, Internet space.

Acknowledgments: The author expresses his gratitude to the Administration body of the Yekaterinburg for help in conducting a sociological study.

For citation: Nikitina, A. S. (2020), "Factors Influencing the Formation of a Favourable Digital Image of Municipal Employees in Today's Internet Space", *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 230–243 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.012

Введение

Развитие глобальной сети Интернет значительно расширило возможности людей для свободного распространения любой информации, выражения взглядов и обмена мнениями. Пользователями Интернета становятся, в том числе, и представители органов местного самоуправления, обладающие особым статусом, который требует от них соблюдения определенных норм, в том числе негласных. Вместе с развитием новых технологий повышается открытость информации, а вслед за этим возникает необходимость поддержания статуса служащего во всемирной Сети. Остро встает проблема формирования имиджа муниципальных служащих и улучшение их образа в глазах населения [Никитина, Чевтаева 2018, с. 15].

Муниципальный служащий, как лицо, взаимодействующее с населением, не может обойтись без формирования своего позитивного имиджа. Проблема его создания активно обсуждается в научной литературе [Ваторопин, Семина 2015, с. 77; Зайцева, Кононенко 2018, с. 50]. Однако особенности его конструирования еще не стали предметом специального исследования. Н. С. Межлумян, Ю. М. Кисилица отмечают, что в России первостепенной является правовая составляющая имиджа, т. е. соблюдение служащими запретов и ограничений, строгое следование нормативно установленным обязанностям,

а эмоциональная составляющая отодвигается на второй план [Межлумян, Кислица 2014, с. 81]. Нельзя отрицать, что она оказывает существенное влияние на выработку желаемого муниципальными служащими имиджа в Интернете. Он становится площадкой для индивидуализации муниципального управления, создавая позитивное отношение населения к органам власти [Куркемова, 2018, с. 131; Лизогуб, 2015, с. 91]. Пока возможности Интернета для решения этой задачи используются крайне ограниченно.

Публикуемые в интернет-СМИ новости, как правило, упоминают те или иные органы власти без обозначения конкретных лиц, что формирует в обществе восприятие деятельности муниципальных служащих как единой массы, строго выполняющей свои функции [Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010, с. 18]. Это не способствует повышению доверия как к отдельным представителям органов власти, так и к ней в целом со стороны населения. Одной из причин низкого уровня присутствия муниципальных служащих в интернет-пространстве является непонимание его специфики, а также собственной ответственности за размещаемые в Сети сведения [Зиновьева 2018, с. 38; Потапкина 2017, с. 202]. Не всеми осознается, что позитивный или негативный имидж отдельных муниципальных служащих у граждан формирует имидж тех органов, которые они представляют. Работая с Интернетом, социальными сетями, муниципальные служащие обеспечивают более полную информированность населения о деятельности органов местного самоуправления в решении конкретных вопросов экономического, социального развития территории [Беленкова 2017, с. 199].

По мнению исследователей, особенностями формирования в сети Интернет имиджа муниципальных служащих в настоящее время являются: отсутствие четкой регламентации, тесная связь официальных компонентов (связанных с местом службы) и личной жизни служащего [Шайкова 2016, с. 18], высокая скорость и бесконтрольность распространения информации, наличие угрозы утечки личных сведений [Комарова 2016; Самохвалова 2014].

Однако остаются нерешенными следующие вопросы: какие факторы оказывают наибольшее влияние на формирование позитивного имиджа муниципальных служащих? какие риски и проблемы могут возникнуть в процессе его становления?

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы исследования выбран системный подход, позволяющий в комплексе проанализировать элементы позитивного имиджа муниципальных служащих в Интернете, определить факторы, влияющие на его формирование, а также выделить типичные проблемы, возникающие при его конструировании.

Под виртуальным (цифровым) имиджем муниципального служащего в Интернете мы понимаем относительно устойчивую совокупность личностных и профессионально-деловых качеств, которые позволяют сформировать целостное представление о нем на основе информации, размещенной в интернет-пространстве, направленной на создание позитивного представления у жителей муниципального образования [Ерохина 2018, с. 58]. Компонентами виртуального имиджа являются: средовой имидж — обстановка, складывающаяся вокруг служащего, габитарный — внешний вид специалиста, вербальный — сведения о внутренних и внешних коммуникациях чиновника, овеществленный — результаты работы специалиста, сведения о его деятельности и достижениях [Зайцева, Кононенко 2018, с. 50].

В 2019 г. нами было проведено методом анкетирования населения социологическое исследование имиджа в Интернете муниципальных служащих Администрации города Екатеринбурга. Опрошено 400 жителей в возрасте 20–50 лет, из которых 44 % составили лица мужского пола, 56 % — женского. Методом экспертного опроса выявлено мнение по изучаемому вопросу 18 преподавателей вузов, имиджмейкеров, экспертов центра подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС.

Результаты и обсуждение

Результаты анкетирования показали, что 90 % респондентов считают себя активными пользователями сети Интернет, что говорит о том, что данный ресурс играет значительную роль в жизни жителей Екатеринбурга. С помощью этого источника они получают основную информацию о муниципальных служащих и деятельности Администрации города. 91 % опрошенных выделили интернет-СМИ, которые более удобны, доступны по сравнению с классическими средствами массовой информации: газетами, радио, телевидением, СМИ. Так, продолжают ими пользоваться 58 % опрошенных, что на 33 % меньше, чем интернет-СМИ.

Исследование выявило мнение жителей города о важности присутствия муниципальных служащих в интернет-пространстве. 71 % респондентов считают, что они должны давать информацию о себе, решаемых ими в интересах населения проблемах, трудностях, которые приходится преодолевать для получения желаемого результата.

В настоящее время респонденты в интернет-СМИ часто находят негативную информацию в работе муниципальных служащих. 46 % указали на сведения, связанные с коррупцией, нарушением обязанностей муниципальными служащими, неэтичным поведением в общественных местах, высказываниях, подрывающих доверие к их работе. Эксперты в ходе опроса отмечали, что «СМИ спекулируют на громких заголовках, распространяют оценочную

информацию, вызывая у широкой аудитории негативную реакцию в отношении как отдельных служащих, так и Администрации Екатеринбурга в целом».

38 % отметили нейтральные данные о деятельности чиновников Администрации города. Речь идет о новостях, связанных с принятием различных муниципальных актов, публикации отчетов о работе и др. Эксперты согласились с тем, что «жители относятся к служащим нейтрально, что само по себе плохо, потому что муниципальные органы — это лицо города, но каждый горожанин должен видеть тех, кто работает на его благо. Имидж должен быть позитивным».

Положительные новости, раскрывающие участие муниципальных служащих в конкурсах, мероприятиях, благотворительных акциях, отметили только 9 % респондентов. Это затрудняет создание системы сотрудничества населения и органов местной власти при решении актуальных для развития города проблем [Меренков 2019, с. 5]. Доминирует сформированный СМИ устойчивый негативный имидж чиновников, занимающихся решением всех вопросов, связанных с экономическим, социокультурным развитием г. Екатеринбурга.

Одной из причин является то, что сведения о деятельности муниципальных служащих, по мнению 51 % респондентов, крайне ограничены. Официальный сайт не вызывает особого интереса у населения и не содержит привлекательной информации. Это ведет к тому, что 46 % посещают сайт Администрации города раз в полгода, а 32 % вообще им не пользуются. Относительно регулярно обращаются к нему 24 % ответивших.

Респонденты, которые периодически обращаются к данному источнику информации, выдвинули следующие требования к содержанию страниц специалистов Администрации города:

1) фотографии: 78 % высказались за обязательное наличие официальной фотографии служащего; 55 % респондентов — за присутствие фотографий и в неформальной обстановке;

2) публикации: 85 % респондентов считают, что должны присутствовать сведения, связанные с местом работы, содержанием обязанностей специалиста, полученными результатами. 39 % отметили важность публикаций, не связанных с местом работы, позволяющих раскрыть интересы человека, особенности его досуга;

3) раздел «личная информация»: люди хотят иметь данные о возрасте (61 % респондентов), образовании служащего (91 %), предшествующих местах работы (48 %), жизненных интересах (58 %), политических предпочтениях (49 %). Такие сведения, по мнению респондентов, могут повысить доверие к тем людям, которые определяют нынешнее состояние и будущее города.

Исследование выявило важность следующей информации в интернет-пространстве о муниципальных служащих, которая позволяет сформировать их положительный имидж у населения (рис. 1).

Рис. 1. Сведения, влияющие на конструирование положительного имиджа муниципального служащего в Интернете (в % к числу ответивших)

Fig. 1. Information influencing the construction of a positive image of a municipal employee on the Internet (% of the number of respondents)

Ведущим фактором является информация о том, как специалист пытается решить важные для тех или иных групп населения города проблемы. Качество общения с людьми, обращающимися по разным вопросам, оперативность их решения определяют создание положительного образа служащего, использующего свои знания, способности для улучшения положения жителей областного центра. Люди желают чаще слышать мнение ответственных работников администрации города о том, как и каким образом возможно удовлетворить насущные потребности жителей в улучшении работы больниц, школ, организаций, занимающихся транспортными проблемами, благоустройством и т. д.

58 % населения ожидают от муниципалов использования Интернета для регулярной связи с ними, что практически не реализуется на практике. До сих пор доминируют, по мнению 25 % опрошенных, традиционные контакты. Они должны быть заменены общением через социальные сети. В условиях цифрового общества это становится обязательным условием формирования позитивного имиджа муниципальных служащих. Активное распространение дистанционных форм взаимодействия людей в условиях пандемии 2020 г. показало, что значительная часть населения к этому готова.

Присутствие муниципальных служащих в социальных сетях считают необходимым 92 % ответивших. При выборе наиболее важных из сетей 66 % выделили «ВКонтакте», 58 % — «Инстаграм», 40 % — «Твиттер». Приоритет «ВКонтакте» объясняется простотой, удобством в пользовании интерфейсом, а также ее популярностью среди русскоязычной молодой аудитории.

Говоря о внешних факторах, влияющих на формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в Сети, следует отметить важность регулирования их поведения в Интернете. Респондентам было предложено оценить

необходимость этого по шкале от 1 («не должно регулироваться совсем») до 5 («должно быть жестко урегулировано»). Большая часть респондентов выбрала вариант «3» (42 %). В итоге средний балл по шкале по данному вопросу составил «3,35» (показатель «выше среднего») и дает основание полагать, что поведение муниципальных служащих в интернет-пространстве, по мнению горожан, должно быть в той или иной мере урегулировано.

Выявлены разные мнения по этому вопросу:

1) необходимо регулировать, так как некоторые способы их презентации недопустимы ввиду занимаемого статуса («лицо муниципального органа», «служители народа»);

2) поведение служащих в Интернете должно регулироваться, так как их действия в неслужебное время влияют на имидж органа, который они представляют;

3) нужно регулировать, чтобы избежать утечки не подлежащей разглашению информации;

4) действия в Сети должны регламентироваться общими требованиями, а не специальными для этой группы, так как социальные сети являются «свободным пространством»;

5) лучше вообще не регулировать, так как ужесточение требований не способствует открытости муниципальной службы;

6) поведение служащих нельзя жестко регулировать, чтобы поддерживать неформальное взаимодействие с жителями.

Анализируя ответы респондентов, необходимо отметить значимость и необходимость реализации данных требований, каждое из которых по-своему обосновано, чтобы удовлетворить потребность интернет-сообщества в открытой, прямой коммуникации, влияя на формирование позитивного имиджа чиновников.

Респондентами предложены меры по повышению имиджа муниципальных служащих в сети Интернет (рис. 2).

Мнение о важности создания правил поведения муниципальных служащих в сети Интернет связано с принятым в российском обществе стереотипом, согласно которому деятельность чиновников как представителей публичной власти должна быть четко регламентирована определенными нормами. Сравним мнения горожан с экспертными оценками по данной теме. Эксперты также считают, что необходимо ввести правовое регулирование поведения чиновников в Сети. Данная мера необходима ввиду роста значимости IT-технологий в общественной жизни, а также ввиду связи имиджа отдельного служащего с образом профессии муниципального работника в целом. При этом, по мнению некоторых экспертов, регулирование должно сочетаться с самоконтролем, не быть слишком жестким. В то же время один из экспертов указал, что этого делать не следует, так как в Интернете они выступают как граждане, а не как служащие органа местного самоуправления.

Рис. 2. Необходимые меры по повышению имиджа муниципальных служащих Администрации города Екатеринбурга в сети Интернет

Fig. 2. Necessary measures to improve the image of municipal employees of the Administration of the city of Yekaterinburg on the Internet

Экспертами также было отмечено, что действующими актами не предусмотрено регулирования поведения служащих в сети Интернет, отсутствуют меры рекомендательного характера. Кодексы этики этих работников всех уровней давно не актуализируются. Эксперты считают, что нормы, указанные в них, распространяются и на деятельность муниципальных служащих в Интернете. В то же время концентрация внимания служащих на «виртуальной составляющей» их поведения как представителей органа местного самоуправления необходима, что может быть достигнуто внесением изменений в действующий кодекс. Главной задачей является создание благоприятного, «безупречного» образа муниципального служащего в интернет-пространстве.

Оценивая имидж муниципальных служащих Администрации города Екатеринбурга, эксперты высказали разные мнения: от «положительный в целом», «разный в зависимости от сферы деятельности», «нейтральный», «ниже среднего», «достаточно низок». В целом доминируют оценки «нейтральный» и «низкий», совпадающие с оценкой, полученной при анкетировании населения.

Исследование выявило следующие проблемы формирования позитивного имиджа муниципальных служащих Администрации города Екатеринбурга в сети Интернет.

Проблемы информирования о деятельности муниципальных служащих

1. Требуется существенное улучшение сайта Администрации г. Екатеринбурга. Информация о служащих, их деятельности носит ограниченный характер, не позволяя создать достаточно достоверный образ специалиста,

работающего в интересах всех жителей областного центра. Актуальность размещаемой информации не всегда находится на должном уровне. Экспертами отмечено, что «официальный сайт неудобен, перегружен информацией».

Значимым шагом по улучшению сайта, по их мнению, должно стать размещение в разделе «Новости» информации о повседневной деятельности Администрации, ее отделов, комитетов, департаментов и управлений с указанием конкретных лиц. Необходимо размещать качественную информацию о достигнутых показателях, ходе выполнения различных программ и проектов, организации мероприятий, участия в них служащих. Материалы для сайта должны готовиться Департаментом информационной политики Администрации при непосредственном участии тех муниципальных служащих, чья деятельность будет в них освещаться. Особенностью представляемых данных должно стать указание конкретных специалистов, участвовавших в достижении планируемых результатов, приглашение их для интервью, официальных заявлений.

2. Важно изменить ситуацию с преобладанием негативной информации о деятельности служащих в интернет-СМИ. В них позитивные новости отодвигаются на задний план и не преподносятся должным образом. Еще в 2014 г. по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления Владимир Путин дал поручение Правительству РФ совместно с Общероссийским Конгрессом муниципальных образований и Общероссийской общественной организацией «Всероссийский совет местного самоуправления» подготовить и представить предложения по освещению в средствах массовой информации вопросов развития местного самоуправления. В 2015 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации предложило создавать положительный образ муниципального чиновника через региональные СМИ [Петров 2015]. В результате чего, по информации Минкомсвязи, количество публикации по вопросам развития местного самоуправления значительно возросло.

Подобный эффект может быть повторен в границах Екатеринбурга. Для этого требуется разработка Департаментом информационной политики Администрации города Екатеринбурга (Отдел по работе со средствами массовой информации) программы по увеличению количества публикаций о деятельности муниципальных служащих Администрации города Екатеринбурга в интернет-СМИ.

Проблемы, связанные с личным отношением муниципальных служащих к формированию своего имиджа в сети Интернет

1. Пока большинство служащих используют страницы в социальных сетях лишь в личных целях, сообщая о событиях, происходящих с ними в свободное время. Не создается целенаправленно образ себя как муниципального служащего. Экспертами отмечено, что «служащие не используют Интернет для формирования имиджа. Этим занимаются только лица, находящиеся

на позиции высшего руководителя, а также их заместители. Рядовые служащие, руководители среднего звена редко используют этот источник». Отмечена незаинтересованность служащих в формировании имиджа.

Возможным решением проблемы повышения активности служащих в формировании позитивного имиджа может стать введение практики изучения социальных сетей кандидатов на работу в органе муниципальной власти. Выявится содержание и способы формирования имиджа себя как личности, интересной для пользователей Интернетом. Предоставляемые на данный момент человеком сведения направлены лишь на избежание возможных конфликтов интересов при работе в органе власти, однако могут найти гораздо более широкое применение и стать частью процесса поступления на службу.

2. Требуется повысить открытость чиновников людям, в интересах которых они работают. Многие служащие предпочитают покинуть социальные сети, чтобы избежать проверки достоверности предоставляемых ими сведений о своем материальном положении, потребительской активности. Всё это не способствует формированию позитивного имиджа, укрепляя стереотипы о «закрытости» служащих органов власти разного уровня, их желании скрыть те преимущества, которые они имеют.

Эксперты считают, что нужно «разработать образовательную программу по способам формирования положительного имиджа в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и периодически проводить профильные тренинги». Для их проведения приглашать представителей внешних организаций, специализирующихся в данном вопросе или имеющих положительный опыт, достойный распространения.

Заключение

Присутствие муниципальных служащих в интернет-пространстве является требованием современного мира. Влияние имиджа служащих и роль сети Интернет будут постоянно возрастать.

Исследования выявили основные факторы, влияющие на формирование позитивного цифрового имиджа муниципальных служащих в современном интернет-пространстве. Таковыми являются их «живое» присутствие в медийном интернет-пространстве, информационная открытость, публикация в интернет-сети конкретных результатов профессиональной деятельности, доверительная коммуникация с интернет-пользователями, активное виртуальное соучастие чиновников с горожанами в решении их проблем.

В то же время недостаточность информации в правовом поле, отсутствие единой политики органа местного самоуправления в данной сфере, непонимание и страх со стороны служащих снижают возможности Интернета как инструмента формирования имиджа не только служащих, но и органа власти,

который они представляют. Умелое использование Интернета может сформировать атмосферу уважения и доверия со стороны жителей города Екатеринбурга к Администрации города и муниципальной службе, вывести диалог между гражданами и служащими на новый уровень.

Список литературы

- Беленкова 2017 — *Беленкова Л. М.* Имидж государственных органов: потенциал информационно-коммуникационных технологий // Управленческое консультирование. 2017. № 4 (100). С. 199–209.
- Ваторопин, Семина 2015 — *Ваторопин А. С., Семина М. С.* Имидж главы субъекта РФ как лидера общественного мнения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 2. С. 77–80.
- Губанов, Новиков, Чхартишвили 2010 — *Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / под ред. чл.-корр. РАН Д. А. Новикова. М. : Физико-математическая литература, 2010. 228 с.
- Ерохина 2018 — *Ерохина Л. И., Скорниченко К. А.* Использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целях формирования и развития имиджа муниципального образования // Школа университетской науки: парадигма развития. 2018. № 1-2 (27-28). С. 58–61.
- Зайцева, Кононенко 2018 — *Зайцева М. В., Кононенко А. И.* Формирование позитивного имиджа муниципальных служащих в сознании жителей // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2018. № 4. С. 50.
- Зиновьева 2018 — *Зиновьева Л. М.* PR-технологии в Интернете в создании положительного имиджа организации // Молодежь в науке: новые аргументы : сборник научных работ VIII Международного молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 30 марта 2018 г.) / отв. ред. А. В. Горбенко. Липецк : Научное партнерство «Аргумент», 2018. С. 38–40.
- Комарова 2016 — *Комарова Т. М.* Роль органов местного самоуправления в формировании положительного имиджа муниципального образования // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 4. С. 45–49.
- Куркемова 2018 — *Куркемова Э. С.* Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет // АстраПолис: Астраханские политические исследования : ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета / отв. ред. Л. Я. Подвойский. Астрахань : Сорокин Р. В., 2018. С. 130–134.
- Лизогуб 2015 — *Лизогуб М. В.* Имидж муниципальной власти как конкурентное преимущество // Власть. 2015. Т. 23. № 2. С. 91–93.
- Межлумян, Кисилица 2014 — *Межлумян Н. С., Кисилица Ю. М.* Имидж муниципального служащего // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 1 (15). С. 81–84.
- Меренков 2019 — *Меренков А. В.* Культура сотрудничества: теоретико-методологический анализ // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4 (194). С. 5–16.
- Никитина, Чевтаева 2018 — *Никитина А. С., Чевтаева Н. Г.* Профессиональная деятельность государственных служащих: традиции и инновации. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. 176 с.
- Петров 2015 — *Петров В.* Муниципальные сюжеты. Сенаторы и Минкомсвязь оценили тематику МСУ [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015. 14 апреля (федер. вып. № 6650 (79)). URL: <https://rg.ru/2015/04/15/chinovnik.html> (дата обращения: 15.02.2019).
- Потапкина 2017 — *Потапкина Т. И.* Интернет-коммуникации как инструмент формирования имиджа государственных органов // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 202–207.

- Самохвалова 2014 — Самохвалова Е. В. Формирование позитивного имиджа администрации муниципального образования [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7727> (дата обращения: 26.03.2020).
- Шайкова 2016 — Шайкова М. В. Психологический аспект формирования имиджа исполнительной власти // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 18–21.

References

- Belenkova, L. M. (2017), “State Bodies’ Image: Potential of Information and Communication Technologies”, *Administrative Consulting*, no. 4 (100), pp. 199–209 (in Russian).
- Erokhina, L. I. and Skornichenko, K. A. (2018), “The Use of the Information and Telecommunication Network Internet in Order to Form and Develop the Image of a Municipal Formation”, *Shkola universitetskoi nauki: paradigma razvitiya*, no. 1-2 (27-28), pp. 58–61 (in Russian).
- Gubanov, D. A., Novikov, D. A. and Chkhartishvili, A. G. (2010), *Sotsial’nye seti: modeli informatsionnogo vliyaniya, upravleniya i protivoborstva* [Social Networks: Models of Information Influence, Management and Confrontation], Physical and Mathematical Literature, Moscow, 228 p. (in Russian).
- Komarova, T. M. (2016), “The Role of Local Governments in the Formation of a Positive Image of a Municipal Formation”, *Social-Economic Phenomena and Processes*, vol. 11, no. 4, pp. 45–49 (in Russian).
- Kurkumova, E. S. (2018), “Strategies for Shaping and Broadcasting the Image of Politicians on the Internet”, in Podvoiskii, L. Ya. (ed.), *AstraPolis: Astrakhanskie politicheskie issledovaniya : ezhegodnik kafedry politologii Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Astrapolis: Astrakhan Political Studies. Yearbook of the Department of Political Science of Astrakhan State University], Sorokin, R. V., Astrakhan, pp. 130–134 (in Russian).
- Lizogub, M. V. (2015), “The Image of the Municipal Government as a Competitive Advantage”, *The Authority*, vol. 23, no. 2, pp. 91–93 (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2019), “Culture of Cooperation: Theoretical and Methodological Analysis”, *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, vol. 14, no. 4 (194), pp. 5–16 (in Russian).
- Mezhlumyan, N. S. and Kisilitsa, Yu. M. (2014), “Image of a Municipal Employee”, *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, no. 1 (15), pp. 81–84 (in Russian).
- Nikitina, A. S. and Chevtaeva, N. G., (2018), *Professional’naya deyatel’nost’ gosudarstvennykh sluzhashchikh: traditsii i innovatsii* [Professional Activities of Civil Servants: Traditions and Innovations], Ural’skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Yekaterinburg, 176 p. (in Russian).
- Petrov, V. (2015), “Municipal Subjects. Senators and the Ministry of Telecom and Mass Communications Appreciated the Topic of Local Self-government”, *Rossiiskaya gazeta*, no. 6650 (79), available at: <https://rg.ru/2015/04/15/chinovnik.html> (accessed 15 February 2019) (in Russian).
- Potapkina, T. I. (2017), “Internet Communication as a Tool for Shaping the Image of Public Bodies”, *Science. Society. State*, vol. 5, no. 4 (20), pp. 202–207 (in Russian).
- Samokhvalova, E. V. (2014), “Formation of Positive Image of Family’s Institute in the Region”, *Humanities scientific researches*, no. 9, available at: <http://human.snauka.ru/2014/09/7727> (accessed 26 March 2020) (in Russian).
- Shaykova, M. V. (2016), “A Psychological Aspect of Executive Authority Image Formation”, *Munitsipal’naya sluzhba: pravovye voprosy*, no. 3, pp. 18–21 (in Russian).
- Vatoropin, A. S. and Semina, M. S. (2015), “Image of a Regional Governor in Russian Federation as a Public Opinion Leader”, *Bulletin of South Ural State University, series “Humanities and Social Sciences”*, vol. 15, no. 2, pp. 77–80 (in Russian).
- Zaitseva, M. V. and Kononenko, A. I. (2018), “Formation of Positive Image of Municipal Employees in the Consciousness of the Residents”, *International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral*, no. 4, p. 50 (in Russian).

Zinovieva, L. M. (2018), "PR-technologies on the Internet in Creating a Positive Image of the Organization", in Gorbenko, A. V. (ed.), *Molodezh' v nauke: novye argumenty, sbornik nauchnykh rabot VIII Mezhdunarodnogo molodezhnogo konkursa (Rossiya, Lipetsk, 30 marta 2018 goda)* [Youth in Science: New Arguments, Collection of scientific Works of the 8th International Youth Competition], Nauchnoe partnerstvo "Argument", Lipetsk, pp. 38-40 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 11.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 28.09.2020

Информация об авторе

Никитина Алена Сергеевна
кандидат социологических наук
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ —
Уральский институт управления
620144, Россия, Екатеринбург,
ул. 8 марта, 66
E-mail: Nikitina-as@ranepa.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-3804-4952

Information about the author

Nikitina, Alena Sergeevna
Cand. Sci. (Sociology)
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation —
Ural Institute of Management
66 8 Marta St., Yekaterinburg,
620144, Russia
E-mail: Nikitina-as@ranepa.ru
Author's ORCID: 0000-0002-3804-4952

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МУЗЫКАЛЬНЫХ КЛИПОВ КУМИРОВ МОЛОДЕЖИ

Н. И. Сивкова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Е. И. Мурашко

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния произведений музыкального искусства на распространение и утверждение в молодежной среде ценностей криминальной по направленности и содержанию культуры. Она характеризуется разрушением системы моральных и правовых норм, обеспечивающих безопасность человека, его собственности, возможность самореализации и самоутверждение в деятельности, направленной на обеспечение общественного благополучия. Криминальная культура создает угрозу безопасности граждан, стабильности и целостности государства, препятствуя его планомерному развитию. Показано, что музыка и просмотр видеороликов в настоящее время являются неотъемлемой частью досуга значительной части молодежи. При этом слушатели не всегда осознают, как часто просматриваемые ими видеоклипы воздействуют на подсознание, стремления любыми способами реализовать эгоистические интересы. На материалах социологического исследования, проведенного в 2019 г. методом контент-анализа, показано, что во многих популярных музыкальных произведениях открыто пропагандируется пренебрежительное отношение к закону, право силой утверждать власть над людьми. В качестве единиц анализа выступили: демонстрация в видеоролике состояния действующих лиц под воздействием алкоголя, наркотиков, проявления разных форм насилия, совершение преступлений группировками асоциальной направленности, свобода использования оружия, нецензурная лексика. Определена частота представленности элементов асоциальной и криминальной культуры в популярных у молодежи видеоклипах. В 60 % из них активно используется нецензурная лексика, демонстрируется готовое к использованию оружие, в 50 % показаны примеры агрессивного поведения, чаще всего под влиянием алкоголя, в 20 % — действия преступного характера. Подтвердилась гипотеза: визуальное содержание видеоклипов, широко распространяемых СМИ, в Интернете, отличается

большим количеством элементов девиантного поведения, заимствованных из криминальной субкультуры, активно утверждаемой в современном обществе в качестве нормы поведения личности. Актуальной проблемой становится организация противодействия общественности, деятелей искусства распространению ценностей криминальной культуры с помощью популярной в молодежной среде музыки.

Ключевые слова: молодежь, массовая культура, криминализация, Россия, молодежная культура, кумиры молодежи, криминальная культура, видео-клип, контент-анализ.

Благодарности: Выражаем благодарность А. В. Меренкову, чье научное руководство позволяет обратиться к наиболее сложным темам современной жизни, Д. А. Катаржину за исследовательскую идею, связанную с изучением криминальной культуры.

Для цитирования: Сивкова Н. И., Мурашко Е. И. Криминализация молодежной культуры: контент-анализ музыкальных клипов кумиров молодежи // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 244–255. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.013

CRIMINALIZATION OF YOUTH CULTURE: CONTENT ANALYSIS OF MUSIC VIDEOS OF YOUTH IDOLS

N. I. Sivkova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

E. I. Murashko

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Abstract: The article concentrates on the influence of musical art pieces on the dissemination and approval in youth environment values that are criminal in their orientation and content. Intrinsic to this problem is the destruction of the system of moral and legal norms that ensure the safety of a person, his property, and the possibility of self-realization and self-affirmation in activities aimed at ensuring public welfare. Criminal culture creates a threat to the security of citizens, stability and integrity of the state, hindering its planned development. The paper shows that music and watching videos are now an integral part of the leisure of a significant number of young people. At the same time, viewers do not always realize how often the video clips they watch affect the subconscious, the desire to satisfy egoistic interests by any means. A sociological study conducted in 2019 with the use of content analysis revealed that many popular musical works openly promote

a disdain for the law, the right to assert power over people by force. The units to analyze were: demonstration in a video of the state of actors under the influence of alcohol, drugs, manifestations of various forms of violence, committing crimes by groups of antisocial orientation, freedom to use weapons, obscene language. The authors have also determined the frequency of representation of the elements of antisocial and criminal culture in the video clips popular among young people. 60 % of them demonstrate foul language and ready-to-use weapons, 50 % present examples of aggressive behaviour, most often under the influence of alcohol, and 20 % — actions of a criminal nature. The findings have confirmed the hypothesis: the visual content of video clips widely distributed on the Web is distinguished by a large number of elements of deviant behaviour borrowed from the criminal subculture, and modern society actively adopts them as a behaviour pattern. An urgent problem is to organize the counteraction of different publics, art workers to the spread of the criminal culture' values exploiting music popular among the youth.

Keywords: youth, mass culture, criminalization, Russia, youth culture, idols of youth, criminal culture, video clip, content analysis.

Acknowledgments: We express our gratitude to A. V. Merenkov, whose scientific leadership makes it possible to address the most complex topics of modern life. D. A. Katarzhin for a research idea related to the study of criminal culture.

For citation: Sivkova, N. I. and Murashko, E. I. (2020), "Criminalization of Youth Culture: Content Analysis of Music Videos of Youth Idols", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 244-255 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.013

Введение

Молодежь всегда нуждается в повышенном внимании со стороны государства и общественности, так как социально-психологические особенности данной группы определяют ее уязвимость перед негативным влиянием окружающей среды, повышенной вероятностью формирования деструктивных, криминальных ценностей и экстремистских установок. В эпоху общества искусственного интеллекта социализация молодежи проходит в условиях колоссального воздействия СМК, что на фоне снижения влияния основных институтов социализации (семьи, образования, религии) повышает значимость информационной социокультурной среды в становлении системы ценностей молодого поколения. Система ценностей молодежи во многом определяется теми, которые распространены в обществе в целом. В то же время стоит учитывать то, что молодежная культура может иметь влияние на существующую в том или ином обществе культурную систему, ее ценностное ядро. По мнению М. М. Белоусовой, «доминирующая культура и молодежная постоянно взаимодействуют друг с другом, в результате чего отмечаются динамические изменения в обеих культурах. Молодежная культура, будучи культурой в культуре,

естественно, немыслима и не существует сама по себе — вне господствующей культуры современного общества» [Белоусова 2007]. При этом не только политической, экономической культурой, но и той, в которую молодежь включается в свободное время. Одним из ее ведущих элементов является популярная среди молодых людей музыка, распространяемая радиостанциями, звукозаписывающими компаниями, звучащая на концертах известных артистов.

Уже на этапе «перестройки» в конце 80-х гг. прошлого века в СССР сфера культуры и искусства стала полем для заработка денег. Средства массовой информации включились в механизм по извлечению прибыли, пожертвовав объективностью, компетентностью и непосредственно миссией, которую они выполняют в жизни общества. Негативные тенденции в сфере культуры затронули такие наиболее массовые виды искусства, как кинематограф, литература, музыка. Ряд авторов говорит о «культурной диверсии» Запада по отношению к российскому искусству [Иншаков 1999, с. 7–19].

Активно распространялись художественные произведения, пропагандирующие социально-негативные образцы поведения человека в общественной жизни, быту, в отношениях между мужчинами и женщинами.

Сюжетные схемы и композиции кинолент, а также музыкальных клипов и литературных произведений в своем большинстве представляли собой картину нравов современного общества, ценности которого стали утверждаться в России при переходе к рыночной экономике с 90-х гг. по настоящее время. Элементы криминальной субкультуры прочно вошли в культуру общества, превратившись в некую норму.

Однако нельзя сказать, что культурное пространство России заполняют исключительно произведения масс-культуры. Вместе с тем многие произведения современного искусства и конкретных авторов, такие как кино, театральные постановки, музыка, живопись и проч., не обязательно ориентированные на широкую аудиторию, имеют содержание, способствующее формированию деструктивных и экстремистских установок в сознании части молодежи.

Методология и методы исследования

При социологическом подходе «криминализация, в целом, определяется как процесс социальной деградации, который имеет взаимосвязь с такими понятиями, как “аномия”, “дезинтеграция”, “криминальная патология”» [Кривошеев 2001, с. 5]. По мнению В. Ю. Левченко, «криминализация рассматривается как разновидность дезорганизационных, деструктивных социальных процессов, один из параметров общества, характеризующий состояние социального организма, рассогласованность между его составными частями» [Левченко 2012].

По мнению О. В. Лобановой, «криминализация, с позиций социологии, видится новым социальным дезорганизационным процессом, представляющим

угрозу обществам переходного типа. Именно в период смены модели социального развития в нем происходит нарастание негативных процессов и явлений» [Лобанова 2006]. В исследовании А. В. Артюхова криминализация связывается с организацией общественного производства, когда криминальные практики «сопутствуют буржуазному способу общественного производства и поэтому интегрируются им, приобретая при этом тенденцию к постоянному расширению. <...> Криминализация, являющаяся необходимым спутником развития общества, базирующегося на предпринимательской деятельности и индивидуализме, выдвинула проблему актуализации внутренних источников, препятствующих расширению этого процесса» [Артюхов 2003, с. 8].

Известный исследователь криминализации В. В. Кривошеев рассматривает ее как такую форму «аномии, когда стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия» [Кривошеев 2004]. Сходных взглядов придерживается С. Н. Кулешова, связывая криминализацию с аномией общественных отношений. «Криминализация как социокультурное явление возникает в условиях аномии, когда безнормативность делает объективно неизбежным дезориентацию личности в выборе ценностей и жизненных стратегий, размывание граней между морально одобряемыми и аморальными установками, позитивное восприятие девиантных способов удовлетворения потребностей и достижения целей» [Кулешова 2009, с. 10].

Соответственно, криминализация культуры — это социальный процесс, суть которого состоит в разрушении системы норм и ценностей общества распространением деструктивных и криминальных установок, а также образцов асоциального поведения, что формирует условия для нарушения индивидами моральных и правовых норм, ведет к негативным социально-политическим последствиям, создавая угрозу безопасности российского общества, стабильности и целостности государства, препятствуя его планомерному развитию.

На наш взгляд, в рамках социологического подхода к изучению криминализации культуры стоит обратиться к работам А. В. Меренкова, в которых выделяются два вида культуры — культура эгоизма и культура сотрудничества. Следует отметить, что в настоящее время как во всем мире, так и в России наблюдается тенденция к усилению, активному утверждению культуры эгоизма, которая базируется на таких ценностях, как индивидуализм, успех, богатство любой ценой, власть, свобода проявления любых природных побуждений, сила, вседозволенность, хитрость, обман, клевета и т. п. [Меренков 2017; Меренков 2019].

Утверждению культуры эгоизма способствует распространение в обществе ценностей негативного и даже криминального характера, что выражается в нейтральном и позитивном восприятии обществом аморальных форм поведения, а также приобщения большого количества людей к неправовым практикам. Механизмом формирования и распространения подобных ценностей в обществе становится всё большая криминализация культуры.

Ее утверждение ведет к разрушению системы духовно-нравственных норм и морально-правовых устоев общества путем формирования и распространения таких установок, способствующих усилению эгоистических инстинктов людей. Неограниченное стремление к их реализации формирует условия для проникновения в молодежную среду преступных практик, создавая угрозу не только для отдельных граждан, но и для всего общества, повышает вероятность дестабилизации государства.

Е. О. Кубякин отмечает, что «в условиях широкой доступности информации, распространяемой через телевидение, радио, прессу, Интернет, на российскую молодежь обрушился поток низкопробной продукции, пропагандирующей негативные социальные девиации (праздный образ жизни, насилие, преступность, проституцию, наркоманию, сексуальную распущенность), порой неприемлемые не только с точки зрения морали, но и права. Под воздействием произведений массовой культуры наша молодежь оказалась в духовно-нравственном вакууме» [Кубякин 2010].

Важнейшим элементом массовой культуры выступает музыка. Музыка и сопровождающие ее клипы стали неотъемлемой частью жизни современного общества, особенно молодежи. Осознавая ту опасность, которая возникает в условиях предоставления полной свободы распространения через популярную музыку ценностей криминальной культуры, власть стала предпринимать действия, направленные на определенное ограничение активности тех артистов, в творчестве которых наиболее представлены ценности преступного мира. Речь идет об отмене концертов Хаски, Элджей, Френдзона, IC3PEAK. Тексты исполняемых песен, сюжеты видеоклипов имеют антиобщественный характер, содержат упоминания о насилии, наркотиках, убийствах и т. д. и могут оказывать негативное влияние на молодежь.

Проведенное нами в 2019 г. социологическое исследование было нацелено на выявление в содержании музыкальных произведений ценностей криминальной культуры. В качестве основного метода сбора информации использовался метод контент-анализа, позволяющий выделить в тексте ключевые слова, фразы, выражающие его смысл, направленность [Таршис 2014].

На начальном этапе исследования была выдвинута следующая гипотеза: визуальное содержание видеоклипов наиболее популярных среди молодежи песен отличается большим количеством элементов девиантного поведения, заимствованных из криминальной субкультуры, становящейся в современном обществе нормой.

В качестве единиц анализа выступили: алкоголь, наркотики, разные формы насилия, совершение преступлений, группировки асоциальной направленности, свобода использования оружия, нецензурная лексика.

Отбор видеоклипов для анализа происходил по следующим параметрам: по количеству просмотров и «лайков» на самом популярном в мире

видеохостинге по официальной статистике среди российской аудитории за 2018 год; по популярности исполнителей среди молодежи и количеству просмотров их видеороликов за небольшой промежуток времени; по рейтингу популярности самих музыкальных композиций. Всего было проанализировано 10 видеоклипов.

Результаты и обсуждение

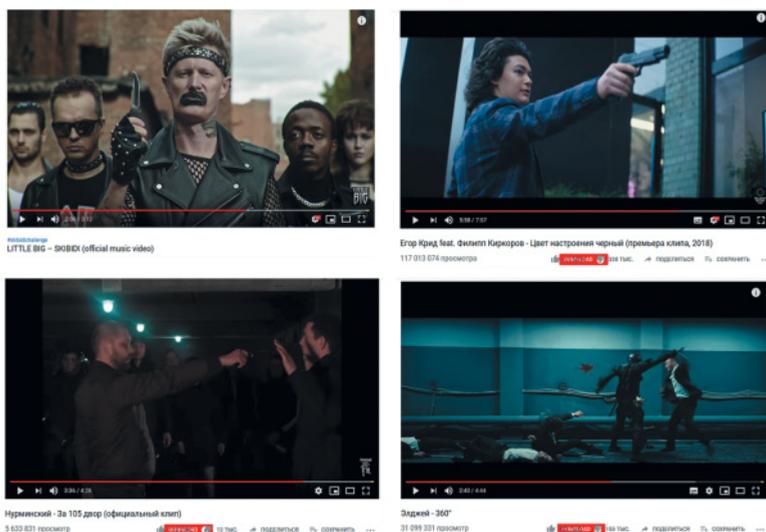

Рис. 1. Визуальное содержание видеоклипов

Figure: 1. Visual content of video clips

Источник: [YouTube 2020].

Видеоклип популярной Санкт-Петербургской группы LITTLE BIG на песню SKIBIDI — самый известный музыкальный видеоролик в российском сегменте YouTube на декабрь 2018 г. по официальным данным представителей сайта [Кондратьева 2018]. Рейтинг основан на статистике просмотров. Сам текст песни полностью на выдуманном языке, поэтому, по сути, не имеет смысла и какого-либо контекста для содержания видеоролика. Однако в клипе содержатся: покупка и употребление алкоголя, свобода сексуальных отношений, внешний облик молодых парней и девушек, одетых достаточно специфично (кожаные куртки, шипы, тяжелые ботинки, черная помада, татуировки), один из которых демонстрирует наличие ножа. Основное действие заключается в имитации бандитской разборки, но в качестве способа противостояния используются танцы.

Второе место в вышеупомянутом рейтинге занимает видеоклип на песню «Цвет настроения черный» в исполнении Егора Крида и Филиппа Киркорова.

В данном видеоролике можно отметить навязчивую сексуальность героев, множество татуировок на теле как способ утверждения свободы самовыражения. В финале появляется человек с пистолетом, который демонстрирует агрессию по отношению к одному из главных героев и стреляет в него.

Третье место в рейтинге занимает видеоклип на песню Филиппа Киркорова «Цвет настроения синий». В клипе подростки употребляют алкоголь, курят в больших количествах, агрессивно ведут себя в общественных местах, выделяют себя с помощью обилия татуировок.

Еще одну из ведущих позиций в рейтинге YouTube занимает видеоклип одного из самых популярных и коммерчески успешных исполнителей музыкального шоу-бизнеса в России Тимати и Егора Крида на песню «Гучи». В клипе показано нарочито потребительское поведение: разбрасывание денег, демонстрация самых дорогих и известных во всем мире брендов. В видео выделяются следующие смысловые единицы: много оружия (автоматов) в руках у охранников, сопровождающих героев; большое количество татуировок на теле исполнителей и других лиц. В тексте песни содержатся слова, выражающие грубое, неуважительное отношение к женщинам, много нецензурной лексики.

Клип кумира молодежи Ольги Бузовой на песню «Очень хорошо», который за неделю набрал почти 1,8 млн просмотров и попал в Тренды YouTube, не содержит в себе ничего, кроме ярко выраженной пропаганды повышенной сексуальности, демонстрируемой самой исполнительницей.

Видеоклип на песню «Мой Калашников» в исполнении рэпера FACE (Ивана Дремова), занимал ведущие позиции в музыкальных рейтингах достаточно долгое время. Исполнитель отличается неординарным стилем, привлекающим внимание не только молодежи, но и среднего поколения. Его концерты одно время запрещались по причине негативного влияния, которое его творчество оказывает на молодежь. В видеоролике демонстрируется свобода ношения оружия в общественных местах. Главный герой ходит с автоматом Калашникова по парку развлечений, его поведение копируют дети, появляются с оружием. В тексте песни присутствуют уничижительные высказывания в адрес страны, нецензурная лексика.

Выделяется клип на одну из самых популярных песен 2018 г. «360°» в исполнении Элджея (Алексей Узенюк), тур которого по России был запрещен из-за противозаконного содержания песен (ненормативная лексика, пропаганда наркотиков, свободы реализации сексуальных инстинктов и т. д.). В ролике демонстрируется агрессивное поведение: мужчина азиатской внешности жестоко избивает женщину, в конце концов убивает ее (показывают голову). Утверждается свобода насилия на основе расовых особенностей.

Видеоролик на песню «За 105-й двор», исполнитель — Нурминский, пропагандирует криминальную романтику. Припев песни содержит модель

агрессивного поведения: «За 105-й двор стреляю в упор». По сюжету группа парней скрывается от полиции, увозя захваченных ими людей с применением оружия в багажнике машины. Композиция находится в рейтинге популярных песен известной социальной сети «ВКонтакте».

Хаски — еще один современный, популярный в молодежной среде исполнитель, чьи выступления были запрещены. Нами было проанализировано видео 2016 г. на песню «Пуля-дура», в котором присутствуют люди в образах «гопников», в черных масках на голове, разрушающие квартиру, затем везущие в машине человека с мешком на голове. Оружие не фигурирует, но присутствует имитация выстрелов жестами. В тексте песни есть нецензурная лексика, одобрение суицида, асоциального поведения.

Еще один видеоклип на совместную композицию сразу трех популярных среди молодежи исполнителей в стиле «рэп» — ЛСП, Feduk, Егора Крида — «Холостяк» долгое время занимал ведущие позиции в музыкальных рейтингах. В клипе содержится пропаганда употребления алкоголя, курения, сексуальной свободы, продажи женщин; в тексте постоянно используется нецензурная лексика.

На основе проведенного нами анализа выявлена частота использования элементов криминальной культуры в предлагаемых для молодежи видеоклипах.

Таблица 1. Частота представленности элементов асоциальной и криминальной культуры в видеоклипах, в %

Table 1. Frequency of representation of elements of asocial and criminal culture in video clips, in %

Смысловые единицы	%
Нецензурная лексика	60
Присутствие оружия	60
Употребление алкоголя	50
Агрессивные модели поведения	50
Пропаганда сексуальной свободы	50
Курение	30
Внешний облик асоциальных группировок	30
Действия преступного характера	20

Заключение

Результаты проведенного контент-анализа показывают, что проанализированные видеоклипы содержат смысловые единицы, обозначающие различные виды асоциального поведения и криминальные практики. Их активное

распространение в молодежной среде свидетельствует о фактическом признании обществом допустимости утверждения ценностей криминальной культуры с помощью искусства, в частности музыкального. Отсутствует активное сопротивление руководителей учреждений культуры, деятелей искусства, общественных организаций практике распространения с помощью видеоклипов примеров преступного по направленности поведения индивидов и групп. Нецензурная лексика, агрессивное поведение, демонстрация силы с помощью оружия, пропаганда свободы реализации сексуальных инстинктов, неуважительного отношения к женщинам, а также татуировки, являющихся отличительными знаками преступников, утвердились в жизни современных молодых людей в качестве нормы, что подтверждает гипотезу данного исследования. Кроме того, во многих музыкальных произведениях утверждается неуважение к законам, органам власти, обеспечивающим их соблюдение. Поведение героев музыкальных клипов воспринимается частью молодежи как образец для подражания, утверждая в сознании установки на свободу реализации эгоистических интересов силой. Это создает угрозу общественному порядку, формируя поколение, отвергающее моральные нормы в отношениях между людьми, допускающее возможность нарушать требования законов при взаимодействии с представителями других этносов, демографических групп. Становится актуальной проблема умелого противодействия общественности, деятелей искусства распространению ценностей криминальной культуры с помощью популярной в молодежной среде музыки.

Список литературы

- Артюхов 2003 — *Артюхов А. В.* Криминализация современного российского общества: социокультурный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д : Рост. гос. пед. ун-т, 2003. 27 с.
- Белоусова 2007 — *Белоусова М. М.* Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. 2007. № 9 (40). С. 217–221.
- Иншаков 1999 — *Иншаков С. М.* Культура и ее воздействие на преступность // Преступность и культура : сборник статей / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 1999. С. 7–19.
- Кондратьева 2018 — *Кондратьева Е.* YouTube Rewind 2018: дочь Кайли Дженнер, «Цвет настроения синий», клипы Little Big и другие события года [Электронный ресурс] // Официальный блог Google Россия. 2018. 6 декабря. URL: <https://russia.googleblog.com/2018/12/youtuberewind-2018-little-big.html> (дата обращения: 21.05.2020).
- Кривошеев 2001 — *Кривошеев В. В.* Криминализация российского общества: состояние, тенденции развития, прогноз : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 48 с.
- Кривошеев 2004 — *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–96.
- Кубякин 2010 — *Кубякин Е. О.* Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 263–267.

- Кулешова 2009 — *Кулешова С. Н.* Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2009. 21 с.
- Левченко 2012 — *Левченко В. Ю.* Криминализация как социальное явление в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2012. 28 с.
- Лобанова 2006 — *Лобанова О. В.* Особенности криминализации современного российского общества (социокультурный анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2006. 25 с.
- Меренков 2017 — *Меренков А. В.* Культура эгоизма: сущность и основные характеристики // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : колл. монография / под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во ИСТУ, 2017. С. 68–69.
- Меренков 2019 — *Меренков А. В.* Культура эгоизма: теоретико-методологический анализ [Электронный ресурс] // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 106–117. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/izvestia3/article/view/4130> (дата обращения: 03.05.2020).
- Таршиш 2014 — *Таршиш Е. Я.* Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программа исследования). М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014. 182 с.
- YouTube 2020 — YouTube Music.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://music.youtube.com/> (дата обращения: 21.05.2020).

References

- Artyukhov, A. V. (2003), *Kriminalizatsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiokul'turnyi analiz* [Criminalization of Modern Russian Society: Sociocultural Analysis], Abstract of Ph.D. dissertation, Rostovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Rostov-on-Don, 27 p. (in Russian).
- Belousova, M. M. (2007), "Youth Culture in Modern Society", *Belgorod State University Scientific Bulletin, NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, no. 9 (40), p. 217–221 (in Russian).
- Inshakov, S. M. (1999), "Culture and its Impact on Crime", in Dolgova, A. I. (ed.), *Prestupnost' i kul'tura, sbornik statei* [Crime and Culture, Collection of Articles], Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, Moscow, pp. 7–19 (in Russian).
- Kondrat'eva, E. (2018), "YouTube Rewind 2018: doch' Kaili Dzhenner, 'Tsvet nastroeniya sinii', klipy Little Big i drugie sobytiya goda" [YouTube Rewind 2018: daughter Kylie Jenner, "Mood Color Blue", Music Videos of the "Little Big" and Other Events of the Year], *Official Google Russia blog*, 6 December, available at: <https://russia.googleblog.com/2018/12/youtube-rewind-2018-little-big.html> (accessed 21 May 2020) (in Russian).
- Krivosheev, V. V. (2001), *Kriminalizatsiya rossiiskogo obshchestva: sostoyanie, tendentsii razvitiya, prognoz* [Criminalization of Russian Society: State, Development Trends, Forecast], Abstract of D. Sci. Dissertation, Russian State University for the Humanities, Moscow, 2001, 48 p. (in Russian).
- Krivosheev, V. V. (2004), "Features of Anomie in Modern Russian Society", *Sociological research*, no. 3, pp. 93–96 (in Russian).
- Kubyakin, E. O. (2010), "Criminalization of Youth Culture in a Modern Information Society", *Society and Law*, no. 2 (29), pp. 263–267 (in Russian).
- Kuleshova, S. N. (2009), *Kriminalizatsiya molodezhnoi sredy rossiiskogo obshchestva: sotsiokul'turnyi aspekt* [Criminalization of the Youth Environment in Russian Society], Abstract of Ph.D. Dissertation, Stavropol State University, Stavropol, 21 p. (in Russian).
- Levchenko, V. Yu. (2012), *Kriminalizatsiya kak sotsial'noe yavlenie v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Criminalization as a Social Phenomenon in Modern Russian Society], Abstract of Ph.D. Dissertation, Krasnodarskii universitet MVD Rossii, Krasnodar, 28 p. (in Russian).

- Lobanova, O. V. (2006), *Osobennosti kriminalizatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva (sotsiokul'turnyi analiz)* [Features of the Criminalization of Modern Russian Society (Sociocultural Analysis)], Abstract of Ph.D. Dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 25 p. (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2017), "The Culture of Selfishness: Essence and Main Characteristics", in Grunt, E. V. and Merenkov, A. V. (eds), *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research], ISTU Publishing House, Yekaterinburg, pp. 68–69 (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2019), "Culture of Egoism: Theoretical and Methodological Analysis", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, vol. 14, no. 3 (191), pp. 106–117, available at: <https://journals.urfu.ru/index.php/izvestia3/article/view/4130> (accessed 5 March 2020) (in Russian).
- Tarhis, E. Ya. (2014), *Kontent-analiz: Printsipy metodologii. (Postroenie teoreticheskoi bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programma issledovaniya)* [Content Analysis: Principles of Methodology. (Building a Theoretical Base. Ontology, Analytics and Phenomenology of the Text. Research program)], Book House Librokom, Moscow, 182 p. (in Russian).
- YouTube Music.ru* (2020), available at: <https://music.youtube.com/> (accessed 21 May 2020) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 10.09.2020
Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторах

Сивкова Надежда Ивановна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6331-0124

Мурашко Елизавета Игоревна
бакалавр политических наук
Санкт-Петербургский государственный
университет
191124, Россия, Санкт-Петербург, ул.
Смольная, 1/3
E-mail: mei24@mail.ru

Information about the authors

Sivkova, Nadezhda Ivanovna
Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: N.I.Sivkova@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-6331-0124

Murashko, Elizaveta Igorevna
Bachelor's Degree in Political Science
St. Petersburg State University
1/3 Smol'nogo St., St. Petersburg 191124
Russia
E-mail: mei24@mail.ru

СТРАНЫ МИРА МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И СУВЕРЕНИТЕТОМ

Совместность как проблема внешней и внутренней политики стран мира

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1-2.014

УДК 330.341.44(510) + 327.2(5-011) + 616-036.21

ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА «ПОЯСА И ПУТИ»: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕКИНА

Г. Н. Валиахметова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

М. А. Герман

Университет Фудань
Шанхай, Китай

Аннотация: В статье анализируется китайский подход к оценке рисков для инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в условиях глобальной пандемии 2020 г. На примере ближневосточного кейса авторы раскрывают противоречивое влияние пандемического кризиса на международное сотрудничество в формате ОПОП. Ключевыми рисками для реализации ближневосточных проектов ОПОП китайские эксперты считают рост общей внешней задолженности государств региона, существенное сокращение их финансовых ресурсов, снижение интереса международных финансовых институтов к инвестиционной поддержке инициативы «Пояса и пути» в целом, а также очевидное ухудшение внешнеполитической атмосферы для отдельных региональных акторов. Вместе с тем, по мнению Пекина, наряду с вынужденным снижением экономической активности Китая на Ближнем Востоке, пандемический вызов сформировал новые возможности и точки роста для китайских региональных проектов, а также позволил Пекину значительно расширить

инструментарий так называемой горизонтальной дипломатии для продвижения своей интеграционной инициативы в этой части света. Особое внимание в статье уделено анализу механизмов управления рисками, разработанных Пекином для ближневосточных проектов ОПОП. В числе наиболее значимых достижений Китая на Ближнем Востоке в период пандемии — продвижение проектов Шелкового пути здоровья и Цифрового Шелкового пути. В целом ближневосточная политика Китая в условиях пандемического кризиса 2020 г. подтвердила высокую эффективность базовых принципов внешней политики современного Китая — прагматизм, гибкость, многовекторность и т. д. Исследование выполнено в рамках системного подхода и базируется на официальных документах и аналитических материалах китайского происхождения.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Один пояс — Один путь, пандемия, вызовы.

Для цитирования: Валиахметова Г. Н., Герман М. А. Пандемический вызов для ближневосточного вектора «Пояса и пути»: взгляд из Пекина // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 256–268. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.014

THE PANDEMIC CHALLENGE FOR THE MIDDLE EAST VECTOR OF “ONE BELT, ONE ROAD”: A VIEW FROM BEIJING

G. N. Valiakhmetova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

M. A. German

Fudan University,
Shanghai, China

Abstract: The article analyzes the Chinese approach to risk assessment for the “One Belt, One Road” Initiative (OBOR) in the context of the 2020 global pandemic. Applying for the Middle Eastern case, the authors reveal the contradictory impact of the pandemic crisis on the OBOR international cooperation. Chinese experts consider the main risks for the OBOR Middle East projects implementation are following: increase in the total external debt of the region’s states; significant reduction of their financial resources; interest decrease of international financial institutions in investment support of the OBOR Initiative as a whole; as well as deterioration of the foreign policy atmosphere for certain regional actors. At the same time, according to Beijing, along with the forced decline of China’s economic activity in the Middle East, the pandemic challenge has created new opportunities and perspectives for Chinese regional projects, and also allowed Beijing to significantly expand the toolkit of so-called horizontal diplomacy

to promote its integration initiative in this parts of the world. Particular attention is paid to the analysis of the risk management mechanisms developed by Beijing for the Middle East OBOR projects. Among the most significant achievements of Chinese policy in the Middle East during the pandemic is the promotion of the Health Silk Road and Digital Silk Road projects. In general, China's Middle East policy in the context of the 2020 pandemic crisis has confirmed the high effectiveness of the basic principles of modern China's foreign policy — pragmatism, flexibility, multi-vector approach, and so on. The study was carried out within the framework of a systematic approach and based on official documents and analytical materials of Chinese origin.

Keywords: China, Middle East, “One Belt, One Road”, pandemic, challenges.

For citation: Valiakhmetova, G. N. and German, M. A. (2020), “The Pandemic Challenge for the Middle East Vector of ‘One Belt, One Road’: A View from Beijing”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 256–268 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.014

Введение

Глобальная инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) является краеугольным камнем политики КНР на Ближнем Востоке и нацелена на создание качественно нового формата взаимовыгодного сотрудничества со странами региона в многосторонних и двусторонних форматах с широким спектром сфер взаимодействия — от экономики и науки до политики и культуры [China's Arab Policy 2016; Vision 2015, p. 3–9]. Сегодня стратегическая значимость Ближнего Востока для Китая обусловлена не только преимуществами его географического расположения и колоссальными запасами углеводородов. Интеграция в ОПОП ведущих ближневосточных государств, реализующих масштабные программы модернизации и диверсификации национальных экономик, способствовала внушительному росту китайских инвестиций в инфраструктурные и промышленные проекты региона [Zheng 2017, p. 66]. В их числе строительство высокоскоростных железных дорог (Кувейт — Саудовская Аравия — Бахрейн, Бахрейн — Доха, Маскат — Сохар, Тегеран — Синьцзян, Эдирне — Карс и др.), египетской Экономической зоны Суэцкого канала, морских портов Турции, Омана и Катара, турецкой теплостанции Хунутлу (Турция), нефтеперерабатывающего завода Ясреф, электростанции Рабиг и технологического хаба Неом в Саудовской Аравии, и многие другие проекты. Вместе с тем инвестиционный бум последних лет на фоне ухудшающейся военно-политической обстановки на Ближнем Востоке поставил во внешнеполитическую повестку КНР вопрос о разработке эффективных механизмов защиты китайских капиталов и граждан, в том числе путем более активного использования инструментов «мягкой силы» и расширения участия Пекина в региональной политической повестке.

Серьезным вызовом для китайской инициативы «Пояса и пути» стала глобальная пандемия коронавируса 2020 г., которая переместила человечество в качественно новые условия бытия и запустила процессы кардинальной трансформации геополитических и социально-экономических реалий современного мира. Представители российских и зарубежных экспертных сообществ в целом сходятся во мнении о том, что пандемический кризис не должен существенно повлиять на стратегию КНР по продвижению ОПОП, «однако может привести к сбоям и корректировкам инициативы в некоторых странах» [Сэла, Фридман 2020]. Вместе с тем вопрос о характере, масштабах и последствиях пандемических угроз и рисков для ОПОП и возможных последствиях глобального кризиса остается предметом многочисленных научных дискуссий. Данная статья является попыткой внести вклад в осмысление указанных проблем в рамках исследования китайского подхода к оценке пандемического вызова для ближневосточных проектов Инициативы и разработке механизмов управления новыми рисками. Источниковой основой работы стали программные документы ОПОП, материалы правительственных и финансово-экономических структур КНР, а также китайских информационно-аналитических ресурсов.

Китайская оценка пандемических угроз для экономик стран Ближнего Востока

В феврале 2020 г. власти КНР выступили с официальным заявлением о намерении продолжить реализацию проектов «Пояса и пути», несмотря на вспышку новой коронавирусной инфекции в Ухани [“一带一路”项目不受冠状病毒影响 2020]. Однако уже спустя месяц стали очевидны разрушительные последствия начавшейся пандемии и беспрецедентных противоэпидемических мер, введенных по всему миру. Карантин, закрытие границ, эвакуация китайского персонала и другие ограничения привели к приостановке работы множества объектов ОПОП, разрыву производственно-сбытовых цепочек, падению цен на сырьевые товары, сокращению внешнего спроса и инвестиционной активности. На Ближнем Востоке наибольшим рискам оказались подвержены инфраструктурные проекты «Пояса и пути».

Для оценки угроз китайской инициативе на Ближнем Востоке одним из ключевых является вопрос о финансовой устойчивости и внешней платежеспособности государств региона в условиях глобального экономического спада и обвала цен на нефть. Целый ряд ближневосточных стран, ставших реципиентами китайских инвестиций в рамках проектов ОПОП, имеет средний или низкий уровень государственных доходов и демонстрирует нестабильную экономическую динамику.

С учетом глобального пандемического вызова указанные факторы приводят китайских аналитиков к выводу о значительном повышении суверенных

кредитных рисков на Ближнем Востоке. Большинство китайских экономистов ожидает к концу 2020 г. роста общей внешней задолженности ближневосточных нефтедобывающих государств более чем на 10 % по сравнению с показателями предыдущего года, а в целом по региону — до 7 % [2020年“一带一路”沿线国家主权信用风险展望 2020]. Очевидно, что в случае реализации подобного прогнозного сценария менее развитые страны не смогут обслуживать свои внешние долги, что повлечет за собой приостановку множества региональных проектов ОПОП. В то же время некоторые эксперты убеждены в относительной экономической стабильности ближневосточных нефтеэкспортеров в среднесрочной и долгосрочной перспективах, поскольку имеющиеся в этих странах суверенные фонды благосостояния существенно снижают риски внешней неплатежеспособности. Однако для отдельных государств данной группы, прежде всего для Ирана и Ирака, экономическая устойчивость и способность обслуживать свои внешние долги в настоящее время преимущественно определяется наличием или отсутствием благоприятной геополитической среды [Там же].

Немало споров в экспертной среде вызывает также вопрос о том, будут ли национальные экономики стран Ближнего Востока в условиях пандемического кризиса располагать финансовыми ресурсами, достаточными для реализации масштабных проектов «Пояса и пути». Как известно, многие инфраструктурные проекты являются капиталоемкими и зачастую требуют преференциальной финансовой поддержки (например, в форме долгосрочных низкопроцентных займов и кредитов), что особенно актуально для стран с относительно невысокими экономическими показателями. Китайские эксперты высказывают аналогичные опасения и в отношении международных финансовых институтов в лице Всемирного банка, Азиатского банка развития, Исламского банка развития, которые являются крупными инвесторами ближневосточных проектов ОПОП. В китайских аналитических отчетах отмечается, что в условиях пандемии и глобального экономического спада подобные международные структуры с высокой долей вероятности направят свои финансовые и человеческие ресурсы на преодоление общемирового гуманитарного кризиса, лишив тем самым долгосрочные инфраструктурные программы ОПОП на Ближнем Востоке необходимой инвестиционной поддержки [疫情对一带一路项目的影响 2020].

Несмотря на совокупность вышеуказанных факторов, неблагоприятных для реализации интеграционных инициатив «Пояса и пути», ведущие экономисты КНР сходятся в том мнении, что уже в 2021 г. пандемический кризис будет преодолен и экономики стран — участниц Инициативы восстановятся [Там же].

Механизмы снижения рисков

Механизмы снижения рисков для ОПОП разрабатываются Пекином в контексте общей стратегии преодоления последствий глобальной пандемии.

Будучи первой страной, столкнувшейся с новым коронавирусом, КНР разработала стратегию борьбы с пандемической угрозой и продемонстрировала миру высокоэффективную поведенческую модель. В китайских правительственных документах отмечается, что в стране были введены «строгие и всесторонние меры профилактики и контроля, принудительный карантин и изоляция в невиданных ранее масштабах, также были мобилизованы медицинские ресурсы по всей стране» [SCIO of PRC 2020]. Особое внимание Пекин уделил борьбе с дезинформацией и развернувшейся в мировых массмедиа антикитайской информационной кампанией. Правительство КНР инициировало публикацию документов и материалов, раскрывающих уникальный опыт страны по профилактике и лечению новой коронавирусной инфекции. Первое издание на китайском языке вышло в свет уже в феврале 2020 г. под названием «Китай противостоит Covid-19 в 2020 г.: борьба с эпидемией» [《大国战“疫”》近期出版 2020]. В июне 2020 г. Информационное бюро Государственного Совета КНР выпустило англоязычную расширенную и дополненную публикацию под названием «Борьба с Covid-19: Китай в действии» [SCIO of PRC 2020]. Китайское телевидение, кроме того, запустило программу «Covid-19 Frontline» [Covid-19 Frontline 2020], а информационное агентство «Синьхуа» ввело рубрику «Fighting Covid-19 the Chinese Way» [Fighting Covid-19: The Chinese Way 2020].

Предпринятые китайским правительством беспрецедентные меры по поддержанию функциональности производственно-сбытовых цепочек, обеспечению работы объектов критической инфраструктуры, предоставлению социальной помощи позволили стране относительно быстро преодолеть пандемический кризис и уже к лету 2020 г. вернуть национальную экономику на траекторию поступательного развития [Fighting Covid-19: China in Action 2020].

В рамках продвижения проектов ОПОП на Ближнем Востоке китайские власти также разрабатывают комплекс мер по реструктуризации долговых обязательств стран — партнеров Инициативы. Министерство торговли КНР сформировало список зарубежных проектов и компаний, наиболее сильно пострадавших от пандемии и требующих дополнительного финансирования. Внушительную финансовую поддержку ближневосточным инфраструктурным проектам и предприятиям оказывает Китайский банк развития, вводя кредитные каникулы и открывая «зеленые каналы» для кредитования, диверсифицируя внутренние и валютные финансовые сервисы [受疫情影响的高质量共建“一带一路”项目和企业将获开发性金融支持 2020].

Пандемический вызов 2020 г. придал мощный импульс развитию концепции Шелкового пути здоровья (Health Silk Road), которая предполагает объединение усилий государств в сфере глобального управления общественным здравоохранением [“健康丝绸之路”为生命护航 2020]. Пекин намерен поделиться с мировым сообществом своим опытом противостояния пандемической

угрозе, в связи с чем проекты, нацеленные на развитие систем здравоохранения в странах с относительно низким уровнем жизни, становятся приоритетным направлением сотрудничества КНР с партнерами по ОПОП [Воо 2020].

В ближневосточной политике КНР уже широко применяются инструменты медицинской дипломатии. Так, для борьбы с пандемией китайское правительство передало Ирану, Ираку, Ливану, Алжиру, Тунису и ряду других стран медицинские материалы (маски, медикаменты, защитную одежду, тесты, медицинское оборудование). На Ближний Восток и в Северную Африку были направлены группы китайских вирусологов и медиков. Пекин также запустил серию специализированных видеоконференций и онлайн-консультаций по организации противоэпидемических мероприятий [重大公共卫生突发事件对“一带一路”的影响与应对 2020; 张丹丹, 孙德刚2020].

Помимо правительства КНР экстренную медицинскую и техническую помощь странам Ближнего Востока оказывает Общество Красного Креста Китая: его специалисты делятся опытом с медицинским персоналом госпиталей Ирана, организуют поставки в Ирак лабораторного оборудования и медицинских материалов. Активное участие в продвижении инициативы Шелкового пути здоровья принимают предприятия и неправительственные организации КНР. Так, например, турецкий филиал Промышленного и коммерческого банка Китая совместно с Генеральной Торговой палатой китайских предприятий в Турции передали Анкаре противоэпидемические медицинские материалы. Общественный фонд Джека Ма и Фонд «Alibaba» пожертвовали каждой африканской стране по 100 тыс. медицинских масок, 1 тыс. защитных костюмов, 1 тыс. специальных средств защиты и 20 тыс. тестовых наборов [Там же]. Очевидно, что методы медицинской дипломатии вносят весомый вклад не только в глобальную борьбу с пандемией, но и в продвижение китайской инициативы «Пояса и пути».

Пандемический кризис создал благоприятные условия и для развития Цифрового Шелкового пути (Digital Silk Road), с идеей создания которого Пекин выступил в 2015 г. Инициатива нацелена на поддержку цифрового сегмента зарубежных инфраструктурных проектов, преодоление неблагоприятных факторов и барьеров, ограничивающих темпы социально-экономического роста стран — участниц ОПОП [Construction of Digital Silk Road 2019]. Внедрение сервисов электронного правительства, электронной коммерции, интернет-банкинга, мобильных платежных систем и других цифровых продуктов позволит государствам Ближнего Востока более быстро и эффективно осуществить программы диверсификации экономики и интегрироваться в мировое экономическое пространство в качестве полноправных акторов [Сэла, Фридман 2020].

Как отмечается в вышеупомянутом документе Госсовета КНР «Борьба с Covid-19: Китай в действии», страна смогла успешно противостоять

пандемии благодаря инновационным технологиям и оперативному внедрению научно-технических достижений [SCIO of PRC 2020]. В 2020 г. проекты Цифрового Шелкового пути стали платформой для обмена информацией, отслеживания эпидемиологической ситуации, размещения статистических и исследовательских отчетов, совместной борьбы государств со слухами и дезинформацией. Во время пандемии Китай экспортировал на Ближний Восток новейшее диагностическое оборудование, нанотехнологии, электронные системы здравоохранения, медицинские мобильные приложения, позволяющие определить состояние здоровья пользователя. В настоящее время Китай намерен запустить на Ближнем Востоке телекоммуникационные технологии 5G, заменить старые или проложить новые волоконно-оптические кабели, внедрить свою спутниковую навигационную систему Beidou [China's "Belt and Road" 2020].

Пандемический кризис позволил КНР активизировать взаимодействие с партнерами по ОПОП путем проведения видеоконференций. В марте 2020 г. в онлайн-формате состоялась встреча представителей правительственных и экспертных кругов КНР и 16 ближневосточных государств. Стороны обсудили меры по преодолению пандемии и ее последствий, алгоритмы и механизмы расширения и углубления сотрудничества в области здравоохранения, обмена информацией и высокими технологиями [廖力强 2020].

В июле 2020 г. в Пекине состоялся онлайн-форум «Сотрудничество между Китаем и Ближним Востоком в рамках борьбы с Covid-19: традиционная дружба и совместное строительство будущего». Специальный посланник правительства КНР по вопросам Ближнего Востока подчеркнул, что в условиях пандемической угрозы правительствам следует координировать действия, совместными усилиями противостоять новым вызовам, стремиться к построению китайско-ближневосточной модели «сообщества единой судьбы». Участники форума отметили внушительный вклад проектов Шелкового пути здоровья и Цифрового Шелкового пути в стабилизацию эпидемиологической ситуации на Ближнем Востоке [中阿合作论坛引领中阿合作新发展 2020].

В том же месяце в режиме онлайн состоялась Девятая министерская конференция Китайско-арабского форума сотрудничества. В числе ее итоговых документов — совместное заявление по борьбе с пандемией, Амманская декларация и План действий по углублению сотрудничества между Китаем и арабскими государствами. В совместном заявлении отмечается, что «в пределах своих возможностей Китай готов оказывать дальнейшую поддержку арабским странам путем предоставления им материальной помощи, направления медицинских экспертных групп, проведения видеоконференций и внедрения цифровых технологий» [中国和阿拉伯国家团结抗击新冠肺炎疫情联合声明 2020].

Заключение

По мнению Се Фужаня, главы Китайской Академии общественных наук, положительный опыт объединения усилий по борьбе с пандемией укрепил долгосрочное стратегическое партнерство КНР и стран Ближнего Востока [深化友谊共创未来 2020]. Действительно, пандемический кризис 2020 г. продемонстрировал взаимозависимость современных государств, оказал стимулирующее влияние на развитие и углубление международного сотрудничества в рамках ОПОП. Продемонстрированная Пекином способность оперативно выстраивать эффективную модель управления рисками свидетельствует о жизнеспособности инициативы «Пояса и пути». Китайский опыт борьбы с пандемией подчеркнул значимость совместных действий в сфере мобилизации внутренних и внешних экономических и человеческих ресурсов, создания благоприятных условий для развития частно-государственного партнерства и обеспечения безопасной инвестиционной среды.

Очевидно, что в дальнейшем Пекин продолжит использовать инструменты «мягкой силы» (Шелковый путь здоровья, Цифровой Шелковый путь, встречи экспертов и т. п.) для поддержания своего позитивного имиджа на Ближнем Востоке, обеспечения бесперебойных поставок углеводородных ресурсов и безопасности торговых путей и капиталов, для расширения экономической активности китайских компаний в регионе. Это создает предпосылки для усиления геополитических позиций КНР на Ближнем Востоке.

Вместе с тем использование новых инструментов продвижения ОПОП на Ближнем Востоке на фоне роста напряженности в китайско-американских отношениях может привести к усилению соперничества между ведущими внерегиональными державами и поставить ряд ближневосточных государств — традиционных союзников США перед небеспроблемным выбором внешнеполитических приоритетов [Сэла, Фридман 2020]. Оценивая риски проектов ОПОП в постпандемическую эпоху, китайские эксперты также не исключают того, что КНР может сосредоточиться на решении внутренних социально-экономических проблем и это неизбежно приведет к снижению китайских инвестиций на ближневосточном направлении. Наиболее уязвимыми в таком случае окажутся гуманитарные проекты. Однако пока Пекин мобилизует силы на завершение начатых до пандемии проектов. В их числе строительство главного стадиона чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре общей стоимостью 5,17 млрд юаней. Пандемия осложнила, но не остановила процесс реализации проекта, и к августу 2020 г. 73,5 % строительных работ было завершено [(全球抗疫进行时)通讯 2020].

С учетом довольно сложной и подвижной структуры ближневосточного геополитического пространства КНР, как известно, отдает предпочтение двусторонним форматам сотрудничества. Поэтому в случае внесения коррективов

в проекты ОПОП в регионе Пекин будет принимать решения, исходя из роли и места того или иного ближневосточного государства в реализации национальных интересов КНР. В обозримом же будущем следует ожидать дальнейшего замедления темпов реализации проектов ОПОП на Ближнем Востоке и их относительно быстрого возврата к допандемическим показателям после восстановления глобальных производственных цепочек. Иными словами, китайская инициатива «Пояса и пути» должна стать важным фактором оживления как национальных экономик стран Ближнего Востока, так и мировой экономики в целом.

Список литературы

- Сэла, Фридман 2020 — Сэла О., Фридман Б. Китай на Ближнем Востоке: куда заведет «Пояс и путь»? [Электронный ресурс] // Валдай : международный дискуссионный клуб. 2020. 19 августа. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-na-blizhnem-vostoке-kuda-zavedyet-royas-i-put/> (дата обращения: 19.09.2020).
- Boo 2020 — Boo B. What is the Impact of the New Coronary Pneumonia Epidemic on China's 'Belt and Road' Construction [Electronic resource] // World Economic Forum. 2020. May. URL: <https://cn.weforum.org/agenda/2020/05/fei-yan-yi-qing-zhong-guo-yi-dai-yi-lu-jian-she-you-he-ying-xiang-he-ying-xiang/> (access date: 18.09.2020).
- China's Arab Policy 2016 — China's Arab Policy Paper [Electronic resource] // China.org. 2016. 14 January. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2016-01/14/content_37576812.htm (access date: 18.09.2020).
- China's "Belt and Road" 2020 — China's "Belt and Road" Push Brings Risks, Rewards to Mideast [Electronic resource] // Al-Monitor. 2020. July. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/07/china-mideast-gcc-beidou-gps-digital-silk-road-belt-road.html> (access date: 19.09.2020).
- Construction of Digital Silk Road 2019 — Construction of Digital Silk Road Lights up BRI Cooperation [Electronic resource] // People's Daily. 2019. 24 April. URL: <http://en.people.cn/n3/2019/0424/c90000-9571418.html> (access date: 18.09.2020).
- Covid-19 Frontline 2020 — Covid-19 Frontline [Electronic resource] // CGTN. URL: <https://www.cgtn.com/specials/COVID-19-Frontline.html> (access date: 18.09.2020).
- Fighting Covid-19: China in Action 2020 — Fighting Covid-19: China in Action [Electronic resource] // Xinhua. 2020. 7 June. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (access date 18.08.2020).
- Fighting Covid-19: The Chinese Way 2020 — Fighting Covid-19: The Chinese Way [Electronic resource] // China Daily. URL: <https://covid-19.chinadaily.com.cn/> (access date: 18.09.2020).
- SCIO of PRC 2020 — The State Council Information Office of the People's Republic of China. Fighting Covid-19: China in Action [Electronic resource]. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2020-06/07/content_76135269.htm (access date: 18.09.2020).
- Vision 2015 — Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Beijing : NDRC of the PRC, 2015. 14 p.
- Zheng 2017 — Zheng D. Maintenance of China's Interests in the Middle East // Chinese Investments. 2017. Vol. 15. P. 66–68.
- 疫情对一带一路项目的影响 2020 — 疫情对一带一路项目的影响 [Electronic resource] // 一带一路网. URL: http://minp.bricc.org.cn/Module_Think/ThinkPortal/ArticleDetail.aspx?aid=472 (access data: 18.09.2020).

- 重大公共卫生突发事件对“一带一路”的影响与应对 2020 — 重大公共卫生突发事件对“一带一路”的影响与应对 [Electronic resource] // 《南京社会科学》. URL: http://www.gmw.cn/xueshu/2020-08/05/content_34060240.htm (access data: 18.09.2020).
- (全球抗疫进行时)通讯 2020 — (全球抗疫进行时)通讯: 友谊无国界疫情有终时——记卡塔尔世界杯主体育场项目中外施工者携手抗疫施工 [Electronic resource] // 新浪网. URL: https://k.sina.com.cn/article_213815211_0cbe8fab02000zmuf.html?from=news&subch=onews (access data: 18.09.2020).
- 中阿合作论坛引领中阿合作新发展 2020 — 中阿合作论坛引领中阿合作新发展 [Electronic resource] // 光明日报. URL: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2020-07/12/nbs.D110000gmrb_08.htm (access data: 18.09.2020).
- 《大国战“疫”》近期出版 2020 — 《大国战“疫”》近期出版 [Electronic resource] // 新华网. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-02/26/c_1125627516.htm (access data: 18.09.2020).
- 受疫情影响的高质量共建“一带一路”项目和企业将获开发性金融支持 2020 — 受疫情影响的高质量共建“一带一路”项目和企业将获开发性金融支持 [Electronic resource] // 中华人民共和国商务部. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwtydl/zgzx/202003/20200302943026.shtml> (access data: 18.09.2020).
- 廖力强 2020 — 廖力强: 《中阿携手抗疫 打造健康安全命运共同体》 [Electronic resource] // 中阿合作论坛. URL: <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/yyzs/t1764607.htm> (access data: 18.09.2020).
- 2020年“一带一路”沿线国家主权信用风险展望 2020 — 2020年“一带一路”沿线国家主权信用风险展望 [Electronic resource] // 新浪财经. URL: <https://www.xfqh.cn/dt/170.229203.html> (access data: 18.09.2020).
- “一带一路”项目不受冠状病毒影响 2020 — “一带一路”项目不受冠状病毒影响 [Electronic resource] // 中国财税网. URL: <http://www.caishuicn.com/hongguan/20200221/18776.html> (access data: 18.09.2020).
- 中国和阿拉伯国家团结抗击新冠肺炎疫情联合声明 2020 — 中国和阿拉伯国家团结抗击新冠肺炎疫情联合声明 [Electronic resource] // 新华网. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-07/07/c_1126207545.htm (access data: 18.09.2020).
- 深化友谊共创未来 2020 — 深化友谊共创未来 ——“新冠肺炎疫情下中国与中东合作”线上论坛侧记 [Electronic resource] // 中国一带一路网. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/136817.htm> (access data: 18.09.2020).
- 张丹丹, 孙德刚 2020 — 张丹丹, 孙德刚: 《患难与共: 中国对中东国家的抗疫援助》 [Electronic resource] // 《中国社会科学报》. URL: http://sscp.cssn.cn/xkpd/gjyk/202004/t20200415_5114680.html (access data: 18.09.2020).
- “健康丝绸之路”为生命护航 2020 — “健康丝绸之路”为生命护航——抗击疫情离不开命运共同体意识 [Electronic resource] // 人民日报. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0324/c40531-31645276.html> (access data: 18.09.2020).

References

- Boo, B. (2020), “What is the Impact of the New Coronary Pneumonia Epidemic on China’s ‘Belt and Road’ Construction”, *World Economic Forum*, May, available at: <https://cn.weforum.org/agenda/2020/05/fei-yan-yi-qing-zhong-guo-yi-dai-yi-lu-jian-she-you-he-ying-xiang-he-ying-xiang/> (accessed 18 September 2020).
- “China’s ‘Belt and Road’ Push Brings Risks, Rewards to Mideast” (2020), *al-Monitor*, available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/07/china-mideast-gcc-beidou-gps-digital-silk-road-belt-road.html> (accessed 18 September 2020).
- “China’s Arab Policy Paper” (2016), *China.org*, available at: http://www.china.org.cn/chinese/2016-01/14/content_37576812.htm (accessed 18 September 2020).
- “China’s Battle Against ‘Epidemic’ Was Recently Published” (2020), *Xinhua wǎng*, available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-02/26/c_1125627516.htm (accessed 18 September 2020) (in Chinese).

- “China-Arab States Cooperation Forum Leads New Development of Sino-Arab Cooperation” (2020), *Guāngmíng rìbào*, available at: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2020-07/12/nbs.D110000gmr_b_08.htm (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “Construction of Digital Silk Road Lights up BRI Cooperation” (2019), *People’s Daily*, available at: <http://en.people.cn/n3/2019/0424/c90000-9571418.html> (accessed 18 September 2020).
- “Covid-19 Frontline” (2020), *CGTN*, available at: <https://www.cgtn.com/specials/COVID-19-Frontline.html> (accessed 18 September 2020).
- “Deepen Friendship and Create a Better Future-Sidelights on the Online Forum ‘China-Middle East Cooperation under the New Coronary Pneumonia Epidemic’” (2020), *Zhōngguó yìdài yìlù wǎng*, available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/136817.htm> (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “Fighting Covid-19: China in Action” (2020), *Xinhua*, available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-06/07/c_139120424.htm (accessed 18 September 2020).
- “Fighting Covid-19: The Chinese Way” (2020), *China Daily*, available at: <https://covid-19.chinadaily.com.cn/> (accessed 18 September 2020).
- “Global Anti-epidemic Communication: Friendship Without Borders Will Provide the End of Epidemic — In Qatar World Cup Main Stadium Project Chinese and Foreign Builders Hand in Hand Ensure Anti-epidemic Construction” (2020), *Xīnlàng wǎng*, available at: https://k.sina.com.cn/article_213815211_0cbe8fab02000zmuf.html?from=news&subch=onews (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “‘Healthy Silk Road’ Escorts Life — the Fight Against the Epidemic is Inseparable from the Consciousness of a Community of Shared Future” (2020), *Rénmín rìbào*, available at: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0324/c40531-31645276.html> (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “Joint Statement on Uniting Efforts between China and Arab countries to Fight the New Coronary Pneumonia Epidemic” (2020), *Xīnhuá wǎng*, available at: http://www.xinhuanet.com/world/2020-07/07/c_1126207545.htm (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “Key ‘Belt and Road’ Projects and Enterprises Affected by the Epidemic Will Receive Financial Support for Development” (2020), *Zhōnghuá rénmin gònghéguó shāngwù bù*, available at: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwydy/zgzx/202003/20200302943026.shtml> (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- Liào, Liqiáng (2020), “China-Arab States Join Hands to Fight the Epidemic to Create a Community of Health and Safety with a Shared Future”, *Zhōng ā hézuò lùntán*, available at: <http://www.chinaarabcf.org/chn/zagx/yyzs/t1764607.htm> (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- Sela, O. and Friedman, B. (2020), “China in the Middle East: Where ‘Belt and Road’ Will Lead?”, *Valdai : mezhdunarodny diskussionny klub*, 19 August, available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-na-blichznem-vostoke-kuda-zavedyet-poyas-i-put/> (accessed 18 September 2020) (in Russian).
- “Sovereign Credit Risk Outlook of the Countries Along the ‘Belt and Road’ in 2020” (2020), *Xīnlàng cáijīng*, available at: <https://www.xfqh.com/dt/170.229203.html> (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “The ‘Belt and Road’ Projects are not Affected by the Coronavirus” (2020), *Zhōngguó cáishuì wǎng*, available at: <http://www.caishuicn.com/hongguan/20200221/18776.html> (accessed: 18 September 2020) (in Chinese).
- “The Impact and Response of Major Public Health Emergencies on the ‘Belt and Road’ Initiative” (2020), *Nánjīng shèhuì kēxué*, available at: http://www.gmw.cn/xueshu/2020-08/05/content_34060240.htm (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- “The Impact of the Epidemic on the Belt and Road Projects” (2020), *Yìdài yìlù wǎng*, available at: http://minp.bricc.org.cn/Module_Think/ThinkPortal/ArticleDetail.aspx?aid=472 (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- The State Council Information Office of the People’s Republic of China (2020), *Fighting Covid-19: China in Action*, available at: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2020-06/07/content_76135269.htm (accessed 18 September 2020).

- Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road* (2015), NDRC of PRC, Beijing, 14 p.
- Zhāng, Dāndān, and Sūn, Dégāng (2020), “We Are Together: China’s Anti-epidemic Aid to the Middle East Countries”, *Zhōngguó shèhuì kēxué bào*, available at: http://sscp.cssn.cn/xkpd/gjyk/202004/t20200415_5114680.html (accessed 18 September 2020) (in Chinese).
- Zheng, D. (2017), “Maintenance of China’s Interests in the Middle East”, *Chinese Investments*, vol. 15, pp. 66–68.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 5.10.2020

Информация об авторах

Валиахметова Гульнара Ниловна
доктор исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: vgulnara@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-7199-7723

Герман Мария Алексеевна
магистрант образовательной программы
«Международные отношения»
Университет Фудань
200433 КНР, г. Шанхай, ул. Ханьдань, 220
E-mail: ger-marya@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-8482-5787

Information about the authors

Valiakhmetova, Gulnara Nilovna
D. Sci. (History), Associate Professor
Ural Federal University
51, Lenina st., Ekaterinburg, Russia, 620083
E-mail: vgulnara@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0001-7199-7723

German, Maria Alekseevna
Master’s Degree Student in International
Relations
Fudan University
220 Handan St., Shanghai, China, 200433
E-mail: ger-marya@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0001-8482-5787

СПЕЦИФИКА ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЭКСПАНСИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Н. А. Комлева

Центр геополитического анализа
Академии геополитических проблем
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных направлений осуществления геополитической экспансии Китая в регионах Арктики и Антарктики в настоящий период времени. Используются исторически-логический и компаративный методы анализа. Изучаются институции и формы экономического и политического присутствия Китая в регионах Арктики и Антарктики, а также основные способы осуществления геополитической экспансии этой страны в полярных зонах. Итоговый вывод: активное освоение Китаем циркумполярных зон Земли отражает его стремление стать одним из ведущих акторов разработки стратегических ресурсов этих регионов и является весомой составной частью глобальной экспансии данного государства.

Ключевые слова: Китай, Арктика, Антарктика, геополитическая экспансия, институты экспансии, формы экспансии.

Для цитирования: *Комлева Н. А. Специфика циркумполярной экспансии современного Китая // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 269–280. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.015*

SPECIFICS OF THE CIRCUMPOLAR EXPANSION OF THE MODERN CHINA

N. A. Komleva

Center for Geopolitical Analysis
of Geopolitical Problems Academy
Moscow, Russia

Abstract: The article focuses on the main areas of China's geopolitical expansion in the Arctic and Antarctic regions nowadays. The research exploits such methods as historical-and-logical analysis and comparative analysis. The author examines

the institutions and forms of China's economic and political presence in the Arctic and Antarctic regions, as well as the main ways of implementing the country's geopolitical expansion in the polar zones. The author concludes that China's active stretch in the circumpolar zones of the Earth reflects its desire to become one of the leading actors in the development of strategic resources in these regions.

Keywords: China, Arctic, Antarctic, geopolitical expansion, institutions of expansion, forms of expansion.

For citation: Komleva, N. A. (2020), "Specifics of the Circumpolar Expansion of the Modern China", *Koinon*, vol. 1, no. 1-2, pp. 269-280 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.015

Циркумполярная экспансия современного Китая является составной частью системной экспансии этой страны, активно стремящейся к статусу глобальной сверхдержавы, и закономерным образом обращает на себя пристальное внимание многочисленных исследователей как на Западе, так и в России. В частности, различные аспекты полярной экспансии КНР успешно изучают А.-М. Брэйди, К. Мейер, Ф. Ричардс, Н. Сноу, Р. Файф, С. Чейз, Л. Уилкокк и ряд других, а из российских исследователей — В. И. Балакин, Г. В. Белый, М. Ю. Гутенев, В. П. Журавель, А. И. Лабюк, Н. Р. Максимов, В. Н. Коньшев, А. К. Криворотов, В. Е. Петровский, А. А. Сергунин, а также многие иные авторы, перечисление имен которых заняло бы не менее страницы. Не остаются, естественно, вне рамок данного процесса и китайские учёные: Ван Цзюньтао, Куан Цзенцзюнь, Тан Шихуа, Пен Инин, Цзун Хэ и другие. Однако, на наш взгляд, исследователи уделяют внимание лишь отдельным, бесспорно весьма важным, аспектам освоения Китаем циркумполярных регионов, в то время как рассмотрение данной проблемы, совокупно охватывающее институциональные, политические, экономические и идеологические ее аспекты, в научной литературе встречается нечасто. Данная статья является попыткой такого исследования, по необходимости изложенного в краткой форме. Основными методами исследования являются исторически-логический и компаративный.

Освоение циркумполярных областей как составная часть глобальной стратегии КНР: основные причины и институции

Современный Китай осуществляет масштабную экспансию во всех ключевых регионах мира [Багдасарян 2015; Китайский глобальный проект 2016; Лазарева 2013; Подвойский 2017]. Этот фактор оказывает значительное влияние на развитие глобальных процессов. Сам по себе масштаб китайской экспансии подтверждает статус Китая как «поднимающейся глобальной сверхдержавы» и меняет расстановку сил как в конкретном регионе, так и в мире в целом. «...Китай стал не только отдельным центром мирового влияния, но

и одной из структурных опор приобретающего все более реальные очертания многополярного мира» [Китайский глобальный проект 2016, с. 9]. «Цветные революции» последнего времени, происходящие в целом ряде стран (в том числе попытки осуществления данного типа «революций» в самом Китае в 2014, 2019 и 2020 гг.), часто имеют одной из своих целей или даже главной целью устранение Китая как актора, действующего в рамках геополитических пространств конкретной страны, а также ослабление КНР как мощного игрока в географическом, экономическом, кибернетическом и информационно-идеологическом пространстве современного мира [Манойло 2014].

Современный Китай распространяет свое влияние на все континенты и регионы Земли, но в текущем столетии особенно активно — на ее полярные зоны, т. е. на Арктику и Антарктику. Научные определения этих регионов таковы. *Арктика* — это северная полярная область земного шара, охватывающая Северный Ледовитый океан с островами (кроме востока и юга Норвежского моря), прилегающие части Атлантического и Тихого океанов и северные окраины материков Евразии и Северной Америки (без полуострова Лабрадор). Южная граница Арктики на суше совпадает с южным пределом зоны тундры. [Арктика 2020]. *Антарктика* (вместе с Субантарктикой) — это южная полярная область земного шара, ограниченная с севера антарктической конвергенцией. Включает Антарктиду и омывающий ее Южный океан, а также ряд островов: Южную Георгию, Южные Сандвичевы, Южные Оркнейские, Южные Шетландские и др. Границу Антарктики проводят по северному положению линии антарктической конвергенции, т. е. границы схождения северных, относительно теплых, и южных, холодных поверхностных, вод, которая проходит в основном в пределах 48–60° ю. ш. [Антарктика 2020]

Интересоваться Арктикой и Антарктикой Китай начал еще в 1981 г., когда стартовала национальная программа полярных исследований. Однако первая реальная экспедиция в Арктику состоялась лишь в 1999 г. При этом (по данным 2015 г.) число китайских экспедиций в Антарктиду превосходит число арктических более чем в семь раз [Ван Цзюньтао 2015, с. 53].

Особое значение имеет в данном аспекте такой геополитический проект КНР, как «Один пояс — один путь» (инициирован в 2013 г.): «Стратегическая инициатива Китая “Один пояс, один путь”, по оценке некоторых экспертов, стала не только способом развития торговых путей КНР с основными рынками сбыта своей продукции и источниками дефицитного промышленного сырья, но и проектом новой модели глобализации. И этот проект находит все более широкую поддержку как на Востоке, так и на Западе» [Подвойский 2017, с. 44]. В рамках данного геополитического проекта Китай заявил и проект Полярного Шёлкового пути (2017 г.).

Арктика и Антарктика привлекают особое внимание китайских государственных и частных корпораций по следующим причинам. Северо-Западный

(Канада) и Северо-Восточный (Россия) проходы в Северном Ледовитом океане сокращают путь из одной части света в другую на треть (Северо-Западный проход) и наполовину (Северо-Восточный проход). 13 % мировых запасов нефти содержатся в Арктическом регионе (преимущественно около Аляски), там же находятся 30 % мировых запасов природного газа (преимущественно в Российской Арктике, что составляет 91 % российского природного газа), имеются запасы золота, серебра, алмазов, никеля, меди, платиноидов, черных металлов, марганца, ртути, титана, угля, апатитов (преимущественно — в Российской Арктике), 80 % мировых запасов пресной воды. В Антарктике разведаны значительные запасы нефти, залежи железной руды, каменного угля; возможно наличие руд меди, никеля, свинца, цинка, молибдена, горного хрусталя, слюды, графита [Волков, Галямов, Лобанов 2019; Чернов 2019]. При этом в международном праве действует запрет на разработку минеральных богатств Антарктиды до 2048 г. Разрешена только научная «и иная мирная деятельность» [Договор об Антарктике 1959].

«Китай хочет играть ведущую роль в разработке правил игры в новых сферах, потому что традиционные уже захвачены и поделены старыми державами. Китай обладает техническими возможностями для участия в разработке природных богатств Арктики. К этому его вынуждают национальные интересы страны», — отмечает проф. Цзинь Цанджун из университета Ренмин (Пекин) [Мануков 2018].

За ведение научных программ и материально-техническое обеспечение полярных экспедиций отвечает специальное ведомство КНР — Государственное управление по делам Арктики и Антарктики в составе Государственного океанологического управления КНР.

Исследования полярных регионов планеты проводят институты Академии наук КНР, в частности Институт океанологии и Институт географических наук и природных ресурсов, а также структуры Академии общественных наук КНР. Развиваются такие исследования и в целом ряде китайских университетов. Изучением Антарктики специально занимается Китайский центр антарктических астрономических исследований при астрономической обсерватории Цзыцзиньшань Академии наук Китая (г. Нанкин). С 2007 г. Центр направляет своих специалистов в Антарктиду в составе национальных полярных экспедиций. Но ведущая роль в изучении Арктики и Антарктики принадлежит Центру полярных исследований Китая в г. Шанхае (ранее назывался Институт полярных исследований), который координирует научно-исследовательскую деятельность в стране и отвечает за объекты инфраструктуры, задействованные в выполнении программ полярных исследований. «Фабрики мысли» отвечают за обоснование и детальную разработку способов и форм освоения Китаем циркумполярных регионов. В частности, указанными организациями разработаны и осуществляются как государственные, так и частные формы присутствия Китая в Арктике.

Китайская экспансия в Арктике

Государственная экспансия Китая в Арктике проявляется в следующем.

Китайское государство активно участвует в работе международных координационных и исследовательских структур. Китай имеет статус наблюдателя в Арктическом совете с 2013 г., и именно с этого момента начался период его повышенной активности в Арктике. С 1996 г. КНР входит в Международный арктический научный комитет и активнейшим образом участвует в его деятельности. Китайско-североевропейский центр арктических исследований (основан в 2013 г.) осуществляет научную координацию своих научных проектов с арктическими и приарктическими странами Европы. Китай — посредством Института полярных исследований — принимает активное участие в работе неправительственного Азиатского форума полярных исследований (создан в 2004 г.). Функционирует китайско-скандинавский арктический научно-исследовательский центр (CNARC), основанный в Шанхае в 2013 г. [Карлусов 2012].

Развивается двустороннее научное сотрудничество по изучению Арктики: Китайско-американский арктический форум в области общественных наук, Китайско-канадский семинар, Китайско-российский семинар по арктическому сотрудничеству (ежегодный), Российско-китайский арктический научно-исследовательский центр (2019 г.). КНР планирует увеличить штат научных сотрудников, занимающихся Крайним Севером, в пять раз, до тысячи человек, при этом на научные исследования в Арктике КНР тратит ежегодно 60 млн долларов [Журавель 2019].

Большое внимание уделяется развитию материально-технической базы полярных проектов. В составе морского флота КНР имеются два ледокола и строятся четыре новых, в том числе с атомной двигательной установкой; полярные экспедиции этих судов, а также пробных коммерческих проходов универсальных судов КНР по арктическим маршрутам дали почву для публикации «Арктического атласа» КНР, который включает в себя два издания: первое представляет собой руководство по арктическому судоходству на Северо-Восточном проходе (опубликовано в сентябре 2014 г.), второе — на Северо-Западном проходе (опубликовано в апреле 2016 г.).

Китай активно участвует в полярных проектах приарктических государств. Работает железная дорога между финским городом Коуволла и китайским Сианем. В декабре 2017 г. российская энергетическая компания «НОВАТЭК» ввела в эксплуатацию завод по производству сжиженного природного газа на полуострове Ямал, который на 30 % финансируется Национальной нефтяной корпорацией Китая и китайским государственным инвестиционным фондом. Китайские компании ведут добычу полезных ископаемых в Канаде и Гренландии, которая принадлежит Дании. Китай инвестирует немалые средства в развитие Гренландии. В 2017 г. шанхайская компания Shenghe Resources купила 12,5 % акций Greenland Minerals and Energy A/S и стала ее

крупнейшим акционером. По соглашению Shenghe имеет право увеличить свою долю во флагманском проекте гренландской компании добычи урана в Кванефельде до 60 % [Кобзева 2017, с. 967–968]. Глубоководная полупогружная буровая платформа китайского производства в 2015 г. начала работу в рамках совместного норвежско-китайского нефтяного проекта. Особую активность Китай проявляет в арктическом сотрудничестве с Россией: разрабатываются совместные исследовательские, инфраструктурные, транспортные, промышленные проекты (подробнее см.: [Калфаоглу 2018; Тренин 2020]).

Китай арендует или стремится купить часть территории арктических государств для осуществления собственных проектов. Так, в Швеции с 2016 г. действует китайская наземная станция спутниковой связи. Государственные структуры Китая пытались (неудачно) купить два порта в Исландии и порт Киркенес в Норвегии.

Поддержка населением арктических и антарктических проектов государства — важная составная часть полярной экспансии Китая. С целью формирования общенационального запроса на освоение Китаем циркумполярных регионов в Шанхае (2015 г.) построен международный тематический полярный парк, рассчитанный на ежегодное посещение 6 млн туристов и включающий в себя музеи, экспозиции, выставки, а также различные развлечения, знакомящие посетителей с природой и историей Арктики и Антарктики. По тому же поводу в 2016 г. Центральным телевидением Китая был снят популярный фильм «Арктика! Арктика!». Существует и постоянно действующее танцевальное полярное шоу. Благодаря этим и подобным мероприятиям сформировался активный интерес китайского населения к полярному туризму. Китайцы составляют основную часть туристов, направляющихся на отдых и развлечения в арктические и антарктические туры (только в Исландию — около 50 тысяч человек ежегодно [Кобзева 2017, с. 966]). В 2016 г. Администрацией морской безопасности Министерства транспорта КНР издан путеводитель по Северо-Западному проходу (акватории Канады и США) на китайском языке.

В 2017 г. главой КНР Си Цзиньпином провозглашен проект Полярного Шелкового пути как составной части проекта «Один пояс — один путь».

Создана и идеологическая база полярной экспансии КНР, подкрепляющая, в частности, Полярный Шелковый путь. В 2018 г. опубликована Белая книга по Арктике («Политика Китая в Арктике»), где Китай провозглашается околорктическим государством, что, по мысли создателей арктической доктрины Китая, должно послужить обоснованием китайской циркумполярной экспансии. «Белая книга» утверждает: «В отношении географии Китай является околорктическим государством, одной из континентальных стран, которые находятся близко к Полярному кругу. Природные условия Арктики и их изменения оказывают прямое воздействие на климат Китая и его окружающую среду. Они влияют на его экономические задачи в сельском хозяйстве,

лесной и рыболовецкой отраслях, морской промышленности и других сферах экономики» [Журавель 2019]. «Политика Китая в Арктике» акцентирует внимание на четырех основных вопросах: 1) участии в развитии маршрутов в Арктике, составляющих Северо-Западный проход и Северо-Восточный проход (Северный Морской Путь); 2) участии Китая в эксплуатации природных ресурсов Арктики с акцентом на развитии альтернативных источников энергии; 3) добыче так называемых «живых» ресурсов (рыба и морепродукты); 4) развитии арктического туризма, в котором КНР уже является одним из лидеров [Куан Цзенцзюнь, Оу Кайфэй 2019].

Разнообразие китайских интересов в освоении Арктики приводит, в частности, к повышению его военной активности в данном регионе. Пока что дело ограничивается станцией спутниковой связи в Кируне (Швеция), арктическими экспедициями четырех небольших военных ледоколов и постройкой атомной подводной лодки с ядерным двигателем, способной «работать» подо льдами Арктики, однако, по русской пословице, лиха беда начало. Американские военные выражают озабоченность... [The U.S. Department of Defense 2019; Wegge 2014].

Частная инициатива представлена главным образом компанией «Чжункунь» (глава — бывший госчиновник Хуан Нубо). Эта компания ведет себя довольно активно, но пока что без видимых крупных успехов. В 2011 г. «Чжункунь» попыталась купить участок на северо-западе Исландии, что не осуществилось по причине вето правительства Исландии. В 2014 г. была попытка покупки участка площадью 217 кв. км на Шпицбергене в Норвегии, но и она не удалась из-за противодействия норвежских властей. В 2016 г. компания попыталась купить военную базу Дании в Гренландии; база не функционирует с 2014 г. и была продана в частные руки, но после предложения китайцев правительство Дании в ускоренном порядке вернуло базу в государственную собственность, и попытка «Чжункунь» не удалась. Тем не менее эти настойчивые попытки свидетельствуют о стремлении Китая «не мытьем, так катаньем» закрепить в Арктике.

Экспансия Китая в Антарктике

Антарктика также привлекает пристальное внимание Китая, который имеет в данном регионе четыре научные станции и строит планы расширения своего присутствия увеличением их числа до 10. Главная их функция — разведка ресурсов. Как уже говорилось выше, Договором по Антарктике 1959 г. в этом регионе запрещена всякая деятельность, кроме научной. Участниками договора являются 53 государства. Отдельными протоколами к договору Антарктика защищена от чрезмерного отлова рыбы и добычи полезных ископаемых — важнейших ресурсов региона. В частности, протокол об охране

окружающей среды 1991 г. предусматривает запрет на разработку и добычу минеральных ресурсов в Антарктиде в течение 50 лет. Однако Китай «стоит на низком старте» и планирует заняться ресурсами Антарктики сразу после снятия международных ограничений. В настоящее время действующие китайские антарктические станции оснащаются современным оборудованием, которое позволит осуществлять добычу полезных ископаемых в глубоководных районах Антарктики, как только это будет разрешено международными договорами. Заявляется о планах осуществления ряда проектов по экспериментальному глубоководному бурению.

Китай начал осваивать Антарктику несколько позже, чем Арктику, — в 1984 г., когда туда была организована первая научная экспедиция, а в 1985-м там появилась и первая национальная станция «Чанчэн». В настоящее время Китай располагает в регионе четырьмя станциями: «Куньлунь», «Тайшань», «Чжуншань» и «Чанчэн» и планирует построить пятую круглогодичную на Земле Виктории в море Росса для изучения акватории Южного океана. В ближайшие годы намечено увеличить число станций до 10.

В 2015 г. впервые 32-я китайская антарктическая экспедиция была оснащена закупленным в США специальным самолетом Basler BT-67 для полетов в условиях Антарктиды. В перспективе Китай собирается создать свою первую полярную авиационную эскадрилью, для чего уже сейчас ведется подготовка летного состава и наземного персонала для ее обслуживания. Планируется строительство первого антарктического аэропорта для ускорения выполнения геологоразведочных и научно-исследовательских государственных проектов. Аэропорт будет построен около исследовательской станции «Чжуншань».

Активность Китая в Антарктике весьма велика, о чем можно судить по следующим фактам: 1) Китай держит первое место по размеру расходов на ведение антарктической деятельности (операционные расходы, научно-исследовательские фонды, инвестиции в инфраструктурный потенциал: базы, самолеты, ледоколы); 2) занимает второе место после США по количеству находящихся в регионе граждан (ученые, туристы, рыбаки); 3) третье место после США и России по количеству, расположению и типу (круглогодичные или сезонные) научных баз в Антарктике; 4) третье место после США и России по уровню и степени вовлеченности страны в антарктическую деятельность.

Вывод

«Полярные районы... стали новыми стратегическими областями, в которых Пекин видит будущее страны» (Ван Чуансин, университет Тунцзи, Шанхай) [Магдалинская 2018].

Специфика китайской модели освоения циркумполярных зон выражается в ее системном характере: 1) полярная экспансия КНР вписана в тотальный

евразийский проект Китая «Один пояс — один путь», причем именно Полярный Шелковый путь придает этому проекту комплексный характер, распространяя его не только на евразийскую сушу, но и на северные моря Евразии; 2) освоение полярных зон обосновано специальной доктриной Китая, изложенной в особой «Белой книге»; 3) созданы государственные институты осуществления полярной экспансии КНР, как научно-исследовательские, так и управленческие; 4) Китай участвует в работе международных институтов освоения и изучения Арктики и Антарктики; 5) осуществляются экономические, транспортные, инфраструктурные, научные, образовательные и туристические проекты, в том числе и международного характера, в рамках единого процесса освоения Китаем Арктики и Антарктики; 6) финансирование и пропаганда освоения полярных регионов Китаем находятся на высоком уровне; 7) материально-техническая база полярных проектов Китая неуклонно укрепляется и развивается; 8) к освоению Арктики привлекаются не только государственные материальные, научные и кадровые ресурсы, но и возможности частного китайского капитала; 9) Китай практикует покупку или аренду необходимых ему участков арктической территории, принадлежащей другим странам.

Таким образом, активное освоение Китаем циркумполярных зон Земли отражает его стремление стать одним из ведущих акторов разработки стратегических ресурсов этих регионов и является весомой составной частью глобальной экспансии данного государства.

Список литературы

- Антарктика 2020 — Антарктика [Электронный ресурс] // Словари онлайн. Географическая энциклопедия. URL: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/414-Антарктика> (дата обращения: 06.09.2020).
- Арктика 2020 — Арктика [Электронный ресурс] // Словари онлайн. Географическая энциклопедия. URL: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/509-Арктика> (дата обращения: 06.09.2020).
- Багдасарян 2015 — Багдасарян В. Э. Китайский дракон: геополитические амбиции Поднебесной [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2015. 8 сентября. URL: <http://rusrand.ru/analytics/kitajskij-dragon-geopoliticheskie-ambitsii-podnebesnoj> (дата обращения: 05.09.2020).
- Ван Цзюньтао 2015 — Ван Цзюньтао. Современная внешнеполитическая стратегия Китая в Арктике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3 (227). С. 52–55. DOI: 10.5862/JHSS.227.6.
- Волков, Галямов, Лобанов 2019 — Волков А. В., Галямов А. Л., Лобанов К. В. Минеральное богатство Циркумарктического пояса // Арктика. Экология и экономика. 2019. № 1 (33). С. 106–117. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-106-117.
- Договор об Антарктике 1959 — Договор об Антарктике (Вашингтон, 1 декабря 1959 г.) [Электронный ресурс] // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/2540268/> (дата обращения: 07.09.2020).
- Журавель 2019 — Журавель В. П. «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : материалы XVIII Международной

- научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 2. Ч. 2. М. : ИНИОН РАН, 2019. С. 126–128.
- Калфаоглу 2018 — *Калфаоглу Р.* Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 108–128. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-878.
- Карлусов 2012 — *Карлусов В.* Арктический вектор глобализации Китая [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2012. 15 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/> (дата обращения: 05.09.2020).
- Китайский глобальный проект 2016 — Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад) / науч. ред. В. И. Якунин. М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.
- Кобзева 2017 — *Кобзева М. А.* Арктический вектор в политике Китая при новом руководстве // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 5 (350). С. 962–974. DOI: 10.24891/ni.13.5.962.
- Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй 2019 — *Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй.* Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7. С. 84–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-84-91.
- Лазарева 2013 — *Лазарева Т.* Китайская экспансия: вымысел или реальность [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2013. 30 мая. URL: <https://topwar.ru/28690-kitayskaya-ekspansiya-vumysel-ili-realnost.html> (дата обращения: 05.09.2020).
- Магдалинская 2018 — *Магдалинская Ю.* На белых просторах Арктики. Поднебесная демонстрирует свою готовность к продвижению международного сотрудничества [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. 29 марта (№ 67(7530)). URL: <https://rg.ru/2018/03/29/knr-demonstriruet-svoiu-gotovnost-k-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu.html> (дата обращения: 04.09.2020).
- Манойло 2014 — *Манойло А. В.* Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С. 61–67.
- Мануков 2018 — *Мануков С.* «Белая книга» Китая: Пекин бросает все силы на освоение Арктики [Электронный ресурс] // ПолитМир. 2018. 6 сентября. URL: <http://polit-mir.ru/quotbelaya-kniga-quot-kitaya-pekin-brosaet-vse-sily-na-osvoenie-arktiki-14807.html> (дата обращения: 07.09.2020).
- Подвойский 2017 — *Подвойский Г. Л.* Феномен глобализации по-китайски и проблема евразийской интеграции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 4. С. 40–46.
- Тренин 2020 — *Тренин Д.* Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности [Электронный ресурс] // РСМД: Российский совет по международным делам. 2020. 1 апреля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-v-arktike-sotrudnichestvo-sopernichestvo-i-posledstviya-dlya-evraziyskoj-bezopasnost/> (дата обращения: 04.09.2020).
- Чернов 2019 — *Чернов О.* Последняя кладовая: какие богатства скрывает Антарктида [Электронный ресурс] // INFO. 2019. 28 января. URL: <https://info.sibnet.ru/article/546595/> (дата обращения: 02.09.2020).
- The U.S. Department of Defense 2019 — *The U.S. Department of Defense.* Annual report to Congress: Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China [Electronic resource]. Office of the Secretary of Defense, 2019. 123 p. URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (access date: 09.09.2020).
- Wegge 2014 — *Wegge N.* China in the Arctic: interests, actions and challenges [Electronic resource] // Nordlit. 2014. № 32. P. 83–98. URL: https://www.researchgate.net/publication/284963009_China_in_the_Arctic_interests_actions_and_challenges (access date: 02.09.2020).

References

- “Antarctica”, *Slovari onlain. Geograficheskaya entsiklopediya*, available at: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/414-Антарктика> (accessed 6 September 2020) (in Russian).
- “Arctic”, *Slovari onlain. Geograficheskaya entsiklopediya*, available at: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/509-Арктика> (accessed 6 September 2020) (in Russian).
- Bagdasaryan, V. E. (2015), “Chinese Dragon: Geopolitical Ambitions of the Celestial Empire”, *Tsentralnaya Rossiya (Tsentralnaya nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii)*, 8 September, available at: <http://rusrand.ru/analytics/kitajskij-dragon-geopoliticheskie-ambitsii-podnebesnoj> (accessed 5 September 2020) (in Russian).
- Chernov, O. (2019), “Latest Pantry: There’s a Fortune Hidden in the Antarctica”, *INFO*, 28 January, available at: <https://info.sibnet.ru/article/546595/> (accessed 2 September 2020) (in Russian).
- Dogovor ob Antarktike (Vashington, 1 dekabrya 1959 goda)* [The Antarctic Treaty (Washington, December 1, 1959)], Garant, available at: <https://base.garant.ru/2540268/> (accessed 7 September 2020) (in Russian).
- Kalfaoglu, R. (2018), “China-Russia Cooperation in the Arctic: Prospect of Development”, *Bulletin of Moscow Region State University*, no. 2, pp. 108–128 (in Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-878.
- Karlusov, V. (2012), “The Arctic Vector of China’s Globalization”, *RSMD, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 15 March, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkicheskiy-vektor-globalizatsii-kitaya/> (accessed 5 September 2020) (in Russian).
- Kobzeva, M. A. (2017), “Arctic Vector in the Policy of China under the New Ruling”, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 13. no. 5 (350), pp. 962–972 (in Russian). DOI: 10.24891/ni.13.5.962.
- Kuan, Zengjun and Ou, Kaifei (2019), “China’s New Arctic Policy”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 7, pp. 84–91 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-84-91.
- Lazareva, T. (2013), “Chinese Expansion: Fiction or Reality”, *Voennoe obozrenie*, 30 May, available at: <https://topwar.ru/28690-kitayskaya-ekspansiya-vymysel-ili-realnost.html> (accessed 5 September 2020) (in Russian).
- Magdalinskaya, Yu. (2018), “On the White Expanses of the Arctic. China Demonstrates its Readiness to Promote International Cooperation”, *Rossiiskaya gazeta*, 29 March, no. 67 (7530), available at: <https://rg.ru/2018/03/29/kr-demonstriruet-svoiu-gotovnost-k-mezhdunarodnomu-sotrudnichestvu.html> (accessed 4 September 2020) (in Russian).
- Manoilo, A. V. (2014), “The Information Factor of the Color Revolutions and Modern Technologies of Disassembling of Political Regimes”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (39), pp. 61–67 (in Russian).
- Manukov, S. (2018), “China’s White Book: Beijing is Throwing all its Energy into Developing the Arctic”, *PolitMir*, 6 September, available at: <http://polit-mir.ru/quotbelaya-kniga-quot-kitaya-pekina-brosat-vse-sily-na-osvoenie-arktiki-14807.html> (accessed 7 September 2020) (in Russian).
- Podvoysky, G. L. (2017), “The Phenomenon of Globalization in Chinese and the Problem of Eurasian Integration”, *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, vol. 7, no. 4, pp. 40–46 (in Russian).
- The U.S. Department of Defense (2019), *Annual report to Congress: Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China*, Office of the Secretary of Defense, 123 p., available at: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (accessed 9 September 2020).
- Trenin, D. (2020), “Russia and China in the Arctic: Cooperation, Rivalry, and Implications for Eurasian Security”, *RSMD, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 1 April, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-v-arktike-sotrudnichestvo-sopernichestvo-i-posledstviya-dlya-evraziyskoy-bezopasnost/> (accessed 4 September 2020) (in Russian).

- Volkov, A. V., Galyamov, A. L. and Lobanov, K. V. (2019), "The Mineral Wealth of the Circum-Arctic Belt", *Arctic: Ecology and Economy*, no. 1 (33), pp. 106–117 (in Russian). DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-106-117.
- Wang, Juntao (2015), "Modern China's Foreign Policy Strategy in the Arctic", *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (27), pp. 52–55 (in Russian). DOI: 10.5862/JHSS.227.6.
- Wegge, N. (2014), "China in the Arctic: Interests, Actions and Challenges", *Nordlit*, no. 32, pp. 83–98, available at: https://www.researchgate.net/publication/284963009_China_in_the_Arctic_interests_actions_and_challenges (accessed 2 September 2020).
- Yakunin, V. I. (ed.) (2016), *Kitaiskii global'nyi proekt dlya Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskii doklad)* [China Global Project for Eurasia: Statement of the Problem (Analytical Report)], Scientific Expert, Moscow, 130 p. (in Russian).
- Zhuravel, V. P. (2019), "China's White Book on the Arctic: a Look into the Future", in Gerasimov, V. I. (ed.), *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo, materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma «Rossiya: klyucheveye problemy i resheniya». Vypusk 2, chast' 2* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proc. of the 18-th International Scientific Conference within the Framework of the Public Scientific Forum "Russia: Key Problems and Solutions". Iss. 2, part 2], INION RAN, Moscow, pp. 126–128 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 8.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.10.2020

Информация об авторе

Комлева Наталья Александровна
доктор политических наук, профессор
Центр геополитического анализа Академии
геополитических проблем
121108 Россия, Москва, ул. Гурина, 10
E-mail: Komleva1@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-0184-6182

Information about the author

Komleva, Natalya Aleksandrovna
D. Sci. (Political Sciences), Professor
Centre for Geopolitical Analysis
of Geopolitical Problems Academy
10 Gurina St., Moscow, 121108 Russia
E-mail: Komleva1@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0003-0184-6182

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БЕЛОРУССИИ: МАЛОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ УБЕЖИЩА

Р. С. Мухаметов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В настоящей статье анализируется внешнеполитический курс такого малого государства, как Белоруссия. Показано, что в концептуальных внешнеполитических документах официального Минска говорится о многовекторности, однако во внешней политике страны доминирует восточный (российский) вектор. Автор стремится объяснить данный внешнеполитический выбор руководства Белоруссии. С этой целью в работе рассматриваются основные стратегии обеспечения национальной безопасности государств, такие как балансирование, примыкание, стратегическое хеджирование, политика нейтралитета. В статье утверждается, что данные стратегии подходят великим или средним державам, но не малым государствам, каким является Белоруссия. Автор обращается к теории «убежища» («приюта»), которую разработали Балдур Торхаллсон, Элисон Бэйлис, Сверир Стейсон и др. Много внимания уделено основным структурным компонентам данной теории (военно-политическим, экономическим и социальным). Применяя теорию «убежища» к Белоруссии, автор последовательно изучает роль России в решении трудностей Минска, вызванных малым размером государства. Утверждается, что военный суверенитет обеспечивает и поддерживает ОДКБ, экономическая помощь Белоруссии через предоставление кредитов идет по линии Евразийского фонда стабилизации и развития, а также на двусторонней основе. В заключение автор приходит к выводу, что превалирование восточного вектора во внешней политике Минска обусловлено рядом трудностей, преодолеть которые ему помогает именно Россия, а не Брюссель или Вашингтон.

Ключевые слова: малое государство, постсоветское пространство, внешняя политика Белоруссии, внешняя политика России, теория убежища, балансирование, примыкание, хеджирование.

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Внешняя политика Белоруссии: малое государство в поисках убежища // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 281–297. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1-2.016

BELARUS FOREIGN POLICY: A SMALL STATE IN SEARCH OF SHELTER

R. S. Mukhametov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article explores the foreign policy of the Republic of Belarus. Belarus declared a multi-vector policy at the doctrinal level, and neutrality — at the constitutional level. The analysis of the foreign policy course confirms the dominance of the Eastern (Russian) vector. The author aims to explain this choice of official Minsk. In his search for the answer, the author makes use of the concept of a small state. To defend national security, a small state can use one of the options of strategy-balancing, banqueting, strategic hedging and neutrality policy. The author concludes that none of these practices can explain the dominance of the Russian direction in the foreign policy of Belarus. The article argues that these strategies are suitable for large or medium-sized powers, but not for small states like Belarus. The author refers to the theory of “refuge” (“shelter”), which was developed by Baldur Thorhallson, Alison Baileys, Sverrir Staynsson, etc. Much attention is paid to the main structural components of this theory (military-political, economic and social). Applying the theory of shelter to Belarus, the author consistently studies the role of Russia in solving the difficulties of Minsk caused by the small size of the state. Some political analysts argue that the CSTO provides and supports military sovereignty, and economic assistance to Belarus through the provision of loans that goes along the lines of the Eurasian Fund for stabilization and development, as well as on a bilateral basis. In conclusion, the author states that the prevalence of the Eastern vector in Minsk’s foreign policy is due to some difficulties that Russia, not Brussels or Washington, helps it overcome.

Keywords: small state, post-Soviet space, foreign policy of Belarus, foreign policy of Russia, shelter theory, balancing, contiguity, hedging.

For citation: Mukhametov, R. S. (2020), “Belarus Foreign Policy: a Small State in Search of Shelter”, *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 281–297 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.016

Беларусь является страной, которая геополитически находится между Россией и Европейским союзом (ЕС). Такое положение Белоруссии требует от Минска проведения многовекторной политики с целью максимизации выгод, которые он может извлечь из своего промежуточного положения. Многовекторность как внешнеполитический принцип прописана в концептуальных документах страны [Концепция национальной безопасности 2010; Об утверждении Основных направлений 2005]. Однако белорусский внешнеполитический курс не является примером балансирования между соседними геополитическими державами. В течение четверти века после обретения независимости только

один вектор — отношения с Россией — преобладал. Официальный Минск активно участвует в многочисленных российских интеграционных проектах на постсоветском пространстве: Содружестве Независимых Государств (СНГ), Союзном государстве Беларуси и России, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе и др. Он является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и поддерживает глубокое двустороннее сотрудничество в области обороны и безопасности с Россией. Членство Минска в ряде международных межправительственных и надправительственных организаций регионального масштаба делает принцип нейтралитета, провозглашенный, между прочим, в Конституции страны (ст. 18), не более чем лозунгом, который используется белорусскими властями во внутренней политике. Почему многовекторность во внешней политике Минска или принцип нейтралитета потерпели неудачу или вообще никогда не развивались? Постараемся в данной статье дать ответ на этот вопрос.

Статья имеет несколько разделов. Первый раздел посвящен основным подходам к определению понятия малого государства. Во втором разделе рассматриваются основные стратегии обеспечения безопасности, которые используют государства. Теория убежища, или приюта, раскрывается в третьем разделе. Наконец, последний раздел отдан рассмотрению военно-политических, экономических и социальных благ, которые получает Белоруссия от России.

В политической науке, в науке о международных отношениях нет согласованного определения понятия малого государства. Все подходы к определению термина можно свести к двум — количественным и качественным. В рамках первого подхода исследователи выдвигают определения, которые поддаются количественному измерению и оценке. Так, например, Морис Ист предложил определение малых государств по их населению, величине территории и размеру экономики [East 1973, p. 560]. Сегодня наиболее часто используемым количественным критерием отнесения государства к малому является количество населения. Широкое использование и принятие этого подхода происходит благодаря трем факторам. Во-первых, соответствующие данные, как правило, легко доступны, в частности, для современных исследований. Во-вторых, разделительная линия между малым и большим государствами может быть точно установлена. В-третьих, численность населения государства коррелирует, по большому счету, с другими показателями страны, например с размером экономики [Maass 2009, p. 75].

Как и любое другое определение, которое базируется на количественных данных, определяющих малое государство по численности его населения, размеру территории и ВВП, оно требует установки точек отсечения. Вопрос о том, где должны находиться эти границы, является трудным и сложным. Первоначально многие ученые соглашались с тем, что общая численность населения до 1 млн человек квалифицировала государство как небольшое. Для многих

ученых это число казалось довольно низким. На данный момент более или менее консенсусным диапазоном является 10–15 млн человек. Карл Дойч под малым государством понимает такое, которое дает менее 1 % от общемирового ВВП [Baehr 1975, p. 460].

В рамках количественного подхода малые государства обычно определяются одним из двух способов: абсолютным или относительным [Mosser 2001, p. 69]. Абсолютные определения обычно зависят от пороговых значений и включают такие факторы, как численность населения (как правило, 15 млн или менее), размер ВВП/ВВП. Относительное определение малого государства исходит из того, что цифры важны не сами по себе, большую роль играет контекст, их интерпретация. Восприятие, например, размера государства (большое или маленькое) может быть определено относительно его соседей. Например, Канада, будучи «средней» державой в экономическом измерении, является второй страной по величине территории. В то же время она представляет собой политического «карлика» в сравнении с куда более крупным соседом на юге (США).

К качественным определениям можно отнести точку зрения, в частности, Роберта Кеохана, который предложил альтернативное определение малого государства: это государство, чьи лидеры считают, что она никогда не сможет, действуя в одиночку или в небольшой группе, оказывать значительное влияние на систему [Keohane 1969, p. 296]. Близкое определение дает Рэймейкер: это государство в обороне, государство, которое жаждет безопасности [Raeymaekers 1974, p. 18]. Аналогичное определение было предложено и Ротштейном, который описал малые государства как страны, которые признают, что они не могут получить безопасность, не полагаясь на других государства, учреждения или процессы [Rothstein 1968, p. 29].

Существует несколько стратегий, которые государства могут использовать для обеспечения/поддержания своей национальной безопасности: уравнивание («balancing»), присоединение (примыкание) к доминирующей державе («bandwagoning»), хеджирование, объявление нейтралитета.

Уравнивание (балансирование) предполагает разработку и реализацию государством мер с целью ограничить более могущественную или набирающую силу державу, способную составить потенциальную угрозу. Оно может осуществляться двумя способами — внутренним (экономическая модернизация и увеличение расходов на оборону) и внешним (путем создания альянсов). Последнее предполагает объединение нескольких более слабых государств против потенциального агрессора, более могущественной державы. Внешнее уравнивание включает в себя укрепление и расширение альянсов и межгосударственного сотрудничества с целью предотвращения появления гегемона или противодействия растущей державе. Перед лицом единого доминирующего государства, которое может поставить под угрозу выживание ряда стран,

государства, как правило, откладывают в сторону свои второстепенные споры и вступают в военный альянс. Внешнее уравнивание — объединение более слабых государств и формирование альянса для возвращения баланса или равновесия в систему международных отношений [Waltz 1979, p. 251].

Противоположной стратегией является присоединение к доминирующей державе (бандвагонирование). Как уточняет Уолтц, балансирование предполагает присоединение к более слабой стороне в конфликте, а стратегия примыкания — объединение с более сильной стороной [Ibid., p. 250–251].

Стратегия примыкания (бандвагонирование, или «bandwagoning») — внешнеполитическая стратегия, предполагающая присоединение государства к более сильной, противоборствующей державе, ее превращение в «партнера». Это присоединение более слабого государства к более сильному. Данная стратегия относится к политике, в которой государство, движимое желанием выиграть/получить в настоящем или будущем награды, выбирает путь согласования своего внешнеполитического курса с политикой великой державы или политикой восходящей державы [Schweller 1994, p. 79–90]. Стивен Уолт выделяет два вида бандвагонирования — наступательное и оборонительное. Цель первого состоит в том, чтобы принять участие в разделе победы (например, включение Италии и Румынии в Первую мировую войну на стороне Германии). Оборонительное — это «форма умиротворения», чтобы втереться в доверие к победителю (великой державе) с целью избежать его нападения и тем самым сохранить территориальную целостность и национальную безопасность [Walt 1985, p. 4–6].

Еще один стратегический вариант, который могут использовать государства по отношению к другим державам, — стратегическое хеджирование. Исследования показывают, что данной стратегии придерживаются, как правило, государства Юго-Восточной Азии [Goh 2005, p. 23–29]. Ей придерживаются страны, которые не желают объединяться ни с одной из великих держав против другой, опасаясь нести непропорциональные долгосрочные экономические, политико-дипломатические издержки в процессе [Kuik 2008, p. 166]. Данная стратегия предполагает диверсификацию экономических, дипломатических отношений и отношений в области безопасности с другими второстепенными (даже третьестепенными) державами для расширения своего стратегического пространства и ослабления напряженности в региональной подсистеме международных отношений. Эта стратегия должна отвечать следующим условиям, чтобы быть успешной: государства не должны сталкиваться с угрозами со стороны растущих региональных держав; международная обстановка не должна основываться на «жесткой блоковой логике», чтобы позволять некоторую гибкость с точки зрения отсутствия привязки к какой-либо одной стороне [Lee 2017, p. 24–27]. По мнению исследователей, стратегическое хеджирование подходит для средних держав [Королев 2018, с. 91].

Государства, не желающие балансировать или присоединиться ни к одной из великих держав, могут проводить политику нейтралитета. Нейтралитет может быть определен как стратегическая независимость от обоих полюсов силы. Нейтралитет — это состояние, когда государство не поддерживает и не помогает ни одной из сторон в конфликте. В научной литературе выделяют три формы нейтралитета государств. Первая форма нейтралитета — это нейтральная позиция государства в период войны. В данном случае нейтральным считается страна, которая не принимает участия в войне с целью исключить ведение боевых действий на собственной территории и поддерживает мирные отношения с государствами — участниками конфликта для получения политического или экономического преимущества. Вторая форма — постоянный нейтралитет. Это формальный и строгий тип нейтралитета, практикуемый как во время войны, так в мирный период. Нейтральным называется государство, политическая независимость и территориальная целостность которого гарантированы великими державами при условии, что такое государство не применит оружия против другого государства, за исключением случая самообороны. Наконец, нейтралитет, который был характерен в период холодной войны и присущ государствам Движения неприсоединения. Это политика дистанцирования от противостояния Востока и Запада при попытке сохранять независимый подход к глобальным проблемам [Czarny 2018, р. 5–13]. Выживание нейтрального государства зависит от его способности продемонстрировать, что оно действительно нейтрально и не представляет угрозы для более крупных государств. Для малых государств, которые находятся между враждебными великими державами, нейтралитет может быть единственным разумным курсом политики. Нейтралитет может смягчить напряженность между враждебными великими державами. Долгое время политика нейтралитета была альтернативной концепцией политики безопасности для малых государств, способной обеспечить их выживание. Малые государства приветствовали нейтралитет как инструмент сохранения своего суверенитета и автономии.

Вышеназванные теории были разработаны для понимания и объяснения поведения великих и средних держав на международной арене, а не для малых государств. Для анализа внешнеполитического курса последних больше подходит теория убежища (Shelter theory).

Убежище — это союзнические отношения, в которых малые государства стремятся избавиться от их политической, экономической и социальной уязвимости путем объединения с крупными государствами и присоединения к международным или региональным организациям. Это серия стратегий малых государств, направленных на смягчение уязвимости, которая им присуща. Это уникальная форма альянса/союза отношений с великой державой, при которых малые государства теряют контроль за принятием политических

решений в конкретных областях, поскольку им нужна дипломатическая, военная и административная помощь со стороны более крупных держав. Для получения этой помощи малые государства готовы отдать часть суверенитета [Bailes, Thayer, Thorhallsson 2016, p. 2–7].

С точки зрения данной теории, малые государства обладают тремя основными проблемами.

1. Политическая проблема состоит в том, что самостоятельно малые государства не в состоянии обеспечить защиту от внешнего насилия. Это обусловлено их ограниченной военной мощью. Они просто не могут выставить большие армии и поддерживать длительные по времени военные кампании. Небольшая территория означает, что малые государства часто имеют очень узкий буфер против угроз, что мешает малым государствам оправиться от военных неудач. Малые государства также обладают меньшей дипломатической силой, чем крупные государства. Они не имеют достаточных персонала и ресурсов для задействования на дипломатическом поприще.

2. Экономические трудности. Малые государства находятся в крайне неблагоприятном экономическом положении, так как жизнеспособность и процветание малого государства сильно зависят от свободного движения товаров, капитала и рабочей силы. Поскольку малые государства имеют ограниченные внутренние рынки, они больше зависят от торговли. Малые экономики также определяют низкие конкурентоспособность и производительность в них. Поскольку малые государства так зависят от торговли и имеют экономику с низким отраслевым разнообразием, они более уязвимы к колебаниям в мировой экономике. Малые государства также имеют более слабые фискальные учреждения, чем крупные государства, что делает их более чувствительными к экономическим кризисам.

3. Социальные проблемы. Малые государства зависят от свободного потока идей через их границы. Малый размер влечет значительные последствия для технологических, образовательных и культурных идей и практик. Степень изоляции и барьеры между малым государством и внешним миром тормозят доступ к новым технологиям, идеологии и культуре. Малое государство, особенно при периферийном расположении, должно полагаться на хорошую коммуникацию и последовательный обмен идеями с внешним миром для того, чтобы процветать. Малые государства не могут генерировать большой инновационный поток идей по сравнению с более крупными обществами и, таким образом, нуждаются в социальном (культурном) доступе.

Согласно теории убежища, малые государства получают:

Политическое убежище. Малые государства стремятся к альянсам и покровителям. Альянсы обеспечивают малым государствам безопасность в военном отношении (при условии, что союзники выполняют свои союзнические обязательства).

Экономическое убежище. Без внешнеэкономического страхования малые государства страдают от более серьезных экономических кризисов. Малые государства нуждаются в своевременной и полезной помощи (частные или государственные инвестиции, валютный союз, льготные кредиты, доступ к рынкам и/или общий рынок) в кризисные ситуации.

Социальный приют. Налаживая отношения с другими обществами, малые государства получают доступ к информации, идеям и изобретениям. Торговые связи позволяют извлекать выгоду из иностранного технического прогресса и из того обстоятельства, что малые соседи получают наибольшую выгоду от инноваций, которые происходят в больших государствах [Thorhallsson, Bailes 2017, p. 51–54].

«Приют» предполагает расходы. Поставщики жилья (крупные государства) выдвигают условия для малых государств в обмен на предоставляемое убежище, снижающие свободу выбора и внешнеполитического маневра для малого партнера. Такие отношения могут даже восприниматься как невыносимые из-за отказа от части суверенитета и частичной потери автономии [Thorhallsson, Steinsson 2017].

Белоруссию можно отнести к малому государству (табл. 1). Согласно теории убежища, официальный Минск заинтересован в том, чтобы иметь «приют». Получается, что «жилье» Минску обеспечивает Москва.

Таблица 1. Данные по Белоруссии в сравнительном аспекте
Table 1. Data on Belarus in a comparative perspective

Критерии	Республика Беларусь	Среднее арифметическое значение по странам мира	Доля от мирового, %
Численность населения, млн чел.	9,4	31,16	0,12
Площадь территории, тыс. км ²	207,6	545,50	1,39
Объем ВВП, млрд долл. (по данным Всемирного банка по ППС за 2018 г.)	189,0	690,50	0,14

Гарантии военной безопасности официально Минску предоставляются как на двусторонней основе в рамках Договора о создании Союзного государства, так и на многосторонней — по линии ОДКБ и СНГ. Белоруссия является государством — членом ОДКБ, стороной, которая подписала 15 мая 1992 г. Договор о коллективной безопасности. В этом основополагающем документе сказано, что вооруженное нападение на подписавшее Договор государство (Белоруссию) есть агрессия против России, которая незамедлительно предоставляет ей необходимую помощь, в том числе и военную [Договор о коллективной

безопасности 1992]. В статье 5 Договора о дружбе между государствами прописаны консультации и принятие мер в рамках обязательств государств по ДКБ в случае агрессии [Договор о дружбе 1995]. О гарантиях военной безопасности официально Минску говорится и в Военной доктрине РФ (статьи 24–27). Москва рассматривает вооруженное нападение на государство — участника Союзного государства, ОДКБ как акт агрессии против Союзного государства и ОДКБ соответственно. Кроме того, в документе сказано о возможности применения ядерного оружия в ответ на применение ОМУ против союзников России, т. е. Белоруссии [Военная доктрина 2014]. Это же положение повторяется в Военной доктрине Союзного государства: ядерное оружие РФ рассматривается как средство сдерживания крупномасштабной агрессии против государств-участников, т. е. РБ [Военная доктрина Союзного государства 2001]. В рамках Союзного государства (статья 15 Договора о создании Союзного государства) Москва защищает интересы граждан РБ на территории стран, где отсутствуют посольства и консульства Белоруссии [Договор о создании 1999].

Необходимо отметить, что Россия в рейтинге стран по военной мощи (индекс Global Firepower) уверенно занимает второе место, пропуская вперед США и обгоняя КНР. Белоруссия находится в этом рейтинге на 39-м месте (2019 г.). По военным расходам Россия, согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира по итогам 2018 г., находится на шестом месте с объем трат в \$61,4 млрд. Для сравнения: военные расходы Соединенных Штатов — \$649 млрд, Китая — \$250 млрд, Саудовской Аравии — \$67,6 млрд, Индии — \$66,5 млрд и Франции — \$63,8 млрд [Цена войны 2019]. Военные расходы Белоруссии на 2015 г. составляли 700 млн долларов.

Экономическая поддержка Минска осуществляется как на двусторонней основе, так и по линии региональных интеграционных объединений. Вне зависимости от ее основы можно обозначить два основных инструмента оказания финансовой помощи.

Первый — прямой, связанный с предоставлением кредитов. Финансовые средства Белоруссии выделяются по линии Евразийского фонда стабилизации и развития, бывшего Антикризисного фонда ЕврАзЭС (табл. 2).

Таблица 2. Кредитование государств — членов ЕФСР на 31 декабря 2017 г.
Table 2. Lending to EFSD member-states (31 December 2017)

Вид кредита	Страна	Направление	Сумма, млн долл. США	Статус
Финансовый кредит № 1	Таджикистан	Поддержка бюджета	70	реализован
Финансовый кредит № 1	Беларусь	Поддержка бюджета	2 560	реализован

Окончание табл. 2

Вид кредита	Страна	Направление	Сумма, млн долл. США	Статус
Финансовый кредит	Армения	Поддержка бюджета	300	подписано кредитное соглашение
Финансовый кредит № 2	Таджикистан	Поддержка бюджета	40	подписано кредитное соглашение
Финансовый кредит № 2	Беларусь	Поддержка бюджета	2 000	подписано кредитное соглашение

Из таблицы видно, что Минск является основным получателем финансовых кредитов по линии Евразийского фонда стабилизации и развития, бюджет которого на 80–90 % финансируется Москвой (табл. 3).

Таблица 3. Взносы государств-участников (в млн долл. США)

Table 3. Contributions from member-states

Государства	%	2015	%	2014	%	2013
РФ	82,10	2 298,000	82,10	2 298,000	88,32	2 298,000
Казахстан	17,74	496,785	17,74	496,785	11,53	300,000
Белоруссия	0,07	2,000	0,07	2,000	0,08	2,000
Армения	0,04	1,000	0,04	1,000	0,03	0,800
Таджикистан	0,04	1,000	0,04	1,000	0,03	0,700
Киргизия	0,01	0,200	0,01	0,200	0,01	0,200

Прямая финансовая помощь предоставляется также в форме межгосударственных кредитов. Они выделяются для укрепления финансовой стабильности Белоруссии. Так, в 2014 г. правительство РФ одобрило предоставление республике льготных кредитов на общую сумму в \$2 млрд (было два транша — в июле \$450 млн и в сентябре еще \$1 млрд 550 млн). В марте 2015 г. российское правительство подписало соглашение о предоставлении Белоруссии кредита на \$110 млн, а в июле — на \$760 млн [Беялова 2016]. В сентябре 2017 г. Россия выделила кредит размером в \$700 млн [Калюков 2017].

Второй инструмент — косвенная поддержка, осуществляемая через предоставление беспрепятственного доступа белорусских товаров на российский внутренний рынок и/или продажу энергоресурсов (углеводородов) по льготным ценам [Мухаметов 2011].

Россия является основным поставщиком энергоресурсов в Белоруссию. В последние годы поставки в страну составляли около 21 млн т нефти и 20 млрд куб м газа. В 2016 г. были озвучены планы, по которым Россия будет поставлять в Белоруссию ежегодно 24 млн т нефти с 2016-го по 2024 г.

[Торгово-экономическое сотрудничество 2017]. Особое значение для республики имеет возможность получать российские энергоносители по льготным ценам. Так, в 2017 г. газ из РФ поставлялся в Белоруссию по цене 141,6 долл. за 1 тыс. куб. м, а для стран Западной Европы цена достигала 190 долларов. Продажа Минску углеводородов по ценам ниже мировых способствуют его экономическому росту, что позволяет белорусским предприятиям наращивать поставки своих товаров на внешние рынки, в том числе и в Россию [Кузьмина 2018]. Российский эксперт Ю. Годин говорит о трех причинах продажи углеводородов по заниженным ценам:

1) Белоруссия является монополистом в транзите российского газа в страны ЕС и может диктовать РФ свои условия;

2) экономический потенциал не позволяет Минску расплачиваться с Россией за газ по мировым ценам, и даже по заниженным;

3) это экономически выгодно и российским потребителям, так как они получают более дешевые белорусские товары [Годин 2006, с. 107–108].

МВФ оценивал общую поддержку белорусской экономики со стороны России в \$106 млрд за 2005–2015 гг. [Деньги кончились 2019].

В течение всего постсоветского периода Москва в той или иной степени субсидировала практически все государства своего ближнего зарубежья. Больше всего это распространялось на Белоруссию и Украину. Энергосубсидии рассматривались в Москве как эффективный инструмент оказания поддержки соседним государствам в непростой период. Необходимо отметить, что нефть по льготным ценам из России в Белоруссию осуществлялись сверх внутренних потребностей, что позволяло разницу между внутренним потреблением и поставками из России перепродавать. В последние годы ситуация с дотационными поставками энергоносителей начала меняться — происходит увеличение цены на российские углеводороды. Переговоры об установлении приемлемых для обеих сторон цен на газ и нефть проходят сложно. Переход к новым ценовым условиям за поставки российских энергоресурсов осложняет двусторонние отношения [Тихонова 2011, с. 124].

Что касается социального приюта, то граждане Белоруссии, постоянно проживающие на территории РФ или проживающие на территории своей страны, имеют право поступить на бюджетные места в российские вузы, обладают правом сдавать вступительные экзамены в российские вузы и поступать в них без экзаменов, но в рамках определенной квоты. Необходимо отметить, что, по статистике за 2017 г., больше всего из граждан стран СНГ в российских вузах учились казахские студенты (более 64 тысяч). На втором месте по численности студенты из Узбекистана (более 24 тысяч), на третьем — граждане Таджикистана (более 16 тысяч). Из Беларуси — около 10 тысяч. Между Россией и РБ заключен договор о взаимном признании документов об образовании [Как абитуриентам 2018]. На территории страны действует Белорусско-Российский

(славянский) университет (Могилев). Белорусский государственный университет принимает участие в Сетевом университете СНГ и Евразийском сетевом университете.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что, несмотря на провозглашение на официальном уровне многовекторности в качестве внешнеполитического принципа, во внешней политике Минска доминирует восточный вектор. Об этом свидетельствует то, что Республика Беларусь является участником Союзного государства (с Россией), членом ОДКБ и ЕАЭС, а не Евросоюза и НАТО. В научной литературе развернулась дискуссия относительно причин внешнеполитического выбора Белоруссии как малого государства. По мнению Элмана, внешняя политика таких стран обуславливается внутривекторной ситуацией [Elman 1995, p. 171–217], в то время как сторонники неореализма утверждают, что она детерминируется международной обстановкой. Так, Дж. Снайдер, изучая внешнюю политику малых государств, пришел к выводу, что в отличие от великих держав, где «внутреннее давление часто перевешивает международное в расчетах национальных лидеров», малые государства более «подвержены капризам международной безопасности и экономической конкуренции» [Snyder 1991, p. 20, 62]. Аналогичного мнения придерживаются Дж. Гольдгейер и М. Макфол. Изучая внешнюю политику государств после окончания холодной войны, они пришли к мнению, что в отличие от великих держав, внешняя политика которых обусловлена внутренней, поведение малых государств отражает структурные / системные ограничения [Goldgeier, McFaul 1992, p. 475–476]. С точки зрения Дж. Миршаймера, государства в международной системе стремятся гарантировать свое собственное выживание, в том числе за счет других государств [Mearsheimer 2001, p. 10–12]. Теория «убежища» («приюта»), которую разработали Балдур Торхаллсон, Элисон Бэйлис, Свирир Стейсон и др., занимает промежуточное положение, учитывает как внутри-, так и внешнеполитические интересы малых государств.

Список литературы

- Белялова 2016 — Белялова Н. Торгово-экономическое сотрудничество России и Белоруссии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. 2016. 25 февраля. URL: <https://tass.ru/info/2694785> (дата обращения: 03.02.2020).
- Военная доктрина 2014 — Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. 30 декабря (Федер. вып. № 298 (6570)). URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 03.09.2020).
- Военная доктрина Союзного государства 2001 — Военная доктрина Союзного государства : утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 26 декабря 2001 г. № 8 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456089527> (дата обращения: 03.09.2020).

- Годин 2006 — *Годин Ю.* Геополитическая роль внешней торговли энергоресурсами для России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 2. С. 103–109.
- Деньги кончились 2019 — *Деньги кончились: Белоруссия опять просит кредит у России* [Электронный ресурс] // Рамблер/финансы. 2019. 27 февраля. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/41793995-dengi-konchilis-belorussiya-opyat-prosit-kredit-u-rossii/?updated> (дата обращения: 03.09.2020).
- Договор о дружбе 1995 — *Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь* : ратифицирован Федер. законом РФ от 29 мая 1995 г. № 84-ФЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901167> (дата обращения: 03.02.2020).
- Договор о коллективной безопасности 1992 — *Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., подписанным 10 декабря 2010 г.)* [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 03.09.2020).
- Договор о создании 1999 — *Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.* [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 03.02.2020).
- Как абитуриентам 2018 — *Как абитуриентам из стран СНГ поступить в российский вуз* [Электронный ресурс] // Study in Russia : официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов. 2018. 20 июля. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/kak-abiturientam-iz-stran-sng-postupit-v-rossiyskiy-vuz/> (дата обращения: 03.09.2020).
- Калюков 2017 — *Калюков Е.* Белоруссия получила от России кредит в \$700 млн [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 15 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2017/59bbd3479a79472654a709bc> (дата обращения: 03.09.2020).
- Концепция национальной безопасности 2010 — *Концепция национальной безопасности Республики Беларусь* : утв. Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 03.09.2020).
- Королев 2018 — *Королев А.* Стратегии средних стран в отношении великих держав. Опыт Малайзии // *Международные процессы.* 2018. Т. 16. № 1 (52). С. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8.
- Кузьмина 2018 — *Кузьмина Е.* Региональное сотрудничество России и Белоруссии в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс] // РСМД; Российский совет по международным делам. 2018. 1 ноября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-eaes/> (дата обращения: 03.02.2020).
- Мухаметов 2011 — *Мухаметов Р. С.* Белоруссия в системе внешнеполитических приоритетов России // *Известия Уральского государственного университета.* Сер. 3 : *Общественные науки.* 2011. № 4 (97). С.165–171.
- Об утверждении Основных направлений 2005 — *Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь* : Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> (дата обращения: 03.09.2020).
- Тихонова 2011 — *Тихонова С. В.* Энергетическое сотрудничество России и Белоруссии в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве (1992–2010) // *Мир и политика.* 2011. № 12. С. 120–126.
- Торгово-экономическое сотрудничество 2017 — *Торгово-экономическое сотрудничество России и Белоруссии* [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 30 марта. URL: <https://ria.ru/20170330/1491040412.html> (дата обращения: 03.02.2020).

- Цена войны 2019 — Цена войны: сколько тратят Россия и США [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 2019. 29 апреля. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/04/29/12330007.shtml> (дата обращения: 03.09.2020).
- Baehr 1975 — *Baehr P. R.* Review: Small States: A Tool for Analysis // *World Politics*. 1975. Vol. 27. No. 3. P. 456–466. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010129>.
- Bailes, Thayer, Thorhallsson 2016 — *Bailes A. J. K., Thayer B. A., Thorhallsson B.* Alliance theory and alliance «Shelter»: the complexities of small state alliance behavior // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 9–26. DOI: 10.1080/23802014.2016.1189806.
- Czarny 2018 — *Czarny R. M.* Sweden: From Neutrality to International Solidarity. Springer International Publishing, 2018. 310 p.
- East 1973 — *East M. A.* Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models // *World Politics*. 1973. Vol. 25. No. 4. P. 556–576. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009952>.
- Elman 1995 — *Elman M.* The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard // *British Journal of Political Science*. 1995. Vol. 25. No. 2. P. 71–217.
- Goh 2005 — *Goh E.* Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies // *Policy Studies*. 2005. No. 16. P. 1–82.
- Goldgeier, McFaul 1992 — *Goldgeier J. M., McFaul M.* A Tale of Two Worlds: Core and Periphery in the Post-Cold War Era // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 467–491. DOI: 10.1017/S0020818300027788.
- Keohane 1969 — *Keohane R. O.* Lilliputians' Dilemma: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23. No. 2. P. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.
- Kuik 2008 — *Kuik C.-C.* The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // *Contemporary Southeast Asia*. 2008. Vol. 30. No. 2. P. 159–185. DOI: 10.1353/csa.0.0023.
- Lee 2017 — *Lee J. Y.* Hedging Strategies of the Middle Powers in East Asian Security: the Cases of South Korea and Malaysia // *East Asia*. 2017. Vol. 34. No. 1. P. 23–37. DOI: 10.1007/s12140-016-9264-8.
- Maass 2009 — *Maass M.* The elusive definition of the small state // *International Politics*. 2009. Vol. 46. No. 1. P. 65–83. DOI: 10.1057/ip.2008.37.
- Mearsheimer 2001 — *Mearsheimer J. J.* The tragedy of great power politics. New York : W. W. Norton & Company, 2001. 555 p.
- Mosser 2001 — *Mosser M. W.* Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE // *Small States and Alliances* / ed. by E. Reiter, H. Gärtner. Heidelberg : Physica, 2001. P. 63–84.
- Raeymaeker 1974 — *Raeymaeker O. D.* Introduction // *Small Powers in Alignment* / ed. by O. D. Raeymaeker, W. Andries, L. Crollen et al. Leuven : Leuven University Press, 1974.
- Rothstein 1968 — *Rothstein R. L.* Alliances and Small Powers. New York : Columbia University Press, 1968. 331 p.
- Schweller 1994 — *Schweller R.* Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.
- Snyder 1991 — *Snyder J.* Myths of empire: Domestic politics and international ambition. Ithaca, NY : Cornell University Press. 1991. 344 p.
- Thorhallsson, Bailes 2017 — *Thorhallsson B., Bailes A. J. K.* Do small states need 'alliance shelter'? Scotland and the Nordic nations // *Security in a small nation: Scotland, democracy, politics* / ed. by A. W. Neal. Cambridge, UK : Open Book Publishers, 2017. P. 49–76.
- Thorhallsson, Steinsson 2017 — *Thorhallsson B., Steinsson S.* Small State Foreign Policy [Electronic resource] // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. May. URL: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-484> (access date: 03.09.2020).
- Walt 1985 — *Walt S. M.* Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43.
- Waltz 1979 — *Waltz K.* Theory of International Politics. Long Grove : Waveland Press, 1979. 251 p.

References

- Baehr, P. R. (1975), "Review: Small states: A Tool for Analysis", *World Politics*, vol. 27, no. 3, pp. 456–466.
- Bailes, A. J. K., Thayer, B. A. and Thorhallsson, B. (2016), "Alliance Theory and Alliance 'Shelter': the Complexities of Small State Alliance Behavior", *Third World Thematics: A TWQ Journal*, vol. 1, pp. 9–26. DOI: 10.1080/23802014.2016.1189806.
- Belyalova, N. (2016), "Trade and Economic Cooperation between Russia and Belarus", *TASS*, 25 February, available at: <https://tass.ru/info/2694785> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Czarny, R. M. (2018), *Sweden: From Neutrality to International Solidarity*, Springer International Publishing, 310 p.
- Dogovor o druzhbe, dobrososedstve i sotrudnichestve mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Belarus'*: ratifitsirovan Federal'nym zakonom RF ot 29 maya 1995 goda No 84-F3 [Treaty on Friendship, Good-neighborliness and Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus, Ratified by the Federal Law of 29 May 1995 № 84-FL] (1995), Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tehnicheskoi dokumentatsii, available at: <http://docs.cntd.ru/document/1901167> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Dogovor o kollektivnoj bezopasnosti ot 15 maja 1992 goda* [The Treaty on Collective Security of 15 May 1992] (1992), Organizatsiya Dogovora o kollektivnoi bezopasnosti, available at: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Dogovor o sozdanii Sojuznogo gosudarstva ot 8 dekabrya 1999 goda* [Treaty on the Creation of the Union State of 8 December 1999] (1999), Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva, available at: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- East, M. A. (1973), "Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models", *World Politics*, vol. 25, no. 4, pp. 556–576. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009952>.
- Elman, M. (1995), "The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard", *British Journal of Political Science*, vol. 25, no. 2, pp. 171–217.
- Godin, Yu. F. (2006), "The Geopolitical Role of Foreign Trade in Energy Resources for Russia", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 103–109.
- Goh, E. (2005), "Meeting the China Challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies", *Policy Studies*, no. 16, pp. 1–82.
- Goldgeier, J. M. and McFaul, M. (1992), "A Tale of Two Worlds: Core and Periphery in the Post-Cold War Era", *International Organization*, vol. 46, no. 2, pp. 467–491. DOI: 10.1017/S0020818300027788.
- "Kak abiturientam iz stran SNG postupit' v rossijskij vuz" [How Applicants from CIS Countries Can Enter a Russian University] (2018), *Study in Russia*, 20 July, available at: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/kak-abiturientam-iz-stran-sng-postupit-v-rossiyskiy-vuz/> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Kalyukov, E. (2017), "Belarus Received a \$700 Million Loan from Russia", *Rosbizneskonsalting*, 15 September, available at: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2017/59bbd3479a79472654a709bc> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Keohane, R. O. (1969), "Lilliputians' Dilemma: Small States in International Politics", *International Organization*, vol. 23, no. 2, pp. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.
- Kontseptsiya natsional'noi bezopasnosti Respubliki Belarus', utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Belarus' 9 noyabrya 2010 goda № 575* [The Concept of National Security of the Republic of Belarus. Decree of the President of the Republic of Belarus No. 575 of November 9, 2010] (2010), Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus', available at: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Korolev, A. (2018), "Strategies of Middle-sized Countries vis-a-vis Great Powers. Experience of Malaysia", *International trends*, vol. 16, no. 1, pp. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8.

- Kuik, C.-C. (2008), "The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China", *Contemporary Southeast Asia*, vol. 30, no. 2, pp. 159–185. DOI: 10.1353/csa.0.0023.
- Kuz'mina, E. (2018), "Regional Cooperation between Russia and Belarus in the Framework of RIAC", *Rossiiskii soviet po mezhdunarodnym delam*, 1 November, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-aeas/> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Lee, J. Y. (2017), "Hedging Strategies of the Middle Powers in East Asian Security: the Cases of South Korea and Malaysia", *East Asia*, vol. 34, no. 1, pp. 23–37. DOI: 10.1007/s12140-016-9264-8.
- Maass, M. (2009), "The Elusive Definition of the Small State", *International Politics*, vol. 46, no. 1, pp. 65–83. DOI: 10.1057/ip.2008.37.
- Mearsheimer, J. J. (2001), *The Tragedy of Great Power Politics*, W. W. Norton & Company, New York, 555 p.
- Mosser, M. W. (2001), "Engineering Influence: The Subtle Power of Small States in the CSCE/OSCE", in Reiter, E. and Gärtner, H. (eds), *Small States and Alliances*, Physica, Heidelberg, pp. 63–84.
- Mukhametov, R. S. (2011), "Belarus in the System of Foreign Policy Priorities of Russia", *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, no. 4, pp. 165–171 (in Russian).
- Ob utverzhdenii Osnovnykh napravlenii vnutrennei i vneshnei politiki Respubliki Belarus': Zakon Respubliki Belarus' ot 14 noyabrya 2005 goda No 60-Z* [On Approving the Main Outlines of Home and Foreign Policies of the Republic of Belarus. Law of the Republic of Belarus No. 60-z of November 14, 2005] (2005), Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus', available at: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Raeymaeker, O. D. (1974), "Introduction", in Raeymaeker, O. D., Andries, W., Crollen, L., De Fraye, H. and Govaerts, F. (eds), *Small Powers in Alignment*, Leuven University Press, Leuven, 1974.
- Rothstein, R. L. (1968), *Alliances and Small Powers*, Columbia University Press, New York, 331 p.
- Schweller, R. (1994), "Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In", *International Security*, vol. 19, no. 1, pp. 72–107. DOI: 10.2307/2539149.
- Snyder, J. (1991), *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*, Cornell University Press, Ithaca, NY, 344 p.
- "The Money Ran Out: Belarus Again Asks for a Loan from Russia" (2019), *Rambler/finansy*, 27 February, available at: <https://finance.rambler.ru/economics/41793995-dengi-konchilis-belorussiya-opyat-prosit-kredit-u-rossii/?updated> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- "The Price of War: How Much Russia and the United States Spend" (2019), *Gazeta.Ru*, April 29, available at: <https://www.gazeta.ru/army/2019/04/29/12330007.shtml> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Thorhallsson, B. and Bailes, A. J. K. (2017), "Do Small States Need 'Alliance Shelter'? Scotland and the Nordic Nations", in Neal, A. W. (ed.), *Security in a small nation: Scotland, democracy, politics*, Open Book Publishers, Cambridge, UK, pp. 49–76.
- Thorhallsson, B. and Steinsson, S. (2017), "Small State Foreign Policy", *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, available at: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-484> (accessed 3 September 2020).
- Tihonova, S. V. (2011), "Energy Cooperation between Russia and Belarus in the Context of Integration Processes in the Post-Soviet Space (1992–2010)", *Mir i politika*, no. 12, pp. 120–126.
- "Trade and Economic Cooperation between Russia and Belarus" (2016), *RIA Novosti*, 30 March, available at: <https://ria.ru/20170330/1491040412.html> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Voennaya doktrina Rossiiskoi Federatsii* [Military Doctrine of the Russian Federation] (2014), available at: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Voennaya doktrina Soyuznogo gosudarstva, utverzhdena Postanovleniem Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva ot 26 dekabrya 2001 goda No 8* [Military Doctrine of the Union State of December 26, 2001 No. 8] (2001), Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi

- dokumentatsii, available at: <http://docs.cntd.ru/document/456089527> (accessed 3 September 2020) (in Russian).
- Walt, S. M. (1985), “Alliance Formation and the Balance of World Power”, *International Security*, vol. 9, no. 4, pp. 3–43.
- Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, Waveland Press, Long Grove, 251 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 20.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 5.10.2020

Информация об авторе

Мухаметов Руслан Салихович
кандидат политических наук,
доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: muhametov.ru@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5175-8300

Information about the author

Mukhametov, Ruslan Salikhovich
Cand. Sci. (Political Sciences),
Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: muhametov.ru@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5175-8300

Научное издание

KOINON

2020. Т. 1. № 1–2

Редакторы	<i>С. В. Фельдман</i> <i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Распространяется бесплатно

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 25.12.2020. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 24,21. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 323.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>